

М 106
56.
А. Ламартинъ.

ИСТОРІЯ ЖИРОНДИСТОВЪ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ съ французскаго.

Съ 38 портретами лицъ, участвовавшихъ въ революціи 1793 г.

Изданіе В. А. Тиханова.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

1903.

106
56

А. Ламартинъ.

ИСТОРИЯ ЖИРОНДИСТОВЪ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ съ французскаго.

Съ 38 портретами лицъ, участвовавшихъ въ революціи 1793 г.

Изданіе В. А. Тиханова.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

1903.

Верньо.

XVII.

Реакція противъ 20-го іюня.—Парижское департаментское управленіе приостанавливаетъ власть Петіона.—Негодованіе арміи.—Лафайетъ привязаетъ въ Парижъ.—Его рѣчь въ собраніи.—Двуличная роль Дантона.—Дѣйствія Лафайета остаются безъ результата.—Королева разсчитываетъ на Дантона.—Сношенія жирондистовъ съ дворомъ.—Гаде тайно введенъ въ Тюльери.—Его умиленіе.

1.

Дворъ трепеталъ при приближеніи марсельцевъ: для защиты ему оставались только призракъ конституціи въ собраніи и шпига Лафайета на французскихъ границахъ. Конституціонные ораторы, Вобланъ, Рамонъ, Жирарденъ, Беке, соперничали съ ораторами жиронды по краснорѣчію, но не по вліянію на народъ; они защищали, буква за буквой, тотъ безсильный кодексъ, которому нація присягала; они выказывали, во время этого кризиса, самый лучшій и наиболѣе похвальный изъ видовъ мужества, — мужество безнадежное. Лафайетъ, со своей стороны, съ великодушною неустрашимостью бросалъ вызовы якобинцамъ въ прокламаціяхъ, которыя обращалъ къ своей арміи, и въ письмахъ, которыя писалъ собранію; но народъ, ставшій подъ ружье, неохотно слушаетъ длинныя разсужденія: одно слово, одинъ жестъ — вотъ въ чемъ должно заключаться краснорѣчіе генерала. Лафайетъ принималъ тонъ диктатора, не имѣя его силы. Такая роль годится только послѣ побѣды. Потому-то и мужественныя обвиненія противъ партіи якобинцевъ возбуждали лишь рѣдкія рукоплесканія въ собраніи, вызывая улыбки жирондистовъ: они служили только предостереженіемъ для этихъ партій: послѣднія поняли, что слѣдовало сгнѣшить, чтобы опередить Лафайета. Возстаніе было рѣшено; жирондисты, якобинцы, кордельеры вошли во взаимное соглашеніе, чтобы сдѣлать это возстаніе если не рѣшительнымъ, то по крайней мѣрѣ многозначительнымъ и страшнымъ для двора.

2.

Лишь только банды Сантерра и Дантона возвратились въ свои предмѣстья, какъ уже всеобщее негодованіе овладѣло жителями центра Парижа. Національная гвардія, столь трусливая наканунѣ, — буржуазія, столь равнодушная, — само собраніе, занимавшее до событія положеніе пассивное, или даже роль сообщника мятежу, — разразились единодушнымъ крикомъ противъ покушенія

народа, противъ двуличности Петіона, противъ безнаказанныхъ оскорбленій сану, свободѣ, особѣ конституціоннаго государя. Цѣлый день 21-го числа дворы, садъ, пріемныя Тюльери были наполнены растроганнымъ и встревоженнымъ населеніемъ, которое и позами и словами, казалось, хотѣло дать удовлетвореніе королевскому сану за тѣ оскорбленія, какими онъ былъ осыпанъ. Съ ужасомъ указывали другъ другу на задвижки, рѣшетки, окна дворца,—носи-вшія на себѣ слѣды возмущенія. Каждый спрашивалъ себя, гдѣ остановится демократія, которая поступала подобнымъ образомъ съ конституціонными властями. Рассказывали о слезахъ королевы, о страхѣ дѣтей, чрезвычайной преданности принцессы Елизаветы, о неустрашимомъ достоинствѣ Людовика XVI. Этотъ государь никогда еще не выказывалъ и не выказалъ въ послѣдствіи — такого величія души. Избытокъ оскорбленій обнаружилъ въ немъ героизмъ самоотверженія. До тѣхъ поръ сомнѣвались въ его мужествѣ. Это мужество оказалось великимъ. Но твердость короля была скромна и, такъ сказать, боязлива, какъ и его характеръ. Нужны были крайнія обстоятельства, чтобы вызвать ее, вопреки его волѣ. Въ теченіе пятичасовой пытки король, не блѣднѣя, видѣлъ, какъ пики и сабли сорока тысячъ федератовъ находились на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ отъ его груди. Въ этомъ медленномъ парадѣ мятежа король выказалъ больше энергіи и подвергся большей опасности, чѣмъ приходится выказывать генералу, чтобы выиграть десять сраженій. Парижскій народъ понималъ это. Впервые онъ перешелъ отъ уваженія и состраданія къ удивленію предъ Людовикомъ XVI. Со всѣхъ сторонъ слышались голоса, требовавшіе мести за короля.

3.

Больше двадцати тысячъ гражданъ по собственному побужденію отправились къ публичнымъ властямъ для подписанія петиціи съ требованіемъ правосудія къ совершившимся преступленіямъ. Департаментская администрація рѣшила, что было основаніе преслѣдовать виновниковъ безпорядковъ. Собраніе постановило, что на будущее время вооруженныя сборища, выставляющія предлогомъ петицію, будутъ разгоняемы силою. Соединенные якобинцы и жирондисты трепетали, умоляли или ограничивались удовольствіемъ тайныхъ совѣщаній объ униженіи трона. Даже въ сердцахъ женщинъ исчезло состраданіе. Духъ партій сдѣлалъ жестокимъ сердце супруги и матери къ пыткѣ другой матери и оскорбленной супруги. „Какъ я хотѣла бы видѣть ея долгое униженіе и какъ должна была страдать ея гордость!“ вскричала г-жа Роланъ, говоря о Маріи-Антуанетѣ. Это слово было преступленіемъ, совершеннымъ политикою противъ природы. Въ послѣдствіи г-жѣ Роланъ пришлось его оплакать; она поняла всю жестокость этого слова въ тотъ день, когда ея собственному мученію другія, свирѣпыя женщины радовались, сопровождая рукоплесканіями телѣжку, которая везла ее на эшафотъ.

Петіонъ опубликовалъ оправданіе своего образа дѣйствій. Но это оправданіе еще болѣе обвиняло его. Появившись 21-го числа въ Тюльери, въ сопровожденіи нѣсколькихъ муниципальных должностныхъ лицъ, онъ былъ встрѣченъ презрѣніемъ, упреками и угрозами. Батальонъ des Filles-Saint-Thomas, состоявшій

изъ людей, преданныхъ конституціи, зарядилъ свои ружья предъ глазами Петіона. Единодушный голосъ гражданъ обвинялъ парижскаго мэра въ томъ, что онъ желалъ преступленія, не высказываясь откровенно. Сержантъ, сопровождавшій Петіона, былъ опрокинутъ на землю однимъ негодующимъ національнымъ гвардейцемъ и истоптанъ ногами во дворѣ Тюльери. Парижская администрація остановила отправленіе мэромъ его должности. Вокругъ дворца сдѣлали оборонительныя приготовленія противъ новаго сборища, о которомъ возвѣщалось на вечеръ. Говорили, что провозгласятъ военный законъ, развернуть красное знамя. Собраніе было встревожено этими слухами въ вечернемъ засѣданіи. Гаде вскричалъ, что хотятъ возобновить противъ народа кровавый день Марсова Поля.

Вечеромъ Петіонъ опять явился въ Тюльери и представился королю, чтобы отдать ему отчетъ въ положеніи Парижа. Королева бросила на него взглядъ презрѣнія.—„Ну, милостивый государь,“ сказалъ ему король, „возстановилось ли спокойствіе въ столицѣ!“—„Государь“, отвѣчалъ Петіонъ, „народъ сдѣлалъ вамъ представленія; онъ спокоенъ и удовлетворенъ“.—„Признайтесь, милостивый государь, что вчерашній день былъ большимъ скандаломъ, и что муниципалитетъ не сдѣлалъ всего того, что долженъ былъ сдѣлать!“—„Государь, муниципалитетъ исполнилъ свой долгъ. Общественное мнѣніе разсудитъ это“.—„Скажите лучше, цѣлая нація“.—„Муниципалитетъ не боится суда націи“.—„Въ какомъ положеніи находится Парижъ въ эту минуту?“—„Государь, все спокойно“.—„Это неправда“.—„Государь!..“—„Молчите!“—„Должностное лицо, избранное народомъ, не должно молчать, когда исполняетъ свой долгъ и когда говорить правду“.—„Хорошо, удалитесь!“—„Государь, муниципалитетъ знаетъ свои обязанности, для исполненія ихъ онъ не ожидаетъ напоминаній“.

Когда Петіонъ вышелъ, королева, тревожась за послѣдствія этого разговора, столь колкаго съ одной стороны, столь вызывающаго съ другой, сказала Редереру: „Не находите ли вы, что король говорилъ слишкомъ горячо? Не опасаетесь ли вы, что это ему повредитъ въ общественномъ настроеніи?“—„Madame,“ отвѣчалъ Редереръ, „никто не будетъ удивленъ, если король велитъ молчать человѣку, который говоритъ, не слушая его“. Король написалъ 22-го числа собранію, жалуясь на неистовства, ареною которыхъ сдѣлалось его жилище, и поручая свое дѣло собранію. Онъ издалъ прокламацію къ французскому народу. Въ ней онъ описывалъ насилія толпы,—говорилъ, что во дворецъ внесено было оружіе,—двери взломаны ударами топора, въ королевское семейство прицѣплялись изъ пушекъ. „Не знаю, гдѣ они думаютъ остановиться,“ говорилъ онъ въ заключеніе, съ разсчитаннымъ самоотверженіемъ; „если тѣ, которые хотятъ ниспровергнуть монархію, для этого нуждаются еще въ большемъ преступленіи, то они могутъ его совершить!“ Король и королева проѣхали на смотру мимо парижскихъ національныхъ гвардейцевъ при восклицаніяхъ „да здравствуетъ король“ и „да здравствуетъ нація!“ Нѣкоторые департаменты въ негодованіи присылали адреса съ изъявленіемъ преданности трону; другіе выражали преданность жирондистамъ. Все предвѣщало борьбу болѣе рѣшительную. Король не уступилъ. Мятежъ обманулъ надежды и тѣхъ, которые хотѣли разить, и тѣхъ, которые хотѣли только напугать. Событій 20-го іюня было слишкомъ много для угрозы, слишкомъ мало для покушенія.

Въ особенности это покушеніе показалось возмутительно арміи. Король—ей естественный вождь. Оскорбленія, нанесенныя королю, всегда кажутся арміи нанесенными ей самой. Когда верховный авторитетъ потергѣлъ насиліе, то каждый офицеръ трепещетъ за свой собственный. Притомъ, французская честь была всегда второю душою арміи. Разказы о днѣ 20-го іюня, которые исходили изъ Парижа и обращались въ лагеряхъ, рисовали войскамъ прекрасную и несчастную королеву, преданную сестру, невинныхъ дѣтей сдѣлавшимися въ теченіе нѣсколькихъ часовъ игрушкою свирѣпой черни. Слезы этихъ дѣтей и женщинъ падали на сердца солдатъ; они горѣли желаніемъ отомстить за нихъ и требовали похода на Парижъ.

Лафайетъ, лагерь котораго находился тогда подъ пушками Мобежа, благопріятствовалъ этимъ манифестаціямъ съ своей арміи. Безнаказанная попытка 20-го іюня, возвѣстившая генералу о торжествѣ якобинцевъ и жирондистовъ, дала ему понять вмѣстѣ съ тѣмъ о полномъ уничтоженіи его вліянія. Лафайетъ питалъ великодушныя мечты занять роль Монка. Поддерживать короля, котораго онъ самъ унижилъ, казалось Лафайету попыткою, достойною и положенія его, какъ вождя партіи, и преданности солдата. Увѣренный въ возможности увлечь слабого Люкнера, армейскій корпусъ котораго находился въ Мененѣ и Куртрэ, Лафайетъ послалъ къ нему Бюро де-Шюзи, съ увѣдомленіемъ о своемъ рѣшеніи отправиться въ Парижъ и постараться склонить національную гвардію и собраніе подавить якобинцевъ и жиронду и утвердить конституцію.

Люкнеръ принялъ это сообщеніе съ ужасомъ, но не противопоставилъ намѣреніямъ Лафайета своего авторитета, какъ главнокомандующаго. Человѣкъ храбрый, но лишенный такта, онъ не понималъ, что, давая безмолвное согласіе на требованіе своего помощника, онъ становился сообщникомъ Лафайета. „Санкюлоты“, сказалъ онъ Бюро де-Шюзи, „отрубятъ голову Лафайету; пусть онъ остерегается, это его дѣло“.

Лафайетъ, выѣхавъ изъ своего лагеря съ однимъ надежнымъ офицеромъ, неожиданно прибылъ въ Парижъ, остановился у своего друга Ларошфуко и на слѣдующій же день отправился самъ въ собраніе. Въ продолженіе ночи Ларошфуко предувѣдомилъ конституціонистовъ, главныхъ вождей національной гвардіи, и подготовилъ манифестаціи въ трибунахъ. При входѣ Лафайета въ собраніе его привѣтствовали нѣсколько взрывовъ рукоплесканій. Имъ отвѣчалъ ропотъ изумленія и негодованія со стороны жирондистовъ. Генералъ, привычный къ бурямъ общественныхъ собраній, встрѣтилъ своихъ враговъ со спокойнымъ челою. Своимъ смѣлымъ поступкомъ онъ поставилъ себя между высшимъ орлеанскимъ судомъ и триумфомъ: этотъ часъ былъ критическимъ и для власти Лафайета, и для его жизни. Человѣкъ, болѣе неустранимый по характеру, чѣмъ скорый на отважныя предпріятія, онъ не смутился.

„Господа,“ сказалъ онъ, „прежде всего я долженъ увѣрить васъ, что моя армія не подвергается никакой опасности вслѣдствіе моего присутствія здѣсь. Меня упрекали за то, что я написалъ свое письмо 16-го іюня, находясь въ лагерѣ; моею обязанностію было протестовать противъ обвиненія въ бояз-

ливости, выйти из той почетной ограды, которую создала около меня привязанность войск, и явиться одному. Меня призывала еще болѣе могущественная причина. Насилія 20-го іюня возбудили негодованіе и тревогу во всѣхъ добрыхъ гражданахъ и особенно въ арміи. Въ моей арміи офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты составляютъ одно цѣлое. Отъ всѣхъ корпусовъ я получалъ адреса съ изъявленіемъ преданности конституціи, ненависти противъ мятежниковъ. Я остановилъ эти манифестаціи. Я взялъ на себя одну обязанность выразить чувства всѣхъ. Я говорю вамъ въ качествѣ гражданина. Пора гарантировать конституцію, обезпечить свободу національнаго собранія, свободу короля, его достоинство. Умоляю собраніе повелѣть, чтобы неистовства 20-го іюня были преслѣдуемы, какъ преступленія противъ націи, принять дѣйствительныя мѣры, чтобы заставить уважать всѣ конституціонныя власти, и въ особенности вашу и королевскую, и дать арміи гарантію, что на конституцію не будетъ произведено никакого покушенія внутри страны въ то время, когда храбрые французы жертвуютъ своею кровью для защиты границъ“.

5.

Эти слова, выслушанныя жирондистами съ сосредоточеннымъ трепетомъ гѣба, встрѣтили рукоплесканія большинства собранія. За Лафайетомъ Бриссо и Робеспьеръ видѣли національную гвардію и армію. Популярность Лафайета, которая сдѣлалась уже только тѣнью, все еще охраняла его; но когда якобинцы и жирондисты увидѣли, что переворотъ ограничивается только угрозой и что для поддержки этой безоружной манифестаціи нѣтъ ни штыковъ, ни особыхъ распоряженій, то они начали успокаиваться. Они допустили генералу безъ солдатъ пройти съ триумфомъ по залѣ и сѣсть на скамью самыхъ скромныхъ просителей. Они даже постарались развѣдать его вліяніе на собраніе, чтобы увидѣть, прочно ли оно.

„Въ первую минуту, какъ я увидѣлъ г. Лафайета“, сказалъ проницески Гаде, „въ моей головѣ блеснула очень ѣтъшительная мысль: значить, сказали я себѣ, у насъ нѣтъ больше внѣшнихъ враговъ, — значить австрійцы побѣждены! Иллюзія продолжалась недолго; наши непріатели все тѣ же, внѣшнія опасности не измѣнились, а между тѣмъ г. Лафайетъ въ Парижѣ! Онъ дѣлаетъ себя органомъ честныхъ людей и арміи! Кто эти честные люди? Какъ могла разсуждать армія? Но прежде всего пусть онъ намъ покажетъ свой отпускъ!“

Рукоплесканія возвратились къ жирондѣ. Рамонъ хотѣлъ отвѣчать Гаде: онъ произноситъ высокопарныя похвалы Лафайету, „этому старшему сыну французской свободы, человѣку, который принесъ въ жертву революціи свое происхожденіе, состояніе, жизнь!“ — „Развѣ вы произносите ему надгробное слово?“ кричитъ Саладенъ Рамону. Молодой Дюко объявляетъ, что свобода преній нарушена присутствіемъ генерала арміи. Инаръ, Морво, Дюко, Гаде группируются на ступенькахъ трибуны. Слышится слово „злѣдѣй“. Верно говорить, что г. Лафайетъ оставилъ свой постъ предъ непріателемъ, тогда какъ именно ему, а не старшему генералу націи ввѣрила начальство надъ арміей, — и что нужно знать только, не безъ отпуска ли онъ ее оставилъ. Гаде настаиваетъ на своемъ предложеніи. Жансонне требуетъ поименной подачи голо-

совъ. Она даетъ слабое большинство друзьямъ Лафайета. Письмо его отослано въ комиссію двѣнадцати.

Вотъ вся побѣда, какой добился Лафайетъ своимъ поступкомъ. Великодушное намѣреніе, актъ личной храбрости, здравыя слова, голосованіе—и больше ничего. Подобно жирондистамъ въ день 20-го іюня, Лафайетъ также рискнулъ на слишкомъ многое или на слишкомъ малое. Въ области политики угрожать, не нанося удара, значить раскрывать себя, выказывать свою слабость тѣмъ, которые могутъ еще вѣрить вашей силѣ. Если бы Лафайетъ попытался сдѣлать изъ своего присутствія въ Парижѣ настоящій переворотъ, а не простой парламентскій ударъ, если бы онъ подкрѣпилъ себя полкомъ, нѣсколькими вооруженными батальонами національной гвардіи,—если бы онъ пошелъ на якобинцевъ и заперъ ихъ клубы, отправившись въ собраніе при рукоплесканіяхъ гражданъ,—если бы онъ, чрезъ посредство своихъ друзей, подготовилъ предложеніе, предоставлявшее ему военную диктатуру въ Парижѣ, отвѣтственность за конституцію, охраненіе собранія и короля, тогда онъ, быть можетъ, оказался бы въ силахъ подавить крайнія партіи: но сдержанный образъ дѣйствій съ его стороны только раздражилъ ихъ.

6.

Собраніе все еще разсуждало. Лафайетъ уже вышелъ, унося, вмѣсто побѣды, только нѣсколько улыбокъ и рукоплесканій. Онъ отправился къ королю. Тамъ собралась вся королевская фамилія: король и королева приняли Лафайета съ признательностью, заслуженною его мужествомъ, но также и съ сознаніемъ бесполезности его отваги. Втайнѣ они даже боялись, чтобы безсильная дерзость этого поступка не возбудила противъ двора новаго возстанія. Лафайетъ въ этомъ дѣлѣ компрометировалъ больше, чѣмъ свою жизнь, онъ компрометировалъ свою популярность; но королева, съ этой поры, стала искать себѣ спасенія ниже: во второстепенныхъ членахъ партій она нашла другихъ Мирабо, готовыхъ вступить въ переговоры съ монархіей или продаться двору. Золото королевскаго *liste civile* потекло въ клубы и предмѣтья. Дантонъ одной рукой управлялъ молодежью и клубомъ кордельеровъ, а другою—тайными замыслами двора. Онъ внушалъ достаточный страхъ послѣднему, чтобы тотъ покупалъ его снисхожденіе, достаточно ослаблять узду у первыхъ, чтобы они ввѣрились его демагогін. Имъ обоимъ Дантонъ измѣнялъ, забавляясь своимъ двойнымъ могуществомъ, которымъ онъ былъ обязанъ своей двойной измѣнѣ. Отсюда происходятъ и страшныя слова Дантона, соответствующія двойственности его положенія: „я спасу короля или убью его“.

Королева предувѣдомила Дантона, въ теченіе ночи, что Лафайетъ намѣренъ на слѣдующій день произвести, подлѣ короля, смотръ батальонамъ національной гвардіи, командуемымъ Аклокомъ, сказать имъ рѣчь и вызвать ихъ къ реакціи противъ жиронды и клубовъ. Петіонъ, увѣдомленный Дантономъ, отмѣнилъ до наступленія дня предположенный смотръ. Лафайетъ провелъ ночь въ своемъ отелѣ, подъ охраною почетнаго отряда національныхъ гвардейцевъ. На слѣдующій день онъ печально уѣхалъ къ своей арміи; однакожъ, генералъ все еще не отчаивался въ своемъ намѣреніи устрасить якобинцевъ и утвердить

конституційний тронъ. То, чего не могло сдѣлать присутствіе самого генерала въ Парижѣ, онъ попытался произвести посредствомъ переписки. При отъѣздѣ онъ адресовалъ въ собраніе письмо, полное спасительныхъ совѣтовъ и отважныхъ уроковъ. Онъ энегрически грозилъ въ этомъ письмѣ мятежникамъ. Эти государственные перевороты, состоявшіе изъ буквъ, положенныхъ на трибуну, не удались, какъ и слѣдовало ожидать. Генераль можетъ считаться съ партіями, только положивъ руку на шпагу. Отъ нихъ получаютъ только то, что удастся вырвать. Верньо, Бриссо, Жансонне, Гаде выслушали это диктаторское посланіе съ призрачною улыбкою.

7.

Это путешествіе Лафайета въ Парижъ было единственною попыткою къ диктатурѣ, какую онъ сдѣлалъ во всю свою жизнь. Побужденіе было великодушно, опасность велика, средствъ никакихъ. Съ этого дня Лафайетъ, потерпѣвъ неудачу въ открытомъ дѣйствіи, прибѣгнулъ къ другимъ планамъ. Спасти короля, дать ему возможность ускользнуть изъ того самого дворца, въ которомъ онъ его стерегъ два года, сдѣлалось единственнымъ помышленіемъ генерала. Этотъ планъ вполнѣ соотвѣтствовалъ всей жизни Лафайета: сохранять равновѣсіе между народомъ и королемъ, поддерживая одного другимъ, и возвышать свободу между партіями. Мирабо задолго предчувствовалъ такую политику своего соперника. „Не довѣряйте Лафайету“, сказалъ онъ королевѣ въ своихъ послѣднихъ совѣщаніяхъ съ нею, „если когда нибудь онъ будетъ командовать арміею, то захочетъ держать короля подъ стражей въ своей палаткѣ“. Лафайетъ и самъ не скрывалъ честолюбиваго желанія получить протекторатъ надъ Людовикомъ XVI. Въ ту самую минуту, когда онъ посвящалъ себя спасенію короля, онъ все-таки писалъ своему повѣренному Лакомбу слѣдующее: „Въ дѣлѣ свободы я не полагаюсь ни на короля, ни на кого; если бы онъ вздумалъ играть роль повелителя, то я бы сражался противъ него, какъ въ 89 году“.

Лафайетъ предложилъ королю два различные плана похищенія его съ семействомъ изъ Парижа и помѣщенія среди арміи. Первый планъ должно было выполнить въ годовщину федераціи, 14-го іюля. Лафайетъ явился бы снова въ Парижъ вмѣстѣ съ Люкнеромъ. Генералы окружили бы короля нѣсколькими надежными отрядами войскъ. Лафайетъ обратился бы съ рѣчью къ батальонамъ національной гвардіи, собраннымъ на Марсовомъ Полѣ, и возвратилъ бы королю свободу, вывезя его подъ конвоемъ вонъ изъ Парижа. Второй планъ состоялъ въ томъ, чтобы дать войскамъ Лафайета такой маршрутъ, который привелъ бы ихъ за 20 миль отъ Компьени. Оттуда Лафайетъ долженъ былъ перевести въ Компьень два кавалерійскіе полка, на которыхъ вполнѣ полагался. Приѣхавъ самъ въ Парижъ наканунѣ, онъ сопровождалъ бы короля въ собраніе. Король тогда объявилъ бы, что, сообразно съ конституціей, которая позволяетъ ему жить на разстояніи 20 миль отъ столицы, онъ отправится въ Компьень; нѣсколько кавалерійскихъ отрядовъ, приготовленныхъ генераломъ и расположенныхъ вокругъ залы собранія, должны были конвоировать короля и обезпечить его отъѣздъ. По приѣздѣ въ Компьень, король тамъ находился бы въ безопасности среди полковъ Лафайета; отсюда онъ сдѣлалъ бы представленія собранію

и свободно, непринужденно возобновить бы свою присягу конституции. Этого доказательства искренности короля было бы, по мнѣнію Лафайета, достаточно для привлеченія къ нему умовъ и для утвержденія трона и конституціи. Людовикъ XVI вступилъ бы въ Парижъ при восклицаніяхъ народа. Эти мечты о реставраціи, основанныя на возможности подобныхъ поворотовъ общественнаго мнѣнія, были почтенны, но оставались химерами. Мирабо, Барнавъ, Лафайетъ—все походили другъ на друга въ своихъ планахъ монархической реставраціи. Всесильные въ нападеніи, они были слабы въ защитѣ: для разрушенія они имѣли съ собою народъ, для возведенія новаго зданія—имъ оставались только собственные отвага и добродѣтель.

8.

Эти планы, подвергавшіеся на минуту обсужденію, были поочередно отвергаемы королемъ. Поставленный въ центрѣ опасности, онъ понималъ непрактичность подобныхъ лекарствъ. Онъ не довѣрялся подобному раскаянію честолюбія, которое подставляло для спасенія короля тѣ же самыя руки, какія онъ уже считалъ причиною своей гибели. Перейти въ лагерь къ Лафайету—казалось королю только переимѣнить одно рабство на другое. „Мы хорошо знаемъ“, говорили друзья Людовика XVI, что „Лафайетъ спасетъ короля, но ему не спасти монархію“.

Королева, гордость которой равнялась ея мужеству, съ презрѣніемъ отвергла мысль о вымалываніи своей жизни отъ снисхожденія того человѣка, который столько ее унижалъ. Изъ всѣхъ людей своего времени она больше всего страшилась Лафайета, потому что онъ былъ для нея первою фигурою революціи. Другіе, безъ сомнѣнія, ей угрожали, но одинъ только Лафайетъ былъ подозрителенъ королевѣ даже въ своихъ проектахъ спасенія ея. Королева предпочитала опасность униженію: она отказалась отъ всѣхъ предложеній генерала. Притомъ и тайныя сношенія съ Дантономъ успокоивали королеву. Уваженіе къ жизни короля 20-го іюня, несмотря на оскорбленія, наносимыя ему неистовыми людьми изъ толпы, успокоили ее насчетъ его личной безопасности. Королева думала, что, черезъ посредство своихъ тайныхъ агентовъ, держитъ въ рукахъ нити дѣйствій главныхъ демагоговъ. Ее обманывали относительно нѣкоторыхъ изъ числа ихъ. Отсюда тѣ слухи о подкупѣ, какія ходили тогда о Робеспьерѣ, Сантеррѣ, Маратѣ. Королева вручила Дантону 150,000 ливровъ, стараясь путемъ щедрости утвердить вліяніе этого оратора на жителей предмѣстій. Даже принцесса Елизавета твердо была увѣрена въ Дантонѣ. Она съ отрадою улыбалась этому образу народной силы, приобретенному, какъ она думала, на помощь ея брату. „Мы ничего не боимся“, сказала она по секрету своей пріятельницѣ, маркизѣ де-Режкуръ, „Дантонъ съ нами“. Королева отвѣчала слѣдующее адъютанту Лафайета, который заклиналъ ее бѣжать въ среду войскъ: „Мы очень признательны за намѣренія вашего генерала, но считаемъ лучше для себя быть запертыми три мѣсяца въ башнѣ“.

Тайна оставленія Тюльери безъ сопротивленія 10-го августа и перехода королевской семьи въ башню Тамплъ заключается въ этихъ словахъ Маріи-Антуанеты и принцессы Елизаветы. Дантонъ зналъ мысль королевы, а королева

разсчитывала на Дантона относительно этого временнаго заточенія короля. Таково было ослѣпленіе той минуты, что, избирая одного покровителя вмѣсто другого, Лафайету королева предпочла Дантона.

9.

Сами жирондисты имѣли въ эту эпоху таинственныя сношенія съ дворомъ. Но если въ такихъ сношеніяхъ и участвовали патріотизмъ и честолюбіе людей этой партіи, то все-таки тутъ не было и тѣни подкупа. Самый страшный для двора изъ жирондистскихъ ораторовъ, Гаде, получилъ подобныя предложенія, но отвергнулъ ихъ съ негодованіемъ. Безкорыстное чувство античной республиканской добродѣтели возвышало сердца этихъ молодыхъ людей выше такихъ низкихъ соблазновъ. Ихъ можно было увлечь славой, состраданіемъ, но золотомъ—никогда.

Гаде въ двадцать лѣтъ отъ роду былъ уже политическимъ ораторомъ. Колкая оппозиція долгое время заграждала молодому человѣку путь къ званію адвоката въ Бордоскомъ парламентѣ. Впослѣдствіи краснорѣчіе Гаде доставило ему тамъ знаменитость. Извѣстность указала на него народной партіи. Выборы отняли Гаде у частной жизни и у любви молодой женщины, на которой онъ только что женился. Политическое движеніе увлекло Гаде на національную трибуну. Его слово, менѣе блестящее, чѣмъ слово Верньо, поражадо ударами равно ужасными. Онъ былъ столь же честенъ, какъ и Верньо, но болѣе его рѣзокъ: имъ восхищались меньше, боялись больше. Король, которому было извѣстно вліяніе Гаде, хотѣлъ привлечь его къ себѣ путемъ довѣрія, соблазна великодушныхъ натуръ. Жирондисты все еще колебались между конституціонной монархіей и республикой. Преданные демократіи, они готовы были служить ей подъ той формой, которая скорѣе обезпечивала имъ преобладаніе въ этой демократіи.

Гаде согласился на тайное свиданіе въ Тюльери. Ночной мракъ прикрылъ его поступокъ: потайныя дверь и лѣстница свели Гаде въ комнату, гдѣ король и Марія-Антуанета ожидали его одни. Простота и добродушіе Людовика XVI торжествовали съ перваго раза надъ политическими предубѣжденіями прямодушныхъ людей, которые съ нимъ сближались. Онъ принялъ Гаде, какъ принимаютъ послѣднюю надежду. Онъ изобразилъ предъ нимъ ужасъ своего положенія и какъ короля и особенно какъ супруга и отца. Королева проливала слезы предъ депутатомъ. Разговоръ продолжался долго ночью. Совѣты были потребованы, даны, но, быть можетъ, имъ не послѣдовали. Искренность была съ той и съ другой стороны, но постоянства и твердости въ рѣшеніяхъ не было. Когда Гаде хотѣлъ удалиться, королева спросила его, не хочетъ ли онъ видѣть дофина и, взявъ сама свѣчу, отвела его въ кабинетъ, гдѣ была спальня молодого принца. Маленькій принцъ спалъ. Прелесть его фигуры, спокойный сонъ ребенка въ этомъ тревожномъ дворцѣ, молодая мать, королева Франціи, прикрывающая себя, такъ сказать, невинностью своего сына, чтобы возбудить состраданье въ человѣкѣ, враждебномъ королевскому сану, все это растрогало Гаде. Онъ отвелъ рукою волосы, закрывавшіе лицо дофина, и поцѣловалъ ребенка въ лобъ, не будя его. „Воспитайте его для свободы, сударыня, она

составляет необходимое условіе его жизни“, сказалъ Гаде королевѣ, скрывая нѣсколько слезъ на своихъ рѣсницахъ. Такъ въ сердцѣ человѣка природа всегда беретъ верхъ надъ духомъ партіи. Странное зрѣлище дано было исторіи судьбой въ этой комнатѣ, въ которой спитъ ребенокъ и которую королева освѣщаетъ собственной рукой. Этотъ человѣкъ, со слезами цѣлующій чело молодого короля, — одинъ изъ тѣхъ, которые девять мѣсяцевъ спустя отнимутъ у него корону и предадутъ жизнь его отца народу. Какую неизвѣданныю пропасть представляетъ судьба! Какой мракъ закрываетъ будущее! Какая насмѣшка судьбы этотъ поцѣлуй Гаде! Онъ вышелъ оттуда въ такомъ смущеніи, какъ будто бы предвидѣлъ зловѣщую западню подъ своими ногами. Человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ утратился въ немъ политическаго дѣятеля. Такъ созданъ человѣкъ. Пусть онъ наблюдаетъ за своею жизнью!

XVIII.

Третье письмо Лафайета къ собранію. — Тревога патріотовъ. — Робеспьеръ поодаль-
сть движенія. — Предложенія Дантона. — Лафайетъ обвиненъ собраніемъ. — Король
утверждаетъ отставку Петіона. — Раздраженіе партій. — Верньо начинаетъ гово-
рить. — Правъ и характеръ Верньо. — Его воспитаніе. — Его личность. — Рвѣ
Верньо. — Адресъ якобинцевъ къ федератамъ, редактированный Робеспьеромъ. —
Дантонъ вызываетъ новую петицію на Марсовомъ Полѣ.

1.

Какъ только Лафайетъ вернулся въ свой лагерь, онъ написалъ собранію
третье письмо, — письмо столь же безсильное, какъ и его поступки: оно было
выслушано равнодушно. „Удивляюсь“, сказалъ Инаръ, „что собраніе давно
уже не послало въ Орлеанъ этого мятежнаго солдата!“

Въ клубѣ якобинцевъ борьба между Робеспьеромъ и жирондистами, каза-
лось, на минуту замолкла. Они соперничали уже только въ оскорбленіяхъ дво-
ра и въ угрозахъ Лафайету. Взрывъ 20-го іюня не угасилъ этого очага ненависти.
Бездѣйствіе армій, возрастающая опасность на французскихъ границахъ, дву-
смысленное поведеніе Лафайета, отступленіе Люкнера, котораго считали его
сообщникомъ, приближеніе войскъ къ Парижу, все питало гнѣвъ и тревогу
патріотовъ. Робеспьеръ продолжалъ держаться поодаль отъ движенія, не пор-
тилъ своихъ отношеній ни къ одной изъ крайнихъ партій и углублялся въ
общія соображенія о публичныхъ дѣлахъ. Наблюдать, просвѣщать народъ и
увѣдомлять его обо всѣхъ опасностяхъ, такова была единственная роль, ко-
торую онъ на себя принималъ. Популярность Робеспьера была велика, но холо-
дна и разсудочна, какъ и его роль.

Ропотъ нетерпѣнія часто прерывалъ его длинныя рѣчи на трибунѣ якобинцевъ.
Сохраняя безстрастное положеніе, онъ глоталъ жестокія униженія. Инстинктъ
Робеспьера, основываясь на непостоянствѣ общественнаго мнѣнія, казалось,
заранѣе открывалъ ему, что въ этомъ столкновеніи противоположныхъ и беспоря-
дочныхъ стремленій власть достанется самому непоколебимому и терпѣливому.
Дантонъ въ кордельерскомъ и якобинскомъ клубахъ сдѣлалъ ужасающія пред-
ложенія и, казалось, старался почерпнуть себѣ силу именно въ возмутительно-
сти своего насилія противъ двора. Такимъ образомъ онъ маскировалъ свои
отношенія съ дворомъ. „Я принимаю“, вскричалъ онъ, „я принимаю обязатель-
ство внести ужасъ въ развратный дворецъ! Онъ выказываетъ такую смѣлость

только потому, что мы были слишком боязливы. Австрійскій домъ всегда приносилъ несчастье Франціи. Потребуйте закона, который заставилъ бы короля развестись со своей женой и отослать ее въ Вѣну, со всякими предосторожностями, ухаживаніемъ и безопасностью, на какія она имѣетъ право“. Это значило спасать королеву посредствомъ той самой ненависти, которую къ ней возбуждали.

Бриссо, долгое время другъ Лафайета, предать его, наконецъ, ярости якобинцевъ: „Этотъ человекъ снялъ маску“, сказалъ онъ: „ослѣпленный безразсуднымъ честолюбіемъ, онъ выдаетъ себя за протектора. Эта дерзость его погубить. Что я говорю? Она его уже погубила. Когда Кромвель считалъ возможнымъ повелительно говорить англійскому парламенту, онъ былъ окруженъ арміей фанатиковъ, онъ одерживалъ побѣды. Но гдѣ лавры Лафайета? Гдѣ его приверженцы? Мы накажемъ его наглость, и я докажу его измѣну. Я докажу, что онъ хочетъ учредить нѣчто въ родѣ конституціонной аристократіи, что онъ сговорился съ Люкнеромъ,—что онъ терялъ на петиціи въ Парижѣ время, которое слѣдовало употребить на побѣды на границахъ. Не будемъ бояться ничего, кромѣ собственныхъ разногласій. Что же касается до меня“, прибавилъ онъ, обращаясь къ Робеспьеру, „то я объявляю, что забываю все прошедшее!“—А я“, отвѣчалъ Робеспьеръ, подумавъ съ минуту, „я почувствовалъ, что забвеніе и единеніе находятся также и въ моемъ сердцѣ, подъ вліяніемъ удовольствія, доставленнаго мнѣ сегодня утромъ рѣчью Гаде въ собраніи, и удовольствія, какое я ощущаю въ эту минуту, слушая Бриссо! Соединимся для обвиненія Лафайета“.

2.

Энергичныя петиціи различныхъ отдѣловъ Парижа отвѣчали мысли Робеспьера, Дантона, Бриссо, требуя показать грозный примѣръ на Лафайетѣ и издать законъ, объявляющій отечество въ опасности. Лафайетъ, угрожая своей личной революціи, только возбудилъ въ ней еще большую ярость. „Нанесите рѣшительный ударъ“, кричали петиціонеры-патріоты; распустите главный штабъ національной гвардіи, этотъ муниципальный феодализмъ, гдѣ духъ измѣны Лафайета живетъ еще и развращаетъ патріотовъ!“

Народъ снова столпился въ публичныхъ садахъ. Предъ домомъ Лафайета образовалась толпа и сожгла дерево свободы, которое офицеры національной гвардіи посадили у дверей дома, желая почтить своего генерала. Каждую минуту страшились новаго нашествія предмѣстій. Петіонъ обратился къ гражданамъ съ двусмысленными прокламаціями, въ которыхъ порицанія двора перемѣшивались съ отеческими увѣщаніями должностного лица. Король утвердилъ отрѣшеніе Петіона отъ должности парижскаго мэра; мятежники пришли въ негодованіе, что у нихъ отняли его сообщничество. Популярность Петіона превратилась въ неистовство. Крикъ „Петіонъ или смерть“ былъ отвѣтомъ на это распоряженіе. Національные гвардейцы подрались съ санкюлотами въ Пале-Рояль. Департаментскіе федераты прибывали отдѣльными отрядами и подкрѣпляли парижскихъ. Адресы департаментовъ и городовъ, принесенные депутаціями этихъ федератовъ, носили на себѣ отпечатокъ національнаго гнѣва. „Король

французовъ, читай и перечитывай письмо Ролана! Мы накажемъ всѣхъ измѣнниковъ! Франція должна явиться въ Парижъ, чтобы выгнать изъ него всѣхъ враговъ народа. Свиданіе назначено подъ стѣнами твоего дворца. Идемъ туда“,—такъ говорили федераты Бреста.

Министръ внутреннихъ дѣлъ требовалъ, чтобы собраніе издало законъ противъ мятежныхъ сходокъ. Собраніе, въ отвѣтъ на это, дало свою санкцію буйному скопищу, собравшемуся въ Парижѣ, и издало декретъ, въ силу котораго національные гвардейцы и федераты, которые отправятся въ Парижъ, будутъ помѣщены на квартирахъ гражданъ. Устрашенный король утвердилъ этотъ декретъ. Рѣшено было основать лагерь подъ Суассономъ. Дороги покрылись людьми, идущими въ Парижъ. Люкнеръ очистилъ Бельгію безъ боя. Крики объ измѣнѣ раздались по всей странѣ. Страсбургъ требовалъ подкрѣпленій. Принцъ Гессенскій, изгнанный изъ отечества революціонеръ, находившійся на службѣ Франціи, предложилъ собранію идти защищать Страсбургъ противъ австрійцевъ, сказавъ, что велитъ нести предъ собою на валы гробъ, чтобы напоминать себѣ свой долгъ и не оставлять для себя другого выхода, кромѣ смерти.

Сійесъ требовалъ, чтобы въ 83 департаментахъ водрузили знамя, возвѣщающее, что отечество въ опасности. „Смерть собранію, смерть революціи, смерть свободѣ, если Орлеанская гильотина не покажетъ примѣра правосудія надъ Лафайетомъ!“—таковъ былъ единодушный крикъ въ клубѣ якобинцевъ.

3.

Эти вопли о смерти произвели въ національномъ собраніи судорожное потрясеніе. Наконецъ раздался одинъ изъ тѣхъ великихъ голосовъ, которые совмѣщаютъ въ себѣ голосъ цѣлаго народа и сообщаютъ общественному порыву блескъ и звучность, свойственные только гению. Въ засѣданіи 3-го іюля потребовалъ слово Верньо: возвысившись впервые до апогея своего краснорѣчія, онъ требовалъ,—подобно Сійесу, своему вдохновителю и другу,—чтобы объявили отечество находящимся въ опасности.

До сихъ поръ Верньо былъ только говорунѣмъ; на этотъ день онъ сдѣлался голосомъ отечества. Онъ и не переставалъ уже быть этимъ послѣднимъ до самаго того дня, когда слова Верньо угасли въ его крови. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не имѣютъ надобности выдвигаться постепенно въ публичномъ собраніи. Они внезапно оказываются великими, они появляются сразу въ тотъ день, когда обстоятельства укажутъ ихъ роль. Верньо прибылъ въ Парижъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до того. Человѣкъ бѣдный, неизвѣстный, скромный,—не имѣя даже предчувствія о своей судьбѣ, онъ помѣстился съ тремя изъ своихъ южныхъ товарищей въ бѣдной комнаткѣ улицы des Jeuneurs, а потомъ въ отдаленномъ павильонѣ предмѣстья, окруженномъ садами Тиволи. Письма, которыя онъ писалъ своему семейству, наполнены самыхъ скромныхъ подробностей объ этомъ домашнемъ хозяйствѣ. Верньо съ трудомъ могъ существовать. Онъ соблюдалъ строгую экономію въ малѣйшихъ своихъ расходахъ. Нѣсколько лувровъ, которыя онъ получилъ отъ сестры, казались ему достаточной суммой, чтобы обезпечить себя надолго. Верньо пи-

петь, чтобы ему прислали немного бѣды по возможно дешевой цѣнѣ. Онъ не думаетъ ни о деньгахъ, ни даже о славѣ. Онъ отправляется на постъ, указываемый его обязанностью. Въ своей патріотической наивности онъ страшится порученія, данного ему въ Бордо. Античная честность видна въ интимныхъ изліяніяхъ, заключающихся въ перепискѣ Верньо со своими. Семейство его встрѣчаетъ надобность въ ходатайствѣ предъ министрами, по поводу своихъ интересовъ. Онъ отказывается просить за семью, боясь, чтобы требованіе правосудія не показалось съ его стороны домогательствомъ милости. „Въ этомъ отношеніи я связанъ деликатностью, я самъ для себя составилъ въ этомъ смыслѣ декретъ“, говоритъ онъ своему шурину Аллюо, который былъ для Верньо вторымъ отцомъ.

Всѣ эти интимные разговоры между Верньо, его сестрою и зятемъ дышутъ простотою, нѣжностью, домашнимъ очагомъ. Основа общественнаго дѣятеля формируется на чистой почвѣ частныхъ нравовъ. Ни одна черта духа партіи, республиканскаго фанатизма, ненависти къ королю не проявляется въ интимныхъ чувствахъ Верньо. Онъ говоритъ о королевѣ съ умиленіемъ, о Людовикѣ XVI—съ состраданіемъ. „Двусмысленное поведеніе короля“, пишетъ онъ около этой эпохи, „увеличиваетъ и его и наши опасности. Меня увѣряютъ, что сегодня онъ явится въ собраніе. Если онъ не выскажется рѣшительно, то подготовитъ себѣ какую нибудь великую катастрофу. Ему надобно сдѣлать много усилій, чтобы успокоить забвеніе столькихъ неблагоприятныхъ поступковъ, на которые смотрятъ, какъ на измѣну“. Затѣмъ, отъ состраданія къ королю переходя къ собственному домашнему положенію, Верньо пишетъ: „у меня вовсе нѣтъ денегъ, старые парижскіе кредиторы меня разыскиваютъ, я уплачиваю имъ понемногу каждый мѣсяцъ; квартиры дороги, у меня нѣтъ средствъ уплатить за все“.

Этотъ молодой человѣкъ, подавлявшій тронъ своимъ движеніемъ, едва имѣлъ гдѣ преклонить голову къ королевствѣ, которое ему предстояло потрясти.

4.

Воспитанный въ коллегіи іезуитовъ благотворительностью Тюрго, тогда правителя Лимузена, Верньо, послѣ своего ученія, поступилъ въ семинарію. Онъ намѣревался посвятить себя духовному званію. Когда оставалось сдѣлать послѣдній шагъ, Верньо отступилъ и возвратился въ свое семейство. Воображеніе одинокаго и печальнаго молодого человѣка, прежде чѣмъ выразиться въ краснорѣчій, стало изливаться въ поэзіи. Верньо игралъ своимъ геніемъ, самъ его не сознавая. Иногда онъ записался въ своей комнатѣ, представлялъ себѣ, что предъ нимъ цѣлая аудиторія народа, и импровизовалъ рѣчи о воображаемыхъ катастрофахъ. Однажды Аллюо, зять Верньо, услышалъ его сквозь дверь. У него явилось предчувствіе славы, которую Верньо могъ доставить своему семейству. Аллюо послалъ молодого человѣка въ Бордо изучать практику законовъ.

Студентъ былъ рекомендованъ президенту Дюпати, знаменитому писателю и краснорѣчивому оратору. У Дюпати явилась смутная надежда на будущее величіе молодого человѣка. Онъ полюбилъ Верньо, покровительствовалъ ему и принялъ къ себѣ работать. Подобно родству крови, встрѣчается въ жизни

родство генія. Дюпати сдѣлался отцомъ сироты въ интеллектуальномъ отношеніи. Ходатайство Дюпати за Верньо напоминало древній патронатъ Гортензія и Цицерона. „Я уплатилъ свои деньги и буду продолжать платить въ слѣдующіе годы за вашего шурина“, писалъ Дюпати къ Аллюо. „Я ему назначу самъ избранныя дѣла для его дебютовъ; ему нужны только силы; впоследствии онъ доставитъ большую славу своему имени. Помогите ему въ удовлетвореніи самыхъ настоятельныхъ потребностей; у него нѣтъ еще судебного платья. Я пишу къ его дядѣ, стараясь пробудить его великодушіе; надѣюсь, что намъ удастся достать Верньо платье. Впрочемъ, положитесь на меня и вѣрьте участію, которое мнѣ внушаютъ его несчастье и таланты“.

Верньо быстро оправдалъ эти предсказанія просвѣщенной дружбы. Онъ заимствовалъ у Дюпати суровыя добродѣтели древности вмѣстѣ съ величественными формами римскаго форума. Подъ адвокатомъ слышался гражданинъ; человѣкъ добра сообщалъ авторитетъ, сознательность слову. Едва разбогатѣвъ на первые судебныя заработки, онъ себя лишаетъ ихъ и, сверхъ того, продаетъ маленькое наслѣдство, полученное отъ матери, чтобы уплатить долги своего умершаго отца; честь отцовской памяти Верньо выкупаетъ всѣмъ своимъ достояніемъ; въ Парижъ онъ является почти совершенно неимущимъ. Два друга Верньо, Бойе-Фонфредъ и Дюко де-Бордо, принимаютъ его, какъ гостя, на свой столъ и въ свою квартиру. Верньо, не заботясь о средствахъ къ успѣху, какъ всѣ люди, которые чувствуютъ великую внутреннюю силу, работалъ мало и полагался на случай и природу. Умъ молодого человѣка, къ несчастью, лѣнивый, любилъ дремать и отдаваться безпечности, свойственной его возрасту и настроенію. Верньо нужно было потрясти, чтобы разбудить отъ юношескихъ увлеченій и понудить ко вступленію на трибуну или въ совѣтъ. Для него, какъ и для жителей Востока, не было середины между праздною и героизмомъ. Дѣятельность восхищала Верньо, на также быстро его утомляла. Онъ опять впадалъ въ мечтательность, свойственную таланту.

Бриссо, Гаде, Жансонне увлекли его къ г-жѣ Роланъ. Она нашла его недостаточно энергичнымъ и мало честолюбивымъ къ судьбѣ своего таланта. Южныя привычки Верньо, его литературныя вкусы, его влеченіе къ красотѣ, менѣе повелительной, безпрестанно приводили Верньо въ общество актрисы „Французскаго Театра“ г-жи Симонъ-Кандель. Для нея онъ написалъ, подъ другимъ именемъ, нѣсколько сценъ изъ драмы „Прекрасная фермерша“, которая тогда пользовалась извѣстностью.

Эта молодая женщина,—поэтъ, писательница, актриса въ одно и то же время,—развернула въ этой драмѣ всѣ очаровательныя свойства своей натуры, своего таланта и своей красоты. Среди этой артистической жизни Верньо уживался музыкою, декламацией, удовольствіями; онъ снѣшилъ наслаждаться молодостью, какъ бы предчувствуя, что она скоро будетъ кончена. Привычки Верньо отличались лѣнностью и медлительностью. Онъ вставалъ среди дня, писалъ мало и на разбросанныхъ листкахъ,—при этомъ бумагу складывалъ себѣ на колѣни, какъ человѣкъ занятый, который дорожитъ временемъ; онъ медленно слагалъ свои рѣчи въ своихъ мечтахъ и удерживалъ ихъ въ памяти посредствомъ замѣтокъ; на досугъ Верньо полировалъ свое краснорѣчіе, какъ солдатъ полируетъ

свое ружье въ минуты отдыха. Верньо хотѣлъ, чтобы удары его краснорѣчія были не только смертельны, но и блестящи; онъ равно интересовался и искусствомъ, и политикой. Нанеся ударъ, онъ предоставлялъ судьбѣ довершить его, а самъ снова предавался лѣни. Это былъ не будничныи человѣкъ, а предназначенный для исключительныхъ, великихъ дней.

5.

Верньо былъ средняго роста. Крѣпкая, плечистая фигура его обладала выразительностью ораторской статуи: при взглядѣ на него виденъ былъ боецъ слова; короткій, широкій носъ Верньо гордо поднималъ ноздри; довольно толстыя губы рѣзко обрисовывали его ротъ; очертаніе ихъ какъ бы самую природою было принаровлено, чтобы испускать массы словъ, подобно губамъ Тритона, которыя дѣлаются при отверстіяхъ большихъ источниковъ; черные молніеносные глаза сверкали подъ выпуклыми бровями; широкій открытый лобъ обладалъ лоскомъ зеркала, на которомъ отражается умъ; каштановые волосы Верньо тряслись при колебаніяхъ его головы, какъ волосы Мирабо. Кожа на лицѣ была усеяна оспой, подобно крапчатому мрамору. Блѣдно-болѣзненный цвѣтъ лица обнаруживалъ воспримчивость къ сильнымъ ощущеніямъ. Въ спокойное время никто бы не замѣтилъ этого человѣка въ толпѣ. Онъ прошелъ бы заодно со всѣми, не останавливая на себѣ и не поражая ничьего взгляда. Но когда на лицѣ Верньо отражалась его душа,—подобно свѣту, озаряющему бують, тогда вся его фигура въ цѣломъ принимала выраженіе идеальное, блескъ и красоту, которыхъ въ отдѣльности не имѣла ни одна черта его лица. Верньо какъ бы освѣщалъ самъ себя краснорѣчіемъ. Трепещущіе мускулы его бровей, висковъ, губъ — очерчивались сообразно его мысли и соединяли фізіономію Верньо съ самою мыслью: это было преображеніе, свойственное генію. Блескъ Верньо состоялъ въ словѣ; пьедесталомъ его красоты была трибуна. Когда онъ сходилъ съ нея, красота исчезала, ораторъ превращался въ простаго человѣка.

6.

Таковъ былъ человѣкъ, который 3-го іюля взомель на трибуну національнаго собранія и, выражая своею позою тревогу и гнѣвъ, нѣсколько минутъ собиравался съ мыслями, закрывая руками глаза, прежде чѣмъ началъ говорить. Дрожащій голосъ Верньо при первыхъ словахъ, которыя онъ произнесъ, — серьезные и какъ бы рокоучіе звуки его рѣчи, болѣе глубокіе, чѣмъ обыкновенно, утомленные движенія, печальная и сосредоточенная энергія фізіономіи,—все это указывало, что въ ораторѣ происходитъ борьба съ безнадежною рѣшимостью, и предрасполагало собраніе къ ощущенію могучему и зловѣщему, какъ самая фізіономія оратора. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда ждутъ всего.

„Въ какомъ странномъ положеніи“, прошепталь Верньо, „находится національное собраніе? Какая роковая сила преслѣдуетъ насъ и ознаменовываетъ всякій день событіями, которыя, внося безпорядокъ въ наши труды, безпрерывно бросаютъ насъ въ бурную пучину тревогъ, надеждъ, страстей? Какую

судьбу приготовляетъ Франціи это страшное броженіе, среди котораго рождается мысль: не назадъ ли идетъ революція, или подвигается впередъ къ своему предѣлу? Въ ту минуту, когда наши сѣверныя арміи, повиديمому, дѣлають успѣхи въ Бельгіи, мы видимъ, что они вдругъ отступаютъ предъ непріятелемъ! Войну переносятъ на нашу территорію. Несчастные бельгійцы сохраняють, по поводу насъ, воспоминаніе только о пожарахъ, которые освѣщаютъ наше отступление. Со стороны Рейна пруссаки непрерывно скопляются на нашихъ открытыхъ границахъ. Почему именно въ минуту рѣшительнаго для націи кризиса приостанавливается движеніе нашихъ армій и, вслѣдствіе внезапной дезорганизациі министерства, разрываются узы довѣрія, а спасеніе государства предоставляется на произволъ случая и людей неопытныхъ? Или въ самомъ дѣлѣ страшатся нашихъ триумфовъ? Скупятся ли на кровь Кобленцкой арміи или на нашу? Если фанатизмъ священниковъ грозитъ предать насъ въ одно и то же время и раздорамъ гражданской войны, и нашествію непріятелей, то каковы же намѣренія тѣхъ, которые отвергають съ неодолимымъ упорствомъ санкцію нашихъ декретовъ? Или они хотять царствовать надъ покинутыми городами, надъ опустошенными полями? Каково точное количество слезъ, бѣдствій, крови, смерти, которое удовлетворитъ ихъ мести? До чего мы доходимъ, наконецъ? Я обращаюсь къ вамъ, господа: враги конституціи хвалятся, что поколебали ваше мужество,—они ежедневно стараются потревожить вашу совѣсть и честность, называя вашу любовь къ свободѣ духомъ мятежа, какъ будто бы вы забыли, что деспотическій дворъ и трусливые герои аристократіи дали имя мятежниковъ представителямъ, которые приносили присягу въ Маче-вомъ залѣ, покорителямъ Бастиліи,—всѣмъ тѣмъ, которые создали и поддерживали революцію; на васъ клеветють только потому, что вы чужды кастѣ, которую конституція низвергла въ прахъ, и что тѣ низкіе люди, которые жалѣють о позорной чести ползать предъ этой партіей, не надѣются найти въ васъ своихъ сообщниковъ (рукоплесканія); васъ хотѣли бы сдѣлать чуждыми народу, потому что народъ—ваша опора, и что, если бы, вслѣдствіе преступной измѣны его дѣлу, вы заслужили быть имъ покинутыми, то тогда было бы легко васъ разсѣять; васъ хотѣли раздѣлить, но вы отложите до конца войны свои раздоры и ссоры и не предпочтете адское наслажденіе ненависти спасенію отечества; васъ хотѣли запугать вооруженными петиціями, какъ будто бы вы не знали, что въ началѣ революціи святилище свободы было окружено сателлитами деспотизма, Парижъ осажденъ арміей двора, и что эти дни опасности были днями славы нашего перваго собранія; я призываю ваше вниманіе на критическое положеніе, въ которомъ мы находимся. Эти внутреннія смуты происходятъ отъ двухъ причинъ: происковъ аристократіи и происковъ духовенства. Всѣ они стремятся къ одной цѣли,—къ контръ-революціи.

7.

„Король отказалъ въ утвержденіи вашего декрета о религіозныхъ смутахъ. Не знаю, блуждаетъ ли еще подъ сводами Тюльерійскаго дворца мрачный геній Медичи и кардинала Лотарингскаго и смущено ли сердце короля фантастическими идеями, которыя ему внушаются; но, не оскорбляя его и не признавая самымъ

опаснымъ врагомъ революціи, нельзя думать, чтобы король хотѣлъ одобрить безнаказанностью преступныя попытки поповскаго честолюбія и возвратить горделивымъ сообщникамъ тиары могущество, посредствомъ котораго они одинаково угнетали и народы, и королей. Не нанося оскорбленія королю и не объявляя его злѣйшимъ врагомъ государства, нельзя допустить, чтобы онъ льстилъ себя надеждою длить мятежи, увѣковѣчить беспорядки, которые, посредствомъ междоусобной войны, низвергли бы его къ гибели. Изъ этого я заключаю, что если онъ противится вашимъ декретамъ, то это потому, что считаетъ себя дотаточно сильнымъ и безъ тѣхъ средствъ, какія вы ему предлагаете для поддержки общественнаго мира, если же мы видимъ, что общественный миръ не поддерживается, что факель фанатизма все еще угрожаетъ воспламенить королевство, — что религіозныя насилія постоянно опустошаютъ департаменты, то это потому, что агенты королевской власти сами служатъ причиною всѣхъ нашихъ бѣдствій. Ну, такъ пусть же они и отвѣчаютъ своею головою за всѣ смуты, къ которымъ религія подаетъ поводъ! Выкажите въ этой страшной отвѣтственности предѣлы вашего терпѣнія и тревогъ націи!

„Ваша заботливость о внѣшней безопасности страны побудила васъ издать декретъ о сформированіи лагеря подъ Парижемъ. Всѣ федераты Франціи должны были явиться туда 14-го іюля и повторить клятву быть свободными или умереть. Отравленное дыханіе клеветы подкосило этотъ проектъ. Король отказалъ декрету въ своемъ утвержденіи. Я слишкомъ уважаю пользованіе конституціоннымъ правомъ, чтобы предлагать вамъ сдѣлать министровъ отвѣтственными за этотъ отказъ, но если случится, что до сбора батальоновъ почва свободы будетъ осквернена, то вы должны поступить съ министрами, какъ съ измѣнниками. Надобно бросить ихъ самихъ въ ту пропасть, которую ихъ безпечность или злоумышленность вырываютъ подъ ногами свободы! Розорвемъ же, наконецъ, повязку, которую интрига и лесть наложили на глаза короля, и укажемъ ему пропасть, въ которую вѣроломные друзья усиливаются его столкнуть.

„Во имя короля французскіе принцы возбуждаютъ противъ насъ европейскіе дворы; для отмщенія за достоинство короля заключенъ Пильницкій трактатъ; для защиты короля стекаются въ Германію подъ знамя мятежа бывшія роты королевскихъ тѣлохранителей; для оказанія помощи королю эмигранты вербуются въ австрійскія арміи и готовятся разорвать нѣдра своего отечества; для присоединенія къ этимъ доблестнымъ рыцарямъ королевской прерогативы, другіе покидаютъ свой постъ въ виду непріятели, измѣняютъ своей присягѣ, обворовываютъ кассы, подкупаютъ солдатъ и, такимъ образомъ, ставятъ свою честь въ подлості, клятвопреступленіи, ослушаніи, воровствѣ и убійствахъ. Наконецъ, имя короля замѣшано во всѣхъ несчастіяхъ.

„Между тѣмъ я читаю въ конституціи слѣдующее: „Если король встанетъ во главѣ арміи и будетъ направлять ея силу противъ націи, или если не воспротивится, посредствомъ формальнаго акта, подобному предпріятію, совершаемому отъ его имени, то онъ сочтется отрекшимся отъ королевскаго сана“. Напрасно король отвѣчалъ бы: „Правда, враги націи заявляютъ притязаніе дѣйствовать только для того, чтобы увеличить мое могущество; но я доказалъ, что не былъ ихъ сообщникомъ: я повиновался конституціи, я отправилъ

войска въ походъ. Правда, эти арміи были очень слабы; но конституція не обозначила степени силы, которую я долженъ былъ имъ дать. Правда, я ихъ собралъ слишкомъ поздно; но конституція не указываетъ времени, въ которое я долженъ былъ ихъ собрать. Правда, резервные лагеря могли бы поддержать эти арміи; но конституція не обязываетъ меня формировать резервные лагеря. Справедливо, что когда генералы подвигались впередъ по непріятельской территоріи безъ сопротивленія, я велѣлъ имъ отступать; но конституція не предписываетъ мнѣ одерживать побѣды. Справедливо, что мои министры обманули національное собраніе относительно численности, расположенія войскъ и ихъ снабженія всѣмъ необходимымъ; но конституція предоставляетъ мнѣ право выбирать моихъ министровъ, она меня нигдѣ не обязываетъ даровать мое довѣріе патріотамъ и изгонять анти-революціонеровъ. Справедливо, что національное собраніе издало декреты, необходимые для защиты отечества, и что я отказалъ имъ въ своемъ утвержденіи; но конституція гарантируетъ мнѣ это право. Справедливо, наконецъ, что контръ-революція дѣйствуетъ,—что деспотизмъ вручить мнѣ свой желѣзный скипетръ,—что посредствомъ его я подавлю васъ,—что вы будете пресмыкаться предо мной,—что я васъ накажу за наглое желаніе быть свободными; но вѣдь все это совершается конституціоннымъ путемъ. Отъ меня не исходило ни одного акта, осуждаемаго конституціей. Непозволительно, поэтому, и сомнѣваться въ моей вѣрности конституціи и въ моемъ рвеніи защищать ее“ (Сильныя рукоплесканія).

„Если бы было возможно, господа, чтобы среди бѣдствій несчастной войны, среди безпорядковъ анти-революціоннаго переворота, король французовъ говорилъ такимъ насмѣшливымъ языкомъ,—если бы было возможно, чтобы онъ говорилъ о своей любви къ конституціи съ такой оскорбительной проницей, то не въ правѣ ли мы были бы отвѣчать ему слѣдующее:

8.

„О король! вы, безъ сомнѣнія, думали, вмѣстѣ съ тираномъ Лизандромъ, что истина стоитъ не больше дѣи, и что нужно забавлять людей клятвами, какъ дѣтей забавляютъ побрякушками; вы притворялись въ любви къ законамъ только для того, чтобы сохранить за собою власть, которая послужила бы вамъ къ нарушенію ихъ,—притворялись любящимъ конституцію только для того, чтобы она не низвергла васъ съ трона, на которомъ вамъ нужно остаться, чтобы ее разрушить,—увѣряли въ любви къ націи только для того, чтобы обезпечить успѣхъ своихъ измѣнъ, внушая ей довѣріе; неужели вы думаете насъ обмануть и теперь своими лицемерными протестами? Не думаете ли вы отклонить насъ отъ пониманія причины нашихъ несчастій своими изворотливыми извиненіями и дерзкими софизмами? Значило-ли это защищать насъ, когда выставляли противъ иностранныхъ солдатъ такія силы, сравнительная недостаточность которыхъ не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ неудачѣ? Развѣ насъ защищали, устраняя проекты, имѣвшіе цѣлю укрѣпленіе внутренности королевства, или подготавливая сопротивленіе лишь къ такому времени, когда мы сдѣлались уже добычею тирановъ? Было-ли это защитою насъ, когда не удерживали генерала, нарушавшаго конституцію, и сковывали мужество тѣхъ, которые

ей служили? Развѣ также для нашей защиты постоянно парализовали правительство непрерывной дезорганизаціей министерства? Для счастья нашего или для гибели предоставила вамъ конституція выборъ министровъ? Для славы нашей или для позора сдѣлала она васъ главою арміи? Развѣ для того, наконецъ, она дала вамъ право утвержденія, *liste civile* и столько крупныхъ прерогативъ, чтобы погубить конституціоннымъ путемъ конституцію и все государство? Нѣтъ, нѣтъ: какъ человѣкъ, котораго не могло тронуть великодушіе французовъ,—какъ человѣкъ, котораго только любовь къ деспотизму могла сдѣлать впечатлительнымъ, вы не выполнили цѣли конституціи! Она можетъ быть ниспровергнута, но вы не соберете плодовъ своего клятвopеступленія! Вы не воспротивились формальнымъ актомъ побѣдамъ, которыя одерживались отъ вашего имени надъ свободой; но вы не соберете и плода этихъ позорныхъ триумфовъ! Вы не значите болѣе ничего для этой конституціи, которую такъ недостойно нарушили,—для народа, которому такъ низко измѣнили! (Усиленные рукоплесканія).

„Такъ какъ приводимые мною факты не лишены поразительнаго сближенія съ нѣкоторыми дѣйствіями и отношеніями короля; такъ какъ извѣстно, что окружающіе его ложные друзья продались кобленцскимъ заговорщикамъ и что они горятъ нетерпѣніемъ погубить короля, чтобы перенести корону на голову кого нибудь изъ вождей ихъ заговора; такъ какъ чрезвычайно важно и для личной безопасности короля, и для безопасности государства, чтобы образъ дѣйствій короля не подвергался болѣе подозрѣніямъ, то я предложу адресъ, который ему напомнить объ истинахъ, мною только что высказанныхъ, и въ которомъ королю будетъ показано, что нейтралитетъ, сохраняемый имъ въ борьбѣ между отечествомъ и Кобленцомъ, составляетъ измѣну по отношенію къ Франціи.

9.

„Я требую, кромѣ того, чтобы вы объявили отечество находящимся въ опасности. Вы увидите, что при этомъ крикѣ тревоги всѣ граждане соединятся, земля покроется солдатами и возобновятся тѣ чудеса, которыя покрыли славою народы древности. Развѣ возрожденные французы 89-го года лишены этого патріотизма? Не наступилъ-ли день соединить тѣхъ, которые остаются въ Римѣ, съ тѣми, которые находятся на горѣ Авентинской? Или вы ждете того, чтобы люди слабые, утомленные тягостями революціи или развращенные привычкою парадировать вокругъ двора, привыкли говорить о свободѣ безъ энтузіазма и о рабствѣ безъ ужаса? Что намъ готовится? Развѣ хотятъ возстановить военную диктатуру? Подозрѣваютъ дворъ въ измѣнческихъ замыслахъ; онъ говоритъ о военныхъ движеніяхъ, о военномъ законѣ; пріучаютъ воображеніе видѣть кровь народа. Дворецъ короля французовъ вдругъ превратился въ укрѣпленный замокъ. Но гдѣ же враги? Противъ кого заготовляются эти пушки и штыки? Друзья конституціи были отвергнуты министерствомъ. Бразды правленія остаются колеблющимися на произволъ случая, и это въ такую минуту, когда для поддержки ихъ нужно сколько силы, столько же и патріотизма. Повсюду сѣются раздоры. Фанатизмъ торжествуетъ. Сообщничество правитель-

ства усиливаетъ смѣлость иностранныхъ державъ, которыя извергаютъ на насъ арміи и заготовляютъ намъ оковы, а сверхъ того охлаждаютъ симпатію къ намъ народовъ, втайнѣ направляющихъ свои пожеланія на торжество свободы. Непріятельскія когорты двигаются. Интрига и вѣроломство сплетаютъ ковы измѣнѣ. Законодательное собраніе противопоставляетъ этимъ заговорамъ декреты суровые, но необходимыя: рука короля ихъ разрываетъ. Призовите, уже время, призовите всѣхъ французовъ на спасеніе отечества! Покажите имъ пропасть во всей ея неизмѣримости. Лишь посредствомъ необычайнаго усилія могутъ они перешагнуть ее. Вамъ нужно приготовить ихъ къ этому электрическимъ движеніемъ, которое бы нашло сочувственный порывъ во всей странѣ. Подражайте спартамъ при Термопилахъ или почтеннымъ римскимъ старцамъ-сенаторамъ, ожидавшимъ у порога своихъ дверей смерти, которую кровавые побѣдители внесли въ ихъ отечество. Нѣтъ, вамъ не будетъ надобности дѣлать обѣты, чтобы родился мститель изъ вашего праха. Въ тотъ день, когда ваша кровь обогрѣетъ землю,—тогда тиранія, ея гордость, ея дворцы, ея протекторы,—все это исчезнетъ навсегда предъ національнымъ всемогуществомъ и предъ гнѣвомъ народа“.

10.

Эта рѣчь, въ которой всѣ опасности и бѣдствія того времени были искусно свалены на одного короля, отозвалась по всей Франціи, подобно звуку патристическаго набата. Задуманная у г-жи Роланъ, комментированная въ клубѣ якобинцевъ, посланная по всѣмъ народнымъ обществамъ въ королевствѣ, читанная въ засѣданіяхъ всѣхъ клубовъ, она взволновала въ цѣлой націи враждебныя чувства противъ двора. Въ этихъ словахъ звучало уже 10-е августа. Нація, которая обратила къ своему королю подобныя подозрѣнія и угрозы, не могла болѣе ни повиноваться ему, ни уважать его. Прокламація, объявлявшая отечество въ опасности, была, въ сущности, прокламаціей объ измѣнѣ исполнительной власти.

Бриссо и Кондорсе,—одинъ въ рѣчи, другой въ проектѣ адреса королю,—развили съ меньшимъ блескомъ, но съ большею ненавистью, тѣ же самыя соображенія. Они отравили рану, которую ударъ Верньо нанесъ королевскому достоинству.

Въ клубѣ якобинцевъ Робеспьеръ редактировалъ адресъ къ федератамъ. Провозглашая тѣ же опасности, на которыя указалъ Верньо въ своей рѣчи, Робеспьеръ сначала говорилъ народу, что ему вскорѣ нужно будетъ сломить еще другихъ враговъ, кромѣ двора. Онъ заранѣе сѣялъ подозрѣніе въ умахъ и принималъ мѣры противъ торжества жирондистовъ.

„Привѣтъ французамъ 83-хъ департаментовъ! Привѣтъ марсельцамъ! Привѣтъ“, восклицалъ онъ, „могущественному, неодолимому отечеству, которое собираетъ вокругъ себя своихъ дѣтей и во время опасности, и во дни торжества! Откроетъ свои дома нашимъ братьямъ! Граждане, развѣ вы сошлись только для пустой церемоніи федераціи и для лишннихъ клятвъ? Нѣтъ, нѣтъ, вы спѣшите на крикъ націи, которая васъ призываетъ! Намъ угрожаютъ измѣнѣ, намъ измѣняютъ внутри страны; вѣроломные вожди ведутъ наши арміи въ засады.

Наши генералы относятся съ уваженіемъ къ территоріи австрійскаго тирана и жгутъ города нашихъ бельгійскихъ братьевъ. Чудовище Лафайетъ является сюда, чтобы оскорблять въ глаза національное собраніе. Униженное, угрожаемое, оскорбляемое, существуетъ-ли оно еще? Столько преступныхъ попытокъ пробуждаютъ наконецъ націю, и вы явились. Усыпители народа постараются васъ оболстать. Бѣгите ихъ ласкъ, бѣгите ихъ столовъ, гдѣ пьютъ за умѣренность и за забвеніе долга. Храните подозрѣнія въ своихъ сердцахъ! Роковой часъ прозвучитъ. Вотъ алтарь отечества. Потерпите ли вы, чтобы трусливые идолы помѣстились въ этомъ алтарѣ, между свободой и вами, чтобы присвоить себѣ поклоненіе, которое принадлежитъ только свободѣ? Будемъ приносить присягу только отечеству въ рукахъ „безсмертнаго царя природы“. На Марсовомъ Полѣ все намъ напоминаетъ о клятвопреступленіи нашихъ враговъ. Мы не можемъ тамъ попить ни одного мѣста, которое не было бы осквернено невинною кровью, пролитой ими! Очистите же эту землю, отомстите за эту кровь, не выходите изъ этой ограды прежде, чѣмъ въ вашихъ сердцахъ будетъ рѣшено спасеніе отечества!“

11.

Камилль Демуленъ и Шабо также осыпали порицаніями въ клубъ якобинцевъ предполагаемые проекты бѣгства короля, предстоящее прибытіе Лафайета. „Народъ, тебя обманываютъ“, говорилъ въ свою очередь Дантонъ, „съ тиранами никогда не мирятся. Надобно, чтобы наши департаментскіе братья поклялись не расходиться до тѣхъ поръ, пока измѣнники не будутъ наказаны закономъ или не перейдутъ за границу. Право петиціи не погребено на Марсовомъ Полѣ вмѣстѣ съ трупами тѣхъ, которые были тамъ умерщвлены. Пусть же національная петиція объ участіи исполнительной власти будетъ представлена на Марсовомъ Полѣ самодержавной націей!“

Онъ сказалъ это и вышелъ, предоставивъ свое загадочное предложеніе обсужденію патріотовъ. Воздержный на слова, нетерпѣливый на происки, Дантонъ не любилъ длинныхъ рѣчей. Онъ отчеканивалъ слово, какъ отчеканиваютъ медаль, и потомъ бросалъ его для обращенія въ толпу. При выходѣ Дантонъ встрѣтилъ группу встревоженныхъ людей, которые тѣснились около него, спрашивая его мнѣнія объ общемъ дѣлѣ.

„Они тамъ“, сказалъ Дантонъ, презрительно указывая на дверь клуба якобинцевъ, „тамъ куча болтуновъ, которые все еще разсуждаютъ!“ „Какіе вы глупцы“, прибавилъ онъ, обращаясь къ окружающей группѣ, „зачѣмъ столько словъ, столько преній о конституціи, столько церемоній съ аристократами и тиранами? Дѣлайте, какъ они дѣлали: вы были внизу, становитесь наверхъ: вотъ въ чемъ вся революція!“

XIX.

Первыя возстанія въ Бретани и Виварэ.—Экзальтація патріотовъ.—Шабо.—Гранжневъ.—Попытка примирить партіи въ собраніи.—Ламуреттъ.—Отставка Петіона ожесточаетъ вражду.—Страхъ королевы при приближеніи дня федераціи.—Тревоги королевской семьи.—Надежды королевы.—Король съ семействомъ на Марсовомъ Полѣ.—Убійство.—Депремениль.—Положеніе національной гвардіи.—Барбару и Ребекки—вожди марсельцевъ.—Г-жа Роланъ—душа событий 10-го августа.—Петіонъ сообщникомъ.—Барбару, Дантонъ, Сантерръ во главѣ движенія.—Тайныя совѣщанія въ Шарантонъ.—Пиръ въ Елисейскихъ Поляхъ.—Схватки между марсельцами и роялистами.—Попытки друзей Робеспьера доставить ему диктатуру.

1.

Все предвѣщало, какъ мы видѣли изъ адреса Робеспьера и изъ словъ Дантона, что 14-го іюля на Марсовомъ Полѣ произойдетъ собраніе народа, которое снесетъ бурею королевскій санъ и породитъ, среди восклицаній федератовъ, республику или диктатуру.

„Насъ, заговорщиковъ, цѣлый миллионъ“, писалъ жирондистъ Карра въ въ своемъ листкѣ.

Между тѣмъ вся нація, встревоженная за свое существованіе, не имѣя ни защитниковъ на своихъ границахъ, ни правительства внутри страны, ни довѣрія къ своимъ генераламъ, видя раздоры партій въ національномъ собраніи, считая себя преданною дворомъ, находилась въ состояніи потрясенія и испуга, которое предоставляетъ народъ на произволъ всѣхъ случайностей. Въ Бретани начиналось возстаніе во имя религіи, подъ знаменемъ короля.

Это возстаніе, вполне народное, искало себѣ только вождей у дворянства. Вандейская война, которой вскорѣ предстояло сдѣлаться такою ужасною, съ перваго же дня стала дѣломъ совѣсти въ народѣ, дѣломъ общественнаго мнѣнія среди вождей. Эмиграція вооружилась за короля и аристократію, Вандея—за дѣло Бога.

Простой земледѣлецъ, Алень Ределеръ, 8-го іюля, по выходѣ отъ обѣдни въ приходѣ Фуестанъ, назначилъ крестьянамъ составить вооруженное сборище на слѣдующій день, возлѣ маленькой часовни Кербадерскихъ ландовъ. Въ назначенный часъ пятьсотъ человѣкъ собрались тамъ. Это народное сборище, совершенно различное отъ бурныхъ собраній Парижа, самую свою наружность свидѣтельствовало о своемъ настроеніи. Религіозные знаки тутъ смѣшивались съ оружіемъ. Молитва освящала возстаніе. То на одной колокольнѣ, то на

другой звонили въ набатъ. Все населеніе деревень отвѣчало на призывъ этихъ набатовъ, какъ на голосъ самого Бога. Но ни малѣйшій безпорядокъ не осквернилъ это возстаніе. Народъ довольствовался тѣмъ, что поднялся, и требовалъ только свободы своихъ алтарей. Національные гвардейцы, линейныя войска, артиллерія явились со всѣхъ концовъ департамента. Столкновеніе было кровопролитное, побѣда колебалась. Между тѣмъ возстаніе, повидимому, уступило и глухо затаилось въ Бретани, чтобы разразиться позже. Это была первая искра великой междоусобной войны.

2.

Въ то же время, но съ меньшимъ упорствомъ, она вспыхнула и на другомъ концѣ королевства. Дворянинъ, по имени Дюсальянъ, и священникъ, по имени аббатъ де-ла-Бастидъ, собрали, отъ имени графа Артуа, три тысячи крестьянъ въ Виварэ.

Эта мѣстность, загроможденная горами, прорѣзанная узкими ущельями, изрытая потоками, обнесенная еловыми лѣсами, составляетъ цитадель, воздвигнутую природою между равнинами нижняго Лангедока и прекрасными долинами Роны и Соны. Столицу этого края составляетъ Лионъ. Католическій и церковный духъ этого города, совершенно римскаго, царствовалъ въ окрестныхъ горахъ. Многочисленные замки, господствующіе надъ равнинами, принадлежали дворянству, очень близкому, по крови и привычкамъ, къ буржуазіи, а по своимъ сельскимъ занятіямъ и по религіи родственному сельскимъ жителямъ. Дворяне были только первыми изъ крестьянъ. Соединенные интересами съ духовенствомъ, они чрезъ него волновали край.

Дюсальянъ овладѣлъ готическимъ зубчатымъ замкомъ Жалесъ, укрѣпиль его, учредилъ тамъ главную квартиру возстанія, заставилъ собравшіяся толпы принести присягу въ вѣрности одному только королю и древней религіи. Молодые дворяне изъ окрестностей постепенно приводили въ этому вождю свои отряды; проповѣдники воспламеняли ихъ во имя вѣры. Молодыя дѣвушки, верхомъ на лошадяхъ, одѣтыя и вооруженныя амазонками, проходили по рядамъ, распредѣляли знаки возстанія, изображеніе сердца Иисуса на грудь, золотыя кресты на шляпы инсургентовъ. Во имя любви, онѣ будили героизмъ древняго рыцарства; набожное, энтузіастское и неукротимое населеніе Севернъ поднималось на ихъ призывъ. Возстаніе, казавшееся изолированнымъ въ этой неприступной странѣ, имѣло сношенія съ Лиономъ и общало этому городу подкрѣпленія и сообщенія съ югомъ на то время, когда Лионъ попытается произвести контръ-революцію. Жалесская армія, перейдя Рону, у подошвы горы Пилата, находилась въ соприкосновеніи съ Пьемонтомъ чрезъ Нижнія Альпы; распростираясь въ нижній Лангедокъ, она касалась Пиренеевъ и Испаніи; самый очагъ междоусобной войны былъ превосходно избранъ Дюсальяномъ. Сердце страны, теченіе Роны, узелъ полуденной Франціи, все это было бы въ его рукахъ, если бы онъ восторжествовалъ.

3.

Собрание это поняло. Патриоты встревожились въ Лионѣ, Нимѣ, Валансѣ, во всѣхъ городахъ юга Франціи. Армія національныхъ гвардейцевъ выступила противъ недовольныхъ съ пушкою; замокъ Баннѣ, ущелья, прикрывавшія лагерь, были храбро защищаемы, геройски заняты. Отчаянный бой завязался вокругъ укрѣпленнаго мѣста возстанія, замка Жалесѣ. Дворяне, крестьяне, священники неустрашимо выдержали нѣсколько приступовъ войскъ; даже женщины раздавали припасы, заряжали оружіе, помогали раненымъ. Ночью инсургенты оставили замокъ, утѣянный пулями; стѣны замка обрушились на его защитниковъ. Послѣдніе разсыпались по Арденскимъ ущельямъ, оставивъ много труповъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ женщинъ. Глава движенія, Дюсальянъ, покинувъ свою лошадь и оружіе и перерядившись въ священника, былъ узнанъ и арестованъ однимъ ветераномъ. Дюсальянъ предложилъ 60 ливровъ солдату за свой выкупъ. Солдатъ отказался. Дюсальянъ погибъ; онъ былъ умерщвленъ народомъ при входѣ въ городъ, куда войска ввели его для суда. Аббатъ де-ла-Бастиль испыталъ ту же участь. Ярость болѣе уже не разбирала, она просто разила.

4.

Эти извѣстія встревожили Парижъ и довели угрожаемый патриотизмъ до бреда. Новыя идеи старались пріобрѣсти себѣ мучениковъ, какъ древнія идеи имѣли свои жертвы. Люди, нетерпѣливо ожидавшіе наступленія царства свободы, трепетали по поводу медленности кризиса; они страстно желали такого событія, которое, доведя народъ до крайности, сдѣлало бы невозможнымъ всякое примиреніе между націей и королемъ. Видя, что такой случай самъ собою не представляется, эти люди рѣшили вызвать его искусственно. Возстанію нуженъ былъ предлогъ; они хотѣли прискатъ его даже цѣною своей жизни.

Въ это время въ Парижѣ были два человѣка, одушевленные неукротимую вѣрою въ свое дѣло и фанатическою преданностью своей партіи; это были Шабо и Гранжневъ. Послѣдній былъ жирондистъ, человѣкъ со взглядами не особенно далекими, но непоколебимыми, стремившійся только служить человечеству, хотя бы безвѣстнымъ солдатомъ, и понимавшій, что посредственность таланта не оставляла ему другого способа быть полезнымъ свободѣ, кромѣ возможности умереть за нее. Это былъ одинъ изъ тѣхъ преданныхъ характеровъ, которые отдають кровь своему дѣлу, не требуя даже, чтобы на немъ были записаны ихъ имена.

Шабо, сынъ повара коллегіи Родезъ, воспитанный по милости своихъ господъ, упоенный въ первой юности аскетическою набожностью, одѣлъ на себя платье капуцина. Онъ долгое время отличался самою смиренною нищетою, самою отталкивающею внѣшностью среди этихъ Діогеновъ христіанства. Первая зараза революціонныхъ идей охватила этотъ подвижной, увлекающійся умъ въ кельѣ его монастыря. Лихорадка свободы и социальнаго преобразованія зажгла его душу; онъ покинулъ и свои религіозныя убѣжденія, и свою рясу. Шумъ, произведенный отступничествомъ Шабо, вражда его къ алтарямъ своей юности, ярость и беспорядочность его народныхъ рѣчей, все это указало на Шабо на-

роду и ввело его въ законодательное собраніе. Скрываясь за Робеспьеромъ и Петіономъ, онъ видѣлъ, что за конституціей 1791 года стоитъ полное уничтоженіе королевскаго сана. Онъ открыто стремился къ тому. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые пренебрегаютъ извилистыми путями, раскрываютъ свою грудь предъ врагомъ и вѣрятъ, что дѣятельная и открытая вражда составляетъ лучшую политику по отношенію къ учрежденіямъ, которыя желательно разрушить. Шабо и Гранжневъ были на совѣщаніи въ Шарантонѣ.

5.

Однажды вечеромъ они вмѣстѣ вышли съ одной изъ этихъ конференцій, огорченные и разочарованные колебаніями и медлительностью заговорщиковъ. Гранжневъ шелъ молча, съ опущенной головой: „О чемъ ты думаешь?“ сказалъ ему Шабо. „Я думаю“, отвѣтилъ жирондистъ, „что эта медлительность отнимаетъ энергію у революціи и у отечества. Я думаю, что если народъ дастъ опомниться королевскому сану, то народъ погибъ. Я думаю, что для революціи бываетъ опредѣленная минута, и кто ее пропуститъ, тотъ постѣ ее не найдетъ и долженъ будетъ впослѣдствіи отдать, въ ней отчетъ Богу и потомству.“

„Вотъ что, Шабо! народъ не поднимется самъ собою; ему нуженъ стимуль, ему нуженъ припадокъ бѣшенства и страха, который удвоилъ бы его энергію; въ этомъ онъ нуждается въ послѣднюю минуту, чтобъ сломить свои дряхлыя учрежденія. Какъ сообщить ему этотъ порывъ? Я думалъ о томъ и нашелъ, наконецъ, такой способъ въ своемъ сердцѣ. Но найду ли я человѣка, способнаго и къ рѣшительности и сохраненію тайны, такъ какъ и то и другое необходимо при подобномъ дѣлѣ?“ „Говори“, сказалъ Шабо, „я способенъ на все для истребленія того, что ненавижу“. „Ну, такъ вотъ что“, продолжалъ Гранжневъ, „кровь ошьяняетъ народъ; чистая кровь находится въ колыбели всѣхъ великихъ революцій, отъ Лукреціи до Вильгельма Теля и Сидни. Для государственныхъ людей революціи являются теоріею; для народа—мestью. Для того, чтобы побудить толпу на мestь, ей нужно указать жертву. Но такъ какъ дворъ отказывается намъ въ этомъ удовольствіи, то мы должны сами отдаться своему дѣлу; нужно, чтобы жертва считалась павшею подъ ударами аристократовъ: нужно, чтобы человѣкъ, убійцею котораго будетъ считаться дворъ, былъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ его враговъ и членовъ собранія, чтобы къ убійству гражданина присоединилось въ этомъ поступкѣ еще и посягательство на національное представительство. Нужно, чтобы это убійство совершилось у самыхъ дверей дворца, чтобы оно требовало и близкаго, непосредственнаго мщенія. Но кто же будетъ этотъ гражданинъ? Я. Мое слово ничтожно, моя жизнь бесполезна для свободы; но смерть моя принесетъ ей пользу, трупъ мой будетъ знаменемъ возстанія и побѣды народа“.

Шабо слушалъ Гранжнева съ восхищеніемъ. „Тебя вдохновляетъ геній патріотизма“, сказалъ онъ ему: „если нужны двѣ жертвы, то я вызываюсь быть второю“. „Ты будешь составлять нѣчто большее, возразилъ Гранжневъ, ты будешь,—не говорю мнимъ убійцей, потому что я самъ умоляю о своей смерти: ты просто устроишь лишеніе меня жизни.“

„Въ эту ночь я буду прогуливаться одинъ и безъ оружія въ самомъ пустынномъ и наименѣ освѣщенномъ мѣстѣ, близъ калитки Лувра: поставимъ двухъ патріотовъ, преданныхъ общему дѣлу и вооруженныхъ кинжалами, условимся, какой сдѣлать знакъ; я сдѣлаю его самъ, чтобы на меня пали удары, я подамъ знакъ; они меня поразятъ; я приму смерть, не испустивъ ни одного крика. Они убѣгутъ. Утромъ найдутъ мой трупъ. Вы обвините дворъ! Мнѣніе народа довершитъ остальное!..“

Шабо, такой же фанатикъ, какъ и Гранжневъ, и также рѣшившійся оклеветать короля въ смерти патріота, поклялся своему другу выполнить этотъ гнусный обманъ, вызванный ненавистью. Мѣсто убійства была назначено, часъ условленъ, сигналъ рѣшенъ. Гранжневъ удался домой, сдѣлалъ завѣщаніе, приготовился къ смерти и въ полночь отправился на назначенное мѣсто. Онъ тамъ прогуливался два часа. Онъ нѣсколько разъ видѣлъ приближающихся людей, которыхъ принималъ за своихъ условленныхъ убійцъ. Онъ дѣлалъ условный знакъ и ожидалъ удара. Никто его не поразилъ. Шабо поколебался выполнить планъ, по недостатку ли рѣшимости или за недостаткомъ пригодныхъ орудій. Не у жертвы неостало самопожертвованія, а у убійцы.

6.

Среди этихъ изумительныхъ проявленій ненависти, однимъ человѣкомъ сдѣлана была попытка произвести не менѣ изумительное примиреніе партій. Это былъ Ламуреттъ, бывшій главный викарій Аррасскаго епископства, а тогда конституціонный епископъ Ліона. Революція, проникнувъ въ сердце этого искренно религіознаго человѣка, заимствовала нѣчто изъ христіанскаго милосердія. Онъ пользовался въ національномъ собраніи уваженіемъ за свою добродѣтель, наиболѣе рѣдкую во время борьбы идей, за умѣренность. Плоды уваженія, съ какимъ къ нему относились, Ламуреттъ собралъ въ одинъ день. Бриссо хотѣлъ взойти на трибуну для предложенія новыхъ мѣръ національной безопасности. Ламуреттъ опередилъ его, потребовалъ у президента слова для очереднаго предложенія и получилъ слово. „Изъ всѣхъ мѣръ“, сказалъ онъ, „какія вамъ предложить для прекращенія раздѣляющихъ насъ раздоровъ, забываютъ только одну, а между тѣмъ эта одна мѣра была бы достаточна, чтобы возвратить порядокъ государству и безопасность націи. Это—единеніе всѣхъ ея дѣтей въ одной и той же мысли, сближеніе всѣхъ членовъ собранія, неодолимый примѣръ, который сблизилъ бы всѣхъ гражданъ! Что же этому противится? Вполнѣ непримиримы только преступленіе и добродѣтель. Честные люди имѣютъ общую почву патріотизма и чести, гдѣ они всегда могутъ встрѣтиться. Что же насъ раздѣляетъ? Предубѣжденія, подозрѣнія однихъ противъ другихъ. Подавимъ ихъ въ патріотическомъ объятіи и въ единодушномъ клятвѣ. Поразимъ общимъ проклятіемъ и республику, и двѣ палаты!“

При этихъ словахъ цѣлое собраніе поднимается, клятва слетаетъ со всѣхъ устъ, крики энтузіазма раздаются въ залѣ и несутъ внѣ ея вѣсть, что слово честнаго человѣка угасило раздоры, смѣшало партіи, сблизило людей. Члены самыхъ противоположныхъ партій покидаютъ свои мѣста и обнимаютъ своихъ враговъ. Лѣвая и правая стороны болѣе не существуютъ. Рамонъ, Верньо,

Шабо, Вобланъ, Жансонне, Базиръ, Кондорсе, Пасторе, якобинцы и жирондисты, конституціонисты и республиканцы, все переѣмивается, сливается, изглаживается въ братскомъ единеніи. Сердца, утомленные раздорами, на минуту отдыхаютъ отъ ненависти. Къ королю отправляютъ посланіе о происшедшемъ, чтобы и онъ насладился согласіемъ своего народа. Король прѣзжаетъ. Онъ окруженъ криками энтузіазма. Душа его оживлена наилучшими надеждами. При естественной боязливости короля волненіе вырываетъ у него нѣсколько трогательныхъ словъ, удваивающихъ восторгъ собранія. „Я составляю одно съ вами“, говоритъ онъ голосомъ, въ которомъ слышатся слезы. „Наше единеніе спасетъ Францію“. Король выходитъ, сопровождаемый до самаго своего дворца благословеніями толпы. Онъ думаетъ, что снова привлекъ себѣ сердца французъ. Онъ обнимаетъ королеву, сестру свою, дѣтей; онъ хотѣлъ бы быть въ состояніи обнять весь свой народъ. Въ знакъ своего довѣрія онъ приказываетъ отворить садъ Тюльери, запертый со времени попытки 20-го іюня. Толпа бросается туда и осаждаетъ криками любви тѣ самыя окна, которыя она еще наканунѣ осаждала оскорбленіями. Королевская семья повѣрила наступленію нѣсколькихъ хорошихъ дней. Увы! первый день, которымъ она насладилась послѣ столькихъ лѣтъ страданія, не продолжался даже до вечера.

Постановленіе департаментскихъ властей, прекращавшее официальную дѣятельность Петіона и принесенное въ вечернее засѣданіе собранія, оживило худо подавленные несогласія. Чувство, какъ бы оно ни было сладостно, не можетъ взять верхъ надъ положеніемъ. Ненависть отлегла на мгновеніе, но она заключалась не столько даже въ сердцахъ, сколько въ обстоятельствахъ. Она зашевелилась и еще съ большею противъ прежняго силою.

Народъ сопровождалъ неистовыми воплями департаментскихъ правителей, которыхъ собраніе призвало въ свою среду. „Отдайте намъ Петіона! Ларошфуко въ Орлеанъ!“ Эти страшныя восклицанія отзывались въ глубинѣ сердца короля, послѣ мимолетной радости, которая его освѣтила. Засѣданіе клуба якобинцевъ было еще болѣе бурнымъ, чѣмъ наканунѣ.

„Въ собраніи цѣлуются“, сказалъ Вильо-Вареннъ, „это поцѣлуй Іуды, это поцѣлуй Карла IX, протягивающаго руку Колинъи! Такъ же цѣловались и въ ту минуту, когда король подготавливалъ свое бѣгство 6-го октября. Точно также обнимались и предъ рѣзней на Марсовомъ Полѣ. Обнимаются, но прекращены ли интриги двора? Развѣ отъ этихъ объятій враги менѣе скоро двигаются къ нашимъ границамъ? А Лафайетъ развѣ дѣлается отъ этого меньшимъ измѣнникомъ?..“

7.

Подъ такими предзнаменованіями приближался день федераціи. Королева видѣла это приближеніе съ ужасомъ. Все указывало на существованіе зловѣщихъ плановъ, предположенныхъ къ этой годовщинѣ. Революціонная Франція, посылая федератовъ Бреста и Марсели, послала въ Парижъ всѣхъ своихъ наиболѣе рѣшительныхъ людей. Королевская фамилія находилась въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь. Вся ея надежда покоилась на иностранныхъ войскахъ, которыя обѣщали освободить плѣнниковъ въ теченіе мѣсяца. Во дворцѣ раз-

считывали, отъ одного марша до другого, срокъ прибытія герцога Брауншвейгскаго въ Парижъ. День освобожденія былъ заранѣе обозначенъ пальцемъ королевы въ ея домашнемъ календарѣ. Дѣло шло только о томъ, чтобы сохранить жизнь до тѣхъ поръ; но королева боялась за короля въ одно и то же время и яда, и кинжала, и пули убійцы.

Подвергаясь надзору въ самыхъ секретныхъ комнатахъ дворца со стороны часовыхъ національной гвардіи, которые содержали караулъ у всѣхъ дверей, больше въ качествѣ тюремщиковъ, чѣмъ охранителей, королевская фамилія только для виду прикасалась къ кушаньямъ, которыя приготавлились для ея стола въ Тюльери, и получала тайнымъ образомъ свою пищу изъ вѣрныхъ и надежныхъ рукъ. Королева заставила короля надѣть нагрудникъ изъ пятнадцати рядовъ крѣпкаго шелку, для противодѣйствія кинжалу и пулѣ. Король только изъ снисхожденія къ нѣжности королевы согласился на эти предосторожности противъ судьбы. Революціи не убиваютъ, какъ убійцы; онѣ приносятъ человѣка въ жертву. Насчастный государь зналъ это. „Они не намѣрены теперь разить меня рукою убійцы“, сказалъ онъ тихо женищницѣ королевы, примѣрившей ему жилетъ съ подшитымъ нагрудникомъ. „Планъ ихъ переѣвился. Они заставятъ меня умереть среди бѣла дня и умереть королемъ“. Подобныя предчувствія король питалъ чтеніемъ катастрофъ, какія случались съ королями и какъ бы предвѣщали его судьбу. Портретъ Карла I, работы Ван-Дейка, находился предъ лицомъ короля въ его кабинетѣ; исторія этого государя, всегда раскрытая, лежала на столѣ: Людовикъ XVI ее изучалъ и какъ бы допытывался отъ этихъ страницъ тайны своей судьбы, которую онъ старался заблаговременно понять, чтобы устранить несчастье. Но король уже не обольщалъ себя. Будущее сказало ему свое слово. Спасти королеву, дѣтей, сестру—было послѣднимъ предѣломъ его надеждъ и единственнымъ двигателемъ его усилій. Что же касается до него самого, то его жертва уже была принесена. Онъ ее возобновлялъ каждый день въ религіозныхъ упражненіяхъ, которыя возвышали и укрѣпляли его самоотверженіе. „Я несчастливъ“, отвѣчалъ Людовикъ XVI одному изъ своихъ приближенныхъ, который совѣтовалъ королю геройски выдержать борьбу съ судьбою. „Безъ сомнѣнія, я могъ бы еще попытаться прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, но онѣ соединены съ огромнымъ рискомъ; если я и могу подвергнуться ему самъ, то не смѣю подвергать тому же мое семейство. Судьба слишкомъ много учила меня не полагаться на нее. Я не хочу бѣжать вторично. Мнѣ пришлось отъ этого слишкомъ худо. Я предпочитаю смерть; она не представляетъ для меня ничего страшнаго; я жду ея, я готовлюсь къ ней каждый день. Они удовольствуются моею жизнью и пощадятъ мою жену и дѣтей“.

8.

Королева питала тѣ же самыя мысли. Мрачная меланхолія, прерываемая только порывами мужественной гордости, замѣнила на ея лицѣ и въ словахъ ясность счастливыхъ дней. „Я начинаю видѣть, что они сдѣлаютъ королю процессъ“, сказала она своему другу, принцессѣ Ламбаль. „Что же касается до меня, то я иностранка, они меня умертвятъ! Что будетъ съ нашими бѣдными

дѣтьми? Часто приближенные королевы заставляли ее въ слезахъ. Одна изъ нихъ хотѣла предложить королевѣ, во время одного изъ ея припадковъ горести, пріемъ успокоительнаго: „Оставьте меня“, отвѣчала ей королева, — „эти лекарства бесполезны противъ душевнаго страданія; они мнѣ не помогутъ. Упадокъ силъ и спазмы — все это болѣзни счастливыхъ женщинъ. Со времени наступленія моихъ несчастій я не чувствую болѣе своего тѣла, я сознаю только свою судьбу; но не говорите этого королю“.

9.

Иногда, однакожъ, надежда брала верхъ надъ уныніемъ въ душѣ королевы. Отъ мрачныхъ предчувствій спасаль ее еще одинъ ресурсъ, молодость и сила характера. Боязнь скопищъ изъ предмѣстій и ночного нападенія заставила королеву покинуть прежнее помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ и поставить свою постель въ комнатѣ перваго этажа, между комнатою короля и дѣтей. Всегда просыпаясь задолго до разсвѣта, она запретила закрывать ставни и занавѣсы оконъ, чтобы быть въ состояніи насладиться первымъ дневнымъ свѣтомъ, который сокращалъ ея длинныя безсонныя ночи.

Въ одну изъ прекрасныхъ іюльскихъ ночей, когда комната королевы освѣщалась луною, Марія-Антуанета долго смотрѣла на небо съ сосредоточенною внутреннею радостью. „Видите эту луну“, сказала она женщинѣ, которая сидѣла у ногъ ея кровати; „когда такая же луна чрезъ мѣсяцъ снова засверкаетъ, я буду свободна и счастлива, наши оковы будутъ сломаны“. Королева изложила свои надежды, опасенія, муки, маршрутъ принцевъ и короля прусскаго, — ихъ близкій вѣздъ въ Парижъ, безпокойство о возможности взрыва въ столицѣ при приближеніи иностранныхъ войскъ, печаль о недостаткѣ энергіи у короля среди кризиса. „Онъ не трусъ“, сказала она: „напротивъ, онъ безстрастенъ въ виду опасности, но это мужество заключено въ его сердцѣ и не выходитъ оттуда; боязливость короля сдерживаетъ его отвагу въ душѣ. Дѣдъ короля, Людовикъ XV, продолжилъ его дѣтство до 21 года. Это отзывается на жизни короля. Онъ ничего не смѣетъ. Собственные слова устрашаютъ его. Одно его энергическое слово къ національной гвардіи въ такую минуту увлекло бы Парижъ. Король не произнесетъ такого слова. Я могла бы дѣйствовать, могла бы сѣсть на лошадь, еслибы это было нужно; но это значило бы подавать оружіе противъ него же. Поднимутся крики: „австріячка!“ Королева, которая не регентша, въ моемъ положеніи должна молчать и приготовляться къ смерти!“

10.

Принцесса Елизавета была повѣренною обоихъ супруговъ и принимала ласки дѣтей. Ея вѣра, болѣе покорная, чѣмъ у королевы, — болѣе нѣжная, чѣмъ у короля, — превращала жизнь принцессы въ непрерывную жертву. Подобно своему брату, принцесса находила утѣшеніе только у подножія алтарей. Каждое утро она самоотверженно распростиралась предъ ними. Дворцовая капелла была убѣжищемъ, гдѣ королевская семья укрывалась отъ столькихъ несчастій. Но и тамъ преслѣдовала королеву ненависть ея враговъ. Въ одинъ изъ первыхъ

воскресныхъ дней іюля солдаты національной гвардіи, наполнявшіе галерею, чрезъ которую король ходилъ слушать обѣдню, закричали: „не нужно короля! долой Veto!“ Король, привыкшій къ оскорбленіямъ, безъ удивленія слышалъ эти крики, видѣлъ угрожающія тѣлодвиженія. Но какъ только королевское семейство преклонило колѣна въ своей трибунѣ, музыканты капеллы разразились революціонными звуками „Марсельезы“ и „Ca ira“. Даже пѣвчіе, выбирая изъ псалмовъ угрожающія строфы, обращаемаы гнѣвомъ Божиимъ къ гордости царей, пѣли эти именно строфы съ аффектаціей, по нѣсколько разъ, какъ будто бы угроза и страхъ должны были исходить даже изъ святилища, гдѣ осужденная семья искала утѣшенія и силы.

Король былъ сильнѣе затронутъ этимъ оскорбленіемъ, чѣмъ всѣми прочими. Ему казалось, говорилъ онъ при выходѣ, что самъ Богъ обратился противъ него. Принцессы положили себѣ книги предъ глаза, стараясь скрыть свои слезы. Королева и дѣти не могли болѣе свободно дышать свѣжимъ наружнымъ воздухомъ. Какъ только открывали окно, каждый разъ на террасѣ фельяновъ слышался крикъ: „смерть Маріи-Антуанетѣ!“ Разносчики выставляли позорные эстампы, изображавшіе королеву въ видѣ Мессалины, а короля—въ видѣ Вителлія. Взрывы хохота черни отвѣчали циническимъ возгласамъ, съ какими эти люди обращались къ окнамъ двора. Самая внутренность комнатъ не служила убѣжищемъ отъ оскорбленій и опасности. Разъ ночью камердинеръ, сторожившій въ коридорѣ у дверей королевы, боролся съ убійцею, проскользнувшимъ въ темнотѣ. Марія-Антуанета при этомъ шумѣ вскочила съ постели. „Какое положеніе!“ вскричала она, „оскорбленія днемъ, убійство ночью!“

11.

Каждую минуту ждали новыхъ приступовъ предмѣстій. Въ одну ночь, когда увѣрены были, что послѣдуетъ вторженіе, король и принцесса Елизавета проснулись и были на ногахъ, но запретили будить королеву. „Пусть у нея будетъ нѣсколько часовъ покою“, сказалъ король г-жѣ Кампанъ, „у нея и такъ очень довольно страданій,—не будемъ ихъ опережать“. По пробужденіи, королева горько жаловалась, что ее оставили спать во время тревоги во дворцѣ. „Сестра моя Елизавета была близъ короля, а я спала.“ воскликнула она. „Я его жена и не хочу, чтобы онъ подверглся опасности, которой я не раздѣляю!“

Въ эти дни скорби король собралъ и спряталъ бумаги, открытыя въслѣдствіи, въ желѣзномъ шкафу. Извѣстно, что Людовикъ XVI,—вообще болѣе человѣкъ, чѣмъ король,—отдыхалъ отъ заботъ трона на ручныхъ трудахъ, и что онъ въ особенности искусенъ былъ въ дѣланіи замковъ. Чтобы усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, онъ, лѣтъ за десять передъ этимъ приблизилъ къ себѣ слесаря, по имени Гамена. Король и работникъ были друзьями, какъ вообще люди, которые проводятъ вмѣстѣ цѣлые часы, и въ интимныхъ сношеніяхъ обмѣниваются многими мыслями. Людовикъ XVI вѣрилъ преданности своего товарища по работѣ. Онъ ему ввѣрилъ свой секретъ: въ толстой стѣнѣ темнаго коридора, выходившаго въ его комнату, — было сдѣлано отверстіе, прикрытое желѣзною дверью и искусно замаскированное столярной работой.

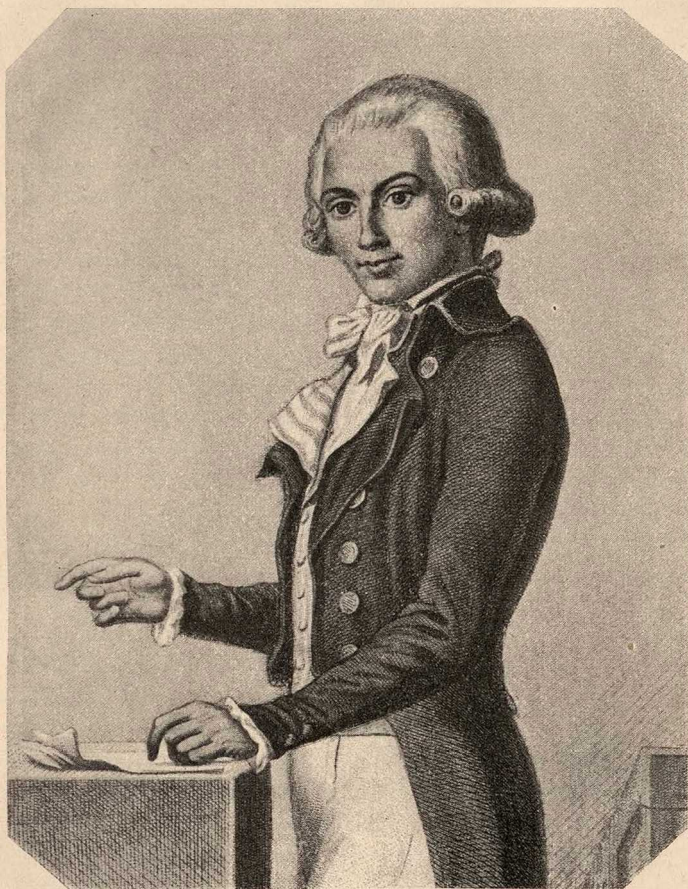
Тамъ король спряталъ важныя политическія бумаги и тайную корреспонденцію, которую вель съ Мирабо, Барнавомъ и жирондистами. Король считалъ сердце Гамена столь же надежнымъ и безмолвнымъ, какъ стѣна, которой онъ ввѣрялъ свои тайны. Гаменъ былъ измѣнникъ и донесъ на человѣка, который былъ для него больше чѣмъ королемъ, донесъ на своего товарища и друга.

12.

Въ день федераціи Людовикъ XVI отправился съ королевой и дѣтьми на Марсово Поле. Нерѣшительныя войска конвоировали его. Несмѣтная толпа народа окружала алтарь отечества. Крики „да здравствуетъ Петіонъ!“ оскорбляли короля при проѣздѣ. Королева трепетала за жизнь своего мужа. Король шелъ, по лѣвую руку отъ президента собранія, къ алтарю, чрезъ толпу. Королева, въ тревогѣ, слѣдила за нимъ глазами, думая, что всякую минуту увидить его заколотымъ тысячами штыковъ и пикъ, подъ которыми ему надо было проходить. Эти минуты были для нея цѣлыми вѣками мученій. У подошвы алтаря отечества произошло замѣшательство, произведенное приливомъ и отливомъ толпы: въ этой суматохѣ король исчезъ. Королева сочла его убитымъ и испустила крикъ ужаса. Но король снова появился. Онъ произнесъ гражданскую присягу. Окружающіе депутаты пригласили короля подложить собственной рукою огонь подъ искупительный трофей, въ которомъ соединены были все символы феодализма, предназначенные къ обращенію въ пепель. Достоинство короля возмутилось противъ роли, которую ему хотѣли навязать. Онъ отказался отъ этой церемоніи, сказавъ, что феодализмъ во Франціи былъ гораздо лучше разрушенъ конституціей, чѣмъ огнемъ. Депутаты Жансонне, Жанъ Дерри, Гарро и Антонелль одни зажгли костеръ при народныхъ рукоплесканіяхъ. Король возвратился къ королевѣ и вошелъ въ свой дворецъ среди безмолвнаго народа. Миновавшая опасность этого дня показала королю впереди другія, еще болѣе страшныя. Онъ выигралъ только одинъ день.

13.

На слѣдующій день одинъ изъ главныхъ агитаторовъ 89 г., Дюваль д'Эпремениль, сдѣлавшись ненавистнымъ націи за то, что хотѣлъ революціи только для парламентовъ, и что, какъ только послѣдніе подверглись нападкамъ, перешелъ на сторону двора, этотъ человѣкъ на слѣдующій день былъ встрѣченъ на террасѣ фельяновъ группами народа, которыя осыпали его оскорбленіями и старались обратить на него ярость марсельцевъ. Его поразили нѣсколькими сабельными ударами, убійцы топтали ногами, — протащили окровавленнаго за волосы въ ручей улицы Сентъ-Оноре къ водосточной трубѣ и хотѣли туда бросить; но нѣсколько національныхъ гвардейцевъ вырвали умирающаго изъ рукъ убійцъ и понесли его въ Пале-Рояльскій постъ. Толпа, жаждавшая крови, осаждала двери караулни. Прибыль Петіонъ, котораго увѣдомили объ этомъ, проложилъ себѣ дорогу, вошелъ въ караульню, — долго молча смотрѣлъ на д'Эпремениля, сложивъ руки на груди, и даже лишился чувствъ отъ ужаса при видѣ такого зловѣщаго поворота въ общественномъ мнѣніи. Когда парижскій мэръ пришелъ въ себя, несчастный д'Эпремениль съ трудомъ поднялся

Гаде.

съ походной постели, на которой лежалъ. „И я также, милостивый государь“, сказалъ онъ Петіону, „и я былъ идоломъ народа, а вы видите, что онъ сдѣлалъ со мною! Дай Богъ, чтобы вамъ выпала иная участь!“ Петіонъ ничего не отвѣчалъ, слезы катились изъ его глазъ; съ этого дня у него явилось предчувствіе непостоянства и неблагодарности народа.

Другія убійства, внезапныя, какъ дѣло рукъ толпы,—обнаруживали глухое лихорадочное броженіе, припадки котораго не замедлили разразиться дѣйствіями болѣе трагическими и общими. Священникъ, который присягнулъ, а потомъ отступился отъ конституціонной присяги, былъ повѣшенъ на фонарь на площади Людовика XV. Бывшій дворцовый тѣлохранитель, который проходилъ по Тюльерійскому саду и, взглянувъ съ умиленіемъ на дворецъ своихъ прежнихъ повелителей, обращенный въ тюрьму, измѣнилъ себѣ слезами, былъ схваченъ толпою женщинъ и дѣтей отъ 15-ти до 16 лѣтняго возраста, протасненъ по песку и съ утонченнымъ варварствомъ утопленъ въ садовомъ бассейнѣ, предъ окнами короля.

Національная гвардія слабо подавляла подобныя попытки; она чувствовала, что нравственная сила у нея ускользаетъ при приближеніи марсельцевъ. Поставленная между неистовствами народа и измѣною, приписываемою двору,—свирѣпствуя противъ однихъ, она боялась показывать видъ покровительства другимъ. Положеніе національной гвардіи было столь же ложное, какъ и положеніе короля, поставленнаго между націею и иностранцами. Дворъ видѣлъ свое уединеніе и тайнѣ набиралъ защитниковъ на время кризиса, которому смотрѣлъ въ лицо безъ слишкомъ большого страха. Швейцарцы—войско хотя наемное, но вѣрное; конституціонная гвардія, недавно распущенная, но офицеры и унтеръ-офицеры которой, получившіе тайныя субсидіи, удержаны были въ Парижѣ, чтобы собраться при случаѣ; далѣе, 500 или 600 дворянъ, вызванныхъ изъ своихъ провинцій рыцарскою преданностью монархіи, разбѣянные по различнымъ гостиницамъ квартала Тюльери, снабженные оружіемъ, спрятаннымъ подъ платьемъ, а также паролемъ и входными билетами, которые имъ открывали доступъ во дворецъ въ сборные дни; роты, состоявшія изъ людей народа и бывшихъ военныхъ, получавшихъ пособія изъ королевскаго *liste civile*, подъ начальствомъ д'Огмона, также въ числѣ 500 или 600 человекъ; сверхъ того, огромная дворцовая прислуга; батальоны національной гвардіи изъ преданныхъ королю кварталовъ, каковы *Butte des Moulins*, *des Filles-Saint-Thomas*; корпусъ конныхъ жандармовъ, состоявшій изъ лучшихъ солдатъ, набранныхъ въ кавалерійскихъ полкахъ; наконецъ, ядро линейныхъ войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Парижа,—все эти силы, соединенныя во имя конституціи около Тюльери, въ день боя, предоставляли двору прочную поддержку и перспективу побѣды, изъ которой король могъ извлечь пользу для возстановленія своего авторитета.

Эти силы были дѣйствительны и болѣе чѣмъ достаточны, если бы ихъ хорошо направили противъ многочисленныхъ, но безпорядочныхъ полчищъ предмѣстій. Король надѣялся на это, дворецъ опять исполнился увѣренностью. Вовсе не страшась новаго возстанія, на Тюльерійскихъ совѣщаніяхъ его даже желали. Увѣренность въ подавленіи и разгромѣ людей 20-го іюня подрѣзывала

всѣхъ. Королевскій санъ дошелъ до такой степени упадка, что могъ подняться только побѣдою. Онъ ждалъ боя и считалъ себя къ нему приготовленнымъ.

14.

Жирондисты и якобинцы, съ своей стороны, встревоженные реакціею общественнаго мѣнія, какую неудавшійся день 20-го іюня произвелъ въ Парижѣ и въ провинціяхъ, приготовлялись къ рѣшительному приступу. Хотя у нихъ вовсе не происходило предварительнаго соглашенія о томъ, какого рода правительство должно будетъ дать Франціи послѣ торжества народа, но имъ было необходимо это торжество во что бы ни стало и они вмѣстѣ начали сговариваться о низложеніи общаго врага. Сигналомъ и способомъ къ дѣйствію для этихъ двухъ партій должно было сдѣлаться прибытіе марсельцевъ въ Парижъ. Эти энергическіе, свирѣпые люди, разгоряченные долгимъ путешествіемъ, сдѣланнымъ ими во время лѣтнихъ жаровъ, воспламененные по дорогѣ огнемъ политическихъ партій, пожиравшимъ города и селенія, принесли съ собою это пламя въ Парижъ. Болѣе закаленные въ отчаянныхъ предпріятіяхъ, чѣмъ шумный, но въ сущности домошдѣ,—парижскій народъ, марсельцы должны были служить ядромъ великаго общенароднаго возстанія. Это была толпа изъ 1.500 человекъ, представлявшая собою живой образчикъ демагогической ярости, которая приливала отъ оконечностей страны, чтобы сообщить себѣ большую силу въ ея сердцѣ. Марсельцы приближались подъ предводительствомъ второстепенныхъ вождей; но два настоящихъ вождя опередили ихъ въ Парижъ: это были два молодыхъ марсельца—Барбару и Ребекки.

Ребекки былъ однимъ изъ первыхъ агитаторовъ 1789 года, именно въ ту эпоху, когда избраніе Мирабо въ учредительное собраніе смутило Э и Марсель. Преданный суду за свое участіе въ этихъ смутахъ, онъ былъ защищаемъ предъ собраніемъ своимъ краснорѣчивымъ сообщникомъ. Сдѣлавшись однимъ изъ вождей марсельскихъ якобинцевъ, Ребекки всталъ во главѣ батальоновъ національной гвардіи этого города, которые шли на Арль и вырвали авиньонскихъ убійцъ отъ мести законовъ. Посланный за это дѣло въ Орлеанскій судъ, онъ былъ покрытъ амнистіею, которою жирондисты прикрыли всѣ преступленія, совершенныя на югѣ. Рѣшившись толкнуть революцію къ ея цѣли, даже подъ рискомъ опередить ее, Ребекки, хотя и былъ сначала въ связяхъ съ жирондистами, но возвратился въ Марсель и набралъ тамъ, по соглашенію съ Барбару, подвижную марсельскую колонну, въ которой парижскіе заговорщики нуждались, чтобы наэлектризовать Францію и осуществить свои намѣренія. Призывъ такой народной силы въ Парижъ былъ мыслью г-жи Роланъ, выполненною этими двумя молодыми ея приверженцами. Пока ораторы и трибуны собранія безуспѣшно разлагольствовали въ клубахъ якобинцевъ, кордельеровъ и Манежѣ, волнуя массы, безъ сообщенія имъ опредѣленнаго импульса, женщина и два молодыхъ человека принимали на себя отвѣтственность за событія и подготавливали роковой день монархіи.

Барбару и Ребекки встрѣтили Ролана на Елисейскихъ поляхъ, незадолго до прибытія туда марсельцевъ. Старый министръ и молодые люди обнялись съ чувствомъ торжественной печали, которое въ сердцахъ людей рѣшительныхъ

опережать выполнение крайних планов. Поговорив вполголоса о несчастиях отечества и о замыслах, которые занимали собеседниковъ, они условились сойтись на слѣдующій день для послѣдняго разговора у г-жи Роланъ, чтобы избѣгнуть бдительнаго глаза шпіоновъ двора.

Оба марсельца отправились ночью въ маленькую комнатку улицы Лагарпъ, гдѣ помѣщался со времени отставки смѣщенный министръ. Г-жа Роланъ, служившая душою для своего мужа и вдохновеніемъ для его друзей, присутствовала при разговорѣ, который возвышалась до уровня своего ума и характера. „Свобода погибла, если мы дадимъ время двору“, сказалъ Роланъ. „Лафайетъ явился въ Парижъ, чтобы своимъ диктаторскимъ присутствіемъ раскрыть намъ тайну измѣны, замышляемой имъ въ сѣверной арміи. Армія центра не имѣетъ ни комитета, ни преданности, ни генерала. Черезъ шесть недѣль австрійцы будутъ въ Парижѣ!“

Раскрыли карты, стали изучать мѣстоположеніе, линій рѣкъ, извилины горъ, ущелья, которыя могли составлять самыя неодолимые препятствія нашествію иностранцевъ. Начертили резервные лагери, предназначенные къ тому, чтобы послѣдовательно прикрывать второстепенныя линіи, когда главные будутъ взяты. Наконецъ, рѣшились ускорить прибытіе марсельскихъ батальоновъ, чтобы выполнить декретъ о лагерѣ подъ Парижемъ и предупредить рѣшительнымъ возстаніемъ слѣдствіе козней двора. Условлено было, что Петіонъ, нужный для предполагаемаго движенія, по причинѣ того вліянія, какимъ обладало его имя, а для мѣрии необходимый, чтобы парализовать всякое сопротивленіе муниципалитета и національной гвардіи заговору, сохранить прежнюю роль легально-притворнаго безучастія, столь полезную для агитаторскихъ замысловъ. Барбару, обѣдая у Петіона нѣсколько дней спустя, громко сказалъ хозяину, что скоро ему придется быть плѣнникомъ въ своемъ домѣ. Петіонъ понялъ и улыбнулся. Жена его притворно встревожилась. „Успокойтесь, сударыня!“ возразилъ Барбару, „если мы и свяжемъ Петіона, то лишь подлѣ васъ и притомъ трехцвѣтными лентами“.

Карра также увѣдомилъ Петіона, что его поведеніе будетъ согласовано съ официальными обязанностями мэра, благодаря охранный стражѣ, которая для виду сдѣлаетъ ему насиліе и помѣшаетъ дѣйствію въ минуту возстанія. Петіонъ такъ вошелъ въ свою роль въ этой комедіи легальности, что послѣ событія даже жаловался на то, что заговорщики опоздали его арестовать и что онъ нѣсколько разъ посылалъ самъ, чтобы ускорить прибытіе инеургентскихъ отрядовъ, которые должны были притворно арестовать мэра. Г-жа Роланъ была душою возстанія, Барбару, Дантонъ, Сантерръ — вождями, Петіонъ доставлялъ средства.

Заговорщики искали нѣсколько дней генерала, который бы былъ способенъ сообщить нестройнымъ массамъ военную выправку и создать армію народа противъ арміи двора. Они обратили вниманіе на генерала альпійской арміи Монтестье, который находился въ то время въ Парижѣ, куда прибылъ требовать подкрѣпленій. Монтестье, пылавшій честолюбивымъ стремленіемъ къ славѣ, почестямъ, — принадлежавшій по рожденію къ партіи двора, а по своимъ принципамъ и по открытымъ ему революціею надеждамъ, — къ партіи народа, казался

Дантону однимъ изъ такихъ людей, которыхъ можно одинаково соблазнить и заслугами свободѣ, и заслугами трону. Роланъ и его друзья имѣли совѣщанія съ этимъ генераломъ у Барбару. Они ему разоблачили часть своихъ плановъ. Монтескье выслушалъ ихъ безъ удивленія и безъ отвращенія, но рѣшительнаго мнѣнія не выразилъ. Собесѣдники подумали, что дворъ уже опередилъ ихъ и что Монтескье, сомнѣваясь въ результатѣ этой послѣдней борьбы между народомъ и королемъ, хотѣлъ сохранить себѣ свободу дѣйствій, по указанію случая и обстоятельствъ. Жирондисты оставили генерала, не прекращая окончательно съ нимъ сношеній, и рѣшились не давать народу другой тактики, кромѣ той, какую внушить его собственная ярость, и другого генерала, кромѣ судьбы.

15.

На слѣдующій день, 29-го іюля, марсельцы прибыли въ Шарантонъ. Барбару, Бурдонъ де л'Уазъ, Мерленъ, Сантерръ отправились имъ навстрѣчу, сопровождаемые нѣсколькими людьми изъ партіи якобинцевъ и изъ предмѣстій. Братскій банкетъ соединилъ марсельцевъ съ парижскими заговорщиками. Руки собесѣдниковъ сжимались, голоса смѣшались въ одно цѣлое. Вожди нашли свою армію, армія нашла вождей. Дѣйствіе не могло теперь замедлиться. Послѣ банкета, на которомъ воспламенявшій сердца энтузіазмъ разразился пѣсней Руже де Лиля, заговорщики простились на нѣсколько часовъ съ марсельцами, которые помѣстились у главныхъ патріотовъ Шарантона. Подъ прикрытіемъ ночи они отправились въ уединенный сельскій домъ, окруженный садами и служившій, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тайнымъ пріютомъ для ихъ совѣщаній. Сантерръ, Дантонъ, Фабръ д'Эглантинъ, Пани, Югененъ, Гоншонъ, Маратъ, Александръ, Камилль Демуленъ, Варле, Ланфанъ, Барбару и нѣкоторые другіе люди дѣйствія находились тамъ. Въ этомъ домѣ готовились всѣ знаменитые дни революціи. Здѣсь назначался часъ, здѣсь давался лозунгъ. Интимныя, но часто бурныя совѣщанія предшествовали этимъ рѣшеніямъ. Пустынные проулки и широкія поля, воздѣланныя огородниками предмѣстій, отдѣляли домъ заговорщиковъ отъ другихъ жилыхъ помѣщеній, такъ что собраніе сговаривающихся не могло быть замѣчено и крики терялись въ пространствѣ. Постоянно запертыя двери и ставни сообщали этому жилищу наружность необитаемаго сельскаго дома. Привратникъ отворялъ ворота его только ночью и по условнымъ знакамъ.

Было за полночь, когда вожди отправились туда разными путями, еще разгоряченные патріотическими гимнами и винными парами. По одному изъ тѣхъ странныхъ совпаденій, которыя иногда приобщаютъ великіе кризисы природы къ великимъ политическимъ кризисамъ, въ эту минуту надъ Парижемъ разразилась гроза. Тяжелый, удушливый жаръ цѣлый день стѣснялъ дыханіе. Густыя облака, окрашенные къ вечеру мрачными цвѣтами, какъ бы поглотили солнце въ воздушномъ океанѣ. Къ десяти часамъ электричество вырвалось оттуда тысячами молній, озарявшихъ небо лучезарнымъ трепетомъ. Вѣтеръ, заключенный позади этого облачнаго покрывала, вырывался изъ-подъ него съ ревомъ, похожимъ на ревъ волнъ, сгибалъ жатву, ломалъ вѣтви деревьевъ, срывалъ крыши. Дождь и градъ стучали по землѣ, какъ будто бы ее сверху кто осыпалъ ка-

меньями. Дома запырлись, улицы и дороги мгновенно опустѣли. Гроза, не перестававшая свирѣпствовать въ теченіе восьми часовъ сряду, убила нѣсколько мужчинъ и женщинъ изъ тѣхъ, которые прѣзжаютъ по ночамъ снабжать Парижъ провизіей. Часовые были найдены пораженными громомъ среди пепла своихъ будокъ. Желѣзныя рѣшетки, сломанныя вѣтромъ или небеснымъ огнемъ, были оторваны отъ стѣнъ, къ которымъ прикрѣплялись болтами, и унесены на невѣроятное разстояніе. Съ двухъ природныхъ куполовъ, возвышающихся надъ парижскимъ горизонтомъ, съ Монмартра и Монъ-Валерьяна, стекала въ громадномъ количествѣ влага, которая накопилась въ обвивавшихъ ихъ облакахъ. Гроза, которая преимущественно избираетъ уединенно стоящіе и увѣчанные желѣзомъ монументы, сбила всѣ кресты, какіе возвышались въ полѣ на перекресткахъ дорогъ, отъ равнины Иеси и лѣсовъ Сентъ-Жермена и Версаля, до креста на Шарантонскомъ мосту. На слѣдующій день продольныя и поперечныя перекладины этихъ крестовъ усыпали землю, точно какое-нибудь невидимое враждебное войско по пути ниспровергло всѣ эти знаки христіанскаго культа.

16.

Подъ шумъ этой грозы шарантонскіе заговорщики разсуждали о ниспроверженіи трона. Дантонъ, Гюгененъ, Александръ, Гоншонъ, Камиллъ Демуленъ, находившіеся въ постоянномъ сообщеніи съ парижскими кварталами, ручались за революціонное настроеніе народа.

Сантерръ обѣщалъ, что 40,000 жителей предмѣстій на слѣдующій день отправятся впереди марсельцевъ какъ бы для того, чтобы брататься съ ними. Условились помѣстить фокейскихъ федератовъ въ центрѣ этой страшной колонны и провести ее изъ предмѣстій на набережныя. По приказанію Петіона, который былъ въ этомъ дѣлѣ сообщникомъ, слабо охраняемый артиллерійскій обозъ долженъ былъ встать по дорогѣ марсельцевъ такъ, чтобы могъ ими быть отнятъ. Тысяча человекъ инсургентовъ должны были отдѣлиться отъ главной колонны, пока она направлялась къ Лувру, окружить ратушу, парализовать дѣйствія Петіона и благопріятствовать прибытію изъ отдѣленій новыхъ комиссаровъ, которые, появившись, низложили бы муниципалитетъ, назначили новый и, такимъ образомъ, сообщили бы движенію легальный характеръ. 400 человекъ должны были отправиться арестовать департаментскихъ властей. Арсеналь, хлѣбный рынокъ, Домъ Инвалидовъ, дома министровъ, мосты чрезъ Сену—должны были быть заняты многочисленными караулами. Затѣмъ армія народа, раздѣленная на три корпуса, двигается на Тюльери. Она располагается на Карусели и въ саду съ пушками, съѣстными припасами, палатками, окапывается тамъ рвами, окружаетъ себя баррикадами, боевыми редутами и такимъ образомъ преграждаетъ всѣ сообщенія между замкомъ и его вѣншими защитниками, если бы такіе нашлись. Слабая швейцарская стража въ Тюльери не рѣшится бороться противъ безчисленной арміи, снабженной артиллерією. На другіе швейцарскіе полки въ ихъ казармахъ не предполагалось нападать, а ограничиться только тѣмъ, что окружить ихъ и приказывать неподвижно выжидать проявленія національной воли. Силою во дворецъ проникать не должно; надобно только блокировать королевскій санъ въ его послѣднемъ убѣжищѣ; затѣмъ, въ подражаніе римскому народу, когда онъ удалялся

на Авентинскую гору, должно было послать плебисцитъ въ собраніе, и тѣмъ дать ему знать, что народъ, расположившійся лагеремъ вокругъ Тюльери, не положить оружія до тѣхъ поръ, пока національное представительство не поможетъ устранить опасность отечества и не обезпечить свободы. Никакой безпорядокъ, ни насиліе, ни грабежъ не останутся безнаказанными; кровь не прольется. Низложеніе короля совершится при помощи того внушительнаго проявленія силы, которая, отнимая смѣлость у всякаго сопротивленія, устраняетъ поводъ и случай ко всякимъ излишествахъ. Это будетъ просто актъ воли народа,—великій, чистый и безукоризненный, какъ самъ народъ.

Таковъ былъ планъ жирондистовъ, написанный карандашомъ Барбару, переписанный Фурнье, однимъ изъ вождей марсельцевъ, — и принятый Дантономъ и Сантерромъ.

17.

Заговорщики поклялись другъ другу выполнить этотъ планъ на слѣдующій день, а чтобы предохранить себя взаимно противъ измѣны, если среди нихъ могъ быть измѣнникъ, они условились взаимно наблюдать другъ за другомъ. Каждый предводитель марсельцевъ взялъ съ собою одного изъ парижскихъ вожakovъ; каждый парижскій вождь присоединилъ къ себѣ марсельскаго агента: Геронъ съ Ребекки, Барбару съ Бурдономъ, и такъ всѣ прочіе, чтобъ измѣна, съ какой бы стороны она ни явилась, немедленно нашла себѣ мстителя въ томъ самомъ сообщникѣ, котораго сама бы избрала.

Что же касается до рѣшенія національнаго собранія, то предупреждать его воздержались, боясь породить раздоры въ ту самую минуту, когда необходимо было единодушіе. Цѣль партій должна быть возможно болѣе обширна и опредѣленна, какъ страсти и химеры каждаго изъ тѣхъ, кто составляетъ самыя партіи. Все, что съ точностію опредѣлено, тѣмъ самымъ умаляетъ свое значеніе. Не указывать опредѣлительно ни на что, но надѣяться на все, вотъ въ чемъ заключается обаяніе революцій.

Однакожъ, низложеніе короля было общимъ лозунгомъ патриотовъ; его уже громко требовали въ клубахъ, въ отдѣлахъ, въ петиціяхъ, въ самомъ собраніи. Народъ, расположившійся вокругъ дворца, который ему называли очагомъ измѣны, неизбежно потребовалъ бы низложенія у своихъ представителей. Но возстановятъ ли самый тронъ, когда король сойдетъ съ него? Кто будетъ призванъ занять опустѣвшій тронъ? Будетъ ли это ребенокъ, подъ опекою народа? Или герцогъ Орлеанскій? Но герцогъ Орлеанскій имѣлъ за себя лишь своихъ приближенныхъ: серьезныхъ приверженцевъ у него было мало. Если предполагаемое сообщничество герцога въ замыслахъ противъ двора и соблазняло нѣсколькихъ людей, утратившихъ честь и запугавшихся въ долгахъ, то искреннимъ друзьямъ свободы имя герцога, имѣвшее дурную репутацію, было ненавистно. Рожденіе, имуществъ, общность интересовъ, популярность, солидарность мнѣній, преданность народному дѣлу, — всѣми этими условіями герцогъ Орлеанскій обладалъ для того, чтобы получить корону отъ народа и раздѣлить его торжество. Одного ему недоставало: общественнаго уваженія! Герцогъ могъ служить своему отечеству и спасти его; но прославить революцію онъ не

могъ. Вотъ въ чемъ состояла его вина. Робеспьеръ и клубъ якобинцевъ съ ненавистью отвергали его имя. Жирондисты пренебрегали герцогомъ изъ-за его обстановки. По общему согласію, они устранили его изъ предполагаемой программы.

Роланъ, Верньо, Жансонне, Гаде, самъ Барбару,—хотя колебались еще предъ республикой и не рѣшались на нее, все-таки предпочли бы даже республику съ возможностью анархіи господству такого принца, который замѣнилъ-бы слабость трона сомнительностью и, по мнѣнію жирондистовъ, сообщилъ бы молодой, здоровой конституціи всѣ недостатки дряхлости. Перемѣна династїи, регентство, диктатура или республика,—обо всемъ этомъ господствовало полное молчаніе среди вожаковъ движенія. Это было предоставлено обстоятельствамъ; жирондисты довольствовались общою подготовкою событій, не помогая раскрыть заранѣе ихъ тайну. Таково было постоянное направленіе жирондистовъ: всегда стремиться, не зная къ чему. Система предоставленія всего случаю сдѣлала этихъ людей орудіями революціи; та же система не позволила имъ никогда господствовать надъ нею. Самый характеръ жирондистовъ предназначалъ ихъ къ тому, чтобы давать революціи лишь толчокъ, но не направленіе. Потому-то революція ихъ всѣхъ и унесла съ собою, унесла не туда, куда они хотѣли, и дальше того, чѣмъ они предполагали идти.

18.

Задуманный планъ не удался вслѣдствіе невозможности сдѣлать въ теченіе остальной ночи необходимыя распоряженія къ собранію инсургентовъ. Барбару обвинялъ за эту медленность Сантерра, который хотѣлъ больше взволновать свое предмѣстье, чѣмъ ниспровергнуть правительство. Самъ Петіонъ не былъ готовъ. Центръ всѣхъ легальныхъ и инсurreкціонныхъ движеній національной гвардіи, повѣренный и тѣхъ, которые хотѣли защищать конституцію, и тѣхъ, которые хотѣли ее ниспровергнуть, онъ каждому говорилъ различнымъ языкомъ и давалъ противорѣчащія приказанія. Изъ этого произошло смѣшеніе распоряженій, совѣтовъ и мѣръ, которое, оставивъ всѣхъ въ неизвѣстности на счетъ истинныхъ намѣреній парижскаго мэра, пріостановило все... Ни Парижъ, ни предмѣстья не взволновались. Марсельцы отправились въ путь, не имѣя другой свиты, кромѣ вождей, которые пришли наканунѣ брататься съ ними. Двѣсти человѣкъ національной гвардіи и полсотня федератовъ безъ мундировъ, вооруженные пиками и ножами, одни только присутствовали при ихъ въѣздѣ въ Парижъ. Пѣна предмѣстій и Пале-Рояля—дѣти, женщины, праздношатающіеся—составляли живую ограду на Бастильской площади и на улицахъ, чрезъ которыя они проходили, чтобы отправиться въ мэрію. Петіонъ обратился къ этимъ колоннамъ съ рѣчью. Казармы ихъ были назначены на Шоссе д'Антень. Они туда отправились.

Сантерръ и нѣсколько національных гвардейцевъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья распорядились приготовить имъ банкетъ у ресторатора Елисейскихъ полей. Невдалекѣ оттуда у другого ресторатора также накрыты были столы, за которыми собралось, частію съ намѣреніемъ, частію случайно, нѣкоторое число офицеровъ національной гвардіи изъ числа преданныхъ королю батальоновъ, нѣсколько уволенныхъ національных гвардейцевъ и молодые роялистскіе

писатели. Такая встрѣча не могла не произвести ссоры. Полагають, что роялисты желали ее, чтобъ воодушевить Парижъ противъ этой чужеземной орды и требовать отсылки марсельцевъ въ суссонскій лагерь. Въ жару пира, они съ аффектаціей испускали крики: „да здравствуетъ король“,—крики, которые врагамъ трона казались вызовомъ. Марсельцы отвѣчали криками „да здравствуетъ нація!“ Одни тѣлодвиженія вызывали другія. Группы народа, которыя хотя издали присутствовали на банкетахъ, бросали грязью въ роялистскихъ гренадеровъ. Последніе обнажили сабли. Народъ призвалъ на помощь марсельцевъ. Рвы и частоколы, которые раздѣляли два сада, были переступлены въ секунду. Острія скрестились, вырванные съ оградъ частоколы послужили оружіемъ сражающимся. Пролилась кровь. Много національныхъ гвардейцевъ было ранено. Одинъ изъ нихъ, биржевой агентъ Дюгамель, дважды выстрѣлилъ изъ пистолета въ нападающихъ. Онъ палъ, пораженный на смерть, подъ штыкомъ марсельца. Главнокомандующій отрядами дворцовой стражи велѣлъ бить генераль-маршъ и помѣстить артиллерию въ саду, какъ бы опасаясь нашествія. Батальонъ Filles-Saint-Thomas самовольно взялся за оружіе, чтобъ летѣть на помощь гренадерамъ. Другіе батальоны, подражая этому, расположились на бульварахъ и хотѣли отправиться въ казармы марсельцевъ съ требованіемъ мщенія. Петіонъ поспѣшно прибылъ въ казарму, освободилъ нѣсколькихъ плѣнниковъ, сдержалъ національную гвардію и возстановилъ порядокъ.

Во время этого смятенія обѣжавшіе роялисты нашли убѣжище по подъемному мосту въ Тюльерійскомъ саду, а раненые были перенесены въ караульную національной гвардіи дворца. Король, королева, придворныя женщины, дворяне, собравшіеся около нихъ при молвѣ объ опасности, вышли въ караульную, перевязали собственными руками раны своихъ защитниковъ, разразились въ выраженіяхъ сочувствія къ національной гвардіи, негодованія противъ марсельцевъ. Реньо де Сенъ Жанъ д'Анжели былъ въ числѣ раненыхъ. Вечеромъ возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ марсельцевъ среди буржуазіи было всеобщимъ. Въ засѣданіи собранія на слѣдующій день многочисленныя петіціи требовали ихъ удаленія. Трибуны встрѣчали петіціонеровъ воплями. Мерленъ требовалъ перехода къ очередному порядку. Монто порицалъ рыцарей кинжала. Гастонъ видѣлъ въ этомъ дѣлѣ вызовъ двора къ междоусобной войнѣ. Гранженъ порицалъ планы мести, задуманные національной гвардіей. Другіе жирондистскіе депутаты презрительно отклонили требованіе удалить марсельцевъ и улыбались при видѣ этой прелюдіи насилій.

Дворъ, уstraшенный такими симптомами, старался обезпечить себѣ содѣйствіе вождей этой толпы посредствомъ подкупа, благодаря которому дворъ считалъ къ себѣ привязаннымъ Дантона. Но легко подкупить только интригу, не такъ легко это сдѣлать съ фанатизмомъ. Среди марсельцевъ были люди крови, но не было измѣнниковъ. Отъ этого плана пришлось отказаться.

Марать съ своей стороны послалъ къ Барбару зажигательное письмо, для отпечатанія и раздачи солдатамъ. Въ этомъ письмѣ Марать предлагалъ произвести рѣзню законодательнаго собранія, но хотѣлъ пощадить короля и королевское семейство. Его глухія и мимошлетныя сношенія съ тайными агентами двора дѣлали подозрительною эту гуманность подъ перомъ человѣка, который дышалъ

только кровью. Маратъ тогда еще не вѣрилъ въ побѣду народа среди подготавливающагося кризиса. Онъ боялся за себя; 9-го августа онъ потребовалъ тайнаго разговора съ Барбару и заклиналъ послѣдняго вывести изъ-подъ ударовъ враговъ его, Марата, уведя съ собою въ Марсель въ костюмъ угольщика.

19.

Сдѣланъ былъ и другой поступокъ, отъ имени Робеспьера, хотя и безъ его вѣдома; цѣлью и въ этомъ случаѣ было привлечь марсельцевъ къ его личному дѣлу. Двое изъ его довѣренныхъ лицъ, Пани и Фреронъ, товарищи Робеспьера по муниципалитету, настояли на призваніи Барбару въ ратушу, подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно дать марсельскимъ батальонамъ казарму, болѣе близкую къ центру движеній революціи, къ кордельерамъ. Это предложеніе было принято. Пани, Фреронъ, Сержанъ прикрыли свою мысль туманомъ. „Народу нуженъ вождь! Бриссо стремится къ диктатурѣ. Петіонъ обладаетъ ею, но не пользуется. Это слишкомъ мелкій талантъ! Безъ сомнѣнія, онъ любитъ революцію, но онъ желаетъ невозможнаго: революцій легальныхъ! Если бы слабости этого человѣка не дѣлалось насилія, то никогда не добились бы никакого результата“.

На слѣдующій день Барбару допустилъ себя увлечь къ Робеспьеру. Пылкій, молодой житель юга былъ пораженъ изумленіемъ при входѣ къ суровому, холодному философу. Самообожаніе Робеспьера,—культъ, который онъ воздавалъ себѣ самому,—сквозило даже въ самыхъ простыхъ украшеніяхъ его скромнаго кабинета. Повсюду находилось его собственное изображеніе, воспроизведенное карандашомъ, кистью, рѣзцомъ. Робеспьеръ не пошелъ далѣе общихъ размышленій о ходѣ революціи,—о томъ, что самъ онъ и якобинцы ускорили ея движеніе,—о неотвратимости предстоящаго кризиса, и о необходимости дать центръ, душу, вождя этому кризису, облечь такого вождя народнымъ всемогуществомъ. „Мы точно также не хотимъ диктатора, какъ и короля“, круто отвѣчалъ Ребекки. Разговоръ прервался, собесѣдники разошлись. Пани сопровождалъ молодыхъ марсельцевъ и, пожимая руку Ребекки, сказалъ ему: „вы не такъ поняли; дѣло шло только о преходящемъ, революціонномъ авторитетѣ, который бы направилъ и спасъ Францію, а вовсе не о диктатурѣ. Робеспьеръ—тотъ самый человѣкъ, вышедшій изъ народа, какого нужно“.

За исключеніемъ этого разговора, предложеннаго друзьями Робеспьера, безъ его вѣдома, и принятаго вождями марсельцевъ,—ничто не показываетъ въ Робеспьерѣ ни преждевременнаго честолюбиваго стремленія къ диктатурѣ, ни даже какого бы то ни было прямого соучастія въ движеніи 10-го августа. Республика была для него перспективой, отодвинутой въ даль почти идеальную; регентство предвѣщало ему правленіе слабое и полное междоусобицъ; герцога Орлеанскій былъ Робеспьеру противенъ, какъ коронованная интрига; конституція 1791 г., честно выполненная, удовлетворила бы Робеспьера, если бы не измѣны, которыя онъ приписывалъ двору. Диктатура, которой онъ желалъ для себя, была диктатурою надъ общественнымъ мнѣніемъ, верховнымъ господствомъ слова. Къ другой власти Робеспьеръ не стремился, и всякое судорожное движеніе вещей могло только повредить поставленной имъ себѣ цѣли.

XX.

Броженіе умовъ.—Марсельцы и парижская коммуна требуютъ низложенія короля.—Дворъ готовится къ сопротивленію.—Предложеніе о преданіи суду Лафайета отвергнуто.—Конституціонные депутаты подвергаются оскорбленіямъ.—Приготовленія инсургентовъ.—Ночь съ 9-ого на 10-го августа.—Набать.—Интимныя сцены у заговорщиковъ.—Душевные мученія королевы и принцессы Елизаветы.—Описание Тюльерійскаго замка.—Численность войскъ.—Настроеніе ихъ.—Возможность отразить инсургентовъ.

1.

Между тѣмъ броженіе возрастало съ часу на часъ. Повсюду слышался тотъ глухой рокотъ, который служитъ предвѣстникомъ политическихъ катастрофъ, какъ и катастрофъ естественныхъ. Говорили, что Лафайетъ идетъ на Парижъ. Старый Люкнеръ сознался въ этомъ проектѣ Гаде, во время обѣда у епископа Гобеля. Узнавъ объ опасности такого признанія, Люкнеръ теперь отвергалъ его. Федераты, скопившись въ Парижѣ, отказывались выходить оттуда подъ предлогомъ тайной измѣны генераловъ-аристократовъ, подъ начальствомъ которыхъ солдаты будто бы посылали не на побѣду, а на смерть. Дюмуре получилъ измѣнническое приказаніе снять свой лагерь и открыть, такимъ образомъ, доступъ къ столицѣ австрійцамъ. Одушевленный патріотическимъ чувствомъ, онъ не повиновался. Во дворцѣ тайно дѣлались приготовленія къ нападенію и къ защитѣ. Внутреннія комнаты короля были наполнены дворянами и эмигрантами. Главный штабъ національной гвардіи вошелъ въ интриги съ дворомъ. Карусель и тюльерійскій садъ были лагеремъ, дворецъ—крѣпостью, готовою извергнуть на Парижъ картечь и пламя. Самая почва тюльерійскаго сада считалась народомъ землею проклятою, которую даже попирали ногами нельзя добрымъ гражданамъ. Между этимъ садомъ и террасой фельяновъ, вмѣсто всякой другой ограды, была протянута трехцвѣтная лента съ слѣдующею угрожающею надписью: „тиранъ, нашъ гнѣвъ держится на лентѣ, а твоя корона—на ниткѣ“.

Отдѣлы Парижа, — легальные клубы, несвязные обрывки муниципалитетовъ, постоянные центры анархическихъ разсужденій, попытались достигнуть нѣкотораго единства, чтобы сдѣлаться болѣе внушительными и страшными собранію и двору. Петіонъ организовалъ въ городской ратушѣ бюро общей корреспонденціи между отдѣлами. Отъ имени ихъ составили адресъ къ арміи,

который, въ сущности, былъ вызовомъ къ рѣшѣ генераловъ. „Не противъ австрійцевъ“, говорили войскамъ, „Лафайетъ хочетъ васъ вести, а противъ насъ! Кровью лучшихъ гражданъ онъ хотѣлъ бы оросить мостовую королевскаго дворца, чтобы усадить взоры этого ненасытнаго и развратнаго двора! Но мы наблюдаемъ за нимъ, мы сильны! Въ то самое мгновеніе, когда измѣнники исчезнутъ, и мы погребемъ самихъ себя подъ пепломъ нашихъ городовъ!“.

Рѣчи, подобныя этому адресу, волновали умы народа въ отдѣлахъ. Печать разнесла по всей странѣ одну изъ такихъ рѣчей, произнесенныхъ въ люксембургскомъ отдѣлѣ; сжатость этой рѣчи возбуждала энергію. „Французы, вы произвели революцію, противъ кого? Противъ короля, двора, дворянъ и ихъ сообщниковъ! Совершивъ эту революцію, кому вы ввѣрили ея участь! Королю, двору, дворянамъ и ихъ сообщникамъ! Съ кѣмъ вы ведете виѣшнюю войну? Съ королями, дворами, съ дворянствомъ и ихъ сообщниками! Кого вы поставили во главѣ своихъ армій? Короля, дворянъ, дворъ и ихъ сообщниковъ! Ну, дѣлайте же изъ всего этого заключеніе: или король, дворяне и интриганы, которые поставлены во главѣ вашихъ дѣлъ и вашихъ армій,—всѣ они Бруты, жертвующіе отцами, братьями, дѣтьми блугу отечества, или они вамъ измѣняютъ!“ Заключеніе этой рѣчи было уже нетрудно вывести: оно состояло въ томъ, что не должно ввѣрять судьбу революціи людямъ, противъ которыхъ она была совершена, т. е. всѣ полуреволюціи не что иное, какъ химеры, и что только республика можетъ искренно вести войну съ монархіей. „Возстаньте, граждане!“ говорилось въ отдѣлѣ Моконсель. „Презрѣнный тиранъ издѣвается надъ нашей судьбой; пусть же онъ падетъ! Общественное мнѣніе одно только составляетъ силу королей; такъ пусть же оно его и низложитъ! Объяснимъ, что мы не признаемъ болѣе Людовика XVI королемъ французовъ!“

Въ отдѣлѣ „Французскаго театра“ Дантонъ попиралъ ногами аристократическое различіе между активными и пассивными гражданами и призывалъ ихъ всѣхъ, какъ пролетаріевъ, такъ и собственниковъ, взяться за оружіе для спасенія общаго отечества.

2.

Болѣе логичный, чѣмъ Лафайетъ, Дантонъ не замѣчалъ границъ, проводимыхъ между гражданами рожденіемъ, границами имущественными; онъ изглаживалъ всякія подобныя границы безъ исключенія. Такое воззваніе къ праву и къ численности должно было подавить штыки національной гвардіи цѣлымъ лѣсомъ пикъ федератовъ. Добровольная вербовка на границу сдѣлалась дѣятельнѣе; она торжественно совершалась на площади ратуши. Это записываніе охотниковъ носило античную наружность. Четыре трибуны, воздвигнутыя на четырехъ углахъ площади, были заняты комиссарами, которые принимали обязательства новопоступающихъ при трубныхъ звукахъ и привоскликаніяхъ толпы. Пламенные рѣчи возбуждали духъ волонтеровъ: „Граждане, мы идемъ“, говорили ораторы отдѣла „Quinze-Vingts“, „вы находитесь близъ руля,—наблюдайте же за кормчимъ: лучше его бросить въ море, чѣмъ наблюдать только за экипажемъ. Приближается XIX вѣкъ; пожелаемъ, чтобы въ соотвѣтствующую эпоху тысячи восьмисотыхъ годовъ, всѣ обитатели земли, просвѣщенные и осво-

божженные, могли возносить къ Богу гимнъ признательности и свободы! Спросите еще разъ у Людовика XVI, хочеть ли онъ быть на этомъ всеобщемъ праздникѣ; мы ему все еще оставляемъ первое мѣсто на нашемъ банкетѣ! Если онъ отъ него откажется, то прощайте! Наши походные мѣшки готовы, нашимъ адресомъ будетъ молнія, которая предшествуетъ громову удару!“

Отголосокъ этихъ внѣшнихъ сотрясеній слышался у якобинцевъ, у кордельеровъ, даже въ собраніи. Засѣданія проходили въ созерцаніи парадирующихъ депутацій и въ выслушиваніи адресовъ. Марсельцы, въ числѣ 500 человекъ, объявили, чрезъ посредство своего оратора, что имя Людовика XVI напоминаетъ имъ только измѣну, и требовали обвиненія министровъ и низложенія короля. „Народъ возсталъ“, восклицалъ ораторъ федератовъ, „онъ требуетъ отъ васъ категорическаго отвѣта: можете вы насъ спасти или нѣтъ?“

Инаръ въ пламенной, но безсвязной рѣчи, похожей на вошь гнѣва, бросилъ королю оскорбленіе, обвиненіе, позоръ и смерть. Петіонъ, регулируя свою ненависть холоднымъ разсудкомъ, прочиталъ на трибунѣ, со всѣмъ авторитетомъ своего officialнаго положенія, адресъ парижской коммуны, который былъ, въ сущности, обвинительнымъ актомъ противъ короля: „Мы не будемъ воспроизводить вамъ“, говорилъ парижскій мэръ „весь образъ дѣйствій Людовика XVI съ самаго начала революціи, его кровавадыне замыслы противъ города Парижа, его пристрастіе къ дворянамъ и къ священникамъ, его отвращеніе къ народу,—не будемъ рисовать учредительное собраніе, оскорбляемое лакеями двора, наполненное вооруженными людьми, блуждающее среди царственнаго города и не находящее другого убѣжища, кромѣ Мячсвого зала!.. Сколько мы имѣли причинъ удалить короля съ трона въ ту минуту, когда нація, какъ верховная обладательница, могла располагать имъ! Но мы его оставили! Къ такому великодушію мы прибавили все, что можетъ поднять, укрьѣпить, украсить тронъ! Но король обратилъ противъ націи всѣ эти благодѣянія, онъ окружилъ себя нашими врагами, прогналъ министровъ-гражданъ, обладавшихъ нашимъ довѣріемъ, соединился съ эмигрантами, которые внутри предѣловъ страны, интригуютъ въ пользу войны междоусобной; онъ удержалъ наши арміи, готовыя уже завоевать Бельгію; онъ—первое звено антиреволюціонной цѣпи: онъ переноситъ Пильницъ въ средину Парижа, имя короля борется съ именемъ націи; онъ отдѣлилъ свои интересы отъ интересовъ своего народа,—отдѣлился же и мы отъ него. Мы требуемъ отъ васъ его низложенія!“

Въ засѣданіи 5-го августа Гаде прочиталъ адреса департаментовъ, которые, подобно адресу Петіона, заканчивали низложеніемъ короля. Вобланъ энергически возсталъ противъ этихъ неконституціонныхъ адресовъ и противъ давленія, угрозъ и оскорбленій, какое трибуна и петиціонеры оказывали на свободу представителей націи. Кондорсе оправдывалъ выраженія адреса парижской коммуны о низложеніи; подобно Дантону, онъ сдѣлалъ воззваніе къ народу противъ богатыхъ. Федераты объявили, что ими принято рѣшеніе окружать Тюльерійскій замокъ до тѣхъ поръ, пока собраніе не выскажется въ пользу низложенія.

3.

Между тѣмъ дворъ бодрствовалъ. Министры проводили ночи у короля съ нѣсколькими муниципальными сановниками, одѣтыми въ шарфы, чтобы быть готовыми сообщить легальный характеръ сопротивленію. Въ народѣ ходили слухи о бѣгствѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ опровергнулъ эту молву официальнымъ письмомъ.

„Въ Парижѣ распространяютъ въ большомъ количествѣ слѣдующую замѣтку: „Сегодня ночью, около двухъ часовъ, король, въ одеждѣ крестьянина, вышелъ изъ дворца; онъ направился къ подъемному мосту по большой Тюльерійской аллеѣ. Ростъ монарха совершенно не позволяетъ ему быть неузнаннымъ. Часовые узнали его сейчасъ же. Они подняли тревогу. Вѣглый король вернулся со всѣхъ ногъ къ замку; онъ немедленно написалъ мэру, который отправился во дворецъ. Король разсказалъ ему событіе по своему. По его словамъ, онъ попробовалъ сдѣлать лишь простую прогулку. Говорятъ, что г. Ларошфуко ожидалъ его во дворцѣ, чтобы препроводить въ надежное мѣсто“. Министръ утверждалъ, что король не выходилъ изъ дворца въ теченіе ночи, и что его присутствіе было удостовѣрено муниципальными сановниками, которыхъ извѣстіе о предстоящемъ ночномъ нападении удержало подлѣ короля въ тѣ самыя минуты, въ которыя описывалось его бѣгство.

6-го числа собраніе снова было встревожено извѣстіемъ объ убійствѣ четырехъ администраторовъ Тулона. Затѣмъ обсуждался вопросъ объ отдачѣ подъ судъ Лафайета. Чрезвычайная коммисія, созванная для изслѣдованія этого дѣла, высказалась за обвиненіе. Вобланъ оправдывалъ генерала: „Если бы у него были честолюбивые или преступные планы, то онъ сначала подумалъ бы, — какъ Сулла, Цезарь и Кромвель, о томъ, чтобы основать свое могущество на побѣдахъ. Кромвель устремился къ тираніи, опираясь на господствующую партію, — Лафайетъ съ нею борется. Кромвель сформировалъ клубъ агитаторовъ, — Лафайетъ относится къ агитаторамъ съ отвращеніемъ и преслѣдуетъ ихъ; Кромвель былъ причиною гибели своего короля, — Лафайетъ защищаетъ конституціонный королевскій санъ“.

Бриссо, которого часто въ якобинскомъ клубѣ обвиняли въ сообщничествѣ съ Лафайетомъ, хотѣлъ состязаться въ популярности съ Робеспьеромъ и его друзьями, отдавъ Лафайета на жертву подозрѣніямъ. „Я обвиняю его“, восклицалъ Бриссо, „я, который былъ его другомъ, я обвиняю его въ такомъ направленіи нашихъ армій, которое сдѣлано какъ бы по соглашенію съ австрійскимъ домомъ! Я его обвиняю за то, что онъ не побѣдилъ! Я обвиняю его за растрату времени на составленіе и подписываніе петицій къ своимъ войскамъ! Я обвиняю его въ оставленіи своей арміи въ виду непріятеля!“ Однакожъ, декретъ объ обвиненіи Лафайета былъ отвергнутъ сильнымъ большинствомъ.

При выходѣ изъ засѣданія Вобланъ, оскорбляемый, преслѣдуемый, поражаемый народомъ, искалъ убѣжища у одного поста національной гвардіи. Народъ уже хотѣлъ имѣть не законодателей, а угодинокъ. Жирарденъ и Дюмоларъ вынесли такіе же оскорбленія. Одинъ федератъ пробрался съ Дюмола-

ромъ въ караульную, стучалъ, какъ бѣшеный, по столу, и объявилъ смѣлому представителю, что если тотъ вернется на засѣданіе, то онъ ему отрубитъ голову саблею. Эти факты, сообщенные на слѣдующій день собранію, вызвали тамъ негодованіе конституціонистовъ, улыбки жирондистовъ, вопли трибунъ. Жирарденъ объявилъ, что наканунѣ, при выходѣ изъ засѣданія, онъ подвергся удару. „Въ какое мѣсто?“ спросили его иронически. „Меня спрашиваютъ, въ какое мѣсто я получилъ ударъ!“ возразилъ Жирарденъ съ остроумнымъ негодованіемъ: „Сзади: убійцы никогда иначе не бьютъ!“ Этотъ отвѣтъ возвратилъ ему уваженіе. Мужество служить лучшимъ видомъ краснорѣчія, потому что оно представляетъ собою краснорѣчіе характера. Жирарденъ обладалъ мужествомъ въ самой высшей степени. Ученикъ Руссо въ Эрменонвиллѣ, онъ владелъ злымъ сарказмомъ Вольтера. Никто другой въ эти бурныя времена не бравировалъ до такой степени животныя страсти толпы, никто, благодаря остроумію, не оставался безнаказаннымъ за подобную смѣлость.

Въ тотъ же день двѣнадцать вооруженныхъ людей явились къ Воблану, выломали у него дверь, безуспѣшно искали его дома и объявили, что если этотъ ораторъ опять явится на трибунѣ, то будетъ убитъ при выходѣ изъ нея. Вобланъ явился въ собраніе въ тотъ самый вечеръ съ цѣлю обличить подобныя попытки запугиванія представителей. Человѣкъ, одаренный умомъ прямымъ, словомъ плавнымъ и звучнымъ, неустрашимостью исполнѣ античною, Вобланъ если не обладалъ краснорѣчіемъ первокласснаго оратора, то обладалъ геройствомъ гражданина. Одинокій, всегда побѣждаемый, онъ все-таки боролся съ жирондистами. „Я презираю всякое насиліе“, сказалъ онъ, „имѣющее цѣлю побудить насъ отступить отъ конституціонной присяги. Вызываю самое варварское воображеніе представить себѣ то низкое насиліе, жертвами котораго сдѣлались вчера нѣкоторые изъ нашихъ товарищей... Ну, что жъ!“ прибавилъ онъ, „если одинъ изъ вашихъ посланниковъ подвергся бы униженію при иностранномъ дворѣ, то вы обнажили бы шпагу, чтобы отомстить за Францію, оскорбленную въ его лицѣ; а вы допускаете, чтобы представители Франціи, самодержавной и свободной, на родной почвѣ подвергались такому обращенію, какого они не видѣли бы у австрійцевъ и у прусаковъ?“

Гранжневъ и Инаръ оправдывали Петіона его безсиліемъ и обвиняли аристократовъ за возбужденіе къ подобнымъ неистовствамъ. Гаде внесъ проническое предложеніе спросить у короли, имѣтъ ли онъ средства спасти общественный порядокъ и охранять государство? Смѣхъ и рукоплесканія лѣвой стороны показали Гаде, что онъ понятъ. Редереръ, прокуроръ-синдикъ департамента, вызванный на трибуну, не скрылъ ни одной изъ общественныхъ опасностей. Онъ возвѣстилъ, что ночью въ двухъ кварталахъ возстанія должентъ быть зазвучать набатъ. Онъ говорилъ о томъ, что приняты мѣры и что силъ недостаточно для сопротивленія движенію. Петіонъ, также вызванный, смѣнилъ Редерера на трибунѣ, оправдывалъ мѣрію, обвинялъ департаментское управленіе, намекалъ о существованіи раздора между самими гражданами, призванными защищать порядокъ, и упомянулъ о своемъ общинничествѣ съ жирондистами въ такихъ двусмысленныхъ словахъ, которыя имѣютъ различный смыслъ, смотря по человѣку, къ которому обращены. Жирондисты приняли эти слова

за одобреніе въ своемъ предпріятіи, конституціонисты—за сознаніе въ безсиліи. Петіонъ удался со своею прежнею популярностію. Собраніе не пришло ни къ какому заключенію.

4.

Въ продолженіе этой разсчитанной нерѣшительности муниципалитета и жирондистовъ, во мракѣ дѣйствовали тайные руководители, извѣстные Петіону и, по собственному его сознанію, задолго до того условившіеся въ планѣ возстанія 10-го августа.

Въ Парижѣ былъ центральный комитетъ, состоявшій изъ 43 вождей парижскихъ и департаментскихъ федератовъ, соединившихся въ гостепріимныхъ стѣнахъ якобинскаго клуба, чтобы взаимно согласиться о томъ направленіи, какое должно сообщить движенію. Здѣсь была главная квартира этого лагеря революціи. Слишкомъ многочисленный для того, чтобы собранія могли сохраняться въ тайнѣ и обладать единствомъ, необходимыми для заговоровъ, этотъ комитетъ избралъ изъ своей среды тайную исполнительную комиссію изъ пяти членовъ, извѣстныхъ рѣшимостью и способностями. Имъ было сообщено направленіе, какое должно было дать рѣшеніямъ и приготовленіямъ. Эти пять членовъ были Вожуа, главный викарій Блуаскаго епископа; Дебессе, федератъ Дромы; Гильомъ, канскій профессоръ; Симонъ, страсбургскій журналистъ, и Галиссо де Лангръ. Они тотчасъ взяли себѣ въ товарищи парижскихъ вожаковъ, которые уже заранѣе держали нити агитаціи въ различныхъ кварталахъ столицы, и главнѣйшихъ демагоговъ въ предмѣстьяхъ. Это были: жирондистскій журналистъ Карра, Фурнье, по прозванію американецъ, Вестерманъ, эльзасецъ Кьеленъ, Сантерръ, Александръ, Лазовскій, полякъ, офранцузившійся благодаря своему республиканскому фанатизму; Антуанъ изъ Меца, бывшій членъ учредительнаго собранія, Лагре и Гаренъ, избиратели 1789 года.

5.

Первое засѣданіе этой руководящей комиссіи происходило въ маленькомъ кабацкѣ „Soleil d'or“ въ улицѣ Сентъ-Антуанъ, близъ Бастиліи, въ ночь съ четверга на пятницу 26-го іюля. Горза, редакторъ „Версальскаго курьера“, одинъ изъ вождей колонны, выступившей 6-го октября съ цѣлью привезти короля обратно въ Парижъ, впослѣдствіи соединившійся съ жирондистами для остановки того самаго движенія, которое самъ же онъ ускорилъ,—Горза явился въ два часа утра въ кабачокъ, чтобы побудить заговорщиковъ поклясться умереть или завоевать свободу. Фурнье-американецъ принесъ туда знамя съ надписью: „военный законъ самодержавнаго народа!“ Карра оттуда отправился къ Сантерру взять 500 экземпляровъ афиши, на которой были только слѣдующія слова: „Смерть тѣмъ, которые будутъ стрѣлять въ народныя колонны!“

Второе засѣданіе происходило 4-го августа въ „Cadran-bleu“ на бульварѣ Бастиліи. Камилль Демуленъ, агентъ и перо Дантона, присутствовалъ тамъ. Въ восемь часовъ вечера заговорщики, не будучи въ состояніи ничего рѣшить, перешли для болѣе полнаго ознакомленія съ дѣломъ въ комнату Антуана, бывшаго депутата учредительнаго собранія, въ улицѣ Сентъ-Оноре, напротивъ

церкви Зачатія, въ томъ же домѣ, въ которомъ жилъ Робеспьеръ. Г-жа Дюпле, страшно преданная идеямъ Робеспьера, боясь, чтобы его жизнь не была поставлена въ опасность изъ-за этой сходки, которая какъ бы дѣлала ее домъ очагомъ возстанія, вошла около полуночи къ Антуану и съ гнѣвомъ спросила, не хочетъ ли онъ, чтобы Робеспьера умертвили. „Дѣло именно въ Робеспьерѣ!“ отвѣчалъ Антуанъ. „Пусть онъ спрячется, если страшится! Если ктонибудь долженъ быть умерщвленъ, то это—мы“.

Карра собственноручно написалъ у Антуана послѣдній планъ возстанія, направленіе колоннъ, атаку дворца. Симонъ Страсбургскій списалъ этотъ планъ и въ полночь послалъ съ него копіи двумъ вождямъ предмѣстій, Сантерру и Александру. Возстаніе, дурно приготовленное, получило отсрочку до 10-го числа. Наконецъ въ ночь съ 9-ого на 10-го число, члены комиссій подраздѣлились на три инсurreкціонныя ядра и собрались въ трехъ различныхъ мѣстахъ въ одинъ и тотъ же часъ, именно: Фурнье съ Александромъ въ предмѣстьи Сентъ-Марсео; Вестерманъ, Сантерръ и двое другихъ въ предмѣстьи Сентъ-Антуанъ; Карра и Гарень въ казармѣ марсельцевъ и даже въ самой комнатѣ ихъ вождя, гдѣ они и совѣщались на глазахъ солдатъ. Въ ту же ночь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ сходовъ происходили собранія роялистовъ съ цѣлью согласиться о спасеніи короля. Посланный одного изъ этихъ антиреволюціонныхъ собраній съ важными бумагами ошибся дверью и вошелъ въ тотъ домъ, гдѣ сошлись заговорщики-республиканцы. Вскрывъ дупель, увидѣли ошибку. Карра предложилъ убить посланнаго, чтобы сохранить тайну республиканскаго заговора, открытаго ему случайно. Но отдѣльное преступленіе становилось бесполезнымъ, когда набатъ возвѣстилъ о заговорѣ всего народа.

Набатъ дѣйствительно гудѣлъ на нѣсколькихъ колокольныхъ отдаленныхъ кварталовъ Парижа. Страница интимныхъ признаній, вырванная изъ воспоминаній молодой жены Камилла Демулена, Люсиль Дюплесси, и запачканная кровью этой молодой жертвы, сохранила для исторіи полунаивныя, полужловѣщія впечатлѣнія, произведенныя первыми звуками набата на заговорщиковъ 10-го августа. Какъ эти люди ни вооружались, какъ ни готовили свое лицо и для битвы и для смерти, все равно, сквозь принятую добровольно роль можно было читать ихъ ощущенія.

8-го августа Люсиль возвратилась изъ деревни въ Парижъ, чтобы быть ближе къ Камиллу Демулему наканунѣ опасности. Люсиль обожала своего мужа. 9-го числа они давали семейный обѣдъ Флерону, Ребекки, Барбару, главнымъ вождямъ марсельцевъ. Пиръ былъ веселъ, какъ бываетъ весела безпечная юность. Присутствіе прелестной женщины, дружба, вино, цвѣты, счастливая любовь, остроумныя выходки Камилла, надежда на близкую свободу, — все это прикрывало собою смерть, которую могла таить въ себѣ предстоявшая ночь. Разошлись каждый по своему назначенію.

Люсиль, мать ея, г-жа Дюплесси и Камилль Демуленъ отправились къ Дантону. Они застали жену его въ слезахъ. Ребенокъ г-жи Дантонъ также плакалъ, смотря на мать, не понимая, въ чемъ дѣло, но какъ бы предчувствуя внезапное возвышеніе, преступленія и казнь, къ которымъ этотъ роковой вечеръ поведетъ его отца. Самъ Дантонъ былъ спокоенъ, рѣшителенъ, почти

шутливъ, но задняя мысль и у него носила отпечатокъ серьезности; онъ былъ счастливъ наступленіемъ великаго движенія и равнодушень къ его результатамъ, лишь бы они представляли достаточный просторъ для его гения. Впрочемъ, еще не существовало полной увѣренности, что народъ поднимется достаточно внушительной массой, и что движеніе можетъ произойти именно въ предстоящую ночь. Г-жа Демуленъ предполагала, что она непременно послѣдуетъ и восторжествуетъ. Эти предвѣщанія она находила въ собственномъ счастьи и, смѣясь, подтверждала ихъ несомнѣнностью. „Можно ли такъ безпечно смѣяться въ такія тревожныя минуты?“ говорила ей нѣсколько разъ г-жа Дантонъ. „Увы!“ отвѣчала молодая республиканка, у которой фізіономія и звукъ голоса измѣнились вмѣстѣ съ выраженіемъ лица, „эта неразумная веселость, быть можетъ, предвѣщаетъ мнѣ, что я сегодня же вечеромъ пролью много слезъ!“

6.

Небо было ясно; женщины вышли на улицу подышать чистымъ воздухомъ и прошли нѣсколько шаговъ. На улицѣ было довольно большое движеніе. Нѣсколько санюлотовъ прошли мимо, крича: „да здравствуетъ нація“, затѣмъ слѣдовалъ отрядъ конныхъ войскъ и, наконецъ, громадная толпа. Люсиль стала бояться. „Пойдемте отсюда“, сказала она своимъ спутницамъ. Г-жа Дантонъ, привычная къ шуму, среди котораго жилъ ея мужъ, смѣялась надъ страхомъ Люсиль. Однакожъ, слыша отъ этой послѣдней нѣсколько разъ выраженія чрезвычайнаго ужаса, она сама стала трусить. „Вотъ зазвучалъ набатъ!“ сказали женщины и вошли въ домъ Дантона. Мужчины вооружились, Камилль Демуленъ явился съ ружьемъ. Жена его убѣжала въ альковъ, закрыла лицо руками и заплакала, но, не желая ни обнаруживать при всѣхъ свою слабость, ни громко отклонять своего мужа отъ участія въ схваткѣ, она уличила минуту и сказала ему тихонько о всѣхъ своихъ опасеніяхъ. Камилль Демуленъ успокоилъ жену, поклявшись ей, что не покинетъ Дантона. Другъ Камилла и поклонникъ Люсиль, молодой Фреронъ имѣлъ видъ человѣка, который съ рѣшимостью идетъ на гибель. „Я утомленъ жизнью“, говорилъ онъ, „я ищу только смерти“. Стукъ шаговъ каждаго патруля на улицѣ наводилъ г-жу Демуленъ на мысль, что она видитъ мужа и его друзей въ послѣдній разъ. Она спряталась въ сосѣдней, не освѣщенной залѣ, чтобъ не присутствовать при отъѣздѣ мужчинъ. Когда они вышли, Люсиль опять сѣла на стулъ близъ постели, склонила голову на руку и залилась слезами.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ отсутствія Дантонъ вернулся домой спать. По наружности, у него не было замѣтно нетерпѣнія вѣтшиваться въ дѣйствіе. Вдругъ въ полночь пришли его искать. Онъ отправился въ коммуны. У кордельеровъ звонили въ набатъ. Этотъ набатъ раздался по приказанію Дантона, который своимъ громозвучнымъ словомъ, также подобнымъ набату, будилъ марсельцевъ въ ихъ казармѣ. Колокола гудѣли долго. Г-жа Дантонъ одна, въ слезахъ, на колѣняхъ предъ окномъ, спрятавъ голову въ платье, слушала похоронно-лихорадочный звукъ этого колокола. Дантонъ вошелъ снова. Надежные люди съ минуты на минуту извѣщали его объ успѣхахъ возстанія. Въ часъ

ночи Камилль Демуленъ также явился, поцѣловалъ жену и заснулъ на нѣсколько минутъ. До разсвѣта онъ опять вышелъ. Утромъ послышался гулъ пушки. При этомъ звукѣ г-жа Дантонъ поблѣднѣла, соскочнула на полъ и лишилась чувствъ. Женщины пришли въ смятеніе, разразились упреками и кричали, что всему виною Камилль Демуленъ со своими идеями и перомъ. На улицѣ раздавались плачъ, крики, стоны. Считали весь Парижъ залитымъ кровью. Камилль Демуленъ вернулся и сказалъ Люсиль, что первая голова скатилась, какъ онъ видѣлъ, у Сюло. Сюло былъ такой же писатель, какъ Камилль; преступленіемъ его были образъ мыслей и талантъ. Такое предзнаменованіе заставило Люсиль поблѣднѣть и заплакать.

7.

Въ ту же самую ночь, въ тѣ же часы, въ небольшомъ разстояніи отъ дома Дантона, тѣ же звуки набата отдавались ужасомъ и смертью въ ушахъ другихъ женщинъ, которыя бодрствовали, молились и также плакали объ опасностяхъ, угрожавшихъ ихъ мужу, брату, дѣтямъ.

Королева и принцесса Елизавета слушали съ высоты балкона Тюльери то возрастающій, то затихающій гулъ парижскихъ улицъ. Сердца ихъ то сжимались, то отдыхали, смотря потому, надежду или тревогу приносилъ имъ этотъ симптомъ волненія столицы. Въ полночь колокола начали подавать сигналъ къ скопленію народа. Швейцарцы выстроились въ боевомъ порядкѣ, точно чело-вѣческая стѣна. Между тѣмъ гулъ колоколовъ сдѣлался медленнѣе, лазутчики донесли, что народныя скопища формируются съ трудомъ и что набатъ не возобновлялся; тогда королева и принцесса Елизавета отправились, совсѣмъ одѣтыя, отдохнуть на канapé на антресоляхъ, въ кабинетѣ, окна котораго выходили на дворъ замка. Король, на требованіе королевы надѣтъ жилетъ съ толстымъ нагрудникомъ, который она ему приготовила, отказался отъ этого съ рѣшимостью, не лишенною величія. „Это хорошо“, сказалъ онъ, „для предохраненія отъ кинжала или отъ пули убійцы при какомъ нибудь торжественномъ случаѣ; но въ день борьбы, когда вся моя партія подвергается опасности за тронъ и за меня, съ моей стороны было бы низостью не подвергаться тому же самому наравнѣ съ нашими друзьями“.

Король удалился въ свою комнату и заперся со своимъ духовникомъ, аббатомъ Эберомъ, чтобы очистить свою душу и приготовиться пожертвовать своею кровью, а принцессы остались однѣ съ женскою прислугою. Принцесса Елизавета, снимая съ плечъ шемизетку, прежде чѣмъ лечь на канapé, сняла съ груди сердоликовую застежку, на которой, по ея же набожному желанію, были награвированы слова: „забвеніе обидъ, прощеніе оскорбленій“. „Я очень боюсь“, сказала она, меланхолически улыбаясь, „чтобы этотъ афоризмъ не былъ истинною только для насъ. Но тѣмъ не менѣе онъ остается божественнымъ наставленіемъ и отъ этого будетъ для насъ не менѣе святымъ“. Королева велѣла сѣсть къ своимъ ногамъ самой любимой изъ своихъ женщинъ. Ни она, ни сестра ея не могли спать. Онѣ разговаривали вполголоса объ ужасѣ своего положенія и выражали опасенія за жизнь короля. Каждую минуту одна изъ нихъ вставала, приближалась къ окну, смотрѣла, прислушивалась къ улицѣ.

ному движенію, къ глухому шуму, къ сомнительному молчанію города. Ружейный выстрѣлъ раздался въ одномъ изъ дворовъ Тюльери. Испуганныя женщины вскочили и вошли къ королю, чтобы не покидать его болѣе. Но это была ложная тревога. Короткая ночь еще отдѣляла королевскую семью отъ торжественнаго дня, который начинался; этотъ вечеръ и эта ночь были употреблены на военныя приготовленія для отраженія приступа, котораго ожидали на завтра.

8.

Тюльерійскій дворецъ, служившій болѣе домоу роскоши и показнымъ мѣстомъ для королевскаго сана, чѣмъ его истиннымъ мѣстопребываніемъ, не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ оборонительныхъ сооружений, какими воинственные и феодальные государи вѣкогда укрѣпляли свои жилища. Тюльери былъ предназначенъ для праздниковъ, а не для войны; рѣзецъ Филибера Делорма изукрашилъ его для услажденія глазъ, а не для устрашенія народа. Распростирая свои легкіе флигеля отъ набережной Сены до самыхъ шумныхъ улицъ Парижа, между дворами и садомъ, окруженный съ боковъ воздушными террасами, которыя опирались на колонны, окруженный граціозными портиками съ двумя или тремя ступеньками, которыя одні только отдѣляли ихъ отъ почвы сада,—прорѣзанный посрединѣ огромнымъ портикомъ, который его пересѣкалъ съ одной стороны въ другую и подъ которымъ выходили ступеньки главной лѣстницы,—наконецъ, открытый со всѣхъ сторонъ посредствомъ высокихъ и широкихъ оконъ, которыя пропускали народныя взоры во внутренность комнатъ,—этотъ дворецъ днемъ, со своими галереями, залами съ длиною перспективою, театромъ, капеллою, статуями, картинами, музеями,—больше походилъ на парадную залу Франціи, чѣмъ на укрѣпленіе, сооруженное для представителей королевскаго сана. Это былъ дворецъ искусствъ въ городѣ свободы и мира.

Тяжелыя, буржуазныя, неизящныя постройки были воздвигнуты на двухъ оконечностяхъ этого дворца эпохи Медичи уже въслѣдствіи, подъ вліяніемъ дурного вкуса Людовика XIV. Неграціозная масса этихъ построекъ, нагроможденные въ нихъ этажи и несоразмѣрныя, давящія ихъ крыши составляли рѣзкій контрастъ съ ученою, логическою архитектурою Италіи, которая приводитъ линіи во взаимную гармонію, какъ музыкантъ слагаетъ въ гармонію ноты, и дѣлаетъ изъ этихъ монументовъ, такъ сказать, музыку для глазъ.

Эти два массивныхъ зданія, соединенныхъ въ центральномъ дворцѣ двумя понижавшимися корпусами назывались—одинъ павильономъ Флоры, другой—павильономъ Марсанъ. Павильонъ Флоры касался Сены и оконечности Королевскаго моста. Павильонъ Марсанъ соприкасался съ узкими, извилистыми улицами, соединяющими Пале-Рояль съ Тюльери.

Огромный садъ, правильно посаженный вѣковыми деревьями, освѣжаемый струями воды, перерѣзываемый зелеными лужайками, гдѣ возвышались на пьедесталахъ мраморныя статуи и сдѣланы были грядки, посаженные кустарниками и цвѣтами, простирался въ ширину отъ береговъ Сены до павильона Марсанъ, вдоль всего фасада дворца, а въ длину отъ дворца до площади Людовика XV, которая отдѣляла его отъ Елисейскихъ полей. Аллеи сада, длинныя и широкія, казалось, были проложены не для прогулки одного какого-нибудь семейства

или одного двора, но для огромных колоннъ цѣлаго народа. Цѣлая армія могла расположиться лагеремъ въ одномъ только пространствѣ между дворцомъ и деревьями. Во всю длину сада его прикрывали съ боковъ двѣ длинныя террасы: одна, вдоль берега рѣки, была оставлена королевскому семейству. Людовикъ XVI велѣлъ тамъ построить сельскій павильонъ и посадить маленькій садикъ для упражненій и ученія дофина. Другая терраса, называемая террасою фельяновъ, шла по противоположному концу сада отъ павильона Марсанъ до оранжерейной террасы, которая описывала полукругъ на оконечности сада и спускалась покаго къ подъемному мосту.

9.

Подъемный мостъ служилъ входомъ въ Тюльерійскій садъ со стороны Елисейскихъ полей. Онъ дѣйствительно поднимался надъ глубокимъ рвомъ и былъ защищенъ военнымъ постомъ. Терраса фельяновъ была перерѣзана двумя лѣстницами въ нѣкоторомъ разстояніи отъ павильона Марсанъ. Одна изъ этихъ лѣстницъ вела въ кофейную, прежде открывавшуюся въ садъ, а со времени смуты запертую съ этой стороны. Она называлась кофейною Готто. Это было сборное мѣсто ораторовъ изъ народа, привлекаемыхъ соѣдствомъ національнаго собранія съ тѣхъ поръ, какъ послѣднее пребывало въ Парижѣ. Другая лѣстница вела изъ сада въ собраніе, находившееся въ сообщеніи съ садомъ чрезъ узкій, темный и грязный коридоръ, по которому король долженъ былъ проходить каждый разъ, какъ отправлялся церемоніально въ среду законодателей.

Со стороны Карусельской площади дворецъ замыкался четырьмя дворами, которые отдѣлялись другъ отъ друга и отъ самой площади низкими и разединенными службами и стѣнами, къ которымъ были прислонены караульни. Эти дворы сообщались между собою воротами. Первый изъ этихъ дворовъ, со стороны рѣки, служилъ аллеею павильону Флоры и назывался дворомъ принцевъ. Второй назывался королевскимъ дворомъ. Онъ былъ расположенъ противъ центра дворца и велъ къ большой лѣстницѣ. Третій былъ дворъ швейцарцевъ. Тутъ находилась казарма швейцарскихъ войскъ. Наконецъ, четвертый дворъ соотвѣтствовалъ павильону Марсанъ и назывался его именемъ. Павильонъ Флоры соединялся дверью изъ перваго этажа Тюльери съ длинною галереею Лувра, которая господствовала надъ набережною Сены отъ этого павильона до колоннады. Эта галерея была предназначена служить музеемъ Франціи и вмѣщать въ себѣ образцовыя произведенія древней и новѣйшей скульптуры и живописи, передаваемые изъ вѣка въ вѣкъ, какъ свидѣтельство цивилизаціи и какъ умышленное наслѣдіе генія.

Предвидя вторженіе народа, который могъ взять приступомъ Лувръ, прорубили внутренній полъ этой галереи на разстояніи 60 шаговъ отъ Тюльери. Этотъ перерывъ сообщеній дѣлалъ невозможнымъ нападеніе чрезъ первый этажъ. Постъ изъ 30 швейцарцевъ бодрствовалъ днемъ и ночью въ промежуткѣ между этимъ проломомъ и павильономъ Флоры.

Таково было расположеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ король былъ осужденъ принять сраженіе съ народомъ. Заключенный въ этомъ дворцѣ, король не имѣлъ тамъ ни арсенала, ни вала, ни свободы движеній, ни возможности отступле-

нія. Тюльери былъ построенъ только для того, чтобы въ немъ царствовать или въ немъ же умереть.

10.

Неизбѣжность нападенія была очевидна для всѣхъ партій. Петіонъ съ нѣкотораго времени часто отправлялся во дворецъ для совѣщаній съ министрами и съ самимъ королемъ о средствахъ защиты дворца и конституціи. Искренно ли онъ выполнялъ обязанности, налагаемыя на него должностью мэра? Или хотѣлъ только заранѣе насладиться зрѣлищемъ мученій королевской фамилии и безсилія ея защитниковъ? Тайное соучастіе Петіона съ заговорщиками, личная неприязнь къ королю и связи съ Роланомъ дѣлають всѣ предположенія этого рода столь же шаткими, какъ непостояненъ былъ и характеръ этого человѣка.

11.

Вечеромъ 9-го августа Петіонъ отправился въ собраніе и объявилъ, что ночью будутъ звонить въ набатъ. Онъ отдалъ собственноручное приказаніе Мандату удвоить посты и отражать силу силою.

Мандатъ, одинъ изъ трехъ дивизионныхъ начальниковъ, которые поочередно командовали національною гвардіею, былъ уполномоченъ, какъ носящій такое званіе, принять на себя общее начальство надъ Тюльери. Это былъ дворянинъ изъ окрестностей Парижа, — до революціи капитанъ французской гвардіи, а потомъ начальникъ батальона національной гвардіи при Лафайеттѣ, мнѣнія котораго вполне раздѣлялъ. По убѣжденію преданный конституціи, сердцемъ — королю, онъ хотѣлъ соединить свои обязанности къ общественному мнѣнію съ долгомъ солдата, защищая, въ лицѣ Людовика XVI, короля своихъ предковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ законнаго главу націи. Человѣкъ неустрашимый, но со скудными запасами умственныхъ силъ, онъ былъ болѣе способенъ хорошо умереть, чѣмъ хорошо командовать. Несмотря на то, король съ полнымъ основаніемъ полагался на его преданность.

Во вторникъ 9-го августа Мандатъ отдалъ приказаніе шестнадцати избраннѣйшимъ батальонамъ національной гвардіи быть наготовѣ къ походу. Въ шесть часовъ вечера всѣ караулы во дворцѣ были заняты. Уже два дня, какъ прибылъ полкъ швейцарской гвардіи въ полномъ составѣ, въ числѣ 900 солдатъ. Только отрядъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ остался въ казармѣ въ Курбуа. Швейцарцами командовалъ Мальярдо. Въ 11 часовъ они стояли подъ ружьемъ. Ихъ поставили на аванпостахъ, при всѣхъ выходахъ.

12.

Тридцать національныхъ гвардейцевъ расположились вмѣстѣ съ швейцарцами въ королевскомъ дворѣ, у подножія главной лѣстницы. Они получили отъ Мандата приказаніе отражать силу силою, какъ и самъ Петіонъ приказалъ дѣлать тюльерійскому главнокомандующему. Парижъ былъ лишень линейныхъ войскъ. Генералы Виттенгофъ и Буассе, командовавшіе 17-мъ военнымъ дивизиономъ, въ которомъ считался Парижъ, имѣли въ своемъ распоряженіи только конныхъ и пѣшихъ жандармовъ. Пѣшіе жандармы были отпущены въ

свои казармы, за исключеніемъ 150 человекъ, поставленныхъ въ Тулузскомъ отелѣ, для охраненія, въ случаѣ надобности, королевской казны. Тридцать человекъ пѣшихъ жандармовъ изъ парижскаго округа были поставлены внизу лѣстницы, во дворѣ принцевъ. Конныхъ жандармовъ считалось 600 всадниковъ; ими командовали гг. де-Рюльеръ и де-Вердьеръ. Въ 11 часовъ вечера эта кавалерія выстроилась въ боевомъ порядкѣ въ Луврскомъ дворѣ. Небольшой эскадронъ конныхъ жандармовъ изъ департамента прибылъ ночью и расположился въ боевомъ порядкѣ на Карусельской площади. Четыре артиллерійскихъ орудія были поставлены въ королевскомъ дворѣ, передъ главною дверью, одно во дворѣ швейцарцевъ, одно во дворѣ принцевъ, одно во дворѣ Марсанъ, два на Подъемномъ мосту, одно при выходѣ съ Королевскаго моста и два у дверей зданія Манежа. Всего 12 пушекъ. Артиллеристами были волонтеры изъ національной гвардіи, гордые своимъ искусствомъ владѣть оружіемъ и мало привычные къ повиновенію.

Шестнадцать батальоновъ національной гвардіи прибывали съ часу на часъ малыми отрядами. Съ трудомъ соединившись, они составили въ цѣломъ только 2,000 бойцовъ. Швейцарскіе офицеры братались съ офицерами этихъ отрядовъ по мѣрѣ того, какъ они подходили.

Эти послѣдніе объявили, что солдаты ихъ исполнены уваженія къ націи, послѣдуютъ примѣру національной гвардіи и сдѣлаютъ ни больше, ни меньше того, какъ и парижскіе граждане. Швейцарцы столпились въ прихожей. Тамъ было ихъ знамя!

Сидя на скамьяхъ и на ступенькахъ лѣстницы, съ ружьями въ рукахъ, они провели тамъ первые часы ночи въ грозномъ воинственномъ молчаніи. Отраженіе пламени факеловъ на оружіи швейцарцевъ, раздававшійся отъ времени до времени стукъ оружейныхъ прикладовъ о мраморный полъ, окликъ „*qui vive!*“, глухими голосами стражи, все это придавало дворцу видъ лагеря предъ неприятелемъ. Красные мундиры эти 800 швейцарцевъ, сидѣвшихъ или лежавшихъ на площадкѣ лѣстницы, на ступенькахъ, на перилахъ, заранѣе дѣлали лѣстницу принцевъ похожею на потоки крови.

Равнодушные ко всякому политическому дѣлу, республиканцы, готовые сражаться противъ республики, эти люди, вмѣсто сердца, обладали только дисциплиной, а политическія мнѣнія у нихъ замѣнялись военною честью. Они шли на смерть за свое слово, а не за идею и не за отечество. Но вѣрность сама по себѣ составляетъ добродѣтель; это равнодушіе швейцарцевъ къ защищаемому дѣлу, будь то дѣло короля или народа, дѣлало ихъ геройство если не болѣе святымъ, то болѣе воинственнымъ. Преданности патріота они не имѣли, но обладали преданностью солдата.

13.

За исключеніемъ этихъ швейцарцевъ, находившихся подъ начальствомъ неустрашимыхъ офицеровъ, Мальярдо, Бахмана, д'Эрлаха, остальные войска, разсыянные по садамъ и дворамъ, жандармы, артиллеристы, національные гвардейцы, не представляли ни численной силы, ни единства, ни преданности. Волонтеръ-солдатъ не знаетъ своихъ офицеровъ; офицеръ не полагался на своихъ

солдатъ. Никто не питаль довѣрія ни къ кому. Мужество было здѣсь только личное, какъ и мнѣнія. Солдатамъ недоставало того, что составляетъ душу войска,—корпоративнаго духа: его замѣнялъ духъ партіи.

Но политическія мнѣнія не только не составляютъ силы арміи, а даже разслабляютъ ее. Каждый здѣсь имѣлъ собственное мнѣніе и старался дать ему перевѣсъ въ спорахъ, которые часто переходили въ схватки. Одни хотѣли предупредить нападеніе, доказывали, что нужно идти на ратушу и на главные пути народныхъ колоннъ, чтобы разсѣять сборища прежде, чѣмъ они усилились; другіе требовали, чтобы ихъ вели блокировать марсельцевъ, еще не трогавшихся съ мѣста въ своей казармѣ кордельеровъ, обезоружить этихъ марсельцевъ при помощи пушекъ и, такимъ образомъ, заглушить пожаръ въ его главномъ очагѣ; но большинство, боясь отвѣтственности, какую могъ повлечь за собою завтрашній день, если они нанесутъ первый ударъ, ограждало себя, какъ крѣпостью, строгою легальностью, и хотѣло безстрастно ожидать нападенія народа и ограничиться отраженіемъ силы силою, сообразно буквѣ конституціи. Пуритане законности, эти люди думали, что конституція защититъ сама себя.

Нѣкоторые изъ нихъ раздражались глухими проклятіями королю, слабость котораго, эксплуатиремая измѣною, привела отечество къ такому крайнему положенію во внѣшнихъ дѣлахъ, а гражданъ—къ такому кризису въ дѣлахъ внутреннихъ. Эти люди, указывая на окна дворца, проклинали измѣническій дворъ, который опуталъ добраго, но безсильнаго короля и причинилъ отечеству всѣ бѣдствія. Артиллеристы громко говорили, что скорѣе разрядятъ свои орудія на дворецъ, чѣмъ стануть стрѣлять въ народъ. Смятеніе господствовало во дворахъ, въ садахъ, на военныхъ постахъ. Неполные батальоны устанавливались и перемѣщались какъ попало. Приказанія начальниковъ нерѣдко сталкивались и взаимно уничтожали одно другое. Надъ этими безпорядочными движеніями не господствовала мысль о необходимости военного единства. Становились то тутъ, то тамъ, по прихоти батальоновъ или по честолюбію какого-нибудь офицера, мѣняли мѣсто съ такою же непредусмотрительностью. Цѣлыя роты вдругъ отдѣлялись отъ батальоновъ и шли съ опущенными ружьями занять мѣсто на Карусельской площади или на набережныхъ, не рѣшаясь до послѣдней минуты, пристать ли къ сторонѣ защитниковъ дворца, или къ сторонѣ нападающихъ.

Съ прибытіемъ cadaго новаго баталіона настроеніе національной гвардіи измѣнялось. Батальоны центральныхъ кварталовъ, пришедшіе первыми и состоявшіе изъ богатой парижской буржуазіи, были воодушевлены духомъ Лафайета, преторіанцами котораго они были три года. Побѣдители на Марсовомъ полѣ, въ Венсенѣ и въ двадцати мятежахъ, они презирали чернь и хотѣли отомстить за оскорбленія, нанесенныя королю и конституціи 20-го іюня. Батальоны Сентъ-Жерменскаго предмѣстья, покинутого дворянствомъ и поставленнаго однимъ пролетаріямъ, какіе остались въ этомъ эмиграціонномъ кварталѣ,—батальоны предмѣстій, составленные изъ рабочихъ и считавшіе въ своихъ рядахъ больше пикъ, чѣмъ штыковъ, напитанные обвиненіями противъ короля, клеветами противъ королевъ, не понимали ничего въ конституціи, которая по-

велѣвала имъ идти на защиту дворца, тогда какъ ихъ же постоянно учили ненавидѣть дворъ, жилищемъ котораго былъ этотъ самый дворецъ. Машинально собравшись вокругъ знамени, по звуку сигнала, они входили въ Тюльери съ криками: „да здравствуетъ Петіонъ!“ и „да здравствуетъ нація!“ Вѣрные батальоны изъ окна дворца отвѣчали восклицаніями: „да здравствуетъ король!“ Угрожающіе взоры, вызывающія движенія, оскорбительныя выраженія обращали другу другу эти корпусы, которымъ чрезъ нѣкоторое время предстояло сражаться за одно и то же дѣло. Артиллеристы пожимали руки людямъ съ пиками и общали имъ свою неподвижность или помощь предъ народомъ. Батальонъ des Filles-Saint-Thomas, встревоженный такимъ настроеніемъ артиллеристовъ, послалъ 40 избранныхъ гренадеровъ изъ батальона занять постъ подлѣ этихъ артиллеристовъ, чтобъ, безъ ихъ вѣдома, наблюдать за ними и не допустить увезти пушки.

14.

Таковы были, по наружности, сила, поведеніе, нравственное настроеніе защитниковъ дворца: четыре или пять тысячъ человѣкъ, нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно преданные, много равнодушныхъ, большинство враждебныхъ, находившихся подъ впечатлѣніемъ минуты, наконецъ, даже избѣжавшихся по численности, смотря по тому, увеличивались ли ихъ ряды подъ вліяніемъ вѣрности или уменьшались вслѣдствіе дезертирства. Въ дворовъ, въ смежныхъ улицахъ и на Карусельской площади любопытная или раздраженная толпа загромаждала выходы изъ дворца. Люди 20-го іюня, праздные и блуждающіе по Парижу федераты, марсельцы, которыхъ голосъ Дантона еще не собралъ въ клубъ кордельеровъ, группировались у всѣхъ калитокъ, при всѣхъ дверяхъ, со стороны сада, со стороны Королевскаго моста, со стороны дворовъ. Они встрѣтили батальоны пиконосцевъ радостными восклицаніями. „Мы ваши братья, а вотъ нашъ общій врагъ!“ говорили имъ они, показывая на окна короли. „Принесите его голову и головы его жены и дѣтей вмѣсто знамени на концахъ вашихъ пикъ“. Этимъ издѣвательствамъ отвѣчали сочувственные знаки и взрывы хохота.

Ворота, раздѣлявшія королевскій дворъ отъ Тюльери, не были заперты. Приливъ народа непрерывно угрожалъ перехлнуть чрезъ нихъ. Два швейцарца были поставлены на караулъ по обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ, чтобъ оградить входъ въ нихъ. Изъ толпы вышелъ марселецъ съ обнаженной саблей въ рукѣ. „Бездѣльники“, сказалъ онъ швейцарцамъ, поднимая на нихъ свое оружіе, „помните, что это послѣдній вашъ караулъ! Еще нѣсколько часовъ, и мы васъ истребимъ!“ Мужчины, женщины, дѣти, взбираясь на плечи другъ къ другу, карабкались на крышу и на стѣны, которая простиралась между Карусельскою площадью и дворами Тюльери. Оттуда они осыпали оскорбленіями національныхъ гвардейцевъ и швейцарцевъ. Изъ комнаты короля слышно было это кипѣніе народныхъ волнъ, которое съ часу на часъ усиливалось около дворца.

15.

Внутри дворца силы защитниковъ, хотя и болѣе однородныя, не были однакожъ болѣе внушительными. Здѣсь было больше рѣшимости, чѣмъ единства. Возжи

батальоновъ національной гвардіи „des Felles-Saint-Thomas“ и „de la butte des Moulins“, помѣстили сюда людей, считавшихся самыми надежными. Волонтеры изъ другихъ батальоновъ добровольно явились туда же. Они занимали довольно безпорядочно главные посты, галереи, переднія короля, королевы, принцессы Елизаветы, въ числѣ отъ 700 до 800 человекъ. Эти комнаты, помѣщавшіяся между лѣстницею принцевъ въ павильонѣ Флоры и большою лѣстницею въ павильонѣ Стѣнныхъ часовъ, центрѣ дворца, обнимали собою огромное пространство. Принцесса Елизавета помѣщалась въ павильонѣ Флоры, принаровленномъ къ образу ея жизни; тамъ она пресводила свою жизнь между птицами, цвѣтами, рукодѣльемъ и дѣлами благочестія. Королева занимала комнаты самаго нижняго этажа, въ той массивной части дворца, которая простиралась отъ лѣстницы принцевъ до большой лѣстницы. Въ этомъ-то помѣщеніи, комнаты котораго находились почти въ уровень съ дворомъ и садами, и на антресоляхъ, изъ которыхъ были сдѣланы особые кабинеты, королева принимала тайныхъ совѣтниковъ монархін. Эти комнаты сообщались съ помѣщеніемъ короля посредствомъ лѣстницъ въ службахъ зданія.

Король занималъ, подлѣ своихъ дѣтей, большія комнаты перваго этажа въ той же части зданія. Эти комнаты простирались исключительно позади галереи „des Carrache“, названной такъ по имени живописцевъ, которые ее украсили. Окна комнатъ смотрѣли въ садъ; выходить изъ нихъ нужно было черезъ темные извилистые коридоры.

Король, преданный простымъ трудолюбивымъ привычкамъ простаго народа, велѣлъ сдѣлать въ своихъ большихъ комнатахъ уединенныя убѣжища, куда онъ любилъ удаляться, чтобы на свободѣ предаваться или ученымъ занятіямъ, или слесарной работѣ. Сколько другіе умы любятъ парить въ высотѣ, столько же его умъ любилъ спускаться книзу. Въ этихъ тѣсныхъ комнатахъ, откуда видны были только вершины деревъ Тюльери и Елисейскихъ полей, среди своихъ книгъ по части исторіи и путешествій, географическихъ картъ и рабочихъ орудій своей мастерской, король любилъ создавать себѣ иллюзіи насчетъ своего положенія. Онъ старался забывать на это время свой королевскій санъ и представлялъ себя человекомъ, обладающимъ простымъ, будничнымъ счастьемъ, человекомъ, котораго окружаютъ жена, дѣти и принадлежности ежедневной работы. Эти счастливые часы мира и неизвѣстности король похищалъ у заботъ трона. На мгновеніе онъ отрекался отъ своего высокаго сана. Стараясь забыть о своей судьбѣ, Людовикъ XVI думалъ, что и судьба о немъ забывала.

16.

Вся эта часть дворца,—такъ же, какъ и галерея des Carrache, зала Совѣта, постельная комната, залы стражей, театръ, капелла,—сдѣланы боевымъ плацомъ, покрытымъ ружьями, поставленными въ козлы, военными постами и группами вооруженныхъ людей. Одни изъ нихъ, сидя въ безмолвіи на скамейкахъ и сложивъ ружья въ ногахъ, дремали; другіе растянулись на паркетѣ залъ, закутавшись въ плащи; наибольшее число, расположившись группами въ амбразурахъ оконъ и на широкихъ балконахъ дворца, освѣщенныхъ луною, вполголоса разго-

варивали о приготовленіяхъ къ нападенію и о случайностяхъ ночи. Мандатъ, главнокомандующій генералъ, и его адъютанты проходили почти каждую минуту по садамъ и дворамъ къ королю, а отъ короля отправлялись къ военнымъ постамъ. Министры, генералы, Буассе, Лашене, второй командующій національною гвардіею послѣ Мандата—д'Эрминьи, командующій жандармами, его помощники, Карль и Гингерло, Редереръ, члены департаментской администраціи, два муниципальные сановники Леру и Бори, самъ Петіонъ—безпрестанно проходили по комнатамъ дворца; выраженіе ихъ фізіономій, то ясныхъ, то пасмурныхъ, смотря по приносимымъ королю извѣстіямъ, распространяло въ залахъ то надежду, то безпокойство. Полуслова, брошенные мимоходомъ этими лицами начальникамъ постовъ, переходили отъ одного человѣка къ другому. Часы текли медленно, какъ сама неизвѣстность, и тревожно, какимъ вообще бывасть ожиданіе.

17.

Въ то время, какъ эти легальныя войска, повинуваясь закону, группировались вокругъ конституціоннаго главы королевства, другіе, добровольные защитники, вызванные изъ своихъ провинцій или жилищъ опасностями времени, тѣснились около короля, прикрывая его своею грудью. Не имѣя другого права, кромѣ своего мужества, на входъ во дворецъ, гдѣ ихъ присутствіе было подозрительно національной гвардіи, они проскользнули туда одинъ по одному, безъ мундировъ, спрятавъ свое оружіе, опустивъ голову и какъ бы стыдясь того, что явились жертвовать своею кровью и жизнью.

Это были, прежде всего, офицеры конституціонной гвардіи, недавно распущенные декретомъ собранія, но хранившіе еще подъ рукой свое оружіе, а въ сердцахъ—свою присягу. Затѣмъ, тутъ же было нѣсколько молодыхъ парижскихъ роялистовъ, которые, находясь въ томъ возрастѣ, когда великодушіе замѣняетъ собою политическія мнѣнія, были увлечены къ защитѣ слезами королевы, добродѣтелями ея сестры, невинностью дѣтей, оскорбленіемъ королевскаго сана, и считали славнымъ дѣломъ стать на сторону слабыхъ.

Андре Шенье, Шансене, Сюю, Рише-Серизи, всѣ роялистскіе и конституціонные ораторы поочередно покидали шпагу для пера, перо для шпаги. Они были также тутъ. Здѣсь же находилось нѣсколько вѣрныхъ людей изъ дворцовой прислуги, у которыхъ привязанность ко двору переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе, а королевскій очагъ, такъ сказать, замѣнялъ ихъ собственный; также здѣсь были старики, пришедшіе изъ Версали, изъ Фонтенбло, изъ Компьени, по полученіи извѣстія объ опасности для ихъ короля. Нѣкоторые изъ нихъ приводили своихъ дѣтей, воспитанныхъ пажами и съ трудомъ еще носившихъ оружіе. Эти семейства, жалованныя королевскими благодареніями, посвящали себя всецѣло своему господину, не исключая ни старыхъ, ни малыхъ, готовые все отдать трону, отъ котораго все получили. Наконецъ, здѣсь же было до 200 дворянъ изъ Парижа или изъ провинцій,—большая часть храбрыхъ офицеровъ, которые незадолго до того вышли изъ своихъ полковъ и не хотѣли ни измѣнять своему сословію, выступивъ противъ своихъ братьевъ-эмигрантовъ, ни измѣнять націи путемъ эмиграціи.

Эти офицеры посѣбно явились изъ провинцій, чтобы предложить королю свою личную помощь. Это были послѣдніе, оставшіеся еще во Франціи представители того воинственнаго дворянства, которое перенесло свои шатры за границу. Поставленные между своею совѣстью, которая имъ запрещала сражаться противъ отечества, народомъ, который ихъ подозрѣвалъ, и дворомъ, упрекавшимъ ихъ за вѣрность родному краю, эти дворяне выполняли свой долгъ безъ надежды и безъ иллюзій: они были увѣрены въ неблагодарности двора въ случаѣ торжества королевскаго сана,—увѣрены, что ихъ ожидала смерть, если побѣдитъ народъ.

Такая суровая преданность находила свою награду лишь въ себѣ самой: неблагодарная и безвѣстная смерть была единственною ролью, какую несчастная судьба предоставила этимъ дворянамъ, которые хотѣли въ одно и то же время остаться вѣрными долгу, какъ рыцари, и преданными націи, какъ граждане! Старый, неустрашимый маршалъ де-Мальи, 80 лѣтъ отъ роду, но юный по преданности къ своему несчастному королю и вмѣстѣ съ тѣмъ другу, провелъ ночь на ногахъ, вооруженный, во главѣ этихъ дворянъ. Послѣ маршала Мальи, отдѣльными взводами этого избраннаго крошечнаго войска командовали гг. д'Эрвили, де-Понъ-Лаббе, де-Виомениль, де-Кастежа, де-Вильеръ, де-Ламартино, де-Вирѣ, дю-Вижье, де-Клермонъ-д'Амбуазъ, де-Бувъ, д'Отишанъ, д'Аллонвиль, де Малье, де Шатене, де-Дама, де-Пуисежуръ,—все военные различныхъ ранговъ и родовъ оружія.

18.

Этотъ резервный корпусъ былъ раздѣленъ на двѣ роты: одна состояла подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Пуисежюра и генераль-маіора де-Понъ-Лаббе; другою командовали Виомениль и д'Эрвили, бывший командиръ распущенной конституціонной гвардіи. Эти офицеры надѣялись найти во дворцѣ боевое оружіе; но такая предосторожность оставлена была безъ вниманія, такъ что большинство офицеровъ должны были защищаться своими шпагами и пистолетами, висѣвшими у ихъ пояса. Нѣсколько гражданскихъ должностныхъ лицъ изъ королевской свиты, присоединившіеся къ этому войску, наскоро вооружились таганями и щипцами, взятыми изъ дворцовыхъ печей. Подобное оружіе было облагорожено безнадежнымъ мужествомъ слугъ, которые схватили его для защиты жилища своего господина.

Д'Эрвили провелъ предъ королемъ и королевой, на подобіе маленькаго смотра, эти двѣ роты, расположенныя рядами въ залахъ. Королевская семья, не столько уstraшенная малочисленностью этихъ дворянъ, сколько тронутая ихъ привязанностью, обратилась къ честнымъ офицерамъ со словами признательности. Нѣсколько энергичныхъ словъ Маріи-Антуанеты, достоинство ея осанки, увѣренный взглядъ—такъ наэлектризовали эту горсть храбрецовъ, что они схватились за шпаги и добровольно зарядили ружья безъ всякой другой команды, кромѣ единодушнаго воинственнаго порыва. Это движеніе было своего рода присягой. Въ позахъ этихъ людей виднѣлась побѣда.

Нѣсколько гренадеровъ національной гвардіи смѣшались съ ихъ рядами,

чтобы показать то взаимное доверіе и единство преданности, которыя одушевляли всѣхъ друзей короля, безъ различія оружія.

Масса національныхъ гвардейцевъ, расположенныхъ по комнатамъ и дворамъ, зароптала на эту роялистскую манифестацію и въ простомъ выраженіи преданности хотѣла видѣть заговоръ. Потребовали удаленія этихъ дворянъ. Королева, вставъ въ дверяхъ залы совѣта, между ними и національною гвардіею, съ твердостью воспротивилась такому требованію изгнанія послѣднихъ и самыхъ вѣрныхъ друзей короля: „Посмотрите, господа“, сказала она національной гвардіи, указывая на колонну роялистовъ, „это и наши и ваши друзья! Они пришли раздѣлить ваши опасности, они требуютъ только чести сражаться вмѣстѣ съ вами. Поставьте ихъ, гдѣ хотите, они будутъ вамъ повиноваться, они послѣдуютъ вашему примѣру, они повсюду покажутъ защитникамъ монархіи, какъ должно умирать за своего короля“. Эти слова успокоили раздраженіе тѣхъ, которые слышали ихъ вблизи; но, невѣрно повторенныя и превратно истолкованныя отдаленными рядами, они же внесли зависть и вражду между батальонами.

Одинъ изъ дворянъ, проходя мимо отряда національныхъ гвардейцевъ, расположенныхъ въ боевомъ порядкѣ на королевскомъ дворѣ, имѣлъ неблагоразуміе подойти къ офицерамъ, которые командовали національными гвардейцами, и сказать: „Ну, господа національные гвардейцы, вотъ удобный случай выказать мужество!“ Эти слова узвили гражданъ. „Мужество! будьте спокойны“, отвѣчалъ ему одинъ изъ капитановъ этого батальона, „у насъ въ немъ недостатка не будетъ, только ужъ не подлѣ васъ мы его выкажемъ“. Потомъ, выйдя изъ рядовъ и изъ дворовъ Тюльери, онъ пошелъ на Карусельскую площадь и всталъ въ ряды народа. Половина батальона послѣдовала его примѣру.

Все предвѣщало отступленіе, нигдѣ не видно было пламеннаго порыва. Ждали рѣшенія судьбы, но къ нему не готовились. Король молился, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать.

19.

Болѣе христіанинъ, чѣмъ король, запершись на долгіе часы со своимъ духовникомъ отцомъ Эберомъ, Людовикъ XVI употреблялъ на дѣла набожности тѣ роковыя мгновенія, которыя и среди самыхъ отчаянныхъ катастрофъ оставляются еще крупнымъ характерамъ, чтобы возвратить себѣ счастье. Четыре или пять тысячъ бойцовъ, ареною которыхъ служилъ королевскій дворецъ,—имѣя подъ рукою надежные штыки, пушки, кавалерію, съ королемъ во главѣ, съ неустрашимой королевой, имѣя среди себя невинныхъ дѣтей, предъ собою—нерѣшительное собраніе, на своей сторонѣ—законность и конституцію, а въ самой націи видя общественное мнѣніе, по меньшей мѣрѣ, раздѣленнымъ,—могли бы, быть можетъ, отразить нестройныя, беспорядочныя массы, медленно приводимыя возстаніемъ ко дворцу, разорвать народныя колонны, которыя увеличиваются только помощью неизвѣстныхъ единицъ, увлекаемыхъ потокомъ, грянуть на марсельцевъ, ненавистныхъ Парижу, очистить предмѣстья, соединить колеблющіеся батальоны гражданскаго войска обаяніемъ побѣды, внушить страхъ

собранию, въ которомъ большинство колебалось еще наканунѣ,—одержать на мгновеніе перевѣсъ законностью и силою, потомъ призвать Лафайета и Люк-нера, соединиться съ войсками, находившимися въ Компьени, поставить короля въ центрѣ арміи, между его народомъ и иностранцами, и заставить въ одно и то же время отступить и коалицію и революцію въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Но для выполненія такого плана нуженъ былъ герой: монархія же могла выставить только жертву.

XXI.

Мужество королевы и занятое ею положеніе.—Инсurreкціонная коммуна преобразуется въ муниципалитетъ.—Притворный арестъ Петіона.—Убійство Мандата.—Сантерръ замѣняетъ его въ званіи главнокомандующаго національной гвардіей.—Внутренность дворца.—Придворныя дамы королевы.—Герцогиня де Малье.—Редереръ.—Постоянно возрастающая масса нападающихъ.—Король дѣлаетъ смотръ войскамъ.—Двойственное настроеніе національной гвардіи.—Дантонъ говоритъ рѣчь марсельцамъ.—Онъ возвращается домой, чтобы выждать событія.

1.

Въ продолженіе долгихъ часовъ этой ночи и первыхъ часовъ разсвѣта, королева и принцесса Елизавета попеременно переходили изъ комнаты короля въ спальню дѣтей, а оттуда въ залу совѣта, гдѣ засѣдали министры, не расходясь. Онѣ проходили залы, полныя защитниковъ, скрывая свои слезы и внушая своимъ кажущимся спокойствіемъ, улыбкою и словами надежду, которую сами еще не вполне потеряли. Присутствіе ночью, въ этомъ дворцѣ, среди оружія, двухъ блуждающихъ принцессъ, одной—королевы и матери, трепетавшей за мужа и за дѣтей,—другой, преданной сестры, дрожавшей за брата, — нечувствительныхъ къ собственной опасности, было самымъ краснорѣчивымъ призывомъ къ состраданію, къ великодушію, къ мужеству защитниковъ дворца.

Памфлеты враговъ Маріи-Антуанеты изображали ее въ эту роковую ночь коронованною фурією, которая доводила свой гнѣвъ до бреда, малодушіе до слезъ, и то объявляла, что велитъ себя пригвоздить къ стѣнамъ своего дворца, то подносила королю пистолеты, совѣтуя ему самоубійство: королева была чужда и подобныхъ увлеченій, и подобной слабости. Сохраняя достоинство и естественность, безъ аффектированного геройства и безъ робкаго униженія, она была тѣмъ, чѣмъ повелѣвали ей быть ея полъ, санъ, званіе жены, матери, королевы въ такую минуту, когда всѣ чувства, возбуждаемые этими различными званіями, олицетворялись въ ея положеніи. Душа королевы, ея фizioномія, слова, дѣйствія, находясь на уровнѣ всѣхъ ея привязанностей, всего ея величія, всѣхъ перенесенныхъ катастрофъ, вѣрно отражали всѣ фазы, отъ трона до неволи, какія ей пришлось пережить въ эти долгіе часы. Она была женщиною, матерью, женою, королевою, которой угрожали, которую затрогивали во всѣхъ ея чувствахъ. Она поочередно то надѣялась, то впадала въ отчаяніе, то успокоивалась. Но королева надѣялась безъ самозабвенія и выносила разо-

чарованіе безъ униженія. Сила и нѣжность ея натуры стояли въ уровень съ ударами судьбы. Она плакала не отъ малодушія, а отъ любви; она впадала въ умиленіе, но лишь по поводу своихъ дѣтей: свои мученія и горестъ она прикрывала уваженіемъ, которымъ обязана была самой себѣ, королевскому сану, крови своей матери, Маріи-Терези,—народу, который на нее смотрѣлъ. Поплакавъ у постели сына и дочери, у колѣнъ короля, въ объятіяхъ сестры, которая была ей же и другомъ, она вытирала на щекахъ слѣды слезъ и уничтожала красноту глазъ. Передъ толпой королева появлялась серьезною, но спокойною, растроганною, но твердою, женщиною съ сердцемъ, конечно, но такою, которая умѣетъ имъ владѣть.

Такова была Марія-Антуанета въ теченіе этого 24-часоваго кризиса, послѣдовавшаго за столькими прежними кризисами, которые могли бы, казалось, истощить ея мужество: она была женщина, какъ всѣ женщины, лучше вдохновляемая самой своей натурой, чѣмъ политикой,—болѣе способная героически переносить, чѣмъ управлять роковыми обстоятельствами,—стоявшая на должной высотѣ больше въ области дѣйствія, чѣмъ въ совѣтѣ.

2.

Король велѣлъ призвать Редерера, прокурора-синдика парижскаго департамента. Петіона еще не было во дворцѣ. Наконецъ, онъ является, отдаетъ королю отчетъ о состояніи Парижа, отказывается въ порохѣ Мандату, который жалуется Петіону, что у него достанетъ только по три выстрѣла на человѣка. Подъ предлогомъ чрезвычайной жары, которая беспокоитъ его въ кабинетѣ короля, Петіонъ выходитъ и увлекаетъ съ собою Редерера; они вмѣстѣ сходятъ въ садъ. Петіона окружаютъ довѣренныя люди изъ муниципалитета и молодые національные гвардейцы, которые поютъ и дурачатся вокругъ него. Эта группа должностныхъ лицъ и національных гвардейцевъ спокойно прогуливается при свѣтѣ луны по террасѣ на берегу рѣки, разговаривая о легкихъ предметахъ, точно въ праздничный вечеръ. На оконечности террасы они слышатъ, какъ бьютъ во дворцѣ сборъ. Они возвращаются. Небо было чисто, воздухъ неподвиженъ. Набатъ въ предмѣстьяхъ былъ слышенъ отчетливо. Петіонъ, который старался выказать стоическое безстрастіе и скрывалъ опасность, отпустилъ Редерера одного къ королю. Самъ онъ остался внѣ дворца, на террасѣ, близъ большой лѣстницы. Онъ боялся за собственную жизнь.

Хотя ночь была не темна, однакожъ дворецъ бросалъ очень далеко свою тѣнь въ садъ. На каменные плиты, окаймлявшія террасу, были положены зажженные плошки. Нѣсколько гренадеровъ изъ батальона des Filles-Saint-Thomas, который стоялъ на этой террасѣ, ненавидѣвшіе въ лицѣ Петіона тайнаго подстрекателя къ возстанію, загасили ногами плошки и тѣснились вокругъ мэра, какъ бы намѣреваясь взять его заложникомъ. Петіонъ появля это движеніе. Онъ разслышалъ слова, видѣлъ злобщіе тѣлодвиженія. „Его голова будетъ отвѣчать за событія этой ночи“, сказала одинъ гренадеръ своимъ товарищамъ. Маскируя свою боязнъ наружнымъ спокойствіемъ, Петіонъ сѣлъ на край террасы, среди нѣсколькихъ членовъ муниципалитета, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ гренадеровъ. Онъ старался спокойно разговаривать съ окружаю-

щими. Во дворцѣ и въ рядахъ защитниковъ трона слышался громкій ропотъ, что если уже Петіонъ имѣлъ смѣлость встать лицомъ къ лицу съ мѣстью роялистовъ, то нужно его задержать и подвергнуть самого тѣмъ ударамъ, какіе онъ подготовлялъ монархіи. Муниципальный членъ, по имени Мусе, видя затруднительное положеніе Петіона и получивъ отъ мэра условный знакъ, поспѣшилъ въ національное собраніе и сказалъ нѣсколькимъ членамъ: „Если вы немедленно не призовете парижскаго мэра къ рѣшеткѣ, то его умертвить“.

Людовикъ XVI, колѣнопреклоненный предъ Богомъ, исполненный больше прощеніемъ, чѣмъ мѣстью, вовсе не помышлялъ объ убійствѣ. Но собраніе притворилось, что вѣрнитъ преступнымъ намѣреніямъ двора. Оно вызвало къ себѣ мэра. Два пристава, предъ которыми шли стражи и факелы, явились не безъ торжественности съ освободительнымъ декретомъ Петіону. Въ ту же минуту министръ юстиціи послалъ просить Петіона взойти къ королю. „Если я взойду“, сказалъ онъ, „то уже никогда не выйду оттуда“. Петіонъ отправился въ собраніе, а оттуда въ ратушу. Тамъ онъ былъ задержанъ своими шарантонскими сообщниками и больше не показывался во дворцѣ.

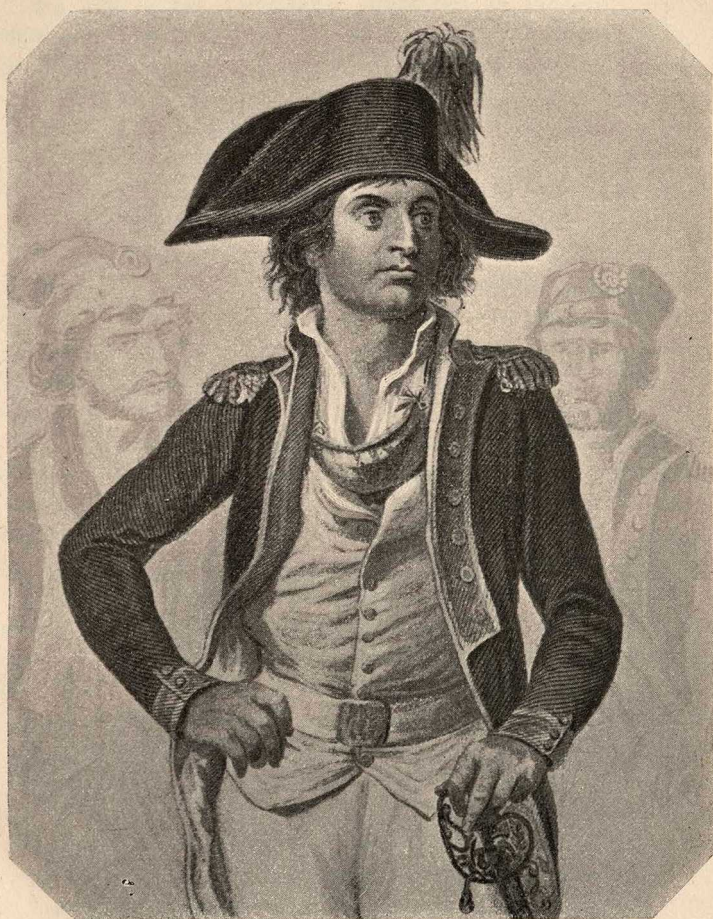
3.

Было за полночь. Всѣ окна Тюльери были открыты; около нихъ тѣнилась цѣлая толпа, чтобы услышать набатъ. Каждый повторялъ за другимъ названія квартала, церкви, колокольни, откуда исходилъ призывъ къ возстанію.

Въ городѣ при этомъ звукѣ граждане выходили изъ своихъ домовъ и стояли у воротъ, готовые слѣдовать за потокомъ, куда бы онъ ни вздумалъ ихъ повлечь. Отдѣлы, созданные въ теченіе десяти часовъ революціоннымъ призывомъ, разсуждали почти при запертыхъ дверяхъ и каждый изъ нихъ посылалъ комиссаровъ въ ратушу, чтобы замѣнить общинный совѣтъ инсurreкціонной коммуной. Единодушнымъ, согласнымъ рѣшеніемъ этихъ комиссаровъ было принять всѣ мѣры, какія окажутся нужными для спасенія отечества и завоеванія свободы. Эти комиссары, собравшись безъ сопротивленія въ ратушѣ, въ числѣ 192 членовъ, образовали на диктаторскихъ правахъ муниципалитетъ, сохранивъ въ своей средѣ Петіона, Дантона, Манюэля, а своимъ временнымъ президентомъ наименовали Гюгенена, изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, оратора петиціи 20-го іюня. Таллиенъ, молодой 25-лѣтній патріотъ и редакторъ журнала „Другъ гражданъ“, былъ избранъ секретаремъ коммуны. Съ 11 часовъ вечера этотъ муниципалитетъ сдѣлался комитетомъ, управляющимъ движеніями народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ правительствомъ возстанія. Петіонъ, находясь будто бы подъ арестомъ, чтобы пощадить въ своемъ лицѣ стыдливость закона, не принималъ болѣе участія въ событіяхъ этой ночи.

4.

Главнoкомандующій Мандатъ, человѣкъ довѣрчивый и всегда смѣло отвѣчавшій за короля народу, а за народъ королю, сдѣлалъ свои послѣдніе распоряженія, полагаясь на приказанія, которыя Петіонъ ему подписалъ въ качествѣ парижскаго мэра. Мандатъ послалъ 500 человѣкъ съ пушкою въ ратушу, чтобы охранять проходъ подъ аркой Сентъ-Жанъ, чрезъ которую должна

Сантерръ.

была выйти колонна Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Сверхъ того, онъ поставилъ одинъ батальонъ съ двумя пушками на Новомъ мосту, чтобы оспаривать тутъ проходъ у марсельцевъ, прогнать ихъ въ предмѣстье Сентъ-Жерменъ и отбросить къ Королевскому мосту, гдѣ пушка павильона Флоры поразила бы ихъ при самомъ появленіи. Для выполненія этихъ распоряженій, которыя сами по себѣ были основательны, недоставало только надежныхъ войскъ. Лишь только Мандатъ отдалъ эти приказанія, какъ постановленіемъ муниципалитета былъ призванъ въ ратушу, чтобы отдать отчетъ въ состояніи дворца и въ принятыхъ имъ мѣрахъ для поддержанія спокойствія въ Парижѣ.

Получивъ это приказаніе, Мандатъ колеблется между своими предчувствіями и легальною обязанностью. По закону, муниципалитетъ имѣлъ власть надъ національной гвардіей и могъ призвать къ себѣ ея командира. Притомъ, Мандатъ не зналъ, что этотъ муниципалитетъ, насильно измѣненный городскими отдѣлами, былъ, въ сущности, только инсurreкціоннымъ комитетомъ. Онъ спрашиваетъ мѣнія Редерера, который, также ничего не зная о перемѣнѣ, совершившейся въ ратушѣ, совѣтуетъ ему туда отправиться. Мандатъ, какъ бы подвліяніемъ тайнаго предчувствія, ищетъ предлоговъ уклониться, изобрѣтаетъ оправданія, пытается медлить. Наконецъ, онъ рѣшается ѣхать. Сынъ его, 12-лѣтній ребенокъ, упорно хочетъ за нимъ слѣдовать. Мандатъ садится на лошадь и, въ сопровожденіи сына и одного только адъютанта, отправляется по набережнымъ въ ратушу. Онъ всходитъ по ступенькамъ крыльца. Бѣднякъ смущается при видѣ суровыхъ и неизвѣстныхъ лицъ. Онъ понимаетъ, что долженъ будетъ отвѣчать передъ заговорщиками за распоряженія, сдѣланныя противъ успѣха заговора. „По чьему приказанію“, говоритъ ему Гюгененъ, „ты удвоилъ стражу во дворцѣ?“—„По приказанію Петіона“, отвѣчаетъ, заикаясь, несчастный Мандатъ. „Покажи это приказаніе“. „Я его оставилъ въ Тюльери“.—„Давно ли это приказаніе было отдано?“—„Три дня тому назадъ; я его принесу.“—Зачѣмъ ты велѣлъ привезти пушки?“—„Когда батальонъ выступаетъ, пушки всегда за нимъ слѣдуютъ“.—„Не удерживаетъ ли національная гвардія Петіона силою во дворцѣ?“—„Это ложь; національные гвардейцы были исполнены почтительности и уваженія къ парижскому мэру. Я самъ, уѣзжая, раскланялся съ нимъ“. Среди допроса на столъ главнаго совѣта положили письмо Мандата къ командиру военнаго поста ратуши. Требуютъ чтенія этого письма. Мандатъ приказывалъ батальону разсѣять сборище, которое отправлялось ко дворцу, и напасть на него сбоку и сзади. Это письмо было смертнымъ приговоромъ Мандата. Совѣтъ постановляетъ отвести его въ Аббатство. Президентъ, отдавая это приказаніе, дѣлаетъ горизонтальный жестъ, поясняющій его смыслъ. Пистолетный выстрѣлъ повергаетъ несчастнаго на ступеньки ратуши. Пики и сабли его доканчиваютъ. Сынъ убитаго, ожидавшій его на крыльцѣ, бросается на трупъ своего отца и тщетно оспариваетъ его у убійцъ. Съ тѣломъ Мандата, брошеннымъ въ Сену, исчезаетъ и распоряженіе Петіона.

Въ этомъ преступленіи обвиняли того человѣка, въ интересахъ котораго оно было совершено. Исторія, строгая къ двудличности Петіона, не считаетъ его виновнымъ въ пролитіи крови. Онъ служилъ революціи своими слабостями, нравственнымъ соучастіемъ, но убійствомъ—не служилъ никогда. Приказаніе

стрѣлять въ народъ, если бы было найдено, обвиняло бы цѣлый муниципалитетъ; смерть Мандата уничтожала единственное доказательство въ этомъ отношеніи. Эта смерть, совершенная безвѣстными руками, не послужила обвиненіемъ ни для кого, и волны Сены прикрыли собою отвѣтственность муниципалитета. Совѣтъ сейчасъ же назначилъ Сантерра командующимъ національной гвардіей, вмѣсто Мандата. Петіонъ, возвратившійся домой послѣ выхода изъ собранія, нашелъ у своихъ дверей 600 человекъ, посланныхъ Сантерромъ, чтобы стеречь его домъ и защищать его жизнь противъ мнимыхъ козней двора.

5.

Извѣстіе о смерти Мандата, принесенное въ Тюльери его адъютантомъ, внесло тревогу въ сердца короля и королевы, колебаніе — въ національную гвардію. Начальникъ батальона, Ла-Шене, принялъ начальство. Но вся нравственная сила его была сломлена тѣмъ, что ратуша оказалась занятою инсургентами, муниципалитетъ сдѣлался революціоннымъ, а главное начальство вручено Сантерру. Судьба Мандата предсказывала Ла-Шене его собственную. Два аванпоста у ратуши и у Новаго моста были взяты. Населеніе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, въ числѣ 15,000 человекъ, прошло чрезъ арку Сентъ-Жанъ. Марсельцы и предмѣстье Сентъ-Марсо, въ числѣ 6,000 человекъ, переходили Новый мостъ. Громадная толпа любопытныхъ мгновенно усилила эту армію народа и довела ее численность до 100,000 человекъ. Эти два корпуса соединились на набережной Лувра и безпрепятственно подвигались къ Карусельской площади. Конные жандармы, расположенные въ боевомъ порядкѣ во дворѣ Лувра, видя себя окруженными у всѣхъ калитокъ и не имѣя возможности заряжать ружья противъ стѣнъ въ узкой оградѣ, гдѣ они были заперты, стали роптать на своихъ вождей и раздѣлились на два отряда: одинъ продолжалъ бесполезно занимать дворъ Лувра, другой выстроился въ боевомъ порядкѣ на Пале-Рояльской площади. Со стороны Елисейскихъ полей, съ Вандомской площади и съ улицы Сентъ-Оноре не было никакой задержки приливу народа. Громадныя массы осаждали садъ.

Прокуроръ департамента, Редереръ, узнавъ о смерти Мандата и объ учрежденіи инсurreкціоннаго совѣта, написалъ департаментскому совѣту, чтобы тотъ отправлялся во дворецъ и принималъ мѣры противъ новаго муниципалитета или ратификовалъ его распоряженія. Департаментскія власти, лишеныя всякаго другого вліянія на народъ, кромѣ закона, разбитаго въ ихъ рукахъ, послали къ королю комиссаровъ, чтобы войти въ соглашеніе съ Редереромъ. Эти комиссары были гг. Левельяръ и де-Фоконпре, Лефебръ-д'Ормессонъ и Вомъ (д'Э). Редереръ и члены департаментскаго управленія прошли вмѣстѣ въ маленькую комнатку, выходившую въ садъ, подлѣ комнаты короля. Редереръ попросилъ короля подписать приказаніе департаментскому совѣту, уполномочивающее его перемѣститься изъ обычнаго мѣста своихъ засѣданій. „Моихъ министровъ здѣсь нѣтъ“, отвѣчалъ Людовикъ XVI, „я отдамъ это приказаніе, когда они вернутся“. Въ комнатахъ еще не начинало свѣтать. Чрезъ нѣсколько минутъ послышался во дворѣ стукъ экипажа. Полукоткрыли ставни въ кабинетѣ ко-

роля, чтобы узнать причину шума; это был экипаж Петиона, удалявшийся пустым. День начинал брезжиться.

Принцесса Елизавета подошла к окну и взглянула на небо. Оно носило красный цвет, как бы отражая на себя зарево пожара. „Сестра“, сказала она королеве, „идите сюда, взгляните, как занимается заря!“ Королева встала, взглянула на небо и вздохнула. Это был последний день, в который она видела солнце в окно, не загороженное желтыми решетками. Всякий этикет исчез. Волнение смывало все ранги. При каждом известии, приносимом королю или королеве, толпа слуг, друзей, военных—запросто теснилась около них и сообщала свои впечатлительные или давала советы. Король часто был вынуждаем переминать место и отправляться в другие комнаты, чтобы выслушать тех из своих министров, которым нужно было переговорить с ним наедине.

Часов около трех он снова удалился в свою комнату, оставив королеву, принцессу Елизавету, министров и Редерера в зале совета. Полагают, что король, удрученный усталостью и ощущениями пережитых дня и ночи и успокоенный советами, которые он только что получил, хотел в нескольких минутах сна найти силы, в которых нуждался при наступлении следующего дня. Подле королевы и принцессы Елизаветы находились принцесса Ламбаль, принцесса Тарентская, госпожи де-ла-Рош Эймон и де-Жинесту; де-Турзель, гувернантка детей Франции; де-Мако, де-Бузи и де-Вильфор, ее помощники; эти придворные дамы, видя опасность и несчастья семейства своего государя, в эту ночь возвысились сразу до полного забвения самих себя, что составляет особый вид героизма, свойственный женщинам!

Герцогиня де-Малье, — придворная дама, которая не находилась накануне во дворце и которую общий с народом образ мыслей сделал подозрительной при дворе в первые дни революции, узнала в эту ночь о предстоящем нападении на дворец и об опасности королевской семьи,—вышла прыжком из своей квартиры, бросилась одна, не скрывая ни своего имени, ни привязанности к королеве, в середину народных волн, осаждавших выходы Тюльери, и старалась туда проникнуть. Толпа отстраняла ее, как безумную. „Пропустите меня“, кричала она, „пустите туда, куда призывают меня дружба и долг. Разве у женщин нет также чести! Их честь в сердце! Мое сердце принадлежит королеве! Ваш патриотизм состоит в том, чтобы ее ненавидеть, мой—в том, чтобы умереть у ее ног!“

6.

Женщины из народа, тронутые этою безумною верностью, которая пренебрегала смертью, оттолкнули герцогиню Малье, не нанося ей оскорблений, и силою отвели в ее квартиру. Королева, принцесса Елизавета, все женщины, должностные лица, военные сидели, как попало, на скамейках или на табуретах в зале совета. Принцессы часто разговаривали с Редерером. Последний во всю эту ночь, как и 20-го июня, выказал характер великого гражданина. Хотя и преданный конституционной партии, он внушал, однако, доверие к себе королевскому семейству. Положение, занятое Редерером, было

то, какое указывать законъ. Какъ должностное лицо — онъ былъ неустрашимъ, какъ гражданинъ — полонъ грусти, какъ человѣкъ — почтителенъ; умиленіе Редерера при видѣ мученій, выносимыхъ обитателями дворца, не ускользнуло ни отъ королевы, ни отъ ея сестры, ни отъ короля. Принцесса Елизавета, печально-оживленная, какъ всегда, часто подходила къ Редереру и предлагала ему вопросы. Королева видѣла въ немъ суроваго, но честнаго совѣтника, король — послѣдняго друга.

Около четырехъ часовъ король вышелъ изъ своей спальни и снова показался въ залѣ совѣта. По его измятому платью и беспорядку въ прическѣ видно было, что онъ бросился на минуту въ постель. Его волосы, съ одной стороны головы напудренные и завитые буклями, съ другой были сплюснены и не носили даже слѣда пудры. Блѣдность лица, истомленные глаза, опустившіеся и дрожащіе отъ невольныхъ движеній мускулы рта, — все это показывало, что онъ втайнѣ плакалъ. Но на челѣ короля господствовала все та же ясность, на губахъ — та же добрая улыбка. Не въ человѣческой власти было напечатлѣть вражду въ душѣ или на лицѣ этого государя. Друзья короля любили въ немъ только его доброту, враги — только ее же презирали: она была и его недостаткомъ, и его добродѣтью. Королева и принцесса Елизавета бросились въ его объятія съ улыбкою счастья; онѣ увлекли короля въ амбразуру окна и нѣсколько минутъ говорили тихимъ голосомъ. Всѣ движенія ихъ показывали самую нѣжную дружбу; каждая изъ двухъ принцессъ держала руку короля въ своихъ рукахъ. Онъ печально смотрѣлъ то на ту, то на другую и, казалось, просилъ у нихъ прощенія за тѣ мученья, какія онѣ выносили изъ-за него. Всѣ окружающіе почтительно удалились.

Потомъ королевская семья перешла на ту сторону, гдѣ находились дворы, — для того, безъ сомнѣнія, чтобы судить о численности и расположеніи войскъ, стоявшихъ у дворца. Спустя нѣкоторое время королева велѣла позвать Редерера. Онъ нашелъ ее въ комнатѣ Тьерри, королевскаго камердинера. Эта комната выходила въ маленькую слесарную мастерскую Людовика XVI. Марія-Антуанета была одна, сидѣла близъ камина, повернувшись спиною къ окну. Морской министръ Дюбуажъ вошелъ и держался въ нѣкоторомъ отдаленіи, какъ человѣкъ, который наблюдаетъ и ожидаетъ. Королева, видимо встревоженная тѣмъ, что она замѣтила во дворахъ Тюльери, — т. е. малымъ числомъ защитниковъ и постояннымъ увеличеніемъ, какъ ей говорили, массы нападающихъ, начинала переходить отъ подъема духа послѣ первыхъ надеждъ къ малодушію отчаянія. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда дѣйствительность, которую не хотѣтъ видѣть, въ первый разъ смутно показывается, и когда, сознавая ее, человѣкъ все еще противъ нея же возстаетъ.

Марія-Антуанета спросила у Редерера, что оставалось дѣлать при такихъ обстоятельствахъ, какія стали обнаруживаться съ разсвѣта. Редереръ не скрывъ отъ королевы того, что должно было поразить ее сердце, лишь бы только просвѣтить ее разумъ. Онъ впервые подаль мысль помѣстить короля съ семействомъ подъ охрану націи; для этого нужно было, чтобы королевская семья явилась среди національныхъ представителей и такимъ образомъ поставила себя въ положеніе, столь же неприкосновенное и священное, какъ и сама конституція. „Если король долженъ погибнуть, государыня“, говорилъ Редереръ, „то пусть онъ

погибнуть отъ того же самага удара, который сразитъ и конституцію. Но народъ остановится предъ своимъ собственнымъ образомъ, олицетвореннымъ въ собраніи народныхъ представителей. Само собраніе не въ состояніи будетъ воспренятствовать защитѣ короля, который соединитъ свое существованіе съ его существованіемъ. Возстаніе, преступное и предъ жилищемъ короля, превратится въ отцеубійство предъ святилищемъ націй“. Таковы были совѣты Редерера; Марія-Антуанета краснѣла, слушая ихъ: видно было, что гордость ея, какъ королевы, боролась въ ея душѣ съ нѣжностью супруги и матери. Дюбушажъ, честный дворянинъ и неустрашимый морякъ, явился на подмогу смущенной королевѣ. — „Итакъ“, сказалъ онъ Редереру, „вы предлагаете отвести короля къ его врагу!“ — „Собраніе менѣе враждебно королю, чѣмъ вы думаете“, возразилъ прокуроръ, „потому что, при послѣднемъ монархическомъ голосованіи, четыреста членовъ собранія подали голосъ противъ двухъ сотъ, за Лафайета. Наконецъ, изъ всѣхъ опасностей я избираю меньшую и предлагаю единственный исходъ, какой оставленъ еще судьбою открытымъ для спасенія короля“.

7.

Королева съ выраженіемъ рѣшимости, какъ бы стараясь успокоить себя звукомъ собственного голоса, сказала Редереру: „Милостивый государь, здѣсь есть войска; время узнать, кто же, наконецъ, одержитъ верхъ, король или мятежныя партіи“.

Редереръ предложилъ выслушать главнокомандующаго, который замѣнилъ несчастнаго Мандата: это былъ Лашене. Его призвали; онъ явился. Его спросили, можно ли считать удовлетворительными для обезпеченія дворца внѣшнія распоряженія, сдѣланныя для его защиты, и приняты ли мѣры, чтобы остановить колонны, которыя шли на королевское жилище. Лашене отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ, что Карусельская площадь охраняется; потомъ, обратившись къ королевѣ, сказалъ тономъ упрека: „Государыня, не могу скрыть отъ насъ, что комнаты дворца полны неизвѣстныхъ людей, которые окружаютъ короля и присутствіе которыхъ не нравится національной гвардіи и даже раздражаетъ ее“. — „Национальная гвардія неправа“, возразила королева, „это люди благонадежныя“. Положеніе, занятое Маріей-Антуанетой, и ея языкъ убѣдили Редерера, что во дворцѣ твердо рѣшились принять сраженіе и послѣ побѣды внушить страхъ собранію. Тогда онъ сдѣлалъ намекъ, чтобы король написалъ законодательному собранію и просилъ его помощи. Дюбушажъ отвергнулъ и эту мысль. „Если и это не годится“, возразилъ Редереръ, „то пусть два министра отправятся въ собраніе и потребуютъ, чтобы оно прислало во дворецъ комиссаровъ!“

Это мнѣніе было одобрено. Жоли и Шампіонъ вышли и отправились въ собраніе.

Собраніе спокойно разсуждало о торговлѣ неграми, когда явились оба министра. Жоли, министръ юстиціи, описалъ всю опасность положенія, настоятельную необходимость принять какія-нибудь мѣры и объявилъ, что король желаетъ, чтобы депутація изъ національныхъ представителей пришла соединить

свои усилія съ его усиліями для предохраненія конституціи и огражденія своимъ присутствіемъ безопасности его семейства. Собраніе презрительно перешло къ очередному порядку. Оно было немногочисленно, разбѣянно, какъ бы сонливо, — находилось въ положеніи тѣхъ политическихъ организмовъ, которые, въ ожиданіи большого переворота, держатся въ сторонѣ отъ простыхъ случайностей.

8.

Жоли и Шампіонъ вышли въ отчаяніи. Редереръ и министры совѣщались въ маленькой комнаткѣ, смежной съ королевскою. Прибыли члены департаментскаго управленія. Они сообщили министрамъ о сформированіи новаго муниципалитета. Онъ велѣлъ раздать патроны марсельцамъ. Батальонъ кордельеровъ и марсельцы должны были уже выступить. Законъ, низложенный повсюду, имѣлъ убѣжищемъ себѣ только Тюльери. Члены настаивали, чтобы король отправился просить покровительства собранія. „Нѣтъ!“ отвѣчали Дюбуажъ, который слышалъ изъ окна оскорбленія, наносимыя королю пиконсоцами-батальонами, „для него нѣтъ больше безопасности нигдѣ, какъ только здѣсь; нужно, чтобы онъ здѣсь восторжествовалъ или здѣсь же погибъ.“ Тогда члены департаментскаго управленія, и во главѣ ихъ Редереръ, рѣшились отправиться сами въ законодательное собраніе, сообщить ему положеніе дѣлъ, совѣты, какіе они давали королю, и вызвать, наконецъ, у собранія такое рѣшеніе, которое спасло бы все. У самаго входа въ собраніе они встрѣтили двухъ министровъ, которые оттуда выходили. „Что вы хотите дѣлать?“ сказалъ министръ юстиціи; „мы сейчасъ умоляли собраніе призвать короля въ свои стѣны; оно насъ едва выслушало; оно не имѣетъ теперь достаточной численности, чтобы издать декретъ: тамъ едва насчитывается 60 членовъ!“ Департаментскіе члены упали духомъ и вернулись во дворецъ вмѣстѣ съ министрами. Артиллеристы, расположившіеся съ пушками въ стѣнахъ, у подножія главной лѣстницы, остановили ихъ. „Господа“, сказали они съ тревогою, которая отражалась на ихъ лицахъ, „неужели мы должны будемъ стрѣлять въ нашихъ братьевъ?“ „Вы здѣсь только для того“, отвѣчалъ имъ Редереръ, „чтобъ охранять жилище короля и не допускать кого бы то ни было насильно овладѣть входомъ во дворецъ. Тѣ, которые стали бы стрѣлять въ васъ, больше не братья ваши!“

Эти слова, повидимому, успокоили артиллеристовъ; Редерера и его товарищей просили повторить то же самое во дворахъ, гдѣ подобное же смущеніе волновало національных гвардейцевъ. Редереръ и его спутники прошли чрезъ стѣны и вошли въ королевскій дворъ. Онъ представлялъ грозную внѣшность относительно защиты.

Направо выстроился стѣною батальонъ гренадеровъ національной гвардіи, который простирался отъ оконъ дворца до стѣны Карусельской площади. На лѣво, лицомъ къ этому гражданскому батальону, помѣщался батальонъ швейцарской стражи. Эти два батальона, открывъ перекрестный огонь, могли уничтожить народныя колонны, которыя проникли бы съ Карусельской площади во дворъ. Между этими двумя рядами штыковъ, пять пушекъ, направленныхъ противъ Карусели, выстроились предъ главнымъ входомъ въ Тюльери и могли

разгромить нападающих въ этомъ направленіи, а пять пушекъ, поставленныхъ при дверяхъ сада, могли ихъ осыпать картечью съ другой стороны. Подобныя же распоряженія сообщали другимъ дворамъ неприступную вѣнность. Департаментская депутація пошла прямо къ баталіону національной гвардіи. Редереръ, помѣстившись въ центрѣ батальона, обратился къ нему съ рѣчью въ опредѣленныхъ, твердыхъ и умѣренныхъ выраженіяхъ, какъ прилично безстрастному представителю закона: „Никакой атаки, твердое положеніе, положеніе оборонительное!“

9.

Батальонъ не обнаружилъ ни энтузіазма, ни колебанія. Прокуроръ-синдикъ перешелъ въ средину двора, чтобы обратиться съ тѣми же словами къ артиллеристамъ. Послѣдніе нарочно удалились, чтобы избѣгнуть необходимости слушать призывъ, которому не хотѣли повиноваться. Однакожъ одинъ изъ нихъ, человѣкъ съ воинственною наружностью и рѣшительною фizioномією, приблизился къ Редереру и сказалъ: „Ну, а если въ насъ будутъ стрѣлять, вы все будете тутъ?“ „Буду“, отвѣчалъ Редереръ, „но не позади вашихъ пушекъ, а впереди, чтобы, если ужъ кто долженъ погибнуть въ этотъ день, то мы погибли бы первые, защищая законъ“. — „Мы всѣ тутъ будемъ!“ вскричали разомъ члены департамента. При этихъ словахъ артиллеристъ совершилъ поступокъ, который былъ выразительнѣе всякихъ словъ: онъ разрядилъ свою пушку, бросилъ ея зарядъ на землю и, наступивъ ногою на горящій трутъ, погасилъ его. Въ этомъ поступкѣ самъ законъ обезоруживался предъ народомъ. Народъ рукоплескалъ артиллеристу съ высоты карусельскихъ стѣнъ.

Въ то время, когда департаментскія власти терпѣли, такимъ образомъ, неудачу у артиллеристовъ, муниципальные сановники передавали швейцарцамъ приказаніе отразить силу силою. Нѣсколько шаговъ дальше посланные марсельцевъ, пробравшись во дворы, уговаривали иностранныхъ солдатъ не стрѣлять въ патріотовъ, которые хотѣли быть свободными республиканцами, какъ они сами. Вдругъ послышались учащенные удары въ королевскія ворота. Редереръ поспѣшно явился туда и велѣлъ отворить калитку. Ввели молодого человѣка, худого, блѣднаго, изстуженнаго: то былъ офицеръ артиллеристовъ инсurreкціи. Онъ объявилъ, что его толпа хочетъ отправиться къ собранію и держать законодателей въ осадѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшено низложеніе короля, и что у народа поставлено 12 пушекъ на Карусельской площади.

„Мы требуемъ“, прибавилъ онъ, „чтобы намъ открыли проходъ чрезъ дворецъ и садъ, чтобы представить законодательному собранію волю народа; мы вовсе не хотимъ дѣлать зла. Мы всѣ такіе же граждане, какъ и вы! Мы вовсе не хотимъ посягать на свободу собранія; напротивъ, хотимъ ему возвратить эту свободу, подавленную интригами двора“. Послѣ лихорадочнаго разговора между этимъ молодымъ человѣкомъ съ одной стороны и представителями власти—съ другой, непрерывные удары потрясли дверь, а за стѣною раздавался ревъ постоянно увеличивающейся толпы. Департаментскія власти удалились, и одно лишь время теперь уже должно было приготовить развязку.

Королева, предвидя, что эта развязка наступит съ наступленіемъ дня и что она будетъ кровавою, не желала, чтобы нападеніе на дворецъ и удары марсельцевъ захватили въ постели дѣтей,—велѣла ихъ разбудить, одѣть и привести къ себѣ въ пять часовъ утра. Король и королева обняли дѣтей съ удвоенною нѣжностью, какъ всегда крѣпче прижимаютъ къ себѣ то, что боятся увидѣть вырваннымъ изъ своихъ рукъ.

Дофинъ выглядѣлъ безпечнымъ и рѣзвымъ, какъ прилично въ его возрастѣ. Такой необычный часъ пробужденія, воинственный видъ комнатъ, сада, дворовъ—развлекали ребенка: самый блескъ оружія закрывалъ отъ него смерть. Сестра дофина, болѣе взрослая и развитая, угадывала судьбу въ глазахъ своей матери и въ молитвахъ тетки. Присутствіе этихъ двухъ прелестныхъ дѣтей растрогало національныхъ гвардейцевъ, которые стояли въ комнатахъ, и довело до слезъ энтузіазмъ волонтеровъ, находившихся въ Каррачевской галерей. Маршалъ Муши и министры предложили королю подкрѣпить своимъ присутствіемъ это доброе настроеніе и сдѣлать смотръ всѣмъ войскамъ, какія преданность его особѣ или повиновеніе закону собрали вокругъ дворца. Хотя войска эти были немногочисленны и нерѣшительны, однакожъ сила ихъ удесятерилась бы вслѣдствіе пламеннаго порыва, который могъ бы даже дать другой оборотъ счастью, если предъ ними явится государь, который, находясь въ крайности, сдѣлаетъ воззваніе къ горести своихъ защитниковъ.

Но чтобы умѣть морально наэлектризовать массы, надо быть наэлектризованнымъ самому: одни только герои могутъ сообщить другимъ геройство. Но у Людовика XVI ни въ словахъ, ни въ душѣ не было ничего такого, что могло бы воспламенить толпу. Для защитниковъ нуженъ былъ король, они находили только отца семейства. Самая внѣшность Людовика XVI, какъ человѣка, отнимала всякое обаяніе у него, какъ короля. Если бы нерѣшительные батальоны увидали съ разсвѣтомъ рокового дня, что изъ дворца выѣхалъ верхомъ на конѣ молодой, гордый принцъ, кипящій пыломъ, готовый рисковать своею жизнью, чтобы добыть себѣ удачу, которая благоприятствуетъ юности; или то былъ бы старецъ, который, обнаживъ свою голову, выставилъ бы предъ народомъ свои сѣдины и воззвалъ къ милосердію, этому послѣднему ресурсу краснорѣчія въ несчастіи; если бы нѣсколько задшевныхъ словъ, вырвавшихся у такого человѣка, запали въ сердце солдатъ, переходили бы изъ ряда въ рядъ и вызвали у нихъ могучею струею воинственный порывъ, который такъ легко овладѣваетъ толпой; если бы развернутое знамя, ловкое движеніе, обнаженная кетатишпага привлекли къ себѣ взоры вооруженныхъ защитниковъ и двинули этотъ лѣсъ штыковъ хотя подъ самымъ легкимъ трепетомъ энтузіазма,—то можно бы еще было сражаться, можно бы побѣдить, и конституція, укрѣпленная побѣдою, прoderжалась бы нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ.

Но въ особѣ Людовика XVI не было ни увлекательной граціи юности, ни величія старости, которое умиляетъ людей. Въ немъ не было ничего воинственнаго, ничего такого, что побуждаетъ солдата видѣть въ королѣ своего вождя, а народъ—своего отца. Въмѣсто того, чтобы надѣть мундиръ и сѣсть

на лошадь, онъ шелъ пѣшкомъ, одѣтый въ свое фіолетовое платье (цвѣтъ траура королей), безъ сапоговъ, безъ шпоръ, въ обыкновенной придворной обуви, въ башмакахъ съ пряжками, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, держа подъ мышкою шляпу; волосы короля были завиты и напудрены еще наканунѣ, но заботливая рука не поправила въ его волосахъ беспорядка, слѣда мимолетнаго сна и волненій ночи. Устрашенный не опасностью, но всей этой неурядицей, взглядъ короля казался тусклымъ, нерѣшительнымъ, блуждающимъ; улыбка его была граціозна, но банальна, какъ и всегда въ теченіе его королевской жизни; тяжелая и колеблющаяся поступь перевѣшивала корпусъ короля съ одной ноги на другую, точно среди холодныхъ придворныхъ пріемовъ. Въ особѣ короля не было никакой внушительности: отъ него ожидали всего—въ немъ не было ничего, что могло бы воодушевить. Чтобы растрогаться, надо было вникнуть въ его положеніе. А среди этого смотра король не могъ выставить другого обаянія, кромѣ своего униженія.

11.

При всемъ томъ, уже одно присутствіе короля, поднятаго съ постели тяжкомъ, видъ королевы и сестры короля въ траурныхъ платьяхъ, дѣтей, которыхъ вели за руки, видъ этого безмолвнаго шествія, который проходилъ по заламъ и по дворамъ своего жилища, прося своихъ друзей о вѣрности, солдаты о чести, враговъ о состраданіи,—все это обладало само по себѣ краснорѣчіемъ, которое могло обойтись безъ мысли: „Ну, господа! кажется, они идуть... Не знаю, чего они хотятъ... Мы увидимъ... Мое дѣло—дѣло конституцій и всѣхъ добрыхъ гражданъ... Мы выполнимъ свою обязанность, не правда ли?“

Этихъ словъ, однообразно произносимыхъ чрезъ нѣкоторые промежутки и прерываемыхъ рѣдкими восклицаніями и стукомъ оружія, которымъ военные караулы отдавали честь королю, хотя и довольно было для виду, но совершенно недостаточно по важности переживаемаго времени. Королева, слѣдовавшая за королемъ шагъ за шагомъ, возвышала эти слова благородствомъ своей осанки, гордыми и граціозными движеніями головы и выраженіемъ своего взгляда. Она хотѣла бы вдохнуть королю свою душу; она мучилась, что ничѣмъ, кромѣ осанки, краски на лицѣ и нѣмого ощущенія, не могла выразить чувствъ, которыя, по своему полу, должна была сдерживать въ своей груди. Видно было, что на глазахъ ея кипѣли слезы, но достоинство и гордость осушали ихъ раньше, чѣмъ онѣ выступали наружу. Королева дышала прерывисто, усиленно, громко; грудь ея колыбалась отъ негодованія. Ея лицо, утомленное и блѣдное отъ безсонницы, но одушевленное силою воли и какъ бы возвышенное неукротимостью духа королевы; глаза, отвѣчавшіе непрерывными молніями всѣмъ другимъ устремленнымъ на нее глазамъ; взоръ королевы, который въ одно и то же время и умолялъ о помощи, и потрясалъ, и смотрѣлъ презрительно, смотря по тому, встрѣчались-ли лица холодныя, дружественныя или враждебныя; тревога, съ какою королева искала на окружающихъ лицахъ слѣдовъ впечатлѣнія, производимаго словами короля; поднятыя, трепещущія губы, раздувающіяся отъ волненія ноздри, положеніе головы, какъ бы вспуг-

нutoй и выпрямленной опасностью, печальная походка королевы, ея ослабшія руки, гордыя движенія, еще недавніе слѣды красоты, которая начинала блѣднѣть подъ бременемъ лѣтъ, какъ судьба ея самой подъ гнетомъ несчастій; воспоминаніе о поклоненіи, которое она когда-то внушала въ этихъ самыхъ залахъ, гдѣ теперь напрасно молила нѣсколькихъ человѣкъ о защитѣ; лучи утренняго солнца, проникшіе въ комнаты дворца и переливавшіеся на волосахъ Маріи-Антуанеты; точно на ея головѣ колебалась корона; разнородное оружіе, толпа, привѣтствія, молчаніе, среди котораго она подвигалась впередъ: все это сообщало особѣ королевы величіе мужества, достоинства, печали, равное въ глазахъ зрителей торжественности всей сцены и величію обстановки. Это была Ниобея монархіи; это была статуя королевскаго сана, упавшая съ пьедестала, но не оскверненная, не униженная паденіемъ. Марія-Антуанета никогда въ такой степени не была королевою, какъ въ этотъ день.

12.

Марія-Антуанета оставалась на высотѣ своего сана вопреки и своему народу и своей судьбѣ. Видъ ея привелъ въ умиленіе, во внутренности дворца, самыхъ нерѣшительныхъ національныхъ гвардейцевъ и заставилъ извлечь изъ ноженъ всѣ сабли. Швейцарская гвардія, жандармы, гренадеры, волонтеры, дворяне, буржуазія, народъ, всякое оружіе, всѣ посты, всѣ залы, всѣ лѣстницы прониклись одинаковымъ энтузіазмомъ при ея видѣ; всѣ взоры, движенія, слова обѣщали королевѣ отдать жизнь тысячи человѣкъ за ея жизнь. На лицахъ господствовала блѣдность, неразлучная спутница сильныхъ ощущеній. Слезы катились изъ глазъ самыхъ закаленныхъ солдатъ. Полная увлекательности для національной гвардіи, благосклоннаго достоинства для швейцарской стражи граціи и довѣрія къ своимъ друзьямъ, проходя между рядами дворянъ, собранныхъ въ большой галереѣ, королева сдѣлалась предметомъ рыцарскаго поклоненія. Одни хотѣли поцѣловать ея руку, другіе даже просили ее только прикоснуться къ ихъ оружію, третьи бросали свои плащи подъ ноги королевы, дофина и принцессы; иные, болѣе близкіе, поднимали ребенка на рукахъ надъ своею головою, какъ живое знамя, за которое они клялись умереть!

При видѣ этого восторга королева сама увлекается; выхватывая два пистолета изъ-за пояса г. Мальярдо, командующаго швейцарцами, она ихъ подаетъ королю: „Вотъ прекрасная минута показать себя“, говоритъ она, „или погибнуть со славою среди своихъ друзей!“ Король отдалъ эти пистолеты г. Мальярдо; онъ понялъ, что видъ оружія окончательно лишилъ бы его популярности, и что лучшею защитою короля въ глазахъ гражданъ были неприкосновенность его особы и законъ.

Обойдя всѣ внутренніе посты вмѣстѣ съ семьей, король сошелъ въ сѣни предъ большой лѣстницей и велѣлъ королевѣ, принцессѣ Елизаветѣ и дѣтямъ войти въ ихъ комнаты. Онъ хотѣлъ одинъ окончить смотръ войскъ, расположенныхъ вѣ дворца. Король боялся, чтобъ королевѣ, на которую столько клеветали передъ народомъ, не пришлось вынести оскорбленій и, быть можетъ, подвергнуться личной опасности, при проходѣ предъ фронтомъ батальоновъ.

Король пошелъ дальше, въ королевскій дворъ, въ сопровожденіи генераловъ Буасье и Мену, командовавшихъ во дворцѣ,—Мальярдо и Бахмана, главныхъ начальниковъ швейцарцевъ,—бывшаго военного министра Лажара, морского министра Дюбушажа и принца Пуа-Ноайля, бывшаго капитана тѣлохранителей. Громъ барабановъ, раздавшійся на поляхъ, команда офицеровъ, которые приказывали солдатамъ преклонить оружіе, привѣтственные восклицанія толпы роялистовъ, тѣснившихся въ дверяхъ, въ окнахъ, на балконахъ дворца и потрясавшихъ въ воздухѣ шляпами съ крикомъ: „да здравствуетъ король!“ немного увлекли батальоны и вырвали у нихъ нѣсколько послѣднихъ криковъ вѣрности. Королева, принцесса Елизавета, женщины, слуги, которые ихъ окружали, плакали отъ радости, смотря съ высоты балкона залы стражей на эти знаки привязанности. Эта радость была непродолжительна и тревожна. Два сомнительныхъ батальона вступили во дворы въ теченіе смотра. Безмолвные и угрюмые, они представляли рѣзкій контрастъ съ преданными батальонами. Артиллеристы, до тѣхъ поръ безстрастные, стали браться съ ними. Буасье рѣшилъ, что было благоразумнѣе удалить эти батальоны, и назначилъ имъ мѣсто дальше отъ дворца, на террасѣ по берегу Сены. Отправляясь туда, они прошли передъ королемъ съ крикомъ: „да здравствуетъ нація!“

Изъ дворовъ король прошелъ въ садъ. Роялистскіе батальоны кварталовъ „des Petits-Pères“ и „des Filles-Saint-Thomas“, выстроенные въ боевомъ порядкѣ справа и слѣва отъ главной двери, на террасѣ замка, прикрыли его своими штыками, сопровождали энтузіазмомъ и клятвами. Гренадеры окружили короля и просили сдѣлать смотръ ихъ товарищамъ, поставленнымъ въ концѣ сада, на Подъемномъ мосту, чтобы королевскимъ присутствіемъ подкрѣпить этотъ постъ, столь важный для защиты. Король рискнулъ на такой поступокъ, вопреки представленіямъ нѣсколькихъ лицъ изъ свиты, которыя указывали ему на опасность подвергнуться по дорогѣ нападенію батальоновъ пиконосцевъ, расположенныхъ на боковой террасѣ.

Небольшой королевскій кортежъ благополучно прошелъ по саду во всю его длину. Гренадеры Подъемнаго моста выказали себя полными рѣшимости и энергіи. Но національную гвардію, какъ и всю Францію, раздѣляла двойственность настроенія. Лишь только король оставилъ Подъемный мостъ, чтобы возвратиться во дворецъ, какъ батальоны пиконосцевъ, предгѣстья Сень-Марсо и два батальона, которые явились во время смотра и были поставлены г. Буасье на террасѣ Сены, подняли громкій вопль съ оскорбленіями и угрозами двору. Этотъ вопль изъ сада долетѣлъ до комнатъ Тюльери. Королева, сидя въ комнатѣ короля, пользовалась минутнымъ отдыхомъ, окруженная дѣтьми, сестрой, министрами и Редереромъ. Шумъ заставилъ одного изъ министровъ подбѣжать къ окну. Королева также туда бросилась. Министръ почтительно отвелъ ее отъ окна и даже заперъ его, чтобы не дать королевѣ замѣтить оскорбительныя тѣлодвиженія и разслышать угрожающіе возгласы, направленные противъ ея мужа. „Великій Боже!“ сказала она, „эти вопли грозятъ королю! Мы погибли!“ Она упала, подавленная такимъ колебаніемъ между жизнью и смертію.

Король вернулся назадъ, облитый потомъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, съ краскою на лицѣ. Въ продолженіе всего пути отъ Подъемнаго моста къ Тюльери отчаяніе и позоръ не покидали его. Онъ видѣлъ, какъ вдали потрясали, въ угрозу ему, пиками, саблями, штыками, собранными для его же защиты. Поднятые кулаки, угрожающіе жесты, циническіе возгласы, яростныя движенія нѣсколькихъ изступленныхъ людей, которые порывались сойти съ террасы въ садъ и броситься на королевскій конвой, но съ трудомъ были удержаны товарищами и мстили за свое безсиліе проклятіями,—все это сопровождало короля до самыхъ дверей. Слабая свита короля не могла даже предохранить отъ опасности его жизнь. Какой-то человѣкъ, въ мундирѣ національной гвардіи, зловѣщаго вида, часто заносилъ руку подъ свой мундиръ, какъ бы ища тамъ кинжала, и шагъ за шагомъ шелъ слѣдомъ за королемъ. Одинъ изъ гренадеровъ не отставалъ отъ этого человѣка и безпрестанно оставлялъ его между королемъ и собою. По возвращеніи къ своему посту,—когда король былъ уже въ безопасности во дворцѣ, этотъ гренадеръ лишился чувствъ отъ ужаса послѣ той сцены, которой былъ свидѣтелемъ.

Лишь только Людовикъ XVI вернулся во дворецъ, какъ два береговыхъ батальона вышли чрезъ рѣшетку у Королевскаго моста со своими пушками и выстроились въ боевомъ порядкѣ на набережной, между садомъ и мостомъ, чтобы выждать марсельцевъ и напасть вмѣстѣ. Два другихъ батальона покинули королевскій дворъ. Они вышли на Карусельскую площадь и расположились тамъ въ ожиданіи другихъ запоздавшихъ батальоновъ, чтобы увлечь и ихъ въ своемъ отступленіи. Громадная масса народа, брестскихъ федератовъ, инсургентовъ изъ предмѣстій столпилась на площади вокругъ этихъ батальоновъ.

14.

Было семь часовъ. Набатъ не переставалъ звучать всю ночь. Съ тѣхъ поръ, какъ пробилъ утренній часъ, когда народъ встаетъ и отправляется къ своимъ дневнымъ работамъ,—улицы и площади, которыя сперва наполнялись медленно, были уже загромождены толпою. Эти массы народа, медлительныя въ движеніяхъ, ожидали, чтобы батальоны ихъ кварталовъ собрались и вели ихъ за собою. Едва замѣтно было небольшое движеніе по направленію къ Лувру и Королевскому мосту въ улицахъ, которыя ведутъ изъ предмѣстій Сентъ-Антуанъ и Сентъ-Марсо въ центръ Парижа. Теперь образовалось два центра, изъ которыхъ давался толчокъ возстанію: одинъ въ ратушѣ съ Сантерромъ и Вестерманномъ, другой—въ старомъ зданіи кордельеровъ, гдѣ засѣдалъ клубъ того же имени и гдѣ были казармы марсельцевъ.

Кордельеры со своимъ клубомъ и съ казармою были для квартала Сентъ-Марсо и для лѣваго берега Сены тѣмъ, чѣмъ была ратуша для Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и для праваго берега: душою и правою рукою возстанія. Въ полночь Дантонъ, Камиллъ Демуленъ, Фабръ д'Эглантинъ, Карра, Ребекки, Барбару и главные вожди клуба рѣшили не прерывать своихъ засѣданій. Дантонъ, ораторъ кордельеровъ и народный государственный человѣкъ, велѣлъ открыть заду марсельцамъ. „Къ оружію!“ сказалъ онъ имъ: „Вы слышите набатъ,

—это голосъ народа. Онъ призываетъ васъ на помощь парижскимъ братьямъ. Вы явились изъ дальней окраины страны для защиты головы націи, угрожаемой въ столицѣ интригами деспотизма! Пусть этотъ набатъ возвѣститъ послѣдній часъ королей и первый часъ мщенія и народной свободы! Къ оружію и „Са іга!“

Едва Дантонъ произнесъ эти слова, какъ пѣсня „Са іга“ потрясла своды кордельеровъ. Карра, Фабръ д'Эглантинъ, Ребекки, Барбару, Фурнье-американецъ всю ночь устанавливали марсельцевъ подъ ружье и группировали брестскихъ федератовъ вокругъ своихъ батальоновъ. Большое число федератовъ, удалившихся изъ департаментовъ, присоединились къ этой головѣ колонны и образовали во дворахъ и въ зданіи кордельеровъ настоящій революціонный лагерь. Брестскіе и марсельскіе артиллеристы лежали съ зажженными фитилями подлѣ своихъ пушекъ. Дантонъ удалился, еще не увѣренный въ успѣхъ этой ночи. Въ то время, когда думали, что онъ на тайственныхъ совѣщаніяхъ занять затягиваніемъ послѣднихъ узловъ заговора, Дантонъ вернулся домой и, совсѣмъ одѣтый, прилегъ, чтобы заснуть на минуту, а жена не спала и плакала подлѣ его постели. Задумавъ планъ движеній и сообщивъ первый толчокъ, онъ предоставилъ самое исполненіе людямъ дѣйствія, а судьбу своей мысли оставилъ на произволъ робости или энергіи народа.

Но у Дантона это была не трусость, а глубокая революціонная теорія. Дантонъ понималъ философію политическихъ бурь; онъ зналъ, что разъ онѣ возникли, управлять ими невозможно, и что во время народныхъ потрясеній, какъ и въ сраженіяхъ, бываютъ случайности, въ которыхъ человѣку остается только сѣсть и погрузиться въ сонъ въ ожиданіи ихъ наступленія.

XXII.

Инсургенты выступают въ походъ.—Вестерманъ беретъ на себя командованіе надъ авангардомъ.—Его распоряженія.—Его прошлое.—Редереръ приглашаетъ короля отправиться въ собраніе.—Король рѣшается на это.—Отъездъ.—Переходъ чрезъ садъ.—Наружный видъ собранія.—Слова короля.—Отвѣтъ президента (Верньо).—Король съ семьей въ ложѣ стенографа.—Отвѣтъ королю живописца Давида.—Арестъ Сюло и нѣкоторыхъ другихъ роялистовъ.—Они убиты.—Общее смятеніе во дворцѣ.—Временная побѣда швейцарцевъ.—Волненія собранія.—Марсельцы снова атакуютъ Тюльери.—Защита швейцарцевъ и поголовная рѣзня ихъ.—Народъ предастъ дворецъ разграбленію.—Убіиства.—Вирье, Ламартинъ, Віомениль.—Молодой Карлъ д'Отишанъ.—Виконтъ де Бровъ.—Статсъ-дамы и женская прислуга королевы.—Салла, Марше, Діе.—Убіиство Клермонъ-Тоннерра.—Вестерманъ у Дантона.

1.

Лишь только Сантерръ условился въ ратунѣ съ новыми комиссарами отъѣловъ относительно послѣднихъ распоряженій, какъ тотчасъ и выступилъ въ походъ по набережной, а марсельцамъ послалъ сказать, что Новый мостъ назначается сборнымъ пунктомъ двухъ колоннъ. Эти обѣ колонны соединились безпорядочной массой, при грохотѣ барабановъ и при звукахъ „Ça ira“, на Луврской площади и безпрепятственно заняли Карусель. Впереди колоннъ ѣхалъ челоѣкъ на маленькой черной лошади. Когда достигли Карусели, онъ овладѣлъ командой единственно по праву своего мундира и въ силу авторитета Дантона. Толпа повиновалась этому командиру въ силу сознанія необходимости руководства и единства,—сознанія, овладѣвающего массами въ минуту опасности. Командиръ провелъ свое войско въ хорошемъ порядкѣ, выстроилъ его въ боевую позицію на Карусельской площади, въ центрѣ помѣстилъ пушки, а оба крыла растянулъ такъ, чтобы онѣ окружили и держали въ своей власти тѣ еще нерѣшительные батальоны, которые, повидимому, ожидали только перевѣса счастья на которую-нибудь сторону, чтобы высказаться. Сдѣлавъ эти распоряженія съ проницательностью и хладнокровіемъ опытнаго генерала, командиръ пустилъ свою лошадь шагомъ къ воротамъ королевскаго двора, въ сопровожденіи группы брестскихъ федератовъ и марсельцевъ, поступалъ въ ворота эфесомъ своей сабли и, тономъ главнокомандующаго, потребовалъ открыть входъ народу.

Вестерманъ былъ эльзасецъ; онъ происходилъ изъ фамиліи, которая пользовалась уваженіемъ среди буржуазіи его провинціи. Онъ былъ замѣшанъ въ

какія-то подозрительныя поддѣлки, въ которыхъ дѣло шло о поддѣлкѣ билетовъ учетной кассы, и подвергся осужденію на безсрочное заключеніе въ тюрьмѣ Сень-Лазарь. Молодость и избѣдательный умъ Вестермана не потерялись и въ тюрьмѣ. Онъ бѣжалъ изъ нея наканунѣ взятія Бастиліи. Вестерманъ сдѣлался муниципальнымъ секретаремъ въ Гагенау, и здѣсь красота, смѣлость, краснорѣчіе молодого человѣка дали ему большой вѣсъ въ городѣ, который онъ волновалъ въ смыслѣ новыхъ идей. Реакція въ общественномъ мнѣніи жителей изгнала его оттуда. Но Вестерманъ опять вернулся въ городъ, на основаніи декрета учредительнаго собранія, послѣ схватки между линейными войсками, защищавшими его, и національными гвардейцами, которые отражали Вестермана. Однакожъ торжество его длилось только нѣсколько часовъ. Арестованный снова, по распоряженію департаментскихъ властей, и запертый въ Сень-Лазарь, чтобы отбыть тамъ свое первоначальное наказаніе, Вестерманъ обратился къ Дантону. Дантонъ, понимая, какую выгоду можно было извлечь изъ подобнаго человѣка, велѣлъ выпустить его на свободу наканунѣ 10-го августа. Вестерманъ угадалъ чѣмъ предстоящую междоусобную войну и военную карьеру, какую революціи таятъ въ своихъ нѣдрахъ для счастливыхъ солдатъ. Онъ отдался дѣлу народа, чтобы или возвыситься посредствомъ его, или умереть. Дантонъ велѣлъ Вестерману набрать свое войско и, когда толпа была уже поднята, предоставилъ надъ нею начальство.

Таковъ былъ Вестерманъ. Сантерръ, хотя и считался главнокомандующимъ, понималъ, однакожъ, превосходство молодого эльзасца и предоставилъ ему начальство надъ авангардомъ толпы выѣстѣ съ рискомъ, сопряженнымъ съ этой экспедиціей.

Вестерманъ, видя, что швейцарцы и гренадеры отказываются отворить ворота, велѣлъ подвести пять пушекъ и грозилъ выломать входъ. Деревянные ворота, полуразрушенные отъ ветхости, не могли выдержать и перваго залпа. При приближеніи Вестермана, члены муниципалитета Бори и Леру, а также Редереръ и другіе члены департаментскаго управленія, видя нерѣшительность войскъ, пораженные неотвратимостью опасности, поспѣшно вошли въ самый дворецъ. Они прошли по заламъ, находившимся предъ комнатою короля. Тревога, написанная на ихъ лицахъ, говорила достаточно краснорѣчиво. Людовикъ XVI сидѣлъ за столомъ, поставленнымъ при входѣ въ его кабинетъ. Опершись руками на колѣни, онъ имѣлъ видъ человѣка, который выжидаетъ и прислушивается. Королева, глаза которой были красны, а щеки пылали отъ мучительнаго возбужденія, помѣщалась съ принцессой Елизаветой и съ министрами между окномъ и столомъ короля; принцесса Ламбаль, г-жа де Турзель и дѣти находились подлѣ королевы.

„Государь“, сказалъ Редереръ, „департаментское управленіе желаетъ говорить съ вашимъ величествомъ безъ другихъ свидѣтелей, кромѣ вашего семейства“. По знаку короля всѣ удалились, кромѣ министровъ. „Государь“, продолжалъ сановникъ, „вамъ нельзя терять и пяти минутъ; ни численность, ни настроеніе людей, собранныхъ здѣсь для вашей защиты, не могутъ гарантировать жизнь вашу и вашей семьи. Артиллеристы разряжаютъ свои пушки. Отступаютъ повсюду, въ саду, во дворахъ; Карусельская пло-

щадь занята марсельцами. Безопасности для васъ нѣтъ нигдѣ болѣе, какъ только въ средѣ законодательнаго собранія. Таково мнѣніе департаментской администраціи, единственнаго конституціоннаго учрежденія, на которомъ въ настоящую минуту лежитъ ответственность за вашу жизнь и за конституцію.— „Но“, возразилъ король, „я не замѣтилъ, чтобы было много народа на Карусельской площади“.— „Государь“, возразилъ Редереръ, „тамъ двѣнадцать пушекъ, и безчисленная армія предметовъ подвигается за марсельцами“. Членъ департаментской администраціи Жердре, извѣстный королевѣ, которой онъ былъ поставщикомъ, сказалъ нѣсколько словъ въ подкрѣпленіе мнѣнія Редерера: „Молчите, господинъ Жердре“, сказала ему королева, „не вамъ возвышать здѣсь голосъ; дайте говорить прокурору-синдику“. Потомъ, обращаясь къ Редереру, она гордо сказала ему: „Но, милостивый государь, у насъ есть войско!“.— „Государыня, весь Парижъ поднялся“, отвѣчалъ ей Редереръ, и вслѣдъ за тѣмъ возобновилъ свой разговоръ съ королемъ въ болѣе твердомъ тонѣ: „Государь, время не терпитъ; мы обращаемся къ вамъ уже не съ просьбою, не съ совѣтомъ; намъ остается послѣднее средство: мы просимъ позволенія сдѣлать надъ вами насиліе и увлечь васъ въ собраніе“.

Король поднялъ голову, пристально посмотрѣлъ на Редерера въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, стараясь прочесть въ его глазахъ, что именно—спасеніе или засада заключается въ этихъ настояніяхъ; потомъ, повернувшись къ королевѣ и спрашивая ее быстрымъ взглядомъ, прибавилъ: „Отправимся!“ и всталъ съ мѣста.

При этихъ словахъ принцесса Елизавета, поднявъ голову надъ плечомъ брата, вскричала: „Господинъ Редереръ, по крайней мѣрѣ, отвѣчаете ли вы за жизнь короля?“— „Да, ваше высочество, столько же, какъ и за свою собственную“, уклончиво отвѣчалъ Редереръ. Онъ предложилъ королю, чтобы его не сопровождалъ никто изъ придворныхъ и чтобы не было другой свиты, кромѣ департаментскихъ властей и двойного ряда національныхъ гвардейцевъ. Министры потребовали себѣ права не отлучаться отъ главы исполнительной власти. Королева вымолила ту же милость для гувернантки своихъ дѣтей, г-жи де-Турзель. Департаментскіе правители на это согласились. Тогда Редереръ подошелъ къ дверямъ королевскаго кабинета и, возвысивъ голосъ, вскричалъ толпѣ зрителей: „Король и его семейство отправляются въ собраніе одни, безъ всякой другой свиты, кромѣ департаментской администраціи и министровъ; дайте имъ дорогу“.

2.

Извѣстіе объ отъѣздѣ короля въ одно мгновеніе распространилось по всему дворцу. Послѣдній чашъ монархіи не могъ бы показаться ея защитникамъ болѣе зловѣщимъ и громовымъ. Одно только уваженіе сдерживало еще горестъ и негодованіе, овладѣвшія швейцарской гвардіей и дворянами, руку и кровь которыхъ, предложенныя на защиту короля, такимъ образомъ оттолкнули.

Слезы стыда катились съ ихъ глазъ. Нѣкоторые изъ защитниковъ срывали съ груди крестъ св. Людовика и топтали ногами свои шпаги.

Пока Лашене велѣлъ прибыть королевскому конвою, чтобы образовать ограду вокругъ особы короля, послѣдній остановился на нѣсколько минутъ въ

своем кабинетѣ, медленно обошелъ кругъ своихъ приближенныхъ лицъ и вѣстилъ имъ свое рѣшеніе. Королева, сидя неподвижно, прятала свое лицо на груди принцессы Ламбаль. Стража прибыла. Королевскій кортежъ безмолвно прошелъ сквозь толпу встревоженныхъ лицъ. Глаза однихъ не смѣли встрѣчаться съ глазами другихъ. Переходя чрезъ залу „Oeil-de-Bœuf“, король, не говоря ни слова, снялъ шляпу съ національнаго гвардейца, который шелъ по правую его руку, и надѣлъ на голову этого гренадера свою шляпу, украшенную бѣлымъ перомъ. Удивленный гвардеецъ почтительно снялъ съ себя королевскую шляпу, взялъ ее подъ мышку и пошелъ съ обнаженной головой. Никто не узналъ, какая мысль руководила Людовикомъ XVI при такомъ обмѣнѣ. Быть можетъ, онъ вспоминалъ о красной шапкѣ, положенной на его голову и польстившей народу 20-го іюня, и хотѣлъ придать себѣ популярность предъ національной гвардіей, надѣвъ на себя часть мундира гражданской арміи? Никто не посмѣлъ предложить королю вопросъ по поводу этого движенія; но, какъ бы то ни было, его нельзя приписать страху въ государѣ, столь безстрастномъ предъ оскорбленіями и столь спокойномъ въ виду смерти.

Въ ту минуту, когда король покидалъ галерею и сдѣлалъ послѣдній шагъ предъ порогомъ своего дворца, онъ обратился къ прокурору-синдику, шедшему предъ нимъ, и сказалъ: „Но что будетъ съ нашими друзьями, которые остались наверху?“ Редереръ успокоилъ короля относительно ихъ участи, сказавъ, что не будетъ никакого препятствія къ выводу тѣхъ изъ нихъ, которые безоружны и не въ мундирахъ; эти невольны-ложныя слова должны были вскорѣ потерпѣть опроверженіе отъ обстоятельствъ и смерти.

Наконецъ, на тѣхъ ступенькахъ, которыя ведутъ изъ сѣней въ садъ, у Людовика XVI явилось еще какъ бы послѣднее предчувствіе своей судьбы и послѣдній упрекъ совѣсти за добровольное отреченіе. Онъ обернулся въ сторону дворовъ, бросилъ взглядъ чрезъ головы тѣхъ, кто за нимъ слѣдовалъ, приостановился и сказалъ членамъ департаментской администраціи: „Но на Карусельской площади вовсе нѣтъ большой толпы!“ Ему повторили утвержденія Редерера. Король выслушалъ эти слова, повидимому, самъ имъ не вѣря, и сдѣлалъ, наконецъ, послѣдній шагъ чрезъ порогъ, какъ человѣкъ, который слишкомъ утомленъ, чтобы возражать, и уступаетъ больше усталости и роковому влеченію судьбы, чѣмъ убѣжденію.

3.

Король прошелъ чрезъ дворцовыя сады безъ помѣхи, между двумя рядами гренадеръ, вооруженныхъ штыками и шедшихъ одинаковымъ съ нимъ шагомъ. Впереди шли департаментскія власти и члены муниципалитета, королева опиралась на руку г. де-Сенъ-При, принцесса Елизавета и дѣти заключали шествіе. Огромное пространство сада, отъ одной террасы до другой, было пустынно; изъ-за карауловъ войскъ не видно было никого, даже на террасѣ фельяновъ, обыкновенно предоставленной народу. Цвѣтники, цвѣты, статуи, зелень,—все сверкало блескомъ лѣтняго утра. Жгучее солнце отражалось на пескѣ. Небо было чисто, воздухъ неподвиженъ. Это удаленіе походило на прогулку Людовика XVI по дворцовымъ садамъ. Ничто не нарушало безмолвія, кромѣ мѣр-

наго звука шаговъ колоннъ войскъ и пѣнія птицъ въ вѣтвяхъ. Казалось, природа не хотѣла ничего знать о томъ, что происходило въ этотъ день въ сердцахъ людей. Весь трауръ она покрывала блескомъ своей праздничной улыбки. Только преждевременныя жары лѣта уже сообщили желтизну тюльерійскимъ каштанамъ. Когда королевская процессія вступила подъ деревья, ноги тонули въ множествѣ листьевъ, упавшихъ въ теченіе ночи и собранныхъ садовниками въ кучки, чтобы вымести ихъ днемъ. Король замѣтилъ это и сказалъ, частію подвліяніемъ желанія выказать беззаботное настроеніе, частію дѣлая печальный намекъ на свою участь: „Какъ много листьевъ! они рано падаютъ въ нынѣшнемъ году“. Манюэль за нѣсколько дней предъ тѣмъ писалъ въ журналѣ, что королевскій санъ во Франціи продержится только до осеннихъ листьевъ. Дофинъ, который шелъ подлѣ г-жи де-Турзель, забавлялся, сметая ногами эти увядшіе листья въ кучки и подкидывая ихъ на дорогу своей сестры. Дѣтство играло на пути къ могилѣ!

Въ этомъ мѣстѣ президентъ департаментскаго управленія отдѣлился отъ процессіи и отправился предупредить собраніе о прибытіи короля и причинахъ его появленія. Медленный ходъ процессіи далъ депутаціи собранія время выйти въ садъ, прежде чѣмъ король со свитой успѣлъ пройти его до конца. „Государь“, сказалъ ораторъ депутаціи, „собраніе, постигившее оградить вашу безопасность, предлагаетъ вамъ и вашему семейству убѣжище въ своей средѣ“. Представители присоединились къ свитѣ и окружили короля.

Шестіе короля съ семьей и охраной чрезъ садъ было замѣчено изъ кофейни Готто и изъ оконъ Манежа, въ групахъ народа было возвышено о приближеніи короля, и толпа вдругъ сгустилась на оконечности террасы фельяновъ, которую нужно было пройти, чтобы попасть изъ сада въ стѣны собранія. Достигнувъ подножія лѣстницы, которая ведетъ съ большой аллеи на эту террасу, сплошная масса мужчинъ и женщинъ съ крикомъ и бѣшенными тѣлодвиженіями загородила дорогу королевской семьѣ.

„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Они на этотъ разъ не обманутъ націю! Надо кончить! Въ нихъ причина всѣхъ нашихъ несчастій! Долой *Veto*! Долой австріячку! Низложеніе или смерть!“ Эти слова сопровождались оскорбительными позами, угрожающими движеніями. Человѣкъ колоссальнаго роста въ платѣ сапера, по имени Роше, обычный вожакъ смутъ во дворѣ Манежа, особенно отличался въ этой толпѣ яростію своихъ воплей и неистовствомъ оскорбленій. Позади его другія фигуры, менѣе изступленныя, но болѣе злобшія, еще сильнѣе разгорячали ярость толпы. Роше держалъ въ рукѣ длинную жердь, которою замахивался на королевскую свиту и старался оттолкнуть или задѣть короля. Къ толпѣ обратились съ увѣщаніями. Депутаты объявили, что декретъ собранія призвалъ въ свою среду короля съ семействомъ. Сопротивленіе поколебалось. Роше далъ себя обезоружить прокурору-синдику, который бросилъ его пику въ садъ. Конвой, уполномоченный вторичнымъ декретомъ проникнуть въ помѣщеніе законодательной власти, образовалъ на террасѣ двойную ограду. Такимъ образомъ король достигъ того прохода, который велъ съ террасы въ собраніе.

Нѣсколько человѣкъ изъ числа стражи законодательнаго собранія встрѣтили тамъ короля и пошли подлѣ него. „Государь“, сказалъ королю одинъ

изъ нихъ съ южнымъ акцентомъ, „не бойтесь, народъ добръ, но онъ не хочетъ болѣе, чтобы ему измѣняли; будьте добрымъ гражданиномъ, государь, и прогоните изъ своего дворца вашихъ поповъ и вашу жену“. Король отвѣчалъ этому человѣку безъ гнѣва. Толпа загромодила узкій и темный коридоръ. Бурный, неодолимый порывъ толпы раздѣлил на минуту королеву съ дѣтьми отъ короля, который шелъ впереди ихъ.

Мать трепетала за своего сына. Тотъ же самый саперъ, который разражался проклятіями и угрозами смерти противъ королевы, — вдругъ укротился при видѣ мученія ея же, какъ женщины, и взялъ ребенка, котораго она вела за руку. Онъ поднялъ ребенка въ своихъ объятіяхъ надъ толпой, пронесъ его, держа высоко надъ нею, очистилъ мѣсто своими локтями, вошелъ въ залу слѣдомъ за королемъ и, при рукоплесканіяхъ трибунъ, положилъ королевскаго принца на бюро собранія.

4.

Король, его семья, два министра направились къ кресламъ, предназначеннымъ для министровъ, и сѣли тамъ подлѣ президента. Предсѣдательствовалъ Верньо. Король сказалъ: „Я пришелъ сюда, чтобы не дать совершиться великому преступленію. Я думалъ, что нигдѣ не могу быть въ болѣе безопасной, какъ среди васъ“. — „Вы можете разсчитывать, государь“, отвѣчалъ Верньо, „на твердость національнаго собранія: члены его поклялись умереть, поддерживая права народа и конституціонныя власти“. Король сѣлъ. Собраніе было немногочисленно: въ залѣ господствовало безмолвіе изумленія; лица были угрюмы; взоры, съ почтительностью и умиленіемъ, невольно обращались на короля, королеву, принцессу Елизавету, на молодую принцессу, находившуюся въ полномъ цвѣтѣ юности,—на ребенка, котораго королева держала за руку, вытирая ему лобъ. Ненависть затихала при видѣ внезапнаго поворота судьбы, который вырвалъ короля, отца семейства, дѣтей, женщинъ изъ ихъ жилища, и притомъ такъ, что они не знали, вернуться ли они туда когда-нибудь. Рѣдко судьба представляла зрѣлище подобной, хотя и скрываемой скорби. Тутъ страданія сердца человѣческаго были выставлены во всей наготѣ. Король прикрывалъ ихъ безстрастіемъ, королева достоинствомъ, принцесса Елизавета набожностью, молодая дѣвушка слезами, у дофина—они исчезали подъ дѣтскою безпечностью. Публика не видѣла ничего несоотвѣтственнаго сану, полу, возрасту, минутѣ. Казалось, судьба нашла людей, стоявшихъ на высотѣ ея ударовъ.

5.

Начались пренія. Одинъ изъ членовъ всталъ и замѣтилъ, что конституція запрещала разсуждать въ присутствіи короля. „Это справедливо“, сказалъ, потупясь, Людовикъ XVI.

Чтобъ соблюсти повиновеніе такой иронической мелочности конституціи, въ такую минуту, когда сама конституція не существовала, собраніе постановило, что король съ семействомъ будетъ помѣщенъ въ трибунѣ журналистовъ, которую называли трибуною стенографа.

Эта ложа, величиною въ десять квадратныхъ футовъ, помѣщалась позади

президента, на одномъ уровнѣ съ верхними рядами собранія. Она отдѣлялась отъ залы только желѣзной рѣшеткой, утвержденной въ стѣнѣ. Туда-то отвели короля. Молодые секретари, которые записывали рѣчи, чтобъ буквально воспроизвести пренія собранія, раздвинулись немного и дали помѣститься семейству Людовика XVI. Король сѣлъ на передокъ ложи; королева помѣстилась въ углу, чтобы прикрыть свое лицо тѣнью, которая падала въ этомъ углубленіи; принцесса Елизавета, дѣти, ихъ гувернантка—на соломенной скамейкѣ, прислоненной къ голой стѣнѣ; въ глубинѣ ложи—два министра, нѣсколько офицеровъ изъ королевской свиты, герцогъ Шуазель, Карлъ, командиръ конныхъ жандармовъ,—Сентъ-Круа, Дюбуажъ, принцъ де-Пуа, гг. де-Віомениль, де-Монморенъ, д'Эрвили, де-Врижъ, придворные, оставшіеся вѣрными королю до послѣдняго часа—стояли близъ двери. Караулъ изъ гренадеровъ стражи собранія съ нѣсколькими высшими офицерами изъ королевскаго конвоя занимали коридоръ, и отъ этого множества людей не хватало воздуха. Жаръ былъ удушающій, потъ струился съ чела Людовика XVI и съ головокъ дѣтей. Собраніе и трибуны, все болѣе наполнявшіеся народомъ съ каждой минутой, употребили вмѣсто отдушника большую печь, стоявшую въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи. Волненіе, господствовавшее въ залѣ, предложенія ораторовъ, петиціи членовъ разныхъ отдѣловъ, шумъ отъ разговоровъ между депутатами,—доходили туда изнутри. Смятеніе народа, который напиралъ на стѣны, приступы къ дверямъ, чтобъ одолѣть стражу, вопли толпы, крики убійцъ, которые уже начинали рѣзю во дворѣ Манежа, молбы жертвъ, удары, наносившіе смерть поражаемымъ, наденіе тѣль,—весь этотъ шумъ проникалъ туда же снаружи.

Лишь только король помѣстился въ своемъ убѣжищѣ, какъ удвоенные вопли заставили опасаться, чтобы двери не уступили насилію и чтобъ народъ, ворвавшись въ залу, не умертвилъ короля, которому не было выхода изъ его заточенія. Верно отдалъ приказаніе сломать желѣзную рѣшетку, отдѣлявшую ложу стенографа отъ залы, чтобъ Людовикъ XVI могъ скрыться среди депутатовъ, въ случаѣ, если бы нашествіе народа послѣдовало чрезъ коридоры. За неимѣніемъ рабочихъ и инструментовъ,—нѣкоторые самые близкіе къ королю депутаты,—а также Шуазель, принцъ де-Пуа, министры, самъ король, привычный къ ручнымъ усиліямъ въ своихъ грубыхъ слесарныхъ работахъ, соединили свои силы и вырвали рѣшетку изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ она была укрѣплена. Благодаря этой предосторожности, королю оставалась еще послѣдняя ограда отъ покушенія народа.

Но вмѣстѣ съ этимъ королевскій санъ былъ открыто подвергнутъ ударамъ тѣхъ изъ своихъ враговъ, которые находились въ залѣ. Разговоры, касавшіеся этого предмета, безпрепятственно доходили до ушей короля. Король и королева видѣли и слышали все. Зрители и жертвы въ одно и то же время, они были въ теченіе 14 часовъ свидѣтелями своего собственнаго низложенія.

Въ той же стенографской ложѣ человекъ, тогда еще молодой, впоследствии прославившійся своими произведеніями, Давидъ,—потомъ генеральный консулъ и депутатъ,—отмѣчалъ для исторіи позу, фізіономію, движенія, слезы, краску, дыханіе, даже невольный трепетъ мускуловъ лица, все, что отпечатлѣлось на наружности королевскаго семейства вслѣдствіе ощущеній, пережитыхъ въ эти долгіе часы.

Король оставался спокоенъ, ясенъ, безстрастенъ къ происходившему, точно присутствуя при драмѣ, въ которой дѣйствующимъ лицомъ былъ кто-нибудь другой. Крѣпкая натура короля, несмотря на всѣ душевныя тревоги, дала ему почувствовать обычный аппетитъ и настоятельную потребность въ пищѣ. Ничто не могло приостановить отправлений его могучаго жизненнаго процесса. Волненіе душевное только изошряло чувства короля. Онъ почувствовалъ голодъ въ обычный часъ своего завтрака. Ему принесли хлѣба, вина, холоднаго мяса; онъ ѣлъ, пилъ, разрѣзывалъ дичь съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто бы находился на охотничьемъ роздыхѣ послѣ долгой скачки въ версальскихъ лѣсахъ. Въ эту минуту физическій человѣкъ преобладалъ въ Людовикѣ XVI надъ человѣкомъ воспримчивымъ къ душевнымъ ощущеніямъ.

Королева, которая знала, что клевета, ходившая уже въ народѣ о королѣ, превратитъ эту сильную потребность пищи въ склонность къ грубой чувственности и даже къ пьянству,—внутренно страдала, видя, что король завтракаетъ въ подобную минуту. Она отказалась съѣсть что бы то ни было; остальные члены семейства постлѣдовали ея примѣру. Королева ничего не говорила; губы ея были сжаты, сухіе глаза горѣли, щеки пылали румянцемъ; осанка Маріи-Антуанеты, печальная, убитая, все-таки проявляла твердость; ослабѣвшія руки покоились на колѣняхъ, какъ бы связанные; лицо, выраженіе, осанка напоминали обезоруженнаго героя, который сражаться больше не можетъ, но все еще возстаетъ противъ судьбы.

Принцесса Елизавета, стоя позади брата и не спуская съ него глазъ, походила на небеснаго генія этого дома. Она участвовала во всемъ окружающемъ только чрезъ короля, королеву, дѣтей. Горестъ была на лицѣ принцессы лишь отраженіемъ того, что она чувствовала за другихъ. Она часто поднимала глаза на потолокъ. Видно было, что она про себя молилась.

Королевская принцесса проливала крупныя слезы, которыя отъ жара высыхали на ея щекахъ. Молодой дофинъ смотрѣлъ въ залу и спрашивалъ у отца имена депутатовъ. Людовикъ XVI называлъ ихъ, но ни по лицу его, ни по звуку голоса нельзя было замѣтить, произносилъ ли онъ имя друга или врага. Иногда король обращался къ депутатамъ, проходившимъ передъ его ложей по пути къ своимъ скамьямъ. Одни наклонялись къ королю съ выраженіемъ горестной почтительности; другіе отворачивались и старались не замѣчать его. Катастрофа умирала раздраженіе; приличіе отерочивало оскорбленія. Одинъ лишь остался жестокимъ: это былъ живописецъ Давидъ. Король узналъ Давида въ числѣ людей, которые тѣснились, чтобъ взглянуть на плѣнниковъ, въ коридорѣ, у дверей ложи стенографа, и спросилъ, скоро ли онъ кончитъ портретъ. „Я не раньше сдѣлаю портретъ тирана“, отвѣчалъ Давидъ, „какъ когда его голова ляжетъ предо мною на эшафотѣ“. Король опустилъ глаза и проглотилъ обиду. Давидъ ошибся временемъ. Низложенный король становится простымъ человѣкомъ; слово, которое могло бы быть мужественнымъ предъ лицомъ тираніи, становится низостью предъ лицомъ несчастія.

Пока зала, постепенно наполняясь, оставалась въ состояніи взволнованнаго, но инертнаго ожиданія, которое обыкновенно предшествуетъ великимъ рѣшеніямъ,—народъ, котораго никакая вооруженная сила не сдерживала со стороны улицы Сентъ-Оноре, вторгнулся во дворъ фельяновъ и дошелъ до самаго порога собранія. Громкими криками отъ требовалъ выдачи 22 роялистскихъ плѣнниковъ, арестованныхъ ночью на Елисейскихъ поляхъ національной гвардіей.

Эти плѣнники обвинялись въ участіи въ тайныхъ патруляхъ, разосланныхъ дворомъ по различнымъ кварталамъ города, чтобы разузнавать настроеніе народа и направлять удары, задуманные приверженцами дворца. Мундиры плѣнниковъ, ихъ оружіе, найденные на нихъ билеты для входа въ Тюльери дѣйствительно доказывали, что это были національные гвардейцы—преданные королю волонтеры, посланные въ окрестности дворца, чтобъ организовать защиту. По мѣрѣ арестованія этихъ людей, ихъ бросали въ караульную національной гвардіи, построенную во дворѣ фельяновъ. Въ восемь часовъ туда привели молодого человѣка лѣтъ тридцати въ платьѣ національнаго гвардейца. Его гордая, разнѣванная фигура, воинственное изящество костюма, блестящее оружіе и имя Сюло, ненавистное народу,—имя, которое нѣсколько человѣкъ проворчали при видѣ его,—все это привлекло на него вниманіе.

Это былъ, въ самомъ дѣлѣ, Сюло, одинъ изъ тѣхъ молодыхъ роялистскихъ писателей, которые—какъ, напримѣръ, Андре Шенье, Руше, Малье-Дюпанъ, Серези и нѣкоторые другіе усвоили себѣ догматъ монархіи въ ту самую минуту, когда онъ казался отвергнутымъ всѣми; увлеченные самую опасностью своей роли, эти люди принимали великодушіе своего характера за убѣжденіе разсудка. Свобода печати была оборонительнымъ оружіемъ, которое они получили изъ рукъ конституціи и которымъ отважно сражались противъ излишествъ свободы. Но революціи не терпятъ оружія въ другихъ рукахъ, кромѣ рукъ своихъ друзей. Сюло дразнилъ народныя партіи то рѣзкими памфлетами противъ герцога Орлеанскаго, то остроумными сарказмами противъ якобинцевъ; онъ осмѣивалъ всемогущество народа, который недолго помнить зло, но не знаетъ и состраданія въ своемъ мщеніи.

Чернь ненавидѣла Сюло, какъ всякая тираннія ненавидитъ своего Тацита. Напрасно молодой писатель предъявилъ приказаніе муниципальных комиссаровъ, призывавшее его во дворецъ. Сюло, вмѣстѣ съ прочими, бросили въ караульную. Имя Сюло увеличило народное сборище и раздражило его. Требовали головы плѣнника. Комиссаръ, взобравшись на козлы, увѣщаетъ толпу и старается остановить преступленіе, общая правосудіе. Теруанъ де-Мерикуръ, въ платьѣ амазонки, съ обнаженной саблей въ рукѣ, сталькиваетъ комиссара съ трибуны и сама его замѣняетъ тамъ. Она разжигаетъ жажду крови въ народѣ, который ей аплодируетъ; она заставляетъ выбрать единогласно комиссаровъ, которые вмѣстѣ съ нею идутъ къ комитетъ отдѣла, чтобъ вырвать жертвы у медлительнаго закона. Президентъ отдѣла, Бонжуръ, служащій по флоту, сгорающій честолюбіемъ получить министерское кресло, запрещаетъ на-

ціональной гвардіи противиться волѣ народа. Двѣсти вооруженныхъ людей повинуются этому приказанію и выдаютъ плѣнниковъ. Одиннадцать человѣкъ изъ нихъ ускользаютъ въ заднее окно. Другіе одиннадцать окружены въ караульнѣ. Ихъ вызываютъ поодиночкѣ, чтобы умертвить во дворѣ. Нѣсколько національныхъ гвардейцевъ, болѣе человѣколюбивыхъ или менѣе низкихъ, хотятъ, несмотря на приказаніе Бонжура, оспаривать его у убійць. „Нѣтъ, нѣтъ“, говоритъ Сюло, „дайте мнѣ выйти къ убійцамъ! Я хорошо вижу, что сегодня народъ хочетъ крови. Быть можетъ, онъ удовольствуется одной жертвой! Я расплачусь за всѣхъ!“ Онъ хотѣлъ выброситься изъ окна. Его удержали.

7.

Передъ нимъ схватили аббата Бужона. Это былъ драматическій писатель. Одаренный колоссальнымъ ростомъ и желѣзными руками, аббатъ Бужонъ съ энергіей отчаянія боролся противъ убійць. Въ своемъ паденіи онъ увлекъ нѣсколькихъ изъ нихъ. Численность подавила Бужона: онъ былъ изрубленъ въ куски.

Вторымъ погибъ г. де-Сольминьякъ, старинный королевскій тѣлохранитель, потомъ еще двое другихъ. Тѣ, которые ожидали своей участи въ караульнѣ, слышали воли и борьбу своихъ товарищей. Такимъ образомъ, они умирали по десяти разъ. Вызвали Сюло. Въ караульнѣ у него отняли гренадерскую шапку, саблю и патронташъ. Руки Сюло были свободны. Какая-то женщина указала на него Теруанъ де-Мерикуръ, которая лично не знала Сюло, но ненавидѣла его по молвѣ и горѣла желаніемъ отомстить за насмѣшки, которыми его перо предавало ее. Теруанъ хватаетъ Сюло за воротникъ и увлекаетъ его. Сюло высвобождается. Онъ вырываетъ саблю изъ рукъ одного изъ убійць, пролагаетъ себѣ дорогу на улицу и готовъ ускользнуть. За Сюло бѣгутъ, хватаютъ его сзади, опрокидываютъ на землю, обезоруживаютъ, вонзаютъ въ его тѣло острія двадцати сабель: онъ испускаетъ дыханіе подъ ногами Теруанъ. Сюло отрубаетъ голову и носить ее по улицѣ Сентъ-Оноре.

Вечеромъ преданный служитель выкупилъ на вѣсь золота эту голову отъ одного изъ убійць, который сдѣлалъ изъ нея себѣ трофей. Вѣрный слуга разыскалъ трупъ и возвратилъ обезображенные останки молодой женѣ Сюло, вышедшей замужъ только за два мѣсяца предъ тѣмъ. Она была дочь живописца Галля, славилась своею красотою и уже носила въ себѣ плодъ этого союза.

Въ продолженіе борьбы Сюло съ убійцами, на которую обратилось вниманіе народа, еще двумъ изъ плѣнниковъ удалось ускользнуть. Оставался одинъ: это былъ молодой Вижье, королевскій тѣлохранитель. Казалось, природа произвела въ его лицѣ образецъ формы человѣка. Красота Вижье, возбуждавшая удивленіе ваятелей, вошла въ пословицу; въ общественныхъ мѣстахъ толпа останавливалась, глядя на Вижье. Сколько прекрасный собою, столько же храбрый,—ловкій столько же, какъ и сильный, онъ употребилъ на защиту своей жизни всѣ изумительные способы, какіе могли быть доставлены античному бойцу высокимъ ростомъ, гибкими мускулами, крѣпостью тѣла и силою рукъ. Одинъ, безоружный, противъ шестидесяти, окруженный со всѣхъ сторонъ,

то сбрасываемый на землю, то опять поднимающийся, Вижье нѣсколько разъ утомлялъ своихъ убійцъ и продлилъ свою безнадежную защиту больше четверти часа. Два раза Вижье спасался, два раза его схватывали: онъ упалъ только отъ утомленія и погибъ только отъ многочисленности враговъ. Голова Вижье была трофеемъ борьбы. Красотой этой головы восхищались даже на остріѣ пика, куда воткнули ее убійцы. Такова была первая кровь этого дня: она только раздражила народъ.

8.

Отъѣздъ короля оставилъ дворецъ среди неизвѣстности и смущенія. Повидимому, между нападающими и защитниками само собою установилось безмолвное соглашеніе. Поле сраженія было перенесено изъ Тюльери въ залу собранія. Тамъ монархія должна была подняться или окончательно низвергнуться. Завладѣніе пустымъ дворцомъ или оборона его вызвали бы только бесполезное пролитіе крови. Аванпосты обѣихъ сторонъ понимали это. Однакожъ, съ одной стороны, натискъ, сообщенный издалека громадной массѣ народа, вовсе не могъ уলেখся самъ собою при одномъ извѣстїи объ отступленїи короля въ собраніе; съ другой,—военныя силы, оставленныя королемъ въ Тюльери, но не распущенныя, не могли передать королевское жилище и выдать оружіе возстанію, пока не было на это опредѣленнаго приказанія. Ясное и опредѣленное повелѣніе короля, уполномочивающее гарнизонъ на сдачу, могло предупредить столкновеніе. Но король, оставляя Тюльери, не отказался еще вовсе отъ надежды туда вернуться. „Мы скоро возвратимся“, сказала королева своимъ женщинамъ, которыя ждали ее въ ея комнатахъ. Королевское семейство видѣло въ событіяхъ пережитой ночи только приготовленія къ вторичному 20-го іюня. Оно отправилось въ собраніе только для того, чтобы этимъ поступкомъ побудить законодателей защитить короля и его близкихъ,—чтобъ сложить съ себя отвѣтственность за борьбу и чтобы удалиться отъ опасностей, какими грозили тревожные часы. Маршалъ де-Мальи, которому было вѣрено королемъ начальство надъ гарнизономъ дворца, имѣлъ приказаніе воспрепятствовать оружіемъ всякому насилію противъ королевскаго жилища.

Но въ глубинѣ души короля и королевы оставалась еще двоякая смутная надежда, въ теченіе начала замѣшательства этого дня. Во-первыхъ, что большинство собранія, тронутое униженіемъ королевскаго сана и гордое тѣмъ, что даетъ ему убѣжище, будетъ имѣть столько великодушія и вліянія на народъ, чтобы возвратитъ короля во дворецъ и отомстить, въ лицѣ монарха, за исполнительную власть. Во-вторыхъ,—что народъ и марсельцы, вступивъ въ борьбу у дверей дворца, будутъ поражены швейцарцами и батальонами національной гвардіи, и что эта побѣда, выигранная въ Тюльери, освободитъ короля отъ собранія. Если бы Людовикъ XVI и его совѣтники не питали такой надежды, то вѣроятно ли, чтобы онъ пропустилъ столько долгихъ часовъ,—отъ семи до десяти утра,—и не послалъ своимъ защитникамъ,—чрезъ посредство одного изъ министровъ или изъ многочисленныхъ окружавшихъ короля офицеровъ, приказаніе сдаться и отступить, обезпечивъ лишь безопасность столькихъ людей, компрометированныхъ его молчаніемъ? Итакъ, король выжидалъ какого-

нибудь событія, внутренняго или ви́шняго. Единственная ошибка короля состояла въ томъ, что онъ не направлялъ, какъ слѣдуетъ, такое событіе. Даже послѣ того, какъ жена, сестра, дѣти короля были ввѣрены покровительству собранія, самъ онъ могъ возвратиться во дворецъ со своимъ конвоемъ, собрать своихъ защитниковъ и принять нападеніе. Побѣдитель,—король былъ бы прикрытъ обаяніемъ побѣды; побѣжденный, онъ не опустился бы еще ниже въ глубину несчастія, а палъ бы, какъ король.

9.

Дворецъ, лишенный части своихъ военныхъ силъ и всей нравственной силы вслѣдствіе отсутствія короля и его конвоя, походилъ въ эту минуту больше на общественное зданіе, наполненное нестройною толпою, чѣмъ на главную квартиру защитниковъ королевскаго сана. Никто тамъ не отдавалъ и не принималъ приказаній: все предоставлено было на произволъ случая. Среди швейцарцевъ и дворянъ одни говорили, что пойдутъ къ королю въ національное собраніе и умрутъ, защищая короля, хотя бы и вопреки его волѣ; другіе, что сформируютъ колонну войскъ для атаки, очистятъ Карусель, похитятъ королевскую фамилію и отвезутъ ее подъ прикрытіемъ двухъ или трехъ тысячъ штыковъ, въ Рамбулье, а оттуда въ армію Лафайета. Это послѣднее рѣшеніе представляло шансы спасенія. Но предлагать рѣшенія способны были всѣ, а никто не могъ рѣшиться. Время уносило съ собою эти пустые совѣты. Силы защитниковъ уменьшались. Двѣсти швейцарцевъ, съ г. Бахманомъ и главнымъ штабомъ, и 300 національныхъ гвардейцевъ изъ числа болѣе рѣшительныхъ послѣдовали за королемъ въ собраніе и были наготовѣ къ его приказаніямъ у дверей Манежа. Итакъ, внутри Тюльери осталось только 700 швейцарцевъ, двѣсти плохо вооруженныхъ дворянъ и сотня національныхъ гвардейцевъ, всего до тысячи бойцовъ, разсѣянныхъ по множеству постовъ; въ садахъ и дворахъ было нѣсколько расформированныхъ батальоновъ и пушекъ, готовыхъ обратиться противъ дворца. Только неустрашимость швейцарцевъ да еще стѣны дворца, на который часто указывали, какъ на очагъ заговоровъ и арсеналъ деспотизма,—только это одно внушало народу страхъ, который замедлялъ обложеніе.

10.

Въ десять минутъ десятаго часа ворота королевскаго двора были выломаны, и національная гвардія не сдѣлала никакого движенія для ихъ защиты. Нѣсколько группъ народа проникли во дворъ, но не приближались ко дворцу. Наблюдали, обмѣнивались издали словами, которыя не имѣли въ себѣ ничего угрожающаго; казалось, по обоюдному соглашенію, обѣ стороны ожидали, какъ собраніе рѣшитъ съ королемъ. Колонны Сентъ-Антуанскаго предмѣстья не были еще на Карусельской площади. Какъ только они начали выходить съ набережной на эту площадь, Вестерманъ приказалъ марсельцамъ слѣдовать за ними. Онъ первый вѣхалъ на лошади во дворъ съ пистолетомъ въ рукѣ. Въ виду дворца онъ медленно, по военному формировалъ свой отрядъ. Артиллеристы,

перейдя тотчасъ къ Вестерману, сняли четыре пушки, направленные противъ входа во дворъ, и обратили ихъ противъ дверей дворца. Народъ отвѣчалъ на этотъ поступокъ радостными восклицаніями. Артиллеристовъ обнимали съ крикомъ: „Долой швейцарцевъ! пусть они отдадутъ свое оружіе народу!“

Но швейцарцы оставались безстрастными въ дверяхъ и въ окнахъ дворца: слышали эти крики, видѣли угрожающія движенія, но не обнаружили ни малѣйшаго признака впечатлѣнія. Дисциплина и честь, казалось, окаменели этихъ солдатъ. Ихъ часовые, поставленные подъ сводомъ галереи, ходили взадъ и впередъ мѣрнымъ шагомъ, точно будто бы они стояли на караулѣ въ пустынныхъ и молчаливыхъ дворахъ Версаля. Каждый разъ, какъ караульный солдатъ, прогуливаясь такимъ образомъ, выходилъ на ту сторону, гдѣ находились дворы, на видъ народу, уstraшенная толпа отступала за марсельцевъ; потомъ, когда швейцарцы исчезали подъ сводами, она опять возвращалась ко дворцу. Однакожъ эта толпа мало-по-малу приходила въ воинственное настроеніе и подступала все ближе. Полсотни жителей предѣстій и федератовъ, наконецъ, подвинулись, до входа на главную лѣстницу. Швейцарцы загородили свой постъ на лѣстничной площадкѣ и на отдѣльныхъ ступенькахъ галереи деревянной оградой. Въ этой оградѣ они оставили только часовыхъ. Караульный получилъ приказаніе не стрѣлять, несмотря ни на какія оскорбленія. Терпѣніе его должно было вынести все. Кровь не должна была пролиться изъ-за случайности.

Эта терпѣливость швейцарцевъ ободрила нападающихъ. Схватка началась игрой; смѣхъ предшествовалъ смерти. Нѣсколько людей изъ народа, вооруженныхъ длинными алебардами съ загнутыми клинками, приблизились къ караульному, зацѣпили его за мундиръ или за портупею кричкомъ пика и, притянувъ швейцарца къ себѣ силою, при громкихъ взрывахъ веселья толпы, обезоружили его и сдѣлали плѣнникомъ. Пять разъ швейцарцы возобновляли часовыхъ, и пять разъ народъ ими овладѣвалъ подобнымъ образомъ. Громкія восклицанія побѣдителей и видъ этихъ пяти обезоруженныхъ швейцарцевъ ободрили толпу, которая до тѣхъ поръ еще стояла въ нерѣшимости среди двора; она всей массой, съ громкимъ крикомъ, бросилась подъ своды; тамъ нѣсколько неистовыхъ людей изъ толпы вырвали швейцарцевъ изъ рукъ первыхъ нападавшихъ и убили безоружныхъ ударами дубины въ присутствіи ихъ товарищей. Въ ту же минуту раздался первый выстрѣлъ изъ двора или изъ окна,—по словамъ однихъ изъ ружья швейцарца, по словамъ другихъ — изъ пистолета марсельца. Этотъ выстрѣлъ былъ сигналомъ къ схваткѣ.

11.

При этомъ взрывѣ, капитаны Дюрлеръ и Редингъ, командующіе постомъ, выстраиваютъ своихъ солдатъ въ боевой порядокъ позади преграды,—одни на ступенькахъ лѣстницы, другіе на крыльцѣ капеллы, господствующей надъ этими ступеньками, остальные—вдоль двухъ вѣтвей лѣстничныхъ перилъ, которыя ведутъ съ крыльца капеллы въ залу стражей: позиція страшная, позволившая пяти огнямъ скрещиваться и грянуть на площадку съѣеи. Толпа, тѣсенная другой толпой, не можетъ очистить площадку. Первый залпъ швейцарцевъ

покрывает плиты галереи убитыми и ранеными. Ядро одного из солдат поражает человека гигантского роста и громадной толщины, который один пришиб четверых безоружных часовых. Убийца падает на тела своих жертв. Испуганная толпа бежит в беспорядке до Карусели. Несколько ружейных выстрелов, пущенных из окон, настигают народ до самой площади. Карусельская пушка отвечает на этот залп, но ее ядра, дурно направленные, попадают в крыши. Королевский двор пустеет и остается усыпанным ружьями, пиками, гренадерскими шапками. Беглецы скользят и пробираются вдоль стѣн, ищут убежища у будок конных часовых. Нѣкоторые ложатся на землю и притворяются мертвыми. Артиллеристы покидают свои пушки и сами увлечены общей паникой.

При видѣ этого, швейцарцы всей массой сходятъ съ большой лѣстницы и раздѣляются на двѣ колонны: одна, подъ начальствомъ де-Сали, выходитъ въ садовую дверь, чтобы овладѣть двумя пушками, которыя находились у воротъ Манежа, и провезти ихъ во дворецъ; другая, въ числѣ 120 человекъ и нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ, подъ начальствомъ Дюрлера и Пфиффера, выходитъ по королевскому двору, проходя по трупамъ своихъ убитыхъ товарищей. При одномъ появленіи солдатъ, дворъ очищается. Они овладѣваютъ четырьмя оставленными пушками, привозятъ ихъ подъ своды дворцовыхъ сѣней, но у солдатъ нѣтъ ни военныхъ запасовъ, ни фитилей, чтобы употребить эти орудія въ дѣло.

Капитанъ Дюрлеръ, видя, что дворъ очищенъ, самъ проникаетъ на Карусельскую площадь чрезъ королевскія ворота, строится тамъ батальономъ въ каре и открываетъ бѣглый огонь съ трехъ фронтовъ своего отряда на три стороны площади. Народъ, федераты, марсельцы, отступаютъ на набережныя, на улицы и начинаютъ отливать назадъ съ ужасомъ; движеніе это сообщается до ратуши и бульваровъ. Пока эти двѣ колонны проходили Карусель, 80 швейцарцевъ, сотня волонтеровъ-дворянъ и 30 національныхъ гвардейцевъ, произвольно сформировавшись въ колонну въ другомъ флигелѣ дворца, спустились по лѣстницѣ изъ павильона Флоры и спѣшили на помощь товарищамъ. Во время перехода ихъ по двору принцевъ, чтобы отправиться на гуль перестрѣлки, въ королевскій дворъ, картечный залпъ изъ воротъ принцевъ опрокидываетъ большое число людей въ этой колоннѣ, громитъ стѣны и окна въ комнатахъ королевы. Численность колонны сокращается до 150 бойцовъ; колонна поворачивается, направляется бѣглымъ шагомъ на пушки, беретъ ихъ, входитъ на Карусельскую площадь, заставляетъ замолкнуть огонь марсельцевъ и возвращается въ Тюльери чрезъ королевскія ворота. Пушки привозятся обратно, и швейцарцы вступаютъ во дворецъ, принося своихъ раненыхъ на нижнюю площадку его.

12.

Швейцарцы убираютъ трупы, покрывавшіе галерею, чтобы очистить мѣсто для раненыхъ. Они складываютъ ихъ на стульяхъ и на скамейкахъ. Со ступенекъ и колоннъ струится кровь. Де-Сали, съ своей стороны, также провезъ по саду двѣ пушки, которыя онъ снова захватилъ у дверей Манежа. Его сол-

даты, обстрѣливаемые сзади и спереди перекрестнымъ огнемъ батальоновъ національной гвардіи, занимавшихъ прибрежную террасу и террасу фельяновъ, оставили, во время этого перехода, тридцать человѣкъ изъ сотни убитыми или умирающими. Они не отвѣчали ни однимъ ружейнымъ выстрѣломъ на эту неожиданную стрѣльбу національной гвардіи. Дисциплина преодолѣла въ этихъ людяхъ даже чувство самосохраненія, лозунгомъ ихъ было умирать за короля, и они умирали, не стрѣляя во французскій мундиръ.

Если бы въ минуту такого внезапнаго очищенія Тюльери и Карусели вслѣдствіе появленія швейцарцевъ, эти иностранные солдаты имѣли за собою нѣсколько корпусовъ кавалеріи, то возстаніе, отраженное и отрѣзанное повсюду, уступило бы поле сраженія защитникамъ короля. 900 человѣкъ жандармовъ, поставленныхъ съ вечера во дворъ Лувра, на площади Пале-Рояля, на Елисейскихъ поляхъ, при входѣ на Королевскій мостъ, со стороны улицы du-Vas, было бы болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы привести въ беспорядокъ эти нестройныя и безоружныя массы народа. Но этотъ корпусъ, на который во дворцѣ больше всего разчитывали, самъ собою потерялъ энергію и ослабѣлъ подъ рукою командующихъ. Уже со времени прибытія марсельцевъ на Карусель, 500 жандармовъ изъ двора Лувра выказывали всѣ признаки неповиновенія. Они откликались на подстрекательства вооруженныхъ отрядовъ, проходившихъ по набережной, — поднимали свои шляпы на воздухъ и кричали: „да здравствуетъ нація!“ При первомъ звукѣ пушки, раздавшемся на Карусели, они поспѣшно сѣли на лошадей, думая, что заперты въ этой оградѣ и обречены на бойню. Маршалъ де-Мальи послалъ имъ приказаніе выступить поэскадронно въ ворота Колоннады, перерѣзать армію Сантерра залпомъ по набережной, потомъ раздѣлиться на два корпуса, изъ которыхъ одинъ отѣснилъ бы народъ къ Сентъ-Антуанскому предмѣстью, а другой — къ Елисейскимъ полямъ. Тамъ другой эскадронъ жандармовъ, расположенный въ боевомъ порядкѣ на площади Людовика XV, съ пушками, долженъ былъ сдѣлать залпъ по этимъ массамъ и отбросить ихъ въ рѣку. Де-Рюльеръ, командовавшій этими жандармами, собралъ своихъ офицеровъ, чтобы сообщить имъ такое приказаніе; но они отвѣчали всѣ, что въ такомъ случаѣ ихъ оставили бы солдаты, и что для сохраненія хотя кажущейся власти надъ послѣдними и для предупрежденія открытаго отступленія нужно ихъ удалить съ поля битвы и перевести на другой пунктъ. „Какіе вы трусы!“ вскричалъ одинъ изъ офицеровъ, въ негодованіи обращаясь къ своимъ всадникамъ. „Если вамъ хочется только бѣжать, то ступайте на Елисейскія поля, тамъ довольно мѣста“. Въ минуты такого колебанія умовъ толпа бѣглецовъ, ускользнувшая съ Карусели подъ огнемъ швейцарцевъ, ворвалась во дворъ Лувра, бросилась въ ряды, подъ ноги лошадей, съ крикомъ: „нашихъ братьевъ убиваютъ!“ При этихъ вопляхъ жандармы выступили изъ рядовъ, повыходили взводъ за взводомъ въ дверь, которая ведетъ въ улицу du-Coq, — и пустились въ галопъ спасаться по всѣмъ улицамъ, сосѣднимъ съ Пале-Роялемъ.

13.

Швейцарцы были побѣдителями, дворы опустѣли, пушки были взяты обратно; вокругъ Тюльери господствовало безмолвіе. Швейцарцы вновь заряжали свои ружья и выстроили ряды по голосу своихъ офицеровъ. Дворяне, окружавшіе маршала де-Мальи, заклинали его сформировать наступательную колонну изъ всѣхъ войскъ, какими можно еще было располагать во дворцѣ, отправиться въ Манежъ съ пушками, собрать тамъ 500 человекъ, расположенныхъ еще въ боевомъ порядкѣ на террасѣ фельяновъ, призвать швейцарцевъ, оставленныхъ въ казармѣ Курбвюа, и выйти изъ Парижа съ королевской фамиліей, которая была бы окружена огнестрѣльной колонной. Слуги короля, женщины королевы, принцесса Ламбаль,—тѣснились у всѣхъ оконъ дворца, летѣли взорами и сердцемъ къ дверямъ Манежа, думая, что каждую минуту увидятъ, какъ королевскій кортежъ выйдетъ оттуда, докончить побѣду швейцарцевъ и извлечь изъ нея пользу. Тщетная надежда! Этотъ бесплодный перевѣсъ былъ лишь однимъ изъ тѣхъ мимолетныхъ промежутковъ, какіе остаются жертвамъ и въ самыхъ неотвратимыхъ катастрофахъ не для того, чтобы восторжествовать, а чтобы перевести дыханіе.

14.

Громъ пушекъ марсельцевъ и залпы швейцарцевъ, неожиданно потрясеніе стѣны манежа, произвели весьма различный отголосокъ въ сердцахъ тѣхъ людей, судьба которыхъ, ихъ идеи, трона, жизни—рѣшалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ стѣнъ въ борьбѣ, недоступной глазу. Могли ли король, королева, принцесса Елизавета и небольшое число преданныхъ друзей, запертыхъ съ ними въ ложѣ стенографа,—могли ли они удержаться, чтобы въ глубинѣ души не сдѣлать невольныхъ пожеланій торжества своимъ защитникамъ и не отвѣчать трепетомъ надежды на каждый изъ залповъ этой схватки, въ которой одержанная побѣда спасала ихъ и возводила снова на тронъ?

Между тѣмъ они таили подъ грустной тревогой фізіономіей ту тайную радость, которая могла скрываться въ ихъ сердцахъ; они соблюдали осторожность предъ своими врагами, они остерегались подобной радости предъ самимъ Богомъ, считая дѣломъ грѣховнымъ радоваться пролитой крови. Черты лицъ плѣнниковъ были безстрастны, сердца ихъ замкнуты, мысли остановились подъ влияніемъ этого внѣшняго шума. Блѣдные и безмолвные, они старались угадать въ этихъ раскатахъ свою судьбу.

Но пушечные выстрѣлы удваиваются; гулъ ружейной перестрѣлки, видимо, приближается и усиливается; оконныя стекла звенятъ, какъ будто бы производимое ядрами сотрясеніе воздуха, проходя по залѣ, заставляло ихъ трепетать; трибуны волнуются и испускаютъ крики ужаса и отвращенія. Общее выраженіе гнѣва и торжественной неустрашимости распространяется по фигурамъ депутатовъ; они вслушиваются въ шумъ и съ негодованіемъ смотрятъ на короля. Верно, печальный, безмолвный и спокойный, какъ олицетвореніе патріотизма, накрывается въ знакъ скорби. При этомъ движеніи, которое наглядно выражаетъ общественную мысль, депутаты, какъ бы по электрическому

побужденію, поднимаются съ мѣстъ и, безъ шуму, безъ пустыхъ рѣчей, въ одинъ голосъ произносятъ восклицаніе: „да здравствуетъ нація!“ Король встаетъ въ свою очередь и возвѣщаетъ собранію, что пошлетъ швейцарцамъ приказаніе прекратить огонь и возвратиться въ свои казармы. Д'Эрвили выходятъ, чтобы отнести это распоряженіе во дворецъ. Депутаты садятся и нѣсколько минутъ безмолвно ожидаютъ слѣдствія королевскаго приказанія.

Вдругъ ружейные залпы разражаются весьма близко, надъ самой залой. Это батальонъ національныхъ гвардейцевъ съ террасы фельяновъ открылъ огонь по колоннѣ де-Сали. На трибунахъ раздаются голоса, что побѣдители-швейцарцы находятся уже у дверей и хотятъ перерѣзать національныхъ представителей. Въ коридорахъ слышны быстрые шаги, стукъ оружія. Нѣсколько вооруженныхъ людей стараются проникнуть въ залу. Неустрашимые депутаты бросаются навстрѣчу къ этимъ людямъ и отталкиваютъ ихъ. Собраніе думаетъ, что побѣдители-швейцарцы явились принести его въ жертву своей мести. Энтузіазмъ къ свободѣ оцѣняетъ депутатовъ какою-то похоронною радостью. Ни малѣйшее движеніе страха не позоритъ націю, которая готова умереть.

„Вотъ для насъ удобная минута умереть достойными народа на томъ постѣ, куда онъ насъ послалъ“, говоритъ Верньо. При этихъ словахъ депутаты опять садятся на свои мѣста на скамейкахъ. „Поклянемся всѣ, въ эту великую минуту, жить и умереть свободными!“

Цѣлое собраніе встаетъ; всѣ руки протянуты, губы раскрываются, чтобы произнести клятву; трибуны, увлеченные этимъ порывомъ героизма, встаютъ вмѣстѣ съ собраніемъ: „Мы также клянемся умереть вмѣстѣ съ вами!“ восклицаютъ онѣ. Граждане, тѣснящіеся у рѣшетки, журналисты въ своихъ трибунахъ, даже секретари стенографа, стоя подлѣ короля, протягиваютъ руку въ знакъ присяги, другою рукою поднимаютъ на воздухъ шляпу и, подъ вліяніемъ неодолимаго порыва, присоединяются къ этому высокому обѣту смерти за дѣло свободы. Это не была одна изъ тѣхъ парадныхъ присягъ, когда политическое собраніе бравивируетъ далекую опасность и бросаетъ вызовъ слабости. Смерть рокотала надъ головами представителей, стучалась къ нимъ въ двери. Исходъ сраженія для всѣхъ былъ тайной. Сердца гражданъ опережали рѣшеніе оружія. Смерть могла ихъ поразить среди горделиваго энтузіазма этой присяги. Швейцарскіе офицеры ушли прочь. Выстрѣлы, слабѣя, удалялись. Депутаты, трибуны, зрители оставались нѣсколько минутъ стоя, съ вытянутыми руками, съ вызывающими взорами, обращенными на дверь. Опасность уже миновала, а они все еще не перемѣняли позы. Казалось, огонь энтузіазма поразилъ ихъ, подобно грому! Исторія припомнитъ это каждый разъ, когда захочетъ внушить уваженіе къ колыбели свободы и возвыситъ національный образъ.

Швейцарцы, которые вызвали это волненіе, были офицерами королевскаго конвоя, искавшими убѣжища въ стѣнахъ собранія отъ огня батальоновъ, находившихся на террасѣ фельяновъ. Швейцарцамъ велѣли войти во дворъ Манежа и тамъ ихъ обезоружили по приказанію короля.

Въ продолженіе этой сцены, д'Эрвили, подъ ядрами, достигъ дворца въ ту самую минуту, когда колонна де-Сали входила туда съ пушками. „Господа“, вскричалъ онъ имъ съ высоты садовой террасы, какъ только могъ быть слышенъ его голосъ, — „король приказываетъ вамъ всѣмъ отправиться въ національное собраніе“. Потомъ, онъ уже отъ себя добавилъ, подъ вліяніемъ предусмотрительной заботливости о королѣ: „и съ пушками!“ Услышавъ такое приказаніе, Дюрлеръ собираетъ до 200 человѣкъ своихъ солдатъ, велитъ перекатить пушку изъ сѣней въ садъ, тѣсно пытается ее разрядить и направляется къ собранію, не выждавъ, чтобы другіе наружные посты, предупрежденные объ этомъ отступленіи, успѣли за нимъ послѣдовать. Эта колонна, осыпанная по пути ядрами національной гвардіи, достигаетъ дверей Манежа въ беспорядкѣ, изувѣченной; она вводится въ стѣны собранія и складывается оружіе.

Марсельцы, узнавъ объ отступленіи части швейцарцевъ и видя удаленіе жандармовъ, вторично идутъ впередъ; массы изъ предмѣстій Сень-Марсо и Сень-Антуанъ наполняютъ дворы Тюльери. Вестерманъ и Сантерръ, съ саблями въ рукахъ, указываютъ имъ на главную лѣстницу и побуждаютъ къ приступу звуками пѣсни „*Ça ira*“; видъ мертвыхъ товарищей, расprostертыхъ на Карусели, оупьяняетъ наступающихъ мстыю; швейцарцы, въ ихъ глазахъ, не что иное, какъ наемные убійцы. Нападающіе клянутся омытъ мостовую и самый дворецъ въ крови этихъ чужеземцевъ; бѣшенымъ потокомъ, состоящимъ изъ штыковъ и пикъ, они врываются подъ широкіе своды галереи. Другія колонны, обогнувъ дворецъ, проникаютъ въ садъ, чрезъ дверь Королевскаго моста и Манежа, и скопляются у подножія стѣнъ. Шесть пушекъ, привезенныхъ изъ ратуши и поставленныхъ на углахъ улицъ Сень-Никезъ, *des Orties* и *de l'Echelle*, извергаютъ на дворецъ ядра и картечи.

Слабые отряды, разсѣянные по комнатамъ, собираются, безъ порядка и безъ единства, въ самомъ близкомъ къ нимъ постѣ. 80 человѣкъ группируются по ступенькамъ большой лѣстницы; оттуда они сначала дѣлаютъ два залпа изъ своихъ рядовъ и опрокидываютъ въ стѣняхъ 400 марсельцевъ.

Трупы сражающихся служатъ лѣстницею другимъ, чтобы взять приступомъ позицію. Швейцарцы медленно отступаютъ съ одной ступеньки на другую, оставляя на каждой рядъ убитыхъ и раненыхъ. Огонь швейцарцевъ уменьшается вмѣстѣ съ ихъ численностью, но все остающіеся въ живыхъ продолжаютъ стрѣлять до смерти. Послѣдній ружейный выстрѣлъ замолкъ только вмѣстѣ съ послѣднею угасшею жизнью.

Восемьдесятъ труповъ покрывали лѣстницу. Съ этой минуты сраженіе было только рѣзней. Марсельцы, жители Бреста, федераты, народъ наполняютъ комнаты. Отдѣльные швейцарцы, какіе встрѣчаются, повсюду перерѣзаны, нѣкоторые изъ нихъ пытаются защищаться и тѣмъ лишь только усиливать бѣшенство палачей и ужасы своихъ мученій. Большая часть несчастныхъ бросаютъ оружіе къ ногамъ народа, становятся на колѣни, протягиваютъ голову подъ удары или умоляютъ о пощадѣ; швейцарцевъ хватаютъ за руки и за ноги, выбрасываютъ живыми изъ оконъ. Вздвигъ изъ 17 швейцарцевъ скрылся въ ризницѣ капеллы. Ихъ тамъ открыли. Напрасно они показываютъ народу свое оружіе въ доказательство того, что не стрѣляли въ этотъ день. Ихъ обезору-

живають, раздѣвають и убивають при крикахъ: „да здравствуетъ нація!“ Не ускользають ни одинъ.

16.

Тѣ, которые находились въ минуту атаки въ павильонѣ Флоры и въ комнатахъ королевы, присоединились къ 200 дворянамъ и къ нѣсколькимъ національнымъ гвардейцамъ, находившимся подъ начальствомъ маршала де-Мальи. Они всѣ образовали массу около 500 бойцовъ и попытались повиноваться приказанію короля, очистивъ дворецъ отъ войскъ, и отправились къ его особѣ въ собраніе. Выходъ во дворъ былъ занятъ массами народа и обстрѣливался пушками. Выходъ черезъ садъ былъ еще доступенъ, хотя и находился подъ огнемъ батальоновъ предмѣстій, которые занимали Королевскій мостъ и побережье. Колонна идетъ по этому направленію; но рѣшетка королевы, служившая доступомъ къ саду, оказывается запертою. Дѣлаются отчаянные усилія, чтобы ее сломать. Рѣшетка не поддается. Съ трудомъ удается бѣглецамъ согнуть одну изъ массивныхъ желѣзныхъ полосъ, употребляя вмѣсто рычага, штыки. Дѣлають отверстіе, черезъ которое колонна можетъ выйти, но только человѣкъ по человѣку. Черезъ этотъ-то проходъ 500 солдатъ, дворянъ и національных гвардейцевъ, должны выходить, предоставленные на выборъ, на виду, на произволъ стрѣльбы двухъ батальоновъ. Несмотря на то, они выходятъ; вопли товарищей, убиваемыхъ позади, заставляютъ несчастныхъ предпочитать быстрое, смертоносное ядро свирѣпой, медленной рѣзни. Первые семь человѣкъ, которые проходятъ черезъ рѣшетку, падаютъ, только что переступивъ ее, другіе прорываются бѣглымъ шагомъ по ихъ тѣламъ и устремляются къ саду. Красные мундиры швейцарцевъ указываютъ на этихъ солдатъ огню батальоновъ. Ожесточеніе противъ чужеземцевъ помогаетъ спастись нѣкоторой части дворянъ. Ядро, выбирая иностранца, падаетъ француза. Всѣ швейцарцы умирають или застигнуты среди бѣгства. Изъ числа королевскихъ служителей и волонтеровъ убиты только двое: Клермонъ д'Амбуазъ и Кастежа. Другіе достигаютъ деревьевъ, которые служатъ имъ охраною,—выдерживають въ упоръ огонь поста національной гвардіи, расположеннаго среди сада, оставляють тридцать человѣкъ убитыхъ въ большой аллеѣ и достигаютъ двери Манежа. Тамъ Шуазель, во имя короля, неустрашимо несется имъ навстрѣчу, собираетъ ихъ и со шпагою въ рукѣ проникаетъ въ ограду собранія, чтобы поставить этихъ французовъ подъ охрану націи.

17.

Остатокъ бѣжавшей колонны войскъ дворца надѣется проложить себѣ путь черезъ Подъемный мостъ. Эта колонна туда попадаетъ, прикрываясь деревьями, стволы которыхъ разодраны пулями и ядрами. Картечный залпъ съ моста отбрасываетъ колонну къ террасѣ оранжерей. 60 швейцарцевъ и 15 дворянъ покрываютъ своими тѣлами края большого бассейна подъ статуею Цезаря. Большое число другихъ, задѣтыхъ пулями или обломками вѣтвей, падающихъ имъ на головы съ каштановыхъ деревьевъ, ускользають, окрашивая своею кровью большую аллею: Вирье, Ламартинъ, Виомениль, находятся въ этомъ

Камиллѣ Демуленѣ.

числѣ. Достигнувъ подножія террасы оранжереи, эти офицеры подъ огнемъ разсуждаютъ и раздѣляются по своимъ мнѣніямъ на двѣ колонны; одни возвращаются въ собраніе, другіе рѣшаются вступить на площадь Людовика XV, подъ огнемъ пушекъ Подземнаго моста, и соединиться на Елисейскихъ поляхъ съ жандармами, эскадронъ которыхъ, какъ они замѣтили, расположенъ въ боевомъ порядкѣ; тѣ, которые возвратились въ Манежъ, были взяты, обезоружены, отосланы послѣ побѣды въ парижскія тюрьмы и убиты 2-го сентября. Вышедшіе изъ сада чрезъ рѣшетку оранжереи, погибли, одни на площади Людовика XV, другіе—въ Елисейскихъ поляхъ, подъ саблями жандармовъ, которые присоединились къ народу, чтобы ихъ покончить. Нѣкоторые, какъ Виомениль, нашли убѣжище въ погребахъ улицы Saint-Florentin, Королевской улицы и особенно въ отелѣ венеціанскаго посланника Пизани, который самъ пренебрегалъ смертію, чтобы спасти жизнь неизвѣстнымъ ему людямъ. Нѣкоторые другіе овладѣли было пушкой, защищаемой слабымъ отрядомъ подлѣ моста Людовика XV, и хотѣли ее употребить въ дѣло, чтобы охранять свое отступленіе. Залпъ жандармовъ отбилъ ее у нихъ и отгѣнилъ ихъ въ Сену. Де-Вильеръ, недавно вышедшій изъ этого корпуса, въ которомъ онъ былъ майоромъ, думалъ, что жандармы явились къ нему на помощь, и бросился навстрѣчу своимъ бывшимъ товарищамъ. „Сюда, друзья мои!“ вскричалъ онъ имъ. При этихъ словахъ одинъ изъ офицеровъ эскадрона, который его узналъ, хладнокровно вынулъ пистолетъ и въ упоръ раздробилъ де-Вильеру голову. Прочіе докончили несчастнаго сабельными ударами.

Отступленіе слабыхъ остатковъ этихъ защитниковъ дворца было цѣлымъ рядомъ удачъ, но только личныхъ. Одни, бросивъ свое оружіе и лишивъ себя всякой военной вѣщности, затерялись въ массѣ зрителей битвы; другіе, съ пистолетомъ въ рукѣ, проложили себѣ дорогу до берега рѣки, овладѣли оставленными лодками и, переправившись черезъ Сену, бросились въ лѣса Исси и Медона. Спасеніемъ своей жизни они были обязаны безкорыстному гостепримству бѣдныхъ деревенскихъ жителей, чуждыхъ междоусобицамъ распрямъ. Гостепримство составляетъ милосердіе бѣдняка. Другіе, раздѣлившись на малыя группы, углубились въ боковыя улицы Елисейскихъ полей или перелѣзли черезъ палисады и стѣны садовъ.

18.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ, въ числѣ 30 человекъ, изъ которыхъ 29 были швейцарцы и во главѣ ихъ молодой пажъ королевы,—бросился во дворъ морского управленія, на углу Королевской улицы. Напрасно пажъ доказываетъ своимъ товарищамъ, что застигнутые въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, они тамъ всѣ погибнутъ. Они настаиваютъ и полагаются на великодушіе народа. Группа изъ восьми федератовъ является передъ дверью. Швейцарцы выходятъ изъ нея по одиночкѣ, бросая свои ружья къ ногамъ федератовъ; они думаютъ, что враги разжалобятся при этомъ движеніи, означаемомъ побѣжденныхъ, которые отдаются на милость побѣдителя. „Трусые“, кричитъ имъ одинъ изъ федератовъ, „вы сдаетесь только изъ страха, вамъ не будетъ пощады!“ Сказавъ это, онъ вонзаетъ желѣзко своей пики въ грудь одного изъ швейцарцевъ,

другого убивает выстрѣломъ изъ пистолета; головы убитыхъ отсѣкаютъ саблями, чтобы нести ихъ въ качествѣ трофеевъ.

При видѣ этого, приведенные въ негодованіе швейцарцы, въ самомъ отчаяніи почерпаютъ новую энергію. Они опять выходятъ на призывъ пажа, поднимаютъ свои ружья, даютъ залпъ въ федератовъ. Они убиваютъ семь человѣкъ изъ восьми. Но другіе федераты привозятъ къ воротамъ пушку, заряженную картечью, и открываютъ огонь. 23 солдата изъ 27 падаютъ отъ выстрѣла; четверо другихъ, съ пажомъ, пользуясь дымомъ, ускользаютъ, не замѣченные, въ погребъ гостиницы. Они закапываются въ мокрый песокъ и, такимъ способомъ обманываютъ ярость своихъ враговъ. Наступаетъ ночь. Привратникъ гостиницы, одинъ только обладающій тайною бѣгства несчастныхъ, принесть имъ пищу и верхнюю одежду; онъ согрѣваетъ ихъ члены, оцѣпившіе отъ холода и сырости льдистыхъ сводовъ погреба, доставляетъ имъ одежду, менѣе подозрительную, обрѣзываетъ имъ волосы и усы. Переодѣтые такимъ образомъ, плѣнники выходятъ по-одиночкѣ.

Шестдесятъ другихъ, которые удалялись въ порядкѣ, подъ начальствомъ четырехъ офицеровъ, черезъ Елисейскія поля, направляясь въ свою казарму Кірбуа, окружены жандармами и приведены въ ратушу. По прибытіи на Гревскую площадь, конвой избиваетъ несчастныхъ до послѣдняго человѣка, при восклицаніяхъ народа и на глазахъ совѣта коммуны.

Тридцать человѣкъ подъ начальствомъ Форестье-де-Сень-Венана, молодого швейцарскаго офицера, едва вышедшаго изъ отроческихъ лѣтъ, окружены со всѣхъ сторонъ на площади Людовика XV. Увѣренные въ смерти, они хотятъ, по крайней мѣрѣ, отомстить за свою кровь. Ударивъ въ штыки, они оттѣсняютъ на средину площади постъ жандармовъ и артиллеристовъ, окружающій статую Людовика XV. Три раза храбрецы берутъ этотъ постъ. Три раза приходятъ туда подкрѣпленія и все тѣснѣе окружаютъ этихъ тридцать человѣкъ. Они падаютъ одинъ вслѣдъ за другимъ, постепенно поражаемые окружающимъ ихъ огнемъ. Ихъ остается десять человѣкъ, они успѣваютъ проложить себѣ проходъ, бросаются въ Елисейскія поля и сражаются до смерти, переходя отъ одного дерева къ другому. Форестье одинъ остается въ живыхъ, не раненый; онъ готовъ уже влѣзть на стѣну сада, но конный жандармъ перескакиваетъ ровъ, отдѣляющій аллею отъ шоссе, и опрокидываетъ молодого человѣка мертвымъ, выстрѣливъ ему изъ карабина въ поясницу.

Молодой Карлъ д'Отишанъ, вышедшій изъ дворца и удалявшійся одинъ по улицѣ de d'Echelle, арестованъ двумя брестскими федератами. Онъ стрѣляетъ той и другой рукой изъ пистолетовъ имъ въ грудь и убиваетъ обоихъ. Народъ схватываетъ его и влечетъ на Гревскую площадь, чтобы тамъ умертвить. Это была та самая минута, когда рѣзали 60 швейцарцевъ. Теченіе толпы отдѣляетъ молодого человѣка отъ людей, которые его конвоируютъ; его хотятъ снова схватить, онъ поднимаетъ валяющійся подъ ногами штыкъ и прокалываетъ имъ національнаго гвардейца, который держитъ плѣнника за воротникъ; д'Отишанъ наноситъ раны или грозитъ вебъмъ, кто къ нему приближается,—бросается въ какой-то домъ, двери котораго открыты, вбѣгаетъ на лѣстницу, выходитъ по крышѣ, чрезъ другой домъ спускается въ заднюю улицу, бросаетъ свое оружіе,

измѣняетъ фizioномію и ускользаетъ отъ мщенія десяти тысячъ преслѣдователей. Старый 80-лѣтній дворянинъ, виконтъ де-Бровъ, депутатъ учредительнаго собранія, былъ раненъ во дворцѣ, но скрывалъ свою рану; его выдастъ кровь, которая струится у него изъ-подъ волосъ по щекамъ. Народъ узнаетъ врага и убиваетъ его на крыльцѣ церкви св. Роха.

19.

Пока остатки военныхъ силъ дворца разсѣялись или погибли такимъ образомъ внѣ Тюльери, безжалостный народъ, взявъ приступомъ комнаты дворца, по трупамъ марсельцевъ и швейцарцевъ, насыщалъ свою месть внутри королевскаго жилища. Дворяне, пажы, священники, библіотекари, камердинеры, королевскіе слуги, придверники, простые слуги, всѣ, кого народъ встрѣчалъ въ этомъ дворцѣ, были въ его глазахъ сообщниками преступленій королевскаго сана. Самыя стѣны дворца внушали народу ненависть и мщеніе. По мнѣнію народа, эти стѣны таили въ себѣ ковы духовенства, аристократіи и дворовъ,—начиная отъ Варфоломеевской ночи до предательскихъ поступковъ австрійскаго комитета и измѣннической пальбы иностранныхъ стрѣлковъ, которые убивали народъ. Нападающіе думали смыть кровь кровью: кровь струилась повсюду; ходить нельзя было иначе какъ по трупамъ. Самая смерть не удовлетворяла ненависти. Лютая вражда побуждала убійцъ продолжать насыщеніе своей мести даже за предѣлами человѣческой жизни: она обезображивала самую природу и низводила народъ ниже звѣря, который убиваетъ, но не увѣчитъ убитое. Какъ только жертвы падали подъ остріемъ марсельцевъ, неистовая толпа, протянувъ руки къ своей добычѣ, устремлялась на трупы, которые ей бросали съ высоты балкона, срывала съ нихъ одежду, тѣшила ихъ наготой, вырывала у убитыхъ сердца, заставляла изъ нихъ струиться кровь, какъ воду изъ губки, отрубала головы и выставляла свои позорные трофеи на зрѣлище и на потѣху уличныхъ мегеръ. Никто не защищался болѣе; сраженіе превратилось въ рѣзню.

Вооруженныя шайки жителей предметей, съ пиками или ножами въ рукахъ, разбѣжались по внутреннимъ лѣстницамъ и по темнымъ коридорамъ этого огромнаго лабиринта, по всѣмъ этажамъ дворца,—выламывали двери, вскрывали полы, ломали мебель, выбрасывали изъ оконъ предметы искусства и роскоши, ломали, чтобы ломать,—обезображивали все изъ ненависти, добываясь не добычи, а разоренія. Этотъ общій разгромъ дворца даже нельзя было назвать грабежомъ, а скорѣе опустошеніемъ. Народъ, при всей своей свирѣпости, устыдился бы искать чего бы то ни было другого, кромѣ враговъ. Цѣлью его возстанія была кровь, а не золото. Онъ самъ слѣдилъ за собою. Онъ открыто показывалъ свои руки,—окровавленные, но пустыя. Нѣсколько обыкновенныхъ воровъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія въ желаніи присвоить вышвыриваемыя вещи, были немедленно повѣшены тѣми же людьми изъ народа съ надписью, означавшею ихъ позорный поступокъ. Страсть развращаетъ людей, но она же ихъ и возвышаетъ. Общій подъемъ духа, возбудившій весь этотъ народъ, дѣлалъ для него постыдною самую мысль о чѣмъ-нибудь другомъ, кромѣ мщенія и свободы. Ярость, овладѣвшая народомъ, оставляла ему сознаніе до-

стоинства его дѣла. Народъ осквернялъ себя убійствами, упивался муками убитыхъ, но и среди крови масса уважала въ своемъ лицѣ бойца за свободу. Картины, статуи, вазы, книги, фарфоръ, зеркала, образцовыя произведенія всѣхъ искусствъ, накопленныя цѣлыми вѣками во дворцѣ, который былъ средоточіемъ блеска и удовольствій государей,—все разлеталось въ обрывкахъ, разбивалось вдребезги, превращалось въ пыль и пепелъ. По странной игрѣ судьбы уцѣлѣла и осталась невредимою только одна картина въ королевской спальнѣ, изображавшая „Меланхолію“, работы Фетти; эмблема печали и непрочности человѣческихъ дѣлъ была, казалось, единственнымъ вѣчнымъ памятникомъ, которому суждено было пережить судьбу династій и дворцовъ!

20.

Женская свита королевы, придворныя дамы принцессъ, горничная прислуга,—принцесса Тарентская, г-жи де-ла-Рошъ-Эймонъ, де-Жинесту, молодая Полина де-Турзель, дочь маркизы де-Турзель, гувернантки дѣтей Франціи съ самаго начала сраженія собрались въ комнатахъ королевы. Залпы артиллеріи, отголосокъ картечи карусельскихъ пушекъ на стѣнахъ, нашествіе народа, выходъ швейцарцевъ, минутная побѣда ихъ, сопровождаемая приступомъ еще болѣе ужаснымъ, вопли, безмолвіе, бѣгство жертвъ, которыхъ преслѣдовали надъ головою этихъ женщинъ, въ Каррачевской галереѣ,—паденіе тѣлъ, выбрасываемыхъ съ балконовъ во дворъ, ревъ толпы предъ окнами,—все это почти прервало дыханіе бѣдныхъ женщинъ отъ страха. Въ теченіе трехъ часовъ онѣ умирали отъ тысячи нравственныхъ ударовъ.

Толпа, которая совершила первое вторженіе по другой лѣстницѣ дворца, еще не открыла убѣжища женщинъ. Къ нимъ можно было добраться только по потайной лѣстницѣ, которая вела изъ комнаты королевы въ комнаты короля, и по лѣстницѣ принцевъ, загроможденной массой труповъ марсельцевъ. Одна изъ вооруженныхъ шаекъ убійцъ нашла, наконецъ, доступъ къ потайной лѣстницѣ и бросилась туда въ потемкахъ. Эти внутреннія ступеньки вели въ низкіе и темные коридоры, антресоли, устроенные между двумя большими этажами. Эти антресоли служили помѣщеніемъ мужской и женской прислугѣ, самой приближенной къ королевскому семейству. Двери туда выломаны топоромъ. Убійцы умерщвляютъ гайдуковъ королевы. Ея любимая горничная, г-жа Кампанъ, и двѣ женщины изъ прислуги бросаются на колѣни предъ убійцами. Руки этихъ женщинъ обнимаютъ занесенныя уже надъ ними сабли. „Что вы дѣлаете?“ раздается снизу голосъ какого-то марсельца, „женщинъ не убиваютъ!“—„Вставайте, несчастныя, нація даетъ вамъ пощаду“, отвѣчаетъ человѣкъ съ длинной бородой, который только-что умертвилъ гайдука. Онъ велитъ тремъ женщинамъ встать на скамейку, поставленную въ амбразурѣ окна, гдѣ толпа могла ихъ видѣть и слышать, и заставляетъ кричать: „да здравствуетъ нація!“ Толпа отвѣчала на это рукоплесканіями.

Два придверника комнаты короля, Салла и Марше, которые могли бѣжать, оставивъ охраняемыя ими двери, умираютъ, но выполняютъ свою присягу. Они нахлобучиваютъ на головы шляпы и берутъ въ руки шпаги: „здѣсь нашъ постъ“, говорятъ они марсельцамъ, „мы хотимъ пасть на томъ порогѣ, ко-

торый клялись защищать“. Придверникъ комнаты королевы, по имени Діе, великодушно остается одинъ часовымъ при входѣ въ комнату, куда бѣжали женщины, и падаетъ, защищая ее. Его трупъ, распростертый поперегъ двери, все еще служитъ оградой для женщинъ. Принцесса Тарентская, слыша, какъ палъ этотъ послѣдній вѣрный стражъ, идетъ сама отворить двери марсельцамъ. Предводитель ихъ, пораженный самообладаніемъ и достоинствомъ этой женщины предъ лицомъ смерти, сдерживаетъ на минуту свой отрядъ. Принцесса, держа за руку молодую, прекрасную Полину де-Турзель, ввѣренную ей матерью, говоритъ марсельцамъ: „поразите меня, но спасите честь и жизнь этой молодой дѣвушки. Это залогъ, который я поклялась возвратить невредимымъ ея матери. Оставьте ей дочь и возьмите мою собственную жизнь“.

Растроганные марсельцы относятся съ уваженіемъ къ этимъ женщинамъ и спасаютъ ихъ. Имъ помогаютъ перейти черезъ трупы, покрывающіе передніе и коридоры.

Нѣсколько человекъ изъ народа, разоряя комнаты, разбили мраморные фонтаны ваннъ королевы. Вода, смѣшанная съ кровью, покрыла полъ и окрасила ноги и платья бѣглянокъ. Онѣ были ввѣрены нѣсколькимъ простолюдинамъ, которые тайкомъ провели ихъ вдоль рѣки, ниже набережной, до моста Людовика XVI и доставили въ безопасности въ семейства.

21.

Преслѣдованіе жертвъ, старавшихся укрыться отъ смерти, длилось три часа. Погреба, кухни, подземелья, секретные коридоры, даже крыши сочлились кровью. Нѣсколько швейцарцевъ, спрятавшихся въ конюшняхъ подъ кучами лошадиного корма, задохнулись тамъ отъ дыма или были сожжены заживо. Народъ хотѣлъ превратить Тюльери въ громадный костеръ. Уже конюшни, караульни, службы, окаймлявшія дворы, были въ пламени. На Карусельской площади пылали костры изъ мебели, картинъ, коллекцій, библіотекъ придворныхъ, которые жили во дворцѣ. Депутатіи отъ собранія и коммуны съ трудомъ сохранили Лувръ и Тюльери. Народу казалось, что этотъ дворецъ, оставленный въ дѣлности, будетъ рано или поздно напоминать тираннію. Тюльери былъ такимъ упрекомъ совѣсти за рабство, который всегда стоялъ передъ народомъ. Онъ хотѣлъ стереть дворецъ съ лица земли, чтобы будущій королевскій санъ не нашелъ себѣ ни камня въ городѣ свободы. Не имѣя возможности сжечь камни, народъ разразился своею мстью на людяхъ. Всѣ граждане, извѣстные приверженностью ко двору или заподозрѣнные въ состраданіи къ паденію короля, какъ только были встрѣчены и узнаны, тотчасъ падали подъ ударами народа. Самою невинною и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитою изъ этихъ жертвъ былъ Клермонъ-Тоннерръ.

Одинъ изъ первыхъ апостоловъ политической реформы, популярный аристократъ, краснорѣчивый ораторъ учредительнаго собранія, онъ остановился въ революціи только на границахъ монархіи. Онъ желалъ того идеальнаго равновѣсія трехъ властей, призракъ котораго считалъ осуществленнымъ въ британской конституціи. Революція, которая хотѣла не уравновѣсить, а смѣстить прежнія власти, отвергла его, подобно тому, какъ она пошла дальше Муньо, Малуэ,

самого Мирабо. Революція ненавидѣла этого человѣка тѣмъ болѣе, чѣмъ больше на него надѣялась. Когда ярость становится принципомъ, умѣренность тогда дѣлается измѣною. Клермонъ-Тоннерръ былъ обвиненъ утромъ 10-го августа въ томъ, что держалъ въ своемъ домѣ складъ оружія. Домъ обвиненнаго былъ окруженъ толпой, которая отвела его въ отдѣлъ *Scoix-Rouge*, чтобы отдать отчетъ въ засадахъ, какія онъ будто бы устраивалъ народу. Обыскъ въ домѣ Клермонъ-Тоннерра, посѣщенномъ чернью, доказалъ его невинность. Народъ, выведенный изъ заблужденія голосомъ честнаго человѣка, легко переходитъ отъ несправедливости къ благосклонности: онъ рукоплещетъ обвиненному и съ триумфомъ возвращаетъ его въ жилище. Но, убійцы, которымъ невидимую рукою жертва была уже указана, опасаются, что она ускользнетъ. Выгнанный Клермонъ-Тоннерромъ слуга собираетъ неистовое скопище противъ своего бывшаго господина. Напрасно послѣдній хладнокровно уговариваетъ своихъ убійцъ; ружейный выстрѣлъ, полученный имъ въ лицо, заглушаетъ его слова въ крови. Клермонъ-Тоннерръ устремляется въ открытый отель улицы Вожираръ и всходитъ до четвертаго этажа; убійцы слѣдуютъ за несчастнымъ, убиваютъ его на лѣстницѣ, влекутъ окровавленнаго на улицу и оставляютъ встревоженнымъ друзьямъ убитаго обезображенный трупъ. Молодая жена Клермонъ-Тоннерра только по платью могла узнать тѣло своего мужа; такъ оно было изуродовано, изувѣчено, изрѣзано, позорными орудіями смерти, оскверняющими то, что убиваютъ.

22.

Едва окончилась битва, какъ Вестерманъ, покрытый порохомъ и кровью, явился къ Дантону, чтобы получить поздравленія съ побѣдою народа. Вестермана сопровождали нѣкоторые изъ героевъ дня. Дантонъ обнялъ ихъ. Брюнь, Роберъ, Камилль Демуленъ, Марать, Фабръ д'Эглантинъ одинъ за другимъ поспѣшили обнять своего вождя и получить на вечеръ новый лозунгъ. Жены плакали отъ радости, видя своихъ мужей побѣдителями, тогда какъ онѣ ихъ считали уже погибшими отъ пушекъ швейцарцевъ. Дантонъ казался погруженнымъ въ раздумье; можно было бы сказать, что, удивленный и какъ бы раскаявающийся въ побѣдѣ, онъ колебался между двумя рѣшеніями; но Дантонъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые недолго колеблются, а предоставляютъ рѣшеніе обстоятельствамъ. Фортуна съ этого дня оборачивалась лицомъ къ Дантону. На слѣдующій день онъ былъ министромъ.

XXIII.

Собрание и народъ.—Власть находится въ ратушѣ.—Вожди партій выходятъ изъ своихъ убѣжищъ.—Советъ коммуны, зародышъ конвента.—Внѣшній видъ собранія.—Петиціонеры у рѣшетки его.—Добыча изъ дворца принесена сражающимися.—Приостановка королевской власти.—Декретъ о созваніи конвента.—Лагерь подъ Парижемъ.—Роланъ, Клавьеръ и Серванъ восстановлены.—Дантонъ—министръ юстиціи.—Рѣчь его въ ратушѣ.—Парижъ въ вечеръ 10-го августа.—Народъ и буржуазія.—Сантерръ и Лафайетъ.—Король и королевская семья ночуютъ въ зданіи фельяновъ.—Народъ требуетъ еще убійствъ.—Дантонъ отсрочиваетъ народную месть.—Королевская семья отвезена въ Тамплъ.

1.

Но возвратимся къ собранію. Не сумѣвъ принять ни сторону революціи, ни конституціи, оно безмолвно выдерживало всѣ отголоски совершавшихся за стѣнами его событій и казалось собраннымъ въ постоянное засѣданіе только для того, чтобы принимать волю народа. Положеніе подневольное и унижительное; достойное наказаніе для державнаго сословія, которое боялось республики, но не смѣло ей противиться,—которое желало ея, но не смѣло ей служить! Народъ, понимавшій слабость своихъ представителей, создавалъ одинъ республику, но, какъ дѣлается всегда, когда народъ лишень правительства, онъ совершалъ свое дѣло посредствомъ безпорядка, пламени и крови. По отношенію къ народному собранію народъ только по наружности сохранялъ законное уваженіе, какъ бы для того, чтобы показывать видъ уваженія хоть къ чему-нибудь; но въ сущности народъ, взявшись за оружіе, самъ принялъ и диктатуру. Почести, какія онъ старался выказывать представительству, были лишь почтительными приказаніями, которыя народъ отдавалъ собранію. Истинная власть находилась уже въ ратушѣ, среди представителей коммуны. Народъ это понималъ. Онъ имъ сообщилъ свою силу. Народъ обладаетъ чутъемъ верховнаго права,—права не погибать. Представители коммуны составляли нѣчто большее, чѣмъ народные представители: они были самимъ парижскимъ народомъ. Итакъ, лишь только побѣда была рѣшена отступленіемъ короля и взятіемъ Тюльери,—какъ всѣ популярныя, но благоразумные люди, ожидавшіе указанія судьбы, чтобы высказаться, поспѣшили въ ратушу, и во имя своихъ мнѣній—помѣстились въ советѣ истинныхъ властелиновъ положенія.

Робеспьеръ, который все время берегъ не свою личность, но свою карьеру,

скрываясь и отъ друзей, и отъ враговъ въ продолженіе заговора и битвы, появился днемъ въ совѣтъ коммуны. Онъ былъ тамъ принять своими учениками, Гюененомъ, Сержаномъ, Пани, какъ государственный человѣкъ наступившаго кризиса и какъ организаторъ побѣды.

Дантонъ, успокоивъ свою жену и обнявъ дѣтей, явился къ кордельерамъ, чтобы насладиться одобреніемъ шарантонскихъ заговорщиковъ и внушить своимъ сообщникамъ, какое удобіе всего, для настоящей минуты, усвоить себѣ положеніе, какой принять тонъ, какія начать дѣйствія.

Самъ Маратъ вышелъ изъ подземелья, въ которомъ сидѣлъ запершись въ теченіе нѣсколькихъ дней. Заслышавъ побѣдные крики, онъ устремился на улицу во главѣ группы своихъ фанатиковъ и колонны брестскихъ федератовъ. Онъ прогуливался по Парижу съ обнаженной саблей въ рукѣ и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Маратъ заставилъ провозгласить себя представителемъ своего отѣзда, по праву своего рубища, своего заключенія и своей ярости. Потомъ, съ тѣми же приверженцами, онъ отправился въ королевскую типографію и овладѣлъ печатными станками, которые привезъ къ себѣ, какъ добычу, вполне приличную своему генію.

Таллиенъ, Колло д'Эрбуа, Бильо-Варренъ, Камилль Демуленъ,—все вожди якобинцевъ и кордельеровъ, все агитаторы, все эти головы, голоса, правыя руки народа—бросались въ коммуну и образовали изъ муниципальнаго совѣта временное правительство націи. Къ этимъ людямъ присоединились Фабръ д'Эглантинъ, Оссленъ, Фреронъ, Дефоржъ, Ланфанъ, Шенье, Лежандръ. Этотъ временной совѣтъ коммуны былъ зародышемъ конвента. Онъ ни отъ кого не принималъ своего назначенія, а самъ взялъ его себѣ; онъ дѣйствовалъ диктаторски.

2.

Днемъ 10-го августа въ собраніи не насчитывалось и 300 наличныхъ членовъ. Члены правой стороны и конституціонной партіи, предчувствуя, что имъ придется только давать утвержденіе волѣ народа или погибнуть, воздержались отправиться въ засѣданіе. Тамъ присутствовали одни жирондисты и якобинцы. Но пустые ряды представителей были наполнены иностранцами, петиціонерами, членами клубовъ, людьми рабочими, которые, сидя въ перемежку съ депутатами, представляли взору картину смѣшенія народа съ его представителями; они говорили, жестикулировали, совѣщались, вставали вмѣстѣ съ депутатами, какъ бы находясь подъ вліяніемъ общественной опасности, которая сливала собраніе и зрителей въ одно цѣлое. Во время катастрофы, которая въ одинаковой степени занимаетъ все умы, никто не ограничивается наблюденіемъ, все дѣйствуютъ. Таковъ былъ внѣшній видъ собранія во время сраженія и послѣ него. Никакихъ рѣчей; внезапныя и единодушныя тѣлодвиженія, крики ужаса или торжества; возобновляющіяся каждую минуту клятвы, имѣющія цѣлью какъ бы укрѣпить себя звукомъ гражданскихъ восклицаній противъ сотрясенія, производимаго пушками, гремѣвшими у дверей; выборъ депутацій, которыя пытаются выйти изъ залы и вгоняются въ нее обратно; наконецъ, поименная перекличка, благодаря которой часы проходили въ кажущейся дѣя-

тельности, а между тѣмъ событіямъ предоставлялось время зрѣть и подвигаться къ рѣшительному исходу.

Какъ только народъ сдѣлался властелиномъ дворца, побѣдныя восклицанія тотчасъ проникли съ улицы по всѣмъ ходамъ въ залу. Собраніе всею массою поднялось съ мѣстъ и приняло участіе въ народномъ торжествѣ присягою поддержать равенство и свободу. Съ минуты на минуту, при рукоплесканіяхъ трибунъ, входили въ залу люди изъ народа, съ обнаженными, окровавленными руками, съ почернѣвшими отъ пороха лицами, — приближались къ рѣшеткѣ; рассказывали въ краткихъ словахъ объ измѣнническихъ козняхъ двора, который завлекалъ гражданъ кажущимся перемиріемъ подъ огонь швейцарцевъ, чтобы потомъ перерѣзать. Другіе, указывая на ложу стенографа, предлагали націи свою руку, для истребленія тирана, убійцы своего народа. „Все тотъ же предательскій дворъ“, вскричалъ одинъ изъ такихъ ораторовъ, раскрывая свою грудь, пораженную пулею и сочащуюся кровью, „предательскій дворъ пролил эту кровь. Мы проникли во дворецъ только по грудѣ труповъ нашихъ умерщвленныхъ братьевъ! Мы захватили нѣсколько человѣкъ изъ числа наемщиковъ короля-отцеубійцы. Но обвиняемъ мы только самого короля“.

„Эти люди были лишь орудіемъ его измѣны; съ той минуты, какъ они сложили оружіе, мы не видимъ больше враговъ въ этихъ наемныхъ убійцахъ, мы хотимъ въ нихъ видѣть только братьевъ!“ При этихъ словахъ онъ обнимаетъ обезоруженнаго швейцарца, котораго привелъ за руку, и падаетъ безъ чувствъ среди залы, истощенный утомленіемъ, волненіемъ, потерей крови. Депутаты бросаются къ оратору, уносятъ его, возвращаютъ его къ жизни. Онъ приходитъ въ себя, поднимается, подходит снова къ рѣшеткѣ: „Я чувствую, что мои силы возраждаются“, говоритъ онъ, „и прошу собраніе дозволить этому несчастному швейцарцу остаться у меня; я хочу его кормить и покровительствовать ему. Вотъ мщеніе француза-патріота!“

Великодушіе этого гражданина сообщается собранію и трибунамъ. Къ народу посылаютъ депутацію, чтобы остановить рѣзню. Во дворе фельяновъ вводятся швейцарцы, которые оставались еще на террасѣ, подверженные ярости народа. Эти солдаты разряжаютъ свои ружья, стрѣляя на воздухъ, въ знакъ довѣрія и безопасности. Ихъ вводятъ въ коридоры, во дворы, допускаютъ даже къ самымъ бюро собранія. Сражающіеся постепенно приносятъ и складываютъ на столъ президента серебряную посуду, мѣшки съ золотомъ, алмазы, драгоценныя вещи, дорогую мебель и даже портфели и письма, найденныя въ комнатахъ королевской семьи. Рукоплесканія привѣтствуютъ такое проявленіе честности. Оружіе, золото, ассигнаціи, найденныя въ платьѣ швейцарцевъ, нагромождаются у подножія трибуны. Король и королева, изъ глубины своей ложи, присутствуютъ при описи добычи, найденной въ самыхъ секретныхъ ихъ комнатахъ.

3.

Президентъ передаетъ всѣ эти вещи подъ отвѣтственность Гюгенена, комиссара новой коммуны. Пушки замолкаютъ. Перестрѣлка становится медленнѣе. Петиціонеры громкими воплями требуютъ или головы или низложенія короля: „Вы не иначе остановите мщеніе народа, какъ оказавъ ему правосудіе.“

Представители, будьте же тверды! Вы обязаны насъ спасти! Примите на себя смѣлость поклясться, что вы спасете родину, и родина спасена!“ Слова эти звучали риказаніемъ.

Жирондисты, до тѣхъ поръ еще колебавшіеся между униженіемъ трона и его низверженіемъ, поняли, что нужно было или самимъ его низвергнуть, или быть увлеченными вмѣстѣ съ нимъ. Верньо передалъ президенство Гаде, чтобы собраніе, на время отсутствія его самого, находилось подъ руководствомъ чело-вѣка изъ его же партіи. Чрезвычайная коммисія, въ которой жирондисты имѣли перевѣсъ по численности, по значенію и по таланту, собралась безотлагательно. Пушки разсуждали вмѣсто коммисіи. Народъ ждалъ. Верньо беретъ перо и быстро составляетъ актъ о временномъ прекращеніи королевской власти. Онъ входитъ въ залу и читаетъ его, среди глубокаго молчанія, — въ четырехъ шагахъ отъ короля, который слушаетъ, — читаетъ плебисцитъ о низложеніи. Звукъ голоса Верньо былъ торжественно печаленъ, поза угрюма, движенія носили отпечатокъ унынія. Быть можетъ, самая необходимость читать осужденіе монархіи въ присутствіи монарха связывала уста и сердце Верньо приличіемъ состраданія, — или Верньо охватило раскаяніе за тотъ толчокъ, который самъ онъ сообщилъ событіямъ, и онъ себя чувствовалъ уже послушнымъ орудіемъ роковыхъ обстоятельствъ, которые отъ него требовали болѣе, чѣмъ допускала его собственная совѣсть: только казалось, что Верньо произносить свой собственный приговоръ, а не возвѣщаетъ побѣду своей партіи.

„Я пришелъ“, сказалъ онъ, „отъ имени чрезвычайной коммисіи, чтобы предложить вамъ мѣру очень серьезную. Но напоминаю о той горести, какую вы проникнуты, чтобы судить, до какой степени необходимо для спасенія отечества, чтобы вы приняли это предложеніе немедленно.

„Національное собраніе, принимая во вниманіе, что опасность отечества достигла высшей степени; что бѣдствія, отъ которыхъ стенаетъ страна, происходятъ главнымъ образомъ влѣдствіе недовѣрія, внушаемаго поведеніемъ представителей исполнительной власти въ борьбѣ, предпринятой отъ ея имени противъ конституціи и національной независимости; что это недовѣріе вызвало во всѣхъ концахъ государства желаніе отобрать власть, ввѣренную Людовику XVI; принимая во вниманіе однакожъ, что законодательное собраніе не хочетъ, путемъ какого бы то ни было насилія, увеличивать свою собственную власть, и что оно не можетъ согласить свою присягу конституціи съ твердою волею спасти свободу иначе, какъ сдѣлавъ воззваніе къ народному самодержавію, — постановляетъ нижеслѣдующее:

„Французскій народъ приглашается сформировать національный конвентъ;

„Отправленія главы исполнительной власти временно прекращаются; въ тотъ же день будетъ предложенъ декретъ о назначеніи воспитателя королевскому принцу;

„Уплата королевскаго содержанія прерывается;

„Король и его семейство останутся въ стѣнахъ законодательнаго собранія до тѣхъ поръ, пока въ Парижѣ не возстановится спокойствіе; департаментское управленіе распорядится изготовленіемъ Люксамбургскаго дворца для пребыванія короля, подъ охраною гражданъ“.

Этот декретъ былъ принятъ безъ преній. Король выслушалъ его безъ удивленія и безъ горести. Въ самую минуту голосованія онъ обратился къ депутату Кутару, который сидѣлъ надъ ложею стенографа и съ которымъ король дружески разговаривалъ во время засѣданія. „Нельзя сказать, чтобы то, что вы тамъ затѣваете, было очень въ конституціонномъ духѣ“, сказалъ ему король проницательнымъ тономъ, составлявшимъ рѣзкій контрастъ съ торжественностью обстановки. „Это правда, государь“, отвѣчалъ Кутаръ, „но это единственное средство спасти вашу жизнь“. И онъ подалъ голосъ противъ короля, разговаривая съ нимъ же, какъ съ человѣкомъ.

4.

Но самый декретъ, оставляя открытымъ вопросъ о монархіи или республикѣ и даже предвѣщая его въ пользу монархіи упоминаніемъ о назначеніи воспитателя королевскому принцу, только на половину удовлетворялъ настоящему требованію обстоятельствъ. Эта мѣра, страстно желаемая еще только наканунѣ, теперь была принята уже съ ропотомъ.

Лишь только Верньо кончилъ чтеніе, какъ болѣе требовательные петиціонеры явились къ рѣшеткѣ и пригласили собраніе провозгласить низложеніе вѣроломнаго короля, царствованіе котораго кончалось въ крови его подданныхъ. Верньо опять овладѣлъ собою и оправдывалъ какъ выраженія, такъ и самое значеніе двусмысленнаго декрета жирондистовъ: „Я очень радъ“, сказалъ онъ, „что могу объясниться передъ гражданами, которые находятся у рѣшетки. Представители народа сдѣлали все, что позволялось ихъ обязанностями, когда постановили, что будетъ созванъ національный конвентъ, который произнесетъ рѣшеніе по вопросу о низложеніи. Въ ожиданіи этого, собраніе опредѣлило пріостановку королевской власти. Этой мѣры должно быть достаточно, чтобы успокоить народъ насчетъ измѣны исполнительной власти. Развѣ пріостановка власти не ставитъ короля въ невозможность вредить? Надѣюсь, что это объясненіе удовлетворитъ народъ, и что онъ захочетъ обстоятельно выслушать и узнать истину“.

Трибуны и петиціонеры выслушали эти слова холодно. Депутатъ Шудье подвергнулъ безотлагательному голосованію вопросы о сформированіи лагеря подъ Парижемъ и о непрерывности засѣданій собранія. Собраніе приступило къ назначенію министровъ.

Три смѣщенные жирондистскіе министра, Роланъ, Клавьеръ и Серванъ, были восстановлены въ своемъ званіи безъ подачи голосовъ, по предложенію Бриссо. Назначеніе этихъ министровъ, было мстью за смѣщеніе ихъ королемъ. Дантонъ былъ назначенъ министромъ юстиціи, Монжъ—морскимъ, Лебренъ—иностранныхъ дѣлъ, Грувель—секретаремъ совѣта министровъ. Монжъ былъ знаменитый математикъ, Лебренъ—канцелярскій дѣлецъ, искусный въ дипломатіи, Грувель—второстепенный, честолюбивый ученый. Въ девять часовъ вечера правительство было учреждено. Жирондисты въ немъ господствовали въ лицѣ Ролана, Клавьера, Сервана, Лебрена. Коммуна уравнивала ихъ однимъ Дантономъ.

Дантонъ какъ только былъ назначенъ, немедленно отправился въ совѣтъ ратуши, чтобы привлечь своихъ сообщниковъ къ власти, которую онъ полу-

чиль черезъ нихъ: „Я вознесенъ до министерской должности пушечнымъ ядромъ“, сказалъ онъ своимъ довѣреннымъ лицамъ: „Я хочу, чтобы вмѣстѣ со мною достигла власти и революція. Я силенъ только благодаря ей; отдѣлившись отъ нея, я погибну“. Онъ призвалъ Фабра д'Эглантина и Камилла Демулена занять двѣ первыя должности своего министерства: Фабръ д'Эглантинъ льстилъ уму Дантона, Камиллъ Демуленъ былъ поклонникомъ его силы!

Собраніе велѣло составить извлеченіе изъ своихъ дневныхъ декретовъ и послало комиссаровъ, чтобы опубликовать ихъ, при свѣтѣ факеловъ, по всѣмъ улицамъ Парижа.

5.

Небо было ясно; вечерняя прохлада и лихорадочное возбужденіе вслѣдствіе событій истекшаго дня заставляли жителей выходить изъ домовъ, чтобы подышать воздухомъ лѣтней ночи. Любопытство узнать, что происходило въ собраніи, и посѣтить поле утренняго сраженія инстинктивно влекло на набережныя, къ Елисейскимъ полямъ и къ Тюльери праздношатающихся молодыхъ людей и женщинъ изъ отдаленныхъ кварталовъ столицы. Длинные вереницы мирно прогуливающихъ людей тянулись по аллеямъ и подъ деревьями Тюльери, возвращеннаго народу. Пламя и дымъ отъ мебели, пожираемой пожаромъ, во дворахъ дворца подымались надъ его крышей и освѣщали оба берега Сены. Концы дворца горѣли со стороны павильона Флоры. Очагъ, въ 1,500 туазовъ, оцѣненный пожарными и саперами, бросалъ огненные снопы надъ галерею Лувра и каждую минуту угрожалъ воспламенить опустошенный дворецъ. Огонь, отражавшійся въ Сентъ, между Новымъ мостомъ и мостомъ Людовика XVI, придавалъ водѣ видъ крови. Телѣги, въ сопровожденіи посланныхъ коммунаю агентовъ, собирали на Елисейскихъ поляхъ, на площади Людовика XV, въ саду, во дворахъ 4,000 труповъ швейцарцевъ, марсельцевъ, федератовъ, нагроможденные тѣла которыхъ показывали мѣста, гдѣ сраженіе было самымъ ожесточеннымъ. Женщины, разряженные, какъ въ праздникъ, не боялись приближаться къ этимъ телѣгамъ и разсматривать останки утренней рѣзни. Въ народѣ, у котораго печаль не длится цѣлый день, въ общественныхъ мѣстахъ слышались глухой шопотъ, веселое шушуканье и жужжаніе обычныхъ разговоровъ. Спектакли были открыты; зрители тѣснились у дверей театровъ, какъ будто бы паденіе государственной власти было для города только неожиданнымъ зрѣлищемъ, уже забытымъ.

Марсельцы, жители Бреста, массы изъ предмѣстій отступили въ свои отдаленные кварталы и казармы. Они совершили свое дѣло,—заплатили, въ видѣ 3,600 слишкомъ труповъ, безкорыстную дань революціи, плату за которую предстояло собрать только ихъ дѣтямъ.

6.

Солдаты и народъ сражались не за власть и еще менѣе за добычу. Они возвращались въ свои помѣщенія, утомленные, съ пустыми руками. Они были чернорабочими свободы и посвятили ей день. Они сражались за свободу, не понимая ея хорошенько: равнодушные къ дальнѣйшей судьбѣ власти, къ монархіи, къ

республикѣ; неспособные опредѣлить значеніе словъ, за которыя умирали, но побуждаемые какъ-бы божественнымъ предчувствіемъ того, что они готовятъ для человѣчества. Буржуазія сражалась сама за себя; народъ сражался изъ-за идей. Какъ ни странно, но вполнѣ справедливо, что больше просвѣщенія было среди буржуазіи, но больше стремленія къ идеалу—въ народѣ. Различіе между этими двумя классами очень хорошо характеризовалось положеніемъ, занятымъ ими въ теченіе дня. Національная гвардія, состоявшая изъ буржуазіи, изъ сторонниковъ Лафайета, жирондистовъ, Петіона, не сумѣла ни воспрепятствовать, ни совершить, ни напасть, ни защитить. Боясь, съ одной стороны, побѣды народа, изъ чистаго чувства страха,—страшась, съ другой стороны, изъ зависти, торжества двора и аристократіи, она заботилась только о себѣ самой. Съ трудомъ собранная, нерѣшительная въ движеніяхъ, отказывая республикѣ въ своей инициативѣ, королю въ своей поддержкѣ, она оставалась, съ оружіемъ въ рукахъ, между дворомъ и предмѣстями,—не умѣя ни предупредить удара, ни рѣшить побѣду; потомъ, трусливо перейдя на сторону побѣдителя, она стрѣляла только въ бѣглецовъ.

Теперь эта національная гвардія, униженная и тревожная, возвращалась въ свои лавки и конторы. Она по заслугамъ утратила первенство надъ народомъ. Ей предстояло теперь быть уже только показною силою революціи, командимуемою для присутствованія при всѣхъ ея дѣйствіяхъ, на всѣхъ празднествахъ, при всѣхъ преступленіяхъ: это была живая, но пустая декорация къ услугамъ всѣхъ машинистовъ республики.

7.

Съ вечера 10-го августа національная гвардія исчезла. Пики и лохмотья замѣнили собою штuki и гражданскіе мундиры въ караульняхъ и патруляхъ, которые пестрили Парижъ. Одни только марсельцы и федераты придавали нѣкоторую воинственную внѣшность этимъ отрядамъ вооруженнаго народа. Сантерръ, старавшійся щеголять по внѣшности циническою простотою, приличною генералу предмѣстій,—чтобы составить контрастъ съ воинскою пышностью Лафайета, проѣзжалъ по Парижу на неповоротливой черной лошади, которая была похожа больше на рабочую клячу, чѣмъ на боевого коня. Двое или трое работниковъ изъ пивоварни Сантерра сопровождали его и служили адъютантами, замѣняя тотъ блестящій штабъ молодыхъ офицеровъ изъ аристократіи или высшихъ коммерческихъ сферъ, какой всегда украшалъ собою генерала Марсова поля. Изломанная шляпа Сантерра, его почернѣвшія эполеты, сабля въ ножнахъ, потертый и распахнутый мундиръ, обнаженная грудь, тривіальныя тѣлодвиженія,—все это льстило толпѣ. Въ лицѣ Сантерра она любила равнаго себѣ. Вестерманъ, имѣвшій болѣе военный видъ, посѣтилъ посты федератовъ и марсельцевъ, въ сопровожденіи Фурнье-американца, Барбару и Ребекки.

Агенты парижской коммуны, стараясь скорѣе изгладить слѣды крови и убрать тѣла жертвъ, изъ опасенія, чтобы видъ труповъ, на слѣдующій день, не разжегъ народнаго гнѣва и не повелъ къ продолженію рѣзни, которую предполагалось остановить, послали отряды рабочихъ людей на Карусельскую площадь, чтобы очистить поле битвы. Около полуночи эти люди воздвигли огромные костры, гдѣ горѣли издѣлія плотничной работы, кровати швейцарцевъ

изъ отеля Бріоннъ, дворцовая мебель. На этотъ костеръ были брошены сотни труповъ, покрывавшихъ Карусель, дворы, переднюю, комнаты Тюльери. Безмолвно расположившись вокругъ огня, подметатели крови поджигали костры, бросая туда другіе обломки и другіе трупы. Печальное пламя, отражавшееся на стѣнахъ, и освѣщавшее, сквозь разбитыя оконныя стекла, самую внутренность дворца, было послѣдней иллюминаціей этой ночи. На разсвѣтъ, швейцарцы и марсельцы, роялисты и республиканцы, дворяне и люди народа, всѣ были поглощены огнемъ. Мостовую вымыли, пепель смели въ Сену. Ночь, вода, огонь поглотили все. Городъ вступилъ въ свою обычную жизнь, не замѣчая другихъ слѣдовъ поразившей монархію катастрофы, кромѣ опустѣлаго дворца, дверей его, уже лишенныхъ стражи, разбитыхъ оконъ и отверстій, сдѣланныхъ картечью въ старинныхъ стѣнахъ Тюльери.

8.

Собраніе прервало свое засѣданіе въ часъ утра. Королевская семья до тѣхъ поръ все оставалась въ ложѣ стенографа. Только Богу было извѣстно, какими безконечными показались 14 часовъ этого засѣданія для короля, королевы, принцессы Елизаветы и ихъ дѣтей. Внезапность паденія, продолжительная неизвѣстность, колебанія между страхомъ и надеждой, битва, которая разражалась у дверей и которой они сами служили призомъ, не видя даже сражающихся, — пушечные выстрѣлы, перестрѣлка, все это отзывалось въ сердцахъ плѣнниковъ; ружейный гулъ то удалялся, то приближался, то удалялся снова, какъ надежда, которая играетъ съ умирающимъ. Мысль объ опасности друзей, оставленныхъ во дворцѣ, — мрачная будущность, какую каждая минута готовила несчастнымъ и которой не предвидѣлось конца, — невозможность дѣйствовать и двигаться въ такую минуту, когда всѣ мысли побуждаютъ человѣка къ волненію, — стѣснительность разговора даже между собою, — безстрастная поза, къ которой обязывала плѣнниковъ заботливость о своемъ достоинствѣ, — боязнь, радость, отчаяніе, умиленіе и послѣдняя попытка, — взоры враговъ, постоянно устремленные на лица несчастныхъ, съ цѣлю уловить тамъ преступленіе, подъ видомъ душевнаго волненія, или насладиться мученіемъ жертвъ, — все это превратило долгіе часы, проведенные несчастной семьей въ засѣданіи, въ истинную агонію королевскаго сана. Паденіе было долгое, глубокое, ужасное, — паденіе съ трона на эшафотъ. Нигдѣ оно не было прочувствовано болѣе, какъ именно здѣсь. Ломаетъ человѣка первый ударъ, остальные только убиваютъ.

Если прибавить къ этимъ душевнымъ пыткамъ мученія физическія, вынесенныя несчастнымъ семействомъ, брошеннымъ послѣ безсонной ночи въ своего рода тюрьму, — душный воздухъ, выдыхаемый толпой въ три или четыре тысячи человѣкъ, сгущавшійся въ ложѣ и перехватываемый въ коридорѣ постороннею толпою, которая его еще ухудшала, если прибавить жажду, занимающееся дыханіе, струившійся съ лицъ потъ, взаимную нѣжность членовъ семьи, вслѣдствіе которой каждый изъ нихъ усиленно страдалъ за всѣхъ остальныхъ, то будетъ понятно, что этотъ день одинъ долженъ былъ удовлетворить всю месть противъ королевскаго сана, какая могла накопиться въ теченіе 14 вѣковъ.

9.

За исключеніемъ машинальнаго, судорожнаго аппетита, которому король удовлетворилъ въ началѣ засѣданія, члены королевской семьи вовсе не принимали пищи въ теченіе этого дня и половины ночи. Даже дѣти забыли голодь. Внимательное состраданіе нѣкоторыхъ депутатовъ и зрителей залы побуждало ихъ посылать пльникамъ отъ времени до времени плоды и нѣсколько стакановъ воды со льдомъ, чтобы утолить жажду несчастныхъ. Королева и сестра ея только омочили туда губы: все вниманіе ихъ было устремлено лишь на короля.

Послѣдній, облокотившись на передокъ ложи, какъ человѣкъ, присутствующій на большомъ спектаклѣ, казалось, уже свыкъ со своимъ положеніемъ. Онъ дѣлалъ разсудительныя и безучастныя замѣчанія относительно обстоятельствъ, предложеній, подачи голосовъ, доказывавшія полное отчужденіе отъ самого себя. Онъ говорилъ о себѣ, какъ о королѣ, жившемъ за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ: дѣйствія народа по отношенію къ себѣ онъ разбиралъ, какъ могъ бы разбирать дѣйствія Кромвеля и Долгаго парламента относительно Карла I. Сила самоотверженія, которою обладалъ король, сообщала ему это могущество безстрастія даже подъ остріемъ меча той партіи, которая его приносила въ жертву. Онъ часто обращался вполголоса къ депутатамъ, наиболѣе близкимъ и ему извѣстнымъ,—въ томъ числѣ къ Калону, инспектору залы, Кутару и Верньо. Ни цвѣтъ лица, ни взглядъ, ни поза не измѣнились у короля, когда онъ слушалъ бросаемыя ему оскорбленія и декретъ о его низложеніи. Паденіе короны Людовика XVI, казалось, не стоило самаго малаго движенія его головы. Видѣли даже, какъ тайная радость блеснула на его лицѣ сквозь серьезность и печальное настроеніе данной минуты. Король сильно вздохнулъ, какъ будто бы съ его сердца сняли тяжелое бремя. Власть для него составляла скорѣе обязанность, чѣмъ предметъ гордости. Низводя съ трона, короля только облегчали.

Принцесса Елизавета, равнодушная къ политической катастрофѣ, старалась только о томъ, чтобы внести сколько-нибудь ясности въ этотъ мракъ. Печальное соболѣзнованіе, выразившееся въ ея улыбкѣ, глубокая привязанность, блиставшая въ ея глазахъ сквозь слезы, открывали королю и королевѣ уголокъ внутренняго неба, гдѣ взоры довѣрчиво отдыхали послѣ столькихъ огорченій. Одна любящая душа, одинъ сочувствующій звукъ вознаграждаютъ за ненависть и оскорбленія всего народа: принцесса была само состраданіе, видимое и присутствующее рядомъ съ пыткой.

Королеву сначала поддерживала надежда на неуспѣхъ возстанія. Вздволнованная, какъ герой, при звукѣ пушки,—неустранимая, какъ сами вопли петиціонеровъ и трибунъ, королева отвѣчала имъ презрительнымъ взглядомъ; ея губы, казалось, покрывали враговъ презрѣніемъ; она непрерывно обращала выразительные взоры на офицеровъ своей стражи, наполнившихъ глубину ложи и коридоръ, спрашивая извѣстій о дворцѣ, о швейцарцахъ, о силахъ, какія у нихъ еще оставались, о положеніи близкихъ людей, оставленныхъ въ Тюльери, и особенно о своемъ другѣ, принцессѣ Ламбаль. Съ трепетомъ негодованія, но не блѣднѣя, узнала она объ убійствѣ Сюло во дворѣ фельяновъ, о ярост-

ныхъ крикахъ убійць, о стрѣльбѣ батальоновъ у дверей собранія, о шумныхъ приступахъ народа съ цѣлью завладѣть входомъ въ коридоръ и умертвить ее, королеву. Пока длилось сраженіе, она принимала въ немъ участіе своимъ волненіемъ и порывами. При послѣднихъ пушечныхъ выстрѣлахъ, слыша побѣдные крики народа, видя свои шкатулки, драгоценности, портфели, свои секреты выставленными и опозоренными на показъ всѣмъ, какъ останки ея самой и ея сердца, королева упала духомъ, оставалась неподвижною, но все-таки гордою. Она глотала свое пораженіе, она не принимала его съ покорностью, какъ король. Санъ составлялъ часть самой Маріи-Антуанеты; быть лишеннымъ его—для нея значило умереть. Декретъ о приостановкѣ королевской власти, произнесенный Верньо, равнялся для королевы удару топора. Она закрыла на минуту глаза и, повидимому, собиралась съ силами среди своего униженія; потому гордость несчастія блеснула на ея челѣ, какъ новая діадема. Королева собрала всѣ силы, чтобы стать выше своихъ враговъ, посредствомъ презрѣнія къ ихъ ударамъ: сама она больше ихъ не чувствовала, а страдала только за другихъ.

10.

Пятьдесятъ избранныхъ и вѣрныхъ людей проникли съ королемъ въ стѣны собранія. Они образовали стражу непосредственно вокругъ королевскаго семейства, въ коридорѣ, у дверей логи. Министры, нѣсколько штабъ офицеровъ, принцъ де-Пуа, Шуазель, Дезобье, де-Мальярдо, д'Обиньи, де-Вомениль, Карль, начальникъ жандармовъ, и нѣсколько слугъ лично короля, находились тамъ, на-сторожѣ, внимательные къ его приказаніямъ, готовые на смерть, чтобы сдѣлать около короля послѣднюю ограду изъ своихъ тѣлъ, если народу удалось бы завладѣть коридорами залы. Эти великодушные повѣренные мученій королевкой семьи сообщали ей, тихимъ голосомъ, извѣстія извнѣ. Мундиры національной гвардіи и арміи, надѣтые на этихъ людей, позволяли имъ ходить въ окрестностяхъ собранія и приносить своему государю извѣстія о событіяхъ дня.

Около шести часовъ бывшіе министры, вызванные декретомъ, печально простились съ королемъ и удалились, чтобы сдать свое управленіе и отправиться на слѣдующій день въ Орлеанскій судъ. Спустя немного, Мальярдо, командиръ швейцарскихъ войскъ, призванный комиссарами коммуны, былъ увлеченъ въ Аббатство. Д'Обиньи, вмѣшавшійся въ группы народа, которыя проверяли статуи королей на площади Людовика XV, и допустившій выразиться на своемъ лицѣ негодованію, былъ умерщвленъ на томъ самомъ памятникѣ, оскверненіе котораго оплакивалъ. Шуазель два раза рисковалъ жизнью, выходя, чтобы попытаться соединить швейцарцевъ, и входя обратно, чтобы прикрыть короля своею шпагой. Вскорѣ въ дверяхъ логи послышался сильный шумъ: король повернулъ голову и съ безпокойствомъ спросилъ о причинѣ этого смятенія. Начальникъ парижскихъ жандармовъ, Карль, устремился на шумъ. Онъ не возвратился. Король, обернувшійся, чтобы выслушать его отвѣтъ, съ ужасомъ узналъ о его смерти. Королева закрыла себѣ лицо руками. Каждое изъ приказаній плѣнниковъ приносило несчастье ихъ друзьямъ. Вокругъ короля

и его семьи становилось пусто, рѣзня сокращала ряды ихъ спутниковъ; смерть разила все ближе и ближе къ нимъ самимъ.

Сколько сердець, которыя бились за нихъ еще утромъ, къ вечеру уже похолодѣли! Темнота въ стѣнахъ собранія, зарево Тюльерійскаго пожара, отражавшееся на окнахъ и стѣнахъ манежа, волненія продолжительнаго засѣданія, ночь, всегда болѣе невыносимая, чѣмъ день,—все это погружало плѣнниковъ въ самыя мрачныя мысли. Могильное молчаніе царствовало уже нѣсколько часовъ въ ложѣ. Слышенъ былъ только шумъ проворныхъ перьевъ, обѣгавшихъ по бумагѣ въ рукахъ стенографовъ, которые отмѣчали изъ минуты въ минуту слова, жесты, ощущенія залы. Смердный блескъ свѣчей, освѣщавшихъ ихъ столы, позволялъ разсмотрѣть маленькаго дофина, который заснулъ на колѣняхъ королевы, подъ звуки декретовъ, отнимавшихъ у него и власть и жизнь.

11.

Спустя часъ послѣ полуночи, инспекторы залы пришли, чтобы проводить короля съ семействомъ въ помѣщеніе, какое было имъ наскоро приготовлено со времени обнародованія декрета о низложеніи. Конвоировали плѣнниковъ комиссары собранія и отрядъ національной гвардіи, который съ утра охранялъ ихъ безопасность. Офицеръ королевской свиты взялъ дофина изъ рукъ королевы и понесъ дремлющаго ребенка позади нея.

Это помѣщеніе, болѣе похожее на монастырь или темницу, чѣмъ на дворецъ, находилось въ верхнемъ этажѣ стараго монастыря фельяновъ, надъ бюро и комитетами собранія. Это были четыре комнаты, расположенныя одна за другой и выходящія всѣ одинаковыми дверями въ обширный коридоръ, который велъ въ кельи отшельниковъ. Самыя комнаты, необитаемыя со времени уничтоженія монашескихъ орденовъ, были голы и пусты, какъ вообще бываетъ жилье, хозяева котораго съ давняго времени разъѣхались. Архитекторъ собранія, по приказанію инспекторовъ залы, велѣлъ наскоро внести туда мебель, какая нашлась подъ рукою въ его собственной квартирѣ: столъ для обѣда, нѣсколько стульевъ, четыре деревянныя кровати безъ балдахиновъ для короля, королевы, дофина и его сестры; матрацы, разостланные на кирпичной подстилкѣ, послужили ложемъ принцессы Елизаветы и гувернантки дѣтей Франціи: это былъ боевой бивуакъ между двумя критическими днями, у дверей разграбленнаго дворца, подъ рукою побѣдителя-народа; своею скудною обстановкою такой бивуакъ достаточно напоминалъ королевской фамиліи, что съ этихъ поръ она стояла ближе къ тюрьмѣ, чѣмъ къ дворцу! Первую комнату, которая служила передней, занимали гг. де-Врижъ, д'Обье, де-Гогела, принцъ де-Пуа и герцогъ Шуазель. Они легли на плащахъ у дверей комнаты короля и послѣдніе охраняли его сонъ.

Король спалъ полудѣтый во второй комнатѣ. Лишенный ночнаго платья и туалетной мебели, разграбленныхъ изъ дворца, онъ обвязалъ себѣ голову салфеткой и легъ на изголовье безъ занавѣса. Королева съ дѣтьми заняла третью комнату. Принцесса Елизавета, г-жа де-Турзель и принцесса Ламбаль, присоединившаяся вечеромъ къ королевскому семейству, собрались въ комнатѣ, которая слѣдовала за комнатою королевы, и всю ночь бодрствовали, плача и молясь у ея дверей.

Высокій и обширный монастырь, къ которому примыкали эти комнаты, служилъ лагеремъ высшимъ офицерамъ, пятидесяти человѣкамъ стражи и служителямъ короля, Гю и Шамильи. Людовикъ XVI, его семейство и свита не прикоснулись въ этотъ вечеръ къ ужину, который имъ былъ приготовленъ. Послѣ интимнаго разговора, безъ свидѣтелей, между королемъ, королевой и принцессой Елизаветой, они легли, чтобы на нѣсколько минутъ заснуть. Тридцатичасовое бодрствованіе изнурило и душу и тѣло плѣнниковъ. Сонъ ихъ былъ коротокъ, пробужденіе ужасно.

12.

Королева открыла глаза при жгучихъ лучахъ солнца, которые проникали, по неизмѣнно занавѣса, до самой ея постели; при видѣ мрачныхъ крышъ, обнаженнаго окна, пустой комнаты, соломенныхъ стульевъ, одежды, почти нищенской, въ беспорядкѣ брошенной на мебель, она опять закрыла глаза, чтобы обмануть и попытаться убѣдить себя еще на минуту, что вчерашнія событія и ужасъ прошлаго дня были сномъ. Изъ этого полусна она была выведена присутствіемъ, голосомъ и ласками своихъ дѣтей. Принцесса Елизавета привела ихъ къ ея постели. Королеву увѣдомили, что приближается часъ застѣданія, и что собраніе требовало, чтобы королевская семья заняла тамъ свое вчерашнее мѣсто. Нѣсколько женщинъ королевы, которымъ инспекторы залы позволили утромъ пробраться къ ихъ госпожѣ, были въ то же самое время введены въ комнату. Проходя чрезъ коморку короля, онѣ увидѣли, что онъ сидѣлъ у своей постели и поправлялъ беспорядокъ своего головного убора. Ему стригли волосы. Король взялъ нѣсколько прядей и далъ ихъ этимъ вѣрнымъ спутницамъ королевы: это была щедрость уже только сердечная,—единственная, какая съ этихъ поръ оставалась въ его распоряженіи. Женщины хотѣли поцѣловать руку короля; онъ отнялъ ее и самъ поцѣловалъ ихъ. Фамиллярность несчастія сгладила разстояніе между королевскимъ семействомъ и его вѣрными слугами.

Эти женщины залились слезами, видя королеву Франціи лежащую на походной постели безъ другой прислуги, кромѣ иностранки, смотрительницы этого покинутаго монастыря. Бѣдная служанка, испуганная и растроганная величіемъ и несчастьемъ, какія были на ея глазахъ, старалась заботами и уваженіемъ искупить неловкость своихъ услугъ. Марія-Антуанета — протянула руки своимъ друзьямъ и разразилась рыданіями. Она долго была не въ состояніи ни смѣяться, ни говорить,—смутившись, краснѣя за свое униженіе, за свое паденіе предъ тѣми, которые ее видѣли еще вчера среди блеска и величія. „Подите сюда, несчастныя женщины“, сказала она наконецъ, „взгляните на женщину еще болѣе несчастную, потому что она причинила несчастіе вамъ всѣмъ“. Потомъ, обнимая дочь свою и дофина, которыхъ подвела г-жа де-Турзель, королева прибавила: „бѣдныя дѣти, какъ жестоко обѣщать имъ такое прекрасное наслѣдство и потомъ сказать: вотъ что мы имъ оставляемъ, все кончается съ нами!“

Затѣмъ королева освѣδοмилась, въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ, объ участи Полины де-Турзель, г-жи де-ла-Рошъ-Эймонъ, герцогини де-Люинъ и обо всѣхъ лицахъ ея двора, оставшихся послѣ нея въ Тюльери.

Смерть вѣрныхъ слугъ, убитыхъ на порогѣ комнаты королевы, сильно поразила ея сердце. Она удѣлила имъ искреннія слезы. Одѣваясь, королева рассказала свои впечатлѣнія въ теченіе вечерняго засѣданія. Въ полусловахъ ея проглядывала жалоба на недостатокъ природнаго достоинства, препятствовавшій королю, во время пребыванія въ рукахъ собранія, поддерживать свое величіе въ такой степени, какъ она желала бы, предъ лицомъ враговъ. Королева жалѣла, что ея мужъ удовлетворялъ своему голоду при публикѣ и такимъ образомъ выказался предъ народомъ человекомъ безпечнымъ и нечувствительнымъ, хотя и то и другое свойство были равно далеки отъ его сердца. Депутаты, приверженные къ королевской партіи, предупреждали королеву о дурномъ дѣйствіи, какое произведетъ подобное забвеніе королемъ его положенія; но зная, говорила она, бесполезность этихъ предупрежденій, безспильныхъ противъ грубой натуры короля, она не передавала ему о нихъ, чтобы къ столькимъ бѣдствіямъ не прибавлять еще униженія. Часы и кошелекъ королевы потерялись среди смятенія при переходѣ изъ дворца въ собраніе; она заняла часы у одной изъ своихъ дамъ и просила свою первую горничную, г-жу Ожье, ссудить ей 25 ливидоровъ на всякія случайности въ продолженіе плѣна.

Въ десять часовъ королевская фамилія вошла въ собраніе и оставалась тамъ до ночи. Вчерашнее торжество сдѣлало народъ требовательнымъ, а предложенія — болѣе кровавадыми. Петиціонеры осаждали рѣшетку, громко требуя крови швейцарцевъ изъ королевскаго конвоя, скрывшихся въ стѣнахъ зданія фельяновъ. Собраніе старалось отстоять эти 200 жертвъ у убійцъ. Сантерръ, вызванный Верньо, чтобы оказать покровительство плѣнникамъ, возвѣстилъ неизбѣжную рѣзню тѣхъ, которыхъ арестовали въ Булонскомъ лѣсу. Свирѣпыя голоса вопили у дверей, чтобы имъ отдали добычу! „Великій Боже! что за каннибалы!“ воскликнулъ Верньо.

Но къ этому скотскому реву звѣрей, алчныхъ до бойни, примѣшивались и черты народнаго великодушія. Сражающіеся взяли побѣжденных на свою отвѣтственность и посвятили себя ихъ спасенію. Мельгъ и Шабо, посланные, чтобы уговорить толпу, были встрѣчены криками: „долой ораторовъ!“ Была минута, когда собраніемъ овладѣлъ ужасъ; внѣшняя стѣна была сломана. Верньо, неустрашимый самъ по себѣ, боялся за жизнь короля. Инспекторы залы прибѣжали и увели королевскую фамилію въ коридоръ, чтобы въ случаѣ, если народъ проникнетъ въ залу съ оружіемъ, онъ не нашелъ подъ рукою своихъ жертвъ. Король, думая, что для него и его семейства наступила послѣдняя минута, заботился только о спасеніи своихъ слугъ. Онъ заклиналъ ихъ предоставить его судьбѣ и думать только о своей собственной безопасности. Но ни одинъ изъ нихъ не пожертвовалъ спасенію жизни своимъ долгомъ. Они остались тамъ, гдѣ честь и преданность повелѣвали имъ жить и умереть. Часовые заставили народъ отступитъ, явился поспѣшно Дантонъ и произвелъ впечатлѣніе на толпу авторитетомъ своего имени и неистовствомъ своихъ тѣлодвиженій. Онъ требовалъ отъ убійцъ не великодушія, а только терпѣнія. Услышавъ голосъ Дантона, люди съ пиками отсрочили свою жажду

крови. „Законодатели“, сказалъ Дантонъ, входя въ собраніе, „французская нація, утомленная деспотизмомъ, произвела революцію. Но, по избытку великодушія, она вступала въ переговоры съ тиранами“, прибавилъ онъ, бросая угрожающій взглядъ на то мѣсто, гдѣ король его слушалъ. „Опытъ научилъ ее, что нельзя надѣяться ни на какую перемѣну давнишнихъ притѣснителей народа. Нація вступить въ свои права... но тамъ, гдѣ начинается правосудіе, народная месть должна остановиться. Я принимаю, предъ національнымъ собраніемъ, обязательство покровительствовать людямъ, которые находятся въ его стѣнахъ. Я пойду во главѣ ихъ и отвѣчаю за нихъ!“

Произнеся эти послѣднія слова, Дантонъ бросилъ бѣглый, горделивый взоръ на королеву, какъ бы показывая, что подъ грубостью его рѣчи и подъ презрительнымъ видомъ скрывается тайное соглашеніе или гордое состраданіе.

14.

Собраніе и трибуны покрыли слова Дантона рукоплесканіями. На улицѣ народъ восклицаніями одобрилъ обѣщаніе своего любимца, и швейцарцы были спасены до 2 сентября. Дантона замѣнилъ Петіонъ. Освободившись отъ своего притворнаго ареста, онъ явился, чтобы опять получить себѣ у коммуны власть, которую обладалъ уже только по имени. Полезный возстанію еще наканунѣ, онъ теперь уже становился для него докучливымъ. Предъ собраніемъ Петіонъ показывать видъ, что вѣрить еще въ свое могущество, которое у него ускользало. Когда работа кончена, инструментъ ломаютъ. Петіонъ былъ только боязливымъ сообщникомъ выполненнаго заговора, — популярнымъ болванчикомъ, выставленнымъ противъ короля; когда король исчезъ, въ Петіонѣ больше не было надобности. Напрасно пытался онъ умѣрить требованія комиссаровъ коммуны и возвратить власть къ ея законному центру, т. е. къ собранію. Всевластная коммуна посылала законодательному собранію, подъ видомъ просьбъ, приказанія. Жирондисты, подобно Петіону, были не болѣе, какъ почетными вождями революціи, которая ихъ опередила.

Наканунѣ они постановили, что Людовикъ XVI, на время отрѣшенія, будетъ жить въ Люксембургскомъ дворцѣ. Но этотъ дворецъ слишкомъ напоминать верховную власть, образъ которой коммуна хотѣла удалить съ глазъ народа. Она представила законодательному собранію, что невозможно отвѣчать за короля въ такомъ обширномъ жилищѣ, находящіяся подъ которымъ огромныя подземяя могутъ благопріятствовать бѣгству или заговорамъ. Собраніе, чтобы спасти тѣнь независимости своихъ рѣшеній, передало комиссіи полномочіе предписать королю мѣсто жительства. Эта комиссія постановила, что плѣнная семья займетъ отель министра юстиціи, на Вандомской площади. Но и этотъ отель, находясь въ центрѣ Парижа, — на площади, гдѣ происходили смотры войскъ, все еще слишкомъ много могъ наводить умы на мысль о могуществѣ, которое опасно было показывать солдатамъ и народу. Коммуна отказалась исполнить этотъ декретъ. Манюэль заявилъ отъ ея имени требованіе, чтобы жилищемъ короля-заложника былъ назначенъ Тамплъ, удаленный отъ всякихъ воспоминаній и отъ городскихъ волненій. Собраніе уступило. Выборъ

Тампля показывалъ, какое толкованіе давала коммуна вчерашнимъ событіямъ: вмѣсто простаго жилища, королю назначили тюрьму.

15.

Жирондисты только пріостановили королевскій санъ, коммуна его низвергала. Роланъ и его друзья хотѣли подготовить себѣ опору противъ всемогущества ратуши учрежденіемъ департаментскаго совѣта, къ которому и должны были перейти вліяніе и надзоръ, какія конституція предоставляла этому совѣту относительно муниципалитета. Это предложеніе жирондисты велѣли внести одному изъ самыхъ безвѣстныхъ своихъ приверженцевъ, чтобы скрыть руку, которая наносила ударъ. Но коммуна поняла, въ чемъ дѣло, и предупредила ихъ. Три раза въ теченіе дня муниципальный совѣтъ посылалъ просить,— сначала смиренно, потомъ съ твердостью, наконецъ, нагло,—просить отмѣны декрета, посягавшаго на его всемогущество. Последнее сообщеніе было короткимъ и угрожающимъ, какъ повелѣніе верховной власти. Муниципалитетному совѣту повиновались.

Потомъ явились другія депутаціи отъ коммуны съ требованіемъ учрежденія военнаго суда, чтобы отомстить за кровь народа. Видя, что собраніе уклонилось отъ прямого отвѣта, ораторъ коммуны холодно прибавилъ: „если этотъ декретъ не будетъ внесенъ, то мы обязаны подождать его!“ Робеспьеръ, отъ имени отдѣла Вандомской площади, явился у рѣшетки: „народъ“, сказалъ онъ, намекая на низверженіе статуй королей на публичныхъ площадяхъ, „когда тираннія повержена на землю, берегись давать ей время подняться. Мы видѣли паденіе статуи деспота; нашею первою мыслью было воздвигнуть на ея мѣстѣ монументъ въ честь свободы. Граждане, которые умираютъ, защищая отечество отъ внѣшнихъ враговъ, должны стоять во второмъ ряду; въ первомъ стоять тѣ, которые умираютъ за освобожденіе его внутри“.

Наконецъ пруссакъ Анахарсисъ Клотцъ,—странствующій философъ, распространявшій по свѣту свое ученіе,—для чего не жалѣлъ одушевленного слова, имущества, даже своей крови,—первый повѣдалъ національному собранію во имя человѣчества, какой отголосокъ произвели событія 10-го августа на умы народовъ, нетерпѣливо выносящихъ рабство. Клотцъ доводилъ свою страстную привязанность къ человѣчеству до бреда. Но это былъ бредъ надежды и возрожденія. Скелтики находили его смѣшнымъ, патріоты—пошлымъ, политики—утопистомъ. Однакожъ, Клотцъ ошибался только до времени, утопія часто бываетъ лишь преждевременной истиной. Умы, взволнованные только что пережитымъ потрясеніемъ и фанатизированные надеждою, увлекались самой идеальной перспективой. Философа выслушали снисходительно, и лучезарныя идеи, блиставшія въ его рѣчи, какъ радуга на окружающемъ кровавомъ горизонтѣ, прервали на нѣсколько минутъ борьбу партій и пріостановили топоръ убійцы.

16.

Послѣ этого второго дня королевская семья была опять отведена въ зданіе фельяновъ. Проявленіе состраданія и привязанности къ плѣнникамъ, вызываемая людьми изъ ихъ конвоя, встревожили коммуны и якобинцевъ. Сантерръ

смѣнили этихъ караульныхъ и избралъ для королевской стражи людей, недоступныхъ снисхожденію и непримиримыхъ съ низложеннымъ тираномъ. Грубыя ухватки, суровость часовыхъ открыли королю эту перемену. Жирондистъ Гранжневъ, членъ наблюдательнаго комитета, бюро котораго находилось въ томъ же монастырѣ, гдѣ и комнаты короля, также встревожился почтительностью и умиленіемъ немногочисленныхъ друзей, окружавшихъ королевскую семью. Ему пришло на мысль, что тутъ существуетъ проектъ похищенія; Гранжневъ сообщилъ о томъ своимъ товарищамъ. Самою подозрительною изъ тиранній бываетъ тираннія наиболѣе недавняя. Комитетъ раздѣлялъ или притворился, что раздѣляетъ страхъ Гранжнева. Онъ приказалъ удалить всѣхъ лицъ, не принадлежавшихъ къ числу непосредственной прислуги плѣнниковъ. Это приказаніе встревожило великодушныхъ куртизановъ несчастія. Король велѣлъ призвать депутатовъ-инспекторовъ залы. „Итакъ, я плѣнникъ, господа!“ сказалъ онъ имъ съ горечью, „Карлъ I былъ счастливѣе меня; ему оставили друзей до самаго эшафота“. Инспекторы потупились. Это молчаніе говорило краснорѣчивѣе ихъ самихъ.

Пришли просить короля пройти въ залу, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ. Друзьямъ плѣнниковъ позволили туда послѣдовать. Это былъ послѣдній день, когда королю и королевѣ прислуживали за столомъ, съ придворнымъ этикетомъ, стоя, пять человекъ дворянъ: тутъ этикетъ былъ трогателенъ потому, что онъ сдѣлался добровольнымъ, почтительность удваивалась съ несчастіемъ. Нѣмая печаль омрачала этотъ послѣдній пиръ. Какъ господа, такъ и добровольные слуги знали, что расстаются навсегда. Король ничего не ѣлъ. Онъ умышленно замедлялъ время окончанія ужина, — чтобы продлить минуты, въ которыя ему еще позволялось видѣть дружественныя лица. Такое долгое прощаніе утомило терпѣливыхъ офицеровъ стражи. Надо было пресѣчь этотъ разговоръ. Король зналъ, что пятеро дворянъ подвергались опасности быть арестованными внизу лѣстницы. Тревога за ихъ участь усиливала ужасъ его собственнаго положенія. Наконецъ, залившись слезами, смотря на своихъ друзей, король попытался говорить, но волненіе дѣлало его нѣмымъ. „Разстанемся“, сказала имъ королева, „только съ этой минуты мы начинаемъ чувствовать всю горечь своего положенія. До сихъ поръ вы прикрывали насъ своимъ уваженіемъ и улаживали нашу участь своею заботливостью. Пусть Богъ вамъ заплатитъ за...“ Тутъ рыданія прервали ея голосъ. Королева велѣла обнять своихъ дѣтей послѣднимъ слугамъ своей семьи. Непоколебимые стражи вошли и торопили кончать свиданіе. Дворяне спустились по потайной лѣстницѣ. Они вышли одинъ по одному, въ чужихъ платьяхъ, чтобы затѣяться незамѣченными въ толпѣ.

17.

Адъютантъ Лафайета, Роганъ-Шабо, провелъ два дня и двѣ ночи у дверей короля, въ одеждѣ простаго національнаго гвардейца. Узнанный и арестованный при выходѣ изъ зданія фельяновъ, онъ былъ брошенъ въ тюрьму аббатства, которая открылась только передъ сентябрьскими убійцами. Королева, принцесса Елизавета, дѣти Франціи, лишенные всего разграбленіемъ Тюльери,

получили отъ жены англійскаго посланника бѣлье и женское платье, необходимое, чтобы сколько-нибудь сохранить приличіе въ ихъ положеніи. Королевское семейство провело еще полтора дня въ ложѣ стенографа. Казалось, что народъ, какъ жестокой триумфаторъ, хотѣлъ дольше насладиться мученіемъ и позоромъ королевскаго сана. Оставленные одни, безъ друзей въ эти послѣдніе дни, плѣнники не имѣли свидѣтелей своей горести и позора, но не имѣли также и утѣшенія. Сердца ихъ, утомленные оскорбленіями, не могли даже отдохнуть на какомъ-нибудь состраданіи. Смотря другъ на друга, они взаимно могли передать только тотъ же ужасъ и тѣ же слезы.

Въ понедѣльникъ, въ три часа Петіонъ и Манюэль явились въ двухъ экипажахъ, чтобы отвезти плѣнниковъ въ Тампль. Коммуна могла перевезти ихъ ночью, но она именно хотѣла, чтобы этотъ переѣздъ изъ Тюльери въ тюрьму совершился среди бѣлаго дня, медленнымъ шагомъ, по самымъ многочисленнымъ кварталамъ, чтобы приниженіе королевскаго сана обладало и наружностью и значеніемъ позорной выставки осужденныхъ передъ казнью. Петіонъ и Манюэль находились въ королевскомъ экипажѣ. Безчисленная толпа образовала шпалеру отъ дверей зданія фельяновъ до воротъ Тампля. Презрительныя взгляды, движенія, обидные возгласы, насмѣшливый смѣхъ,—самое низкое изъ оскорбленій,—не прерывались въ теченіе всего поѣзда. Слабость женщинъ, невинность дѣтей напрасно умиляли собою нѣкоторые боязливые взоры: умиленіе надо было скрывать, какъ измѣну. Обыкновенно Петіонъ предводительствовалъ подобными триумфальными процессіями при королевскомъ низложеніи. Онъ же видѣлъ короля захваченнымъ 20-го іюня, съ красной шапкой на головѣ, во дворцѣ, и поздравлялъ народъ, распуская его. Опять тотъ же Петіонъ везъ короля на послѣдній его роздыхъ передъ казнью. Онъ не скрылъ отъ короля ни одной капли горечи этой дороги. Онъ не прикрылъ ни одного изъ признаковъ королевскаго паденія. Напротивъ, Петіонъ провелъ короля сквозь всю полноту его униженія, чтобы тотъ вдоволь насытился своимъ позоромъ. При проѣздѣ черезъ Вандомскую площадь, Петіонъ обратилъ вниманіе короля на низвергнутую статую Людовика XIV, усыпавшую своими осколками городъ, гдѣ онъ самъ такъ долго царствовалъ. Народъ не желалъ больше имѣть короля, даже въ воспоминаніи. Эмблемы королевскаго сана повсюду были уничтожены или обезображены при проѣздѣ экипажей. Рука народа, такимъ образомъ, заранѣе изглаживала учрежденіе, относительно котораго собраніе еще не высказалось. 10 августа было только неяснымъ декретомъ о побѣдѣ, который парижская коммуна поспѣшила истолковать въ смыслѣ заточенія короля. Возвратъ изъ тюрьмы къ трону былъ невозможенъ. Коммуна это и хотѣла показать. Людовикъ XVI также это понялъ и когда, послѣ двухъ часовой ѣзды, экипажи покатались подъ сводами двора, Тампля, онъ мысленно отказался отъ трона и приготовился къ эшафоту.

XXIV.

Жирондисты принуждены отказаться отъ власти.—Настроение арміи.—Лафайетъ оставляетъ отечество.—Дюмурье присягаетъ націи.—Кутонъ.—Вестерманъ посланъ Дантономъ къ арміи.—Дюмурье замѣняетъ Лафайета въ арміи.—Онъ пріобрѣтаетъ довѣріе войскъ.—Парижская коммуна присвоиваетъ себѣ исполнительную власть.—Учрежденіе уголовного трибунала.—Марать поддерживаетъ идею объ истребленіи враговъ народа.—Дантонъ ее выполняетъ.

1.

Пока королевская семья, достигнувъ предѣла столькихъ волненій, собиралась съ духомъ за стѣнами Тампля и устраивалась въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, собраніе, чрезъ посредство Гаде, обнародовало правила, по которымъ предстояло созвать конвентъ и сдѣлать воззваніе къ прямому и единодушному самодержавію народа. Первоначальныя собранія, по этимъ правиламъ, состояли изъ всѣхъ французовъ свободнаго состоянія и достигшихъ 21 года отъ роду. Они должны были собраться 26-го августа и дать своимъ представителямъ верховное полномочіе, независимое отъ всякой предыдущей конституціи. Конвенту назначено было собраться 20-го сентября. Національное собраніе и назначенная недавно исполнительная власть оставлены были только на время междувлестія, съ 12-го августа до 20-го сентября.

Такимъ образомъ, торжество жирондистовъ привело непосредственно къ ихъ отреченію. Собраніе, въ которомъ они господствовали, чувствовало себя слабымъ въ виду событія, совершить которое оно не имѣло смѣлости, а помышлять такому событію—собраніе не имѣло права. Оно удалилось и возвратило народу полномочія, которыя отъ него получило. Движеніе было неудачно въ рукахъ собранія. Оно предоставило правленіе жребію и бросило Францію на произволъ случая. Невѣрное конституціи, отказывая въ поддержкѣ королевскому сану, боязливое въ виду республики, собраніе не имѣло ни плана, ни политики, ни смѣлости. Оно дало всѣмъ партіямъ право презирать себя. Исторія будетъ судить это собраніе строже, чѣмъ какое-нибудь другое изъ собраній, олицетворявшихъ революцію. Находясь между учредительнымъ собраніемъ и національнымъ конвентомъ, законодательное собраніе вышло блѣднымъ въ сравненіи съ этими двумя великими горнилами—философскаго свѣта и революціонной воли націи. Законодательное собраніе не низвергло и не основало ничего; оно лишь пособляло всему падать. Отъ своихъ предшественниковъ оно получило дѣло охраны конституціи, реформы королевскаго

сана, защиты страны. Удаляясь, оно оставило Францію безъ конституціи, безъ короля, безъ арміи. Собраніе исчезло среди смятенія. Единственными слѣдами его были развалины. Слѣдуетъ ли обвинять за это затрудненія того времени? Но развѣ время было легче и обстоятельства удобнѣе для учредительнаго собранія, въ эпоху присяги въ Мячевомъ Залѣ, въ день 14-го іюля, въ октябрьскіе дни, во время бѣгства короля? Развѣ обстоятельства были благоприятнѣе для конвента, когда онъ появился среди анархіи, при провозглашеніи республики, при занятіи непріятелемъ Шампани, при возстаніи въ Вандеѣ, при осадѣ Люона? Очевидно, нѣтъ; но эти крайнія затрудненія встрѣтили и въ учредительномъ собраніи и въ конвентѣ политику и волю, стоявшія въ уровень съ чрезвычайными обстоятельствами. Отчего же такое различіе между двумя политическими организмами, составленными изъ одного и того же народа и дѣйствовавшими въ одну и ту же эпоху? Позволимъ себѣ сказать: это потому, что законодательное собраніе, назначенное подъ вліяніемъ ненависти къ аристократіи и недовѣрія къ народу, и избранное между тѣми средними, умѣренными партіями, которыя,—въ эпохи кризисовъ—служатъ только отрицаніемъ добра и зла,—что это собраніе не обладало, въ своихъ составныхъ частяхъ ни политическимъ смысломъ высшихъ классовъ, ни патріотическимъ духомъ народа. Учредительное собраніе было представителемъ мысли Франціи, конвентъ былъ представителемъ страстной преданности массъ отечеству. Законодательное собраніе представляло только интересы и тщеславіе промежуточныхъ классовъ. Составляя выраженіе частной, но эгонистической въ своихъ привычкахъ буржуазіи, оно—во время этого великаго кризиса—внесло въ правительство лишь посредственнаго уровня мысли, тщеславныя страсти и мелкое благоразуміе той части націи, добродѣтелью и порокомъ которой служить боязливость. Собраніе умѣло писать и говорить, но не умѣло дѣйствовать. У него были ораторы, но не было государственныхъ людей. Мирабо въ учредительномъ собраніи былъ высшимъ выраженіемъ той аристократіи, которая, просвѣтившись первою, въ высшихъ рядахъ націи, высокимъ свѣтомъ своей эпохи, добивается славы распространять этотъ свѣтъ въ народѣ, дѣлается революціонною изъ величія духа и популярною изъ гордости. Дантонъ, Робеспьеръ были ужасающимъ выраженіемъ страстей народа, который едва освободился и хочетъ во что бы ни стало сохранить для будущаго свою революцію, и который не останавливается предъ интересомъ изъ-за идеи, предъ жизнью изъ-за принципа. Бриссо, Жансонне, Гаде были не болѣе, какъ говорунами, иногда высокими, но всегда безсильными. Опредѣленной цѣли они не имѣли или постоянно ставили эту цѣль то слишкомъ далеко, то слишкомъ близко. Они сообщали революціи импульсъ то слишкомъ слабый, то слишкомъ сильный, который ихъ самихъ оставлялъ позади своей мысли или же заставлялъ заходить дальше ея. Эти люди желали власти и сами ее подрывали, боялись анархіи—и интриговали въ ея пользу, хотѣли республики—и ее откладывали. Нація потеряла терпѣніе отъ ихъ нерѣшительности, которая ее губила; нація сама проложила себѣ дорогу, и они исчезли.

10-го августа государственнымъ дѣятелемъ былъ болѣе самъ народъ, чѣмъ его вожди. Кризисъ былъ неизбѣженъ, потому что все погибало въ рукахъ

этих законодателей, которые хотѣли движенія безъ потрясеній, свободы безъ пожертвованій, монархіи безъ королевскаго достоинства, республики безъ колебанія, революціи безъ гарантій, силы народа безъ его вмѣшательства, — хотѣли патріотизма, но безъ того лихорадочнаго энтузіазма, который сообщаетъ націямъ бредъ и силу отчаянія. Народъ не могъ, не впадая въ безсмысліе, допустить продолжаться такому состоянію противорѣчій. Франція шла къ гибели. Собраніе не брало въ свои руки руля. Народъ схватился за него съ тѣмъ инстинктивнымъ пониманіемъ обстоятельствъ, и съ тою смѣлою рѣшимостью, которая рискуетъ всѣмъ для спасенія, когда грозитъ неминуемая гибель. Механизмъ конституціи больше не дѣйствовалъ. Проблескъ сознанія показалъ народу, что поправить этотъ механизмъ уже нельзя. Народъ разбилъ его; это и было 10-го августа.

Слезы, кровь, преступленія этого дня не столько падаютъ на народъ, который совершилъ событія 10-го августа, сколько на собраніе, которое сдѣлало этотъ день неизбежнымъ. Если бы законодательное собраніе обладало полнымъ пониманіемъ событій, если бы оно взяло диктатуру, прикрыло конституцію, отрѣшило и удалило короля, учредило опеку надъ королевскимъ саномъ въ продолженіе кризиса, оно могло предупредить вмѣшательство народныхъ пикъ, предохранить монархическую форму, вооружить націю, оградить границы страны, — сберечь кровь, пролитую 10-го августа и 2-го сентября, не опечаливать Францію эшафотомъ ея короля. Слабость собранія вызвала неистовства и ярость народа. Несчастье государству, когда глава націи не беретъ на себя обдуманной инициативы великихъ рѣшеній, а оставляетъ ее возстанію! То, къ чему прикоснется народъ, будетъ всегда разбито насиліемъ или запятнано кровью. Національное собраніе стояло ниже наступившаго кризиса. Оно обладало талантомъ, знаніями, патріотизмомъ, даже добродѣтелями, необходимыми для основателей свободы; оно не имѣло только ихъ характера. Характеръ служить душою дѣйствія, его гениемъ. Эти же люди обладали только гениемъ слова и гениемъ смерти. Хорошо поговорить и хорошо умереть — такова была ихъ судьба.

2.

Отголосокъ 10-го августа почувствовался въ цѣлой Франціи и во всей Европѣ. Иностранные кабинеты и эмигранты, — какъ ни оплакивали катастрофу, заточеніе короля, ободреніе, какое торжествомъ парижскаго народа давалось революціонному духу — однакожь, втайнѣ радовались судорожнымъ потрясеніямъ, въ которыхъ Франція, повидимому, погибала. Междоусобная война была самымъ сильнымъ союзникомъ внѣшней войны. Анархическое правительство собранія было наименѣе способно вести національную войну. Франція, безъ вождя, безъ единства, безъ конституціи, должна была пасть, теряя одинъ свой членъ за другимъ, предъ силами коалиціи. Притомъ такой скандалъ, какъ насиліе дворцу, рѣзня стражи, униженіе королевской фамиліи возстаніемъ, — отнималъ всякій предлогъ къ медлительности и выжиданію у тѣхъ изъ державъ, которыя еще колебались.

Вызовъ былъ брошенъ Францію всѣмъ монархіямъ: надо было или его

принять или объявить всѣ европейскіе троны безсильными держаться противъ духа смуты и возстанія, который могъ сдѣлаться побѣдителемъ вездѣ, если уже сдѣлался побѣдителемъ въ Парижѣ. Даже Англія, до тѣхъ поръ столь благосклонная къ реформѣ, совершавшейся во Франціи, начинала смотрѣть съ непріязнью на это движеніе умовъ, которое опередило предѣлы и форму ея собственной конституціи. Франція, бросившись въ неизвѣстность, отчуждала отъ себя всѣ сочувствія и надежды, какія до тѣхъ поръ ее сопровождали. Призывный набатъ троновъ гудѣлъ въ Парижѣ. Коалиція и эмигранты отвѣчали на него, приближаясь къ границамъ. Самъ герцогъ Брауншвейгскій исполнился увѣренностью, сосредоточилъ свои силы и началъ движеніе.

3.

Внутри страны, событіе 10-го августа получило общее одобреніе на сѣверѣ, востокѣ и югѣ Франціи. Только селенія Вандей взволновались, и въ нихъ разразились нѣкоторые симптомы междоусобной войны. Въ другихъ мѣстахъ повсюду встревоженные роялисты и конституціонисты скрывали свое предчувствіе и свою горестъ. Жирондисты и якобинцы соединились, съ цѣлью способствовать выбору въ конвентъ первоначальными собраніями людей крайнихъ, античнаго характера, непримиримыхъ враговъ королевскаго сана. Франція понимала, что время боязливыхъ совѣтовъ для нея прошло и что единственную охрану отечества оставались штыки. Какъ въ совѣтахъ, такъ и на границахъ страны ей нужны были такіе люди, которые не стали бы оглядываться назадъ. Франція искала такихъ людей, нашла, избрала ихъ. Единственнымъ полномочіемъ, какое она имъ дала, было благо націи и спасеніе свободы.

Армія, командуемая конституціонными генералами и офицерами, еще преданными королю, приняла съ оцѣнѣніемъ неожиданное извѣстіе о низверженіи конституціи и о торжествѣ якобинцевъ. Было нѣсколько минутъ колебанія, которыми искусный и популярный предводитель могъ бы воспользоваться, чтобы увлечь армію противъ Парижа; но побѣда не дала еще ни одному генералу права не повиноваться народному движенію. Главнокомандующій, старый Люкнеръ, на вопросъ муниципалитета и клуба въ Мецѣ о томъ, къ какой партіи онъ присоединитъ армію, пробормоталъ неопредѣленное одобреніе парижскаго переворота. На слѣдующій день, получивъ отъ своего помощника, Лафайета, противоположное мнѣніе, онъ перемѣнилъ выраженіе и держалъ рѣчь къ своимъ войскамъ, съ цѣлью предохранить ихъ противъ возбудителей беспорядка, какіе придутъ изъ Парижа. Старый, механическій военный служака, неспособный понимать что-нибудь въ политикѣ, Люкнеръ, какъ дитя, лепеталъ то, что ему внушали. Прибытіе комиссаровъ собранія, посланныхъ къ арміямъ, чтобы ихъ просвѣтить относительно совершившихся событій и соединить между собою, заставило Люкнера въ третій разъ перемѣнить образъ выраженій.

Въ Валансьеннѣ генералъ Диллонъ въ дневномъ приказѣ провозгласилъ, что конституціи сдѣлано насиліе и что клятвопреступники подлежатъ наказанію. Нѣсколько дней спустя, Диллонъ отрекся отъ этого мнѣнія въ письмѣ къ собранію. Монтескье, въ южной арміи, мягко высказался за охраненіе конституціи. Въ Страсбургѣ мэръ Дитрихъ, генералъ Викторъ де-Брольи и Каф-

фарелли дю-Фальга пришли въ негодованіе отъ покушенія на неприкосновенность короля. Генералъ Биронъ, другъ герцога Орлеанскаго, поддерживаемый страсбургскими якобинцами, подавилъ зародышъ возстанія и отдалъ свою армію той сторонѣ, которая была побѣдительницей. Одинъ только Лафайетъ принялъ опредѣленное рѣшеніе и занялъ политическое положеніе.

4.

Военная квартира Лафайета была въ Седанѣ, главномъ пунктѣ Арденнъ. Онъ узналъ о событіяхъ 10 августа чрезъ офицера своей арміи, который, находясь въ Парижѣ во время сраженія, успѣлъ выбраться за заставу и успѣшили увѣдомить своего генерала о рѣзні и декретахъ этого дня. Лафайетъ, обойденный этимъ движеніемъ, считъ себя достаточно сильнымъ, чтобы остановить его посредствомъ федераціи изъ своей арміи и департаментовъ. За нимѣніемъ центральной власти, которой онъ могъ бы законно повиноваться, генералъ просилъ приказаній у правителей Арденнскаго департамента. Проектъ Лафайета состоялъ въ образованіи чего-то въ родѣ конгресса соединенныхъ департаментовъ. Ядрою этой федераціи для Лафайета предполагались три департамента—Арденнъ, Эны и Мааса,—на настроеніе которыхъ генералъ, по видимому, рассчитывалъ. Лафайетъ мало вѣрилъ въ успѣхъ, но вѣрилъ въ свою обязанность и выполнялъ ее больше какъ гражданинъ, нежели какъ глава партіи. Собраніе, узнавъ объ этихъ колебаніяхъ арміи, послало комиссаровъ, чтобы вырвать ее изъ рукъ подозрительныхъ генераловъ.

Лафайетъ, несмотря на великодушіе своего характера и на свою преданность закону, слишкомъ много, для вождя партіи, полагался на могущество закона. Въмѣсто того, чтобы увлечь свои войска порывистымъ движеніемъ, онъ оставилъ ихъ размышлять неподвижными. Ихъ энтузіазмъ къ нему и преданность конституціи заглохли среди этого колебанія. Отрѣшенный собраніемъ 19-го августа, Лафайетъ понялъ, что счастье его оставило, прежняя популярность была подавлена, и что революція, ускользнувшая изъ его рукъ, обратится противъ него самого. Онъ рѣшился оставить отечество и самъ себя осудилъ на изгнаніе. Александръ Ламетъ, два брата Латуръ-Мобуръ, Бюро де-Пуэзи, патріотъ, человѣкъ военный и выдающійся изъ общаго уровня политическій дѣятель, адъютанты и нѣсколько офицеровъ сопровождали Лафайета въ его бѣгствѣ. Лафайетъ предполагалъ пробраться въ Голландію, а оттуда въ Америку. Послѣ ночной ходьбы онъ попалъ въ непріятельскій отрядъ. Узнанный, онъ былъ отведенъ въ Намюръ; имя Лафайета было его преступленіемъ въ глазахъ императорскихъ генераловъ. Глава французской инсurreкціи, протекторъ Людовика XVI, народный генералъ Парижа составлялъ добычу слишкомъ неожиданную и слишкомъ блестящую, чтобы союзные короли могли великодушно позволить ему удалиться съ поля сраженія. Лафайетъ, разлученный со своими друзьями, перетаскиваемый изъ крѣпости въ крѣпость, пока не добрался до Ольмюккаго каземата, перенесъ долгую, ненавистную неволю съ терпѣніемъ, свойственнымъ убѣжденію. Онъ сдѣлался мученикомъ свободы, которой сперва былъ героемъ; начиная съ этого дня публичная жизнь Лафайета прерывается на тридцать лѣтъ. Революція призвала его на

сцену исторіи. Друзья и недруги генерала впоследствии нашли въ немъ тѣ же принципы, тѣ же добродѣтели,—тѣ же великодушныя иллюзіи.

5.

Добровольное изгнаніе Лафайета и подчиненіе его корпуса новой власти вывели собраніе изъ тревоги относительно настроенія войскъ, но заставили бояться за положеніе границъ. Жирондисты, вступившіе въ министерство въ лицѣ Сервана, Клавьера и Ролана, предвидя свою близкую борьбу съ якобинцами, поняли важность дать арміи такого вождя, который гарантировалъ бы имъ въ одно и то же время и побѣду надъ вѣнскимъ врагомъ и опору противъ враговъ внутреннихъ. У старыхъ товарищей Дюмуре вражда къ этому генералу отступила предъ высокимъ мнѣніемъ, какое онъ въ нихъ составилъ о своихъ талантахъ. Со своей стороны Дюмуре, съ обычною вѣрностью своего глазомѣра, изслѣдовалъ и обсудилъ событіе 10-го августа. Политическіе кризисы не возвращаются по обратному пути, пока сами собой не истощатся или не закончатъ свое развитіе. Кризисъ сдѣлалъ лишній шагъ впередъ, нужно было сдѣлать этотъ шагъ вмѣстѣ съ нимъ; иначе, люди не рѣшительные могли остаться позади. Дюмуре оплакивалъ несчастіе короля; но, отказавъ націи въ присягѣ, онъ губилъ себя, не спасая Людовика XVI. Притомъ, какая бы ни была форма правленія, отечество все-таки оставалось отечествомъ! Спасти отечество—водъ единственная политика, какая въ подобную минуту пригодна была для солдата. Поле битвы было дорогою къ власти. Пока другіе генералы боролись съ необходимостью или дѣлали безсильныя попытки сопротивленія, Дюмуре, запершись въ своемъ лагерѣ, близъ Валансьенна, смѣло отказалъ въ повиновеніи Диллону, не согласился, чтобы его лагерь принесъ старую присягу королевской особѣ и объявилъ себя въ распоряженіи совершившихся событій. Немедленно завязалась тайная переписка между генераломъ и его старыми товарищами, Серваномъ, Роланомъ, Клавьеромъ. Жирондисты поздравляли себя съ пріобрѣтеніемъ на свою защиту такой головы и такой руки. Съ другой стороны, якобинцы также завязали съ Дюмуре сношенія, которыя порождены были случаемъ и изъ которыхъ ловкій генералъ извлекалъ выгоду для своей карьеры.

6.

Молодой Кутонъ, другъ Робеспьера и депутатъ Оверни въ законодательномъ собраніи, въ это время пользовался купаньями въ Сентъ-Амандѣ. Сентъ-Амандъ находился у воротъ Валансьенна, въ сосѣдствѣ съ лагеремъ Дюмуре. Генералъ и депутатъ встрѣчались и часто разговаривали. Пылъ Дюмуре, какъ бы оцѣплялъ тѣхъ, кто къ нему приближался. Кутонъ былъ очарованъ увлекательнымъ гениемъ Дюмуре, какъ прежде Жансонне. Кутонъ въ лицѣ генерала угадалъ спасителя отечества.

Кутонъ, молодой адвокатъ изъ Клермона, доводилъ свою вѣру въ революцію до фанатизма еще прежде, чѣмъ былъ посланъ въ національное собраніе, а потомъ въ конвентъ. Фанатизмъ Кутона, сначала тихій и мечтательный, впоследствии сдѣлался кровожаднымъ. Пламенная натура Кутона, полная любви

къ человѣчеству и надежды на него, сдѣлалась кратеромъ внутренняго волкана, клокотавшаго въ груди Кутона противъ враговъ его идей. Чѣмъ прекраснѣе мечты человѣка, тѣмъ больше онъ раздражается противъ всего того, что имъ противорѣчитъ. Кутонъ былъ философъ. Лицо его отличалось граціозностью, взоръ былъ ясенъ, разговоры носили печать серьезности и меланхолии. Молодая женщина и ребенокъ, окружавшіе Кутона, питали собою нѣжность его сердца и утѣшали несчастнаго въ его болѣзненномъ состояніи: Кутонъ былъ лишенъ употребленія ногъ. Причина этой болѣзни привлекала общій интересъ къ несчастію Кутона: онъ лишился ногъ изъ-за любви. Проѣзжая въ темную зимнюю ночь по болотистой долигѣ Оверни, чтобы тайкомъ поговорить съ молодой дѣвушкой, которую любилъ, Кутонъ въ темнотѣ сбился съ дороги. Просидѣвъ до утра въ ледяной грязи, которая больше и больше подавалась внизъ подъ тяжестью его тѣла, онъ всю ночь боролся со смертію и спасся отъ окончательнаго погруженія въ трясину только уже оцпенѣлый и разбитый параличемъ. Тогда еще и не подозревали будущей роли Кутона. Въ его мечтахъ еще не было замѣтно крови.

Три депутата, посланные къ арміи Диллона, — Дельма, Дюбуа-Дюбе и Бельгардъ, — прибывшіе 14 августа въ Валансьеннъ, имѣли приказаніе смѣстить Диллона и Лану. Эти два генерала медлили признаніемъ событий 10 августа. Теперь они раскаялись, подчинились вполнѣ и умоляли трехъ комиссаровъ о прощеніи. Тѣ его даровали виновнымъ. Товарищъ ихъ, Кутонъ, поспѣшилъ изъ Сентъ-Аманда въ Валансьеннъ, расхвалилъ таланты и энергію Дюмуре и добился того, что собраніе дало ему команду надъ арміями Лану и Лафайета. Вестерманъ, другъ Дантона и его орудіе въ событіяхъ 10 августа, а теперь его агентъ въ арміяхъ, послѣ посѣщенія Седанскаго лагеря, поспѣшилъ въ Валансьеннъ. Онъ описалъ Дюмуре яркими красками разстройство арміи Лафайета, дезертирство офицеровъ, недовольство солдатъ, дурное настроеніе жителей Арденнъ и близость насилія территорій, если непріятель, — уже обладающій Лонгви, — пойдетъ впередъ на Шампань. Вестерманъ, [одушевленный вынесеннымъ изъ Парижа республиканскимъ огнемъ, убѣдилъ и увлекъ Дюмуре. Генераль, привычный имѣть дѣло съ партіями и понимать съ полу-слова намеки ихъ вождей, понялъ что Дантонъ хотѣлъ имѣть агента въ арміи въ лицѣ Вестермана; Дюмуре сдѣлалъ этого молодого офицера посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ Дантономъ. Вестерманъ, какъ и всѣ другіе, былъ въ свою очередь увлеченъ талантомъ Дюмуре. Явившись къ Дюмуре для наблюдений, онъ кончилъ восхищеніемъ отъ него и страстно предался генералу. Дюмуре, умѣвшій цѣнить людей по ихъ внутреннему достоинству, а не по рангу, съ перваго взгляда увидалъ въ Вестерманѣ воинственное сердце, огненную натуру, желѣзную руку: онъ сумѣлъ привлечь его къ себѣ.

7.

Въ ночь съ 25 на 26 августа Дюмуре сдѣлалъ распоряженія для бельгійской кампаніи, отъ которой все еще не отказывался. Онъ вызвалъ изъ Лилля генерала ла-Бурдоне, который командовалъ этою крѣпостію, и поручилъ ему въ свое отсутствіе начальство надъ Валансьеннской арміей. Онъ отправился въ

Седанъ 26 числа, съ Вестерманомъ, однимъ изъ адъютантовъ, и съ камердинеромъ Батистомъ, отвага и преданность котораго своему господину способствовали потомъ славъ Дюмуре и успѣхамъ арміи. Прибывъ 28 августа въ лагерь Лафайета, Дюмуре былъ тамъ встрѣченъ холодною и ропотомъ арміи, которая не знала новаго вождя, какого ей давали, и жалѣла о томъ, котораго лишилась. Увѣренный въ себя, Дюмуре не тревожился такимъ пріемомъ. Онъ пренебрегъ общою враждебностью и положился на сознаніе своего превосходства, которое должно было привлечь къ нему общее расположеніе. Явившись безъ экипажей и безъ военныхъ лошадей, онъ сѣлъ на лошадь Лафайета, сдѣлалъ смотръ войскамъ и говорилъ имъ рѣчь. Пѣхота казалась угрюмою, но твердою, кавалерія почти явно бунтовала. Проѣзжая передъ рядами, Дюмуре услыхалъ оскорбительныя для себя слова: „Это все тотъ человѣкъ“, говорили между собою солдаты, „который объявилъ войну и былъ причиною опасностей отечества и пролитія крови нашихъ братьевъ въ Лонгви!“ Дюмуре остановилъ свою лошадь и, гордо смотря на эскадроны, сказалъ: „неужели между солдатами найдется такой трусъ, который бы сталъ печалиться изъ-за войны? не думаете ли вы достать себя свободу безъ битвы?“ Эти слова возвратили солдатамъ если не совершенное довѣріе къ Дюмуре, то, по крайней мѣрѣ, уваженіе къ нему. Взоръ Дюмуре, присутствіе Вестермана, побѣдителя въ день 10 августа, открытаго еще кровью швейцарцевъ и энтузіазмомъ парижскаго народа,—все это подѣйствовало на солдатъ внушительно. Они увидѣли себя, послѣ взятія Лонгви, поставленными между штыками пруссаковъ и презрѣніемъ націи, взоры которой были на нихъ обращены. Эта мысль укрѣпила войска.

Когда карта театра войны была развернута на столѣ военнаго совѣта, а относительныя силы и разстоянія измѣрены, Дюмуре открылъ засѣданіе, изложилъ положеніе вещей и потребовалъ мнѣній генераловъ. Диллонъ заговорилъ первый. Онъ указалъ на картѣ Шалонъ, какъ такую позицію, которую надо было захватить ранѣе непріятеля, если хотѣли во-время отрѣзать ему входъ въ равнины Франціи и дорогу къ Парижу. Съ циркулемъ въ рукѣ, онъ измѣрилъ разстояніе отъ Шалона до Вердена и отъ Шалона до Седана; онъ показалъ, что непріятель, находившійся уже подъ стѣнами Вердена, будетъ ближе къ Шалону, чѣмъ оборонительная армія, изложилъ съ силою и убѣдительною, что сохраненіе столицы значить для націи болѣе, чѣмъ сохраненіе Арденнъ, и заключилъ необходимою идти въ ту же ночь на Шалонъ, оставивъ генерала Шазо съ нѣсколькими баталіонами въ укрѣпленномъ лагерѣ Седана. Весь совѣтъ присоединился къ этому мнѣнію. Дюмуре показалъ видъ, что также одобряетъ его безмолвно, и приказалъ Диллону принять начальство надъ авангардомъ и переправиться на лѣвый берегъ Марны, какъ будто бы движеніе на Шалонъ было уже принято въ его собственныхъ планахъ. Но это оказалось не такъ: какъ только военный совѣтъ былъ распущенъ,—Дюмуре, удержавъ при себѣ генерала Тувено, задумчивый взглядъ и выразительная фізіономія котораго во время рѣчи Диллона были подмѣчены главнокомандующимъ, открылъ свою мысль этому офицеру, какъ такому повѣренному, который способенъ понять и усвоить себѣ смѣлый планъ: „Отступленіе къ Шалону“, сказалъ онъ, „мысль умная. Но въ минуту великихъ опасностей мудростью бываетъ смѣлость. Надо обмануть

судьбу,—выказать къ ней больше довѣрія, чѣмъ заслуживала бы ея немилость. Удалиться за Марну передъ многочисленнымъ и дѣятельнымъ непріателемъ—значило бы подать Франціи сигналъ къ слабости и упадку духа,—значило бы начать войну движеніемъ назадъ, всегда подобнымъ пораженію; наконецъ, это значило бы открыть коалиціи плодосныя равнины Эперне и Реймса и дорогу къ Парижу, на которой непріателю, послѣ Марны, не будетъ никакой помѣхи“. Когда, указывая на картѣ длинную линію лѣсовъ, которая простирается отъ Седана до Сентъ-Менегу, между Верденомъ и Шалонемъ (имя тогда еще малоизвѣстное, но въ послѣдствіи сдѣлавшееся національнымъ), онъ сказалъ Тувено: „Вотъ Тормопилы Франціи! Если бы я имѣлъ счастье прибыть туда раньше пруссаковъ, все было бы спасено!“ Это косвенное движеніе, задуманное Дюмуре, не только не удаляло французскую армію отъ пруссаковъ, но еще приближало ее къ нимъ и смѣло назначало врагамъ поле битвы на томъ самомъ мѣстѣ, которое они уже занимали, потому что отъ Вердена, гдѣ былъ король прусскій, надо пройти менѣе разстоянія, чѣмъ отъ Седана, гдѣ стояла французская армія, чтобы достигнуть центра Аргонскаго лѣса. Тувено былъ убѣжденъ тѣмъ энтузіазмомъ, которымъ, при этомъ проблескѣ генія, внезапно освѣтился воинственный взоръ Дюмуре. Тувено такъ усвоилъ себѣ планъ послѣдняго, какъ будто бы самъ его задумалъ. Пораженный превосходствомъ характера и пониманія, какое онъ открылъ въ своемъ начальникѣ, онъ съ этого дня сдѣлался его помощникомъ и другомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, умъ которыхъ дремлетъ среди безвѣстности второстепеннаго положенія до тѣхъ поръ, пока чья-нибудь искусная рука не затронетъ его струны. Тувено питалъ уваженіе къ Лафайету, поклоненіе къ Дюмуре. При первомъ онъ былъ хорошимъ офицеромъ; при второмъ сдѣлался героемъ. Одни люди создаютъ другихъ. Душею арміи бываетъ ея предводитель.

8.

Довольный, видя себя понятымъ, Дюмуре, который не спалъ со времени отъѣзда изъ Валансьенна, поручилъ Тувено приготовить мелочи задуманнаго движенія, а самъ заснулъ на нѣсколько часовъ съ мыслью о своемъ планѣ. Великія натуры успокаиваются смѣлыми рѣшеніями. Дюмуре обладалъ уже увѣренностью, какую сообщаетъ принятое рѣшеніе. По пробужденіи онъ послалъ приказаніе Берновиллю, котораго оставилъ въ Валансьеннѣ, привести къ себѣ девять тысячъ человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, безъ пользы стоявшихъ въ это время въ Модскомъ лагерѣ. По всѣмъ направленіямъ Дюмуре разослалъ курьеровъ и надежныхъ офицеровъ, чтобы увѣдомить Люкнера о своемъ движеніи и разузнать о планахъ стараго генерала. Дюмуре предупредилъ Люкнера, что намѣренъ вызвать къ Аргонну всю массу 80-тысячной прусской арміи. Дюмуре назначилъ Люкнеру вѣроятное свиданіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ соединеніе армій Мецкой и Седанской, если бы оно могло совершиться, рѣшило бы участь сраженія и спасло бы отечество.

Въ арсеналахъ Ла-Феръ и Дуэ Дюмуре нашелъ военные запасы, въ которыхъ нуждался. Наконецъ, онъ назначилъ другихъ генераловъ въ замѣнъ тѣхъ, которыхъ увлекъ съ собою Лафайетъ. Данжеть, Дитманъ, Линьвиль, Шазо,

Сень-Жюсть.

Мячинскій,—офицеры, любимые солдатами, были наименованы генераль-маіорами. Штабъ Дюмуре,—сомнѣвающийся, недовольный, полный колебанія и ропота,—былъ составленъ изъ людей, обязанныхъ ему своей фортунѣ; онъ постарался соединить ихъ судьбу со своей собственной. Армія теперь имѣла голову; черезъ 24 часа эта голова обладала уже руками. Дюмуре сообщил свой оборонительный проектъ военному министру Сервану. Черезъ посредство Вестермана, онъ конфиденціально увѣдомилъ Дантона о задуманномъ смѣломъ планѣ. Увѣдомленный самъ чрезъ Вестермана о томъ, что Дантонъ намѣренъ путемъ судорожнаго патріотизма взволновать Францію, чтобы направить къ границамъ тысячи защитниковъ, Дюмуре назначилъ Шалонъ и Сентъ-Менегу лагерями для прибывающихъ изъ внутренности страны волонтеровъ. Оба эти лагеря были снабжены съѣстными припасами, фуражемъ, необходимымъ для людей и лошадей. Безпрестанно находясь на лошади или въ совѣтѣ, Дюмуре, такъ сказать, разрывался на части, чтобы лично ознакомиться со всѣми своими корпусами. Онъ затмилъ Лафайета въ глазахъ солдатъ для того, чтобы замѣстить его въ ихъ сердцахъ. Лафайетъ былъ больше гражданиномъ, Дюмуре—больше солдатомъ. Армія предпочла Дюмуре; онъ ее всю перестроировалъ, раздѣлилъ на отдѣльные корпуса и во главѣ каждого изъ нихъ поставилъ генерала, который собственной репутаціей долженъ былъ отвѣчать за поведеніе своихъ солдатъ. Отдѣливъ наканунѣ, какъ мы видѣли, генерала Диллона съ авангардомъ въ намѣреніи поставить его на оконечности Аргонскаго лѣса и на нѣсколько дней разстаться съ этою частью арміи, онъ образовалъ второй авангардъ. Начальство надъ нимъ онъ поручилъ Штенгелю, храброму и рѣшительному полковнику гусаровъ Берпени. Такъ какъ сопротивление Вердена,—по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней,—было необходимо для выполненія плана Дюмуре и чтобы успѣть развернуть войска въ различныя позиціи, какія онъ хотѣлъ занять въ Аргонѣ, то Дюмуре велѣлъ генералу Гальбо съ трехъ-тысячнымъ подкрѣпленіемъ броситься въ эту крѣпость и продолжить ея защиту сколько возможно долѣе. Когда эти распоряженія были сдѣланы, Дюмуре ближе изучилъ мѣстность, на которой должно было установить французскую армію, значеніе различныхъ пунктовъ, которые ей предстояло занять, и способы, какими можно было дать ей возможность прибыть,—раньше коалиціи,—въ дефилен, къ которымъ непріятель, болѣе сильный численностью, находился ближе, чѣмъ французы. Но для успѣха необходима была глубокая тайна. Заподозрить существованіе плана Дюмуре значило сдѣлать его неудавшимся. Какой бы то ни было признакъ могъ погубить все.

9.

Аргонскій лѣсъ имѣетъ 15 миль длины отъ Седана до Сентъ-Менегу; ширина лѣса различной величины и мѣняется отъ двухъ до четырехъ миль. Этотъ лѣсъ находится на гористой мѣстности, перерѣзанной рѣками, прудами, ручьями, болотами, оврагами, которые, въ соединеніи съ пренятствіемъ, каковыя является самый лѣсъ, составляютъ неодолимую преграду для прохода арміи. Этотъ лѣсъ раздѣляетъ богатая провинціи Трехъ-Епископствъ отъ бесплодныхъ равнинъ Шампани. Края лѣса по этимъ спускамъ выходятъ зеленѣющими,

орошенными водою склонами, гдѣ пастбища и удобныя къ обработкѣ земли увеличили число фермъ и деревушекъ. Это какъ-бы рука Арденнъ, протянутая среди равнинъ Шампани.

Пройти этотъ лѣсъ можно было только по пяти большимъ прогалинамъ, которыя природнымъ очертаніемъ почвы, ложею водъ, расчистками и линиями дорогъ были проведены и выровнены во всю чашу лѣса. Если бы эти пять проходовъ были заняты, укрѣплены и защищены, то центральная Франція была бы прикрыта. Первый изъ этихъ дефилеевъ и самый близкій къ Седану—былъ такъ называемый проходъ «Chêne-le-Populeux»; широкій и не представляющій естественныхъ препятствій, онъ открываетъ проходъ по Ретельской дорогѣ въ Седанъ.

Второй проходъ называется «la Croix aux Bois»; это не что иное, какъ дуилистая тропинка для дровосѣковъ. Третій дефилей—„Grand gré“—находится въ центрѣ лѣса. Сама природа какъ бы назначила этотъ проходъ для лагеря оборонительной арміи: амфитеатръ, находящійся между двумя прикрывающими его рѣками, окаймленный лѣсомъ, охраняющимъ его бока, круто опускается на сторону непріятеля и даетъ расположеннымъ въ этой позиціи войскамъ перевѣсъ мѣстности, безопасность фланговъ и природный гласисъ въ видѣ вала, увѣнчанный батальнымъ огнемъ; дорога изъ Стенэ въ Реймъ прорѣзываетъ этотъ проходъ.

Четвертый дефилей „la Chalade“ служитъ сообщеніемъ между городами Варенномъ и Сентъ-Менегу. Наконецъ, пятый или дефилей „des Islettes“ выходитъ на большую дорогу изъ Вердена въ Парижъ; по другую сторону этого послѣдняго дефилея лѣсъ, постепенно понижаясь, рѣдѣетъ и прекращается у деревни Пассаванъ и въ равнинахъ, которыя простираются безъ всякихъ неровностей до самаго Бара.

10.

Такова была преграда, которую Дюмуре, со своей 27-тысячной арміей хотѣлъ поставить 90-тысячному войску непріятелей, упоенныхъ своими первыми успѣхами и нетерпѣливо стремившихся разсѣяться по Шампани и броситься на Парижъ. Главная трудность состояла въ томъ, чтобы во время успѣть попасть на мѣсто. Для этого представлялись два пути. Первый и самый вѣрный былъ—отвести армію отъ Седана къ Вузье и Сентъ-Менегу, прикрывъ ея маршъ самымъ лѣсомъ и оставивъ Аргонскую плоскую возвышенность между этой арміей и непріателемъ; второй—идти открыто къ Аргонскимъ дефилеямъ по вышнему склону лѣса и, по пути, пробиться чрезъ генерала Клерфета, который былъ уже въ Стенэ съ 20-тысячами людей. Первый изъ этихъ путей былъ на половину длиннѣе и, кромѣ потери времени, представлялъ двойное неудобство,—обнаруживалъ намѣренія Дюмуре и какъ бы вызывалъ генерала Клерфета и герцога Брауншвейгскаго раньше занятія дефилей Гранпре и дефилей des Islettes. Если бы эти посты были взяты пруссаками, то французская армія была бы отброшена къ Шалону, а вслѣдъ затѣмъ подъ стѣны Парижа.

Второй путь приводилъ въ три марша авангардъ Диллона къ дефилею Islettes, а Дюмуре—въ два марша къ Гранпре. Но, чтобы совершить этотъ

путь, надо было или опередить Клерфета, который былъ въ 6 часахъ отъ Гранпре, тогда какъ Дюмуре былъ отъ него въ 10 часахъ,—или обмануть и напугать Клерфета, идя прямо на него въ Стенэ и прогнавъ его за Маасъ.

Въ ту минуту, когда Дюмуре рѣшался на этотъ смѣлый шагъ, онъ получилъ отъ генерала Гальбо, чрезъ курьера, извѣщеніе, что Верденъ обложенъ прусскою арміею, и что невозможно подать помощь этой крѣпости, осажденной 50,000 человѣкъ. Дюмуре велѣлъ Гальбо отступить на дефилей des Islettes и ожидать тамъ Диллона. Потомъ велѣлъ генералу Дювалю, оставленному въ Модскомъ лагерѣ, у прежней арміи Дюмуре, при отбѣздѣ его изъ Баланс-енна,—снять лагерь, соединиться съ Мобежскимъ лагеремъ, собрать всѣ батальоны по дорогѣ и слѣшить къ нему форсированнымъ маршемъ. Дюмуре велѣлъ Дювалю занять позицію дефилея Chêne-le-Populeux подлѣ Седана. Не безпокоясь объ этомъ переходѣ, прикрываемомъ нѣсколько дней вѣроятною продолжительностью осады Стенэ, Дюмуре не сомнѣвался, что Дюваль прибѣдетъ во время, чтобы запереть его. Онъ пренебрегъ этимъ. 31 августа онъ началъ движеніе. Генераль Мячинскій получилъ приказаніе сдѣлать притворную атаку на Стенэ, Диллонъ—поддержать Мячинскаго и расположиться прямо противъ города. Мячинскій, съ полутора-тысячнымъ отрядомъ, геройски атаковалъ авангардъ Клерфета, отбросилъ его за Маасъ и на нѣкоторое время освободилъ Стенэ. Диллонъ,—вмѣсто того, чтобы поддержать Мячинскаго, остался безъ движенія съ остаткомъ своего авангарда въ Музонѣ, на краю лѣса, и даже приказалъ Мячинскому, побѣдителю, отступить. Эта ошибка Диллона могла подвергнуть опасности весь планъ главнокомандующаго.

Полагаясь на отданныя приказанія и думая, что Диллонъ уже находится въ Стенэ, Дюмуре двинулся съ массою своей арміи 1 сентября къ Музону. Удивленный, увидѣвъ тамъ Диллона, онъ продолжалъ свой маршъ и направился къ Стенэ, чтобы тамъ самому возобновить атаку противъ Клерфета. Два дня онъ стоялъ лагеремъ предъ этимъ генераломъ, какъ бы предлагая ему сраженіе, а между тѣмъ Диллонъ достигъ дефилея des Islettes, гдѣ наконецъ, 3 сентября, поставилъ авангардъ. Клерфетъ остался неподвиженъ. Различные корпуса Дюмуре заняли позиціи въ дефилеяхъ, которые имъ были назначены. Самъ Дюмуре, повернувъ вдругъ направо, вошелъ въ дефилей Гранпре съ 15,000 человѣкъ, составлявшими его центръ. Тамъ онъ расположилъ свой лагерь между Эрою и Эною, двумя рѣками, составлявшими какъ-бы ограду спереди и сзади его; артиллерія стояла позади и выше лагеря, у деревнѣ Сенюкъ; авангардъ, подъ начальствомъ неустрашимаго полковника Штенгеля, впереди Эры, имѣя обезпеченное отступленіе по двумъ мостамъ, которые его соединяли съ лагеремъ. Положеніе лагеря въ Гранпре было таково, что непріятель,—для того, чтобы его осилить,—долженъ былъ сначала сломить всѣ посты, защищаемые страшнымъ авангардомъ, пройти безъ мостовъ черезъ рѣку Эну и, наконецъ, пробиться въ открытый, но суженный бассейнь, подъ тройнымъ огнемъ замка Гранпре,—артиллеріи съ позиціи деревни Сенюкъ, и изъ тѣхъ пушекъ, которыя прикрывали фронтъ лагеря. Дюмуре охранялъ этотъ путь, который надо было пройти подъ огнемъ, чтобы проникнуть въ сердце Франціи, и ждать, чтобы Франція поднялась позади него.

11.

Было уже время. Лонги былъ взятъ въ два дня. Верденъ находился въ опасности. Арміи короля прусскаго и императора, долгое время удерживаемыя въ бездѣйствіи нерѣшительностью генералиссимуса, получили отъ самаго своего нетерпѣнія и отъ событій 10 августа тотъ порывъ, который не хотѣлъ имъ дать предводитель.

Герцогъ Брауншвейгскій, съ самаго начала этой войны, принялъ систему выжиданія; но, замедля нападеніе, онъ давалъ оборонѣ время собраться съ силами. Наступательная война не должна давать противнику времени; оборонительная, напротивъ, должна затягивать его съ часу на часъ: время, изнуряющее силы завоевательныхъ армій, составляетъ перваго союзника въ національной войнѣ. Герцогъ Брауншвейгскій, привычный къ правильнымъ, заученымъ маневрамъ нѣмецкой стратегіи, подвигался впередъ съ осторожностью и медлительностью шахматнаго игрока. Это было ремесло, выступившее противъ энтузіазма. Ремесло должно было остаться побѣжденнымъ.

Притомъ, такой медлительности способствовали и переговоры, которые скрещивались въ главной квартирѣ союзниковъ. Мы видѣли, что на Кобленцской конференціи между императоромъ и королемъ прусскимъ было условлено, что французскіе эмигранты не присоединятся къ дѣйствующимъ арміямъ изъ опасенія раздражить Францію противъ нѣга, которое непопулярное дворянство хотѣло бы на нее наложить съ оружіемъ въ рукахъ. Маркизь де-Булье, военный совѣтникъ короля прусскаго, предложилъ смягчить эту мѣру, оскорбительную для эмигрантовъ. Условились раздѣлить ихъ на три корпуса: одинъ, изъ 10,000 дворянъ, причисленный къ главной арміи герцога Брауншвейгскаго; два другихъ по 5,000 дворянъ каждый, должны были дѣйствовать,—одинъ во Фландріи подъ начальствомъ принца Конде,—другой на Рейнѣ, подъ предводительствомъ герцога Бурбона. Распределенные такимъ образомъ, три корпуса эмигрантовъ должны были, однакожъ, идти лишь во второй линіи, чтобы постараться не запятнать своей шпиги французскою кровью, и чтобы только присоединять къ себѣ, позади дѣйствующей арміи, дезертировъ и цѣлые полки, какихъ обѣщало отступленіе французскихъ войскъ.

Противорѣчащіе переговоры барона де-Бретеля, де-Калонна и де-Мутье также усложняли ходъ дѣлъ и останавливали дѣйствія державъ. Баронъ де-Бретель, снабженный полномочіями отъ Людовика XVI, противился отъ его имени признанію иностранными кабинетами во Франціи другой законной власти, кромѣ королевской. Де-Калоннъ, агентъ принцевъ и ихъ уполномоченный въ Кобленцѣ, отстаивалъ регенство для графа Прованскаго въ продолженіи доказаннаго безсилія или маскированнаго плѣна Людовика XVI. Мутье, посланный графомъ Прованскимъ, чтобы замѣнить де-Калонна, который сдѣлался ненавистенъ эмигрантамъ, энергически настаивалъ на признаніи правъ графа Прованскаго на управленіе завоеваннымъ королевствомъ. Россія благопріятствовала такому честолюбію принца, снѣбившаго извлекать пользу изъ своего воображаемаго царствованія. Императоръ, по тайному внушенію сестры своей, Маріи-Антуанеты, которая боялась преобладанія принцевъ, не согласился объявить

подобнымъ образомъ фактическое низложеніе короля, власть котораго, непризнаваемую подданными, онъ хотѣлъ возстановить. Конференціи, на которыхъ присутствовали король прусскій, герцогъ Брауншвейгскій, принцъ Гогенлоз, принцъ Нассау, не привели ни къ чему.

Извѣстіе о событіяхъ 10 августа достигло наконецъ главной квартиры союзниковъ. Напрасно герцогъ Брауншвейгскій хотѣлъ еще отсрочить дѣйствія. Вліяніе короля прусскаго устранило его нерѣшительность. „Если мы не можемъ уже прибыть во-время, чтобы спасти короля“, вскричалъ онъ на военномъ совѣтѣ, „то пойдемъ спасать королевскій санъ“.

На слѣдующій день армія выступила въ походъ. 19 августа, сдѣлавъ 40 миль въ пять дней, она наконецъ перешла границу и расположилась лагеремъ въ Тьерселе, гдѣ соединилась съ австрійскимъ корпусомъ генерала Клерфета.

При этомъ рѣшительномъ шагѣ герцогъ Брауншвейгскій снова поколебался и, составивъ другой военный совѣтъ, представилъ королю, что было бы дурнымъ предвѣстіемъ вторгаться въ сердце страны, гдѣ энергія бунтовщиковъ дошла до заключенія короля и до рѣзни его стражи. „Кто знаетъ“, прибавилъ онъ, „не послужитъ ли первая же наша побѣда сигналомъ смерти короля?“ Фридрихъ-Вильгельмъ, укрѣпленный въ принятомъ рѣшеніи совѣтами своего министра, графа Шуленбурга, и вождей эмигрантовъ, стремившихся въ отечество, встрѣтилъ съ видимымъ неудовольствіемъ вѣчную мнительность своего генерала, „Какъ бы ни было ужасно положеніе королевской семьи“, сказалъ онъ, „но арміи не должны отступать: я отъ всей души желаю прибыть во-время, чтобы освободить короля Франціи; но прежде всего моя обязанность—спасти Европу“.

12.

20 августа армія обложила крѣпость Лонгви. Бомбардировка, начатая ночью 21 числа, но прерванная грозою, въ которой огонь съ неба и потоки ливня загасили огонь осаждающихъ, возобновилась на слѣдующій день. 300 бомбъ, брошенныхъ въ крѣпость, и нѣсколько зажженныхъ домовъ склонили коменданта Лаверня на капитуляцію, которая начинала компанію позоромъ. Дезертирство Лафайета, возвѣщенное въ то же самое время союзникамъ, вполне порадовало ихъ. Еслибы герцогъ Брауншвейгскій воспользовался такимъ порывомъ арміи и этой улыбкой счастья, чтобы быстро начать военныя дѣйствія на центральной границѣ, то его не могло бы остановить ничто, кромѣ стѣнъ Парижа. Оставивъ нѣсколько тысячъ человѣкъ предъ Тіонвилемъ, онъ могъ броситься съ внушительною массою войска на армію Лафайета, лишенную вожда и еще не свыкшуюся съ начальствомъ Дюмуре; эта армія, разстроенная и подавленная численностью, пала бы предъ нимъ. Или онъ могъ овладѣть, раньше Дюмуре, Аргонскими дефилями,—единственной естественной преградой между Марной и Парижемъ, и устремиться на столицу прежде, чѣмъ патріотизмъ департаментовъ успѣлъ бы ее прикрыть оградой волонтеровъ. Герцогъ Брауншвейгскій не принялъ ни того ни другого изъ этихъ рѣшеній и говорилъ только о благоуміи и рекогносцировкахъ въ такое время, когда единственнымъ благоуміемъ была смѣлость. Или герцогу на этотъ разъ измѣнилъ его военный талантъ, или онъ самъ измѣнилъ дѣлу, вложенному въ его руки европейскими королями.

Онъ утомилъ пылъ Фридриха-Вильгельма, постоянно ставя ему препятствія. Онъ потерялъ десять дней, выжидая подкрѣпленій, какъ будто бы недостаточно было 72,000 человѣкъ для нападенія на 17,000, разсѣянныхъ слабыми отрядами на протяженіи 15 миль, между Седаномъ и Сентъ-Менегу. Все служило герцогу поводомъ, чтобы ослабить свою собственную армію. Король прусскій, колеблясь между уваженіемъ къ старинной военной славѣ своего генералиссимуса и его очевидными ошибками, долго не рѣшался признать, что сердце герцога задерживаетъ его руку и что онъ неохотно сражается съ дѣломъ, которое ему предложило и предлагало еще корону. Не было ли въ виду герцога расчета на эту корону, въ видѣ цѣны за бережное обхожденіе съ революціонной Франціей? Медленность герцога оправдываетъ такое подозрѣніе, отступленіе—подтверждаетъ его. Естественныхъ причинъ недостаточно для объясненія подобной слабости или подобнаго сообщничества съ непріятелемъ.

13.

Въ теченіе этихъ десяти дней Верденъ палъ; но Дюмуре создалъ въ Аргонскихъ дефилеяхъ ретраншементы и армію, болѣе неодолимые, чѣмъ тѣ гарнизоны и валы, которыми непріятель овладѣлъ цѣною времени. Армія союзниковъ только 30 августа показалаcя на высотахъ горы Сень-Мишель, которая господствуетъ надъ Верденомъ. Король прусскій и герцогъ Брауншвейгскій расположились въ Гран-Бра, на правомъ берегу Мааса, ниже города. Верденъ, слабо укрѣпленный, но способный, нѣкоторое время, сопротивляться осадѣ, имѣлъ гарнизонъ въ три съ половиною тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Борепера, неустрашимаго офицера и патриота, достойнаго античныхъ временъ. Бомбардировка началась 31 августа и воспламенила нѣсколько зданій. Крѣпость худо отвѣчала непріятелю. У орудій не доставало артиллеристовъ, у пушекъ не было запасныхъ лафетовъ. Населеніе отличалось роялистскимъ настроеніемъ и страшилось приступа. Король прусскій предложилъ прервать военныя дѣйствія на нѣсколько часовъ. Предложеніе было принято.

Состоялся совѣтъ защиты, составленный изъ жителей и гражданскихъ должностныхъ лицъ, которымъ законодательное собраніе ввѣрило высшую власть въ осаждаемыхъ городахъ, изъ недоувѣрія къ арміи. Этотъ военный совѣтъ рѣшилъ, что городъ не въ состояніи защищаться. Напрасно противились преждевременной капитуляціи Бореперъ и главные изъ его офицеровъ, въ числѣ которыхъ находились молодые лейтенанты, сдѣлавшіея впослѣдствіи генералами,—Лемуанъ, Дюфуръ, Марсо,—великія имена будущихъ войнъ. Они соглашались, что городъ не можетъ вынести продолжительной осады, но хотѣли, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ палъ съ честью. Совѣтъ устремился навстрѣчу позору. Капитуляція была рѣшена.

Бореперъ бросилъ поданное ему перо: „господа“, сказалъ онъ, „я клялся не сдавать врагамъ моего отечества ничего, кромѣ трупа. Переживайте свой позоръ, если можете; но я остаюсь вѣренъ своей присягѣ; вотъ мое послѣднее слово: я умираю свободнымъ. Завѣщаю свою кровь, какъ позоръ, трусамъ, и какъ примѣръ—храбрымъ“; сказавъ это, онъ вышелъ и выстрѣлилъ себѣ въ грудь изъ пистолета.

Этотъ геройскій поступокъ не заставилъ даже покраснѣть членовъ совѣта. Трупъ унесли и подписали сдачу Вердена. Молодые дѣвушки изъ первыхъ семействъ въ городѣ, въ праздничныхъ платьяхъ, вышли процессіей и усыпали цвѣтами дорогу короля прусскаго при его вѣздѣ въ городъ. Это преступленіе, оправдываемое поломъ, возрастомъ и невинностью, повело ихъ потомъ на эшафотъ. Гарнизонъ вышелъ съ военными почестями. Фургонъ, запряженный черными лошадьми и покрытый трехцвѣтнымъ знаменемъ вмѣсто савана, увезъ тѣло Борепера, трупъ котораго солдаты не хотѣли отдать въ плѣнъ. Законодательное собраніе голосовало Бореперу похоронныя почести. Сердце его было помѣщено въ Пантеонъ. Молодой Марсо, краснорѣчивое негодованіе котораго протестовало противъ капитуляціи, раздѣлялъ эти проявленія общественнаго уваженія. При выходѣ изъ Вердена онъ лишился своего оружія, лошадей, экипажей. „Что именно вы хотите получить изъ утраченныхъ вещей съ націи?“ спросилъ его народный представитель, посланный въ армію Дюмуре. — „Мою саблю“, лаконически отвѣчалъ Марсо.

14.

Извѣстія о бѣгствѣ Лафайета, о вступленіи союзной арміи на французскую территорію, о взятіи Лонгви и о сдачѣ Вердена поразили Парижъ подобно громовому удару. Тревога выражалась на всѣхъ лицахъ. Чужеземцы въ шести переходахъ отъ столицы, измѣна среди арміи, трусость въ городахъ, ужасъ въ селеніяхъ, тайная радость сообщниковъ эмиграціи, низвергнутое правительство, распущенное собраніе, катастрофа среди междоусобствъ, война внѣшняя въ войнѣ междоусобной: никогда еще Франція не была такъ близка къ тѣмъ зловѣщимъ днямъ, которые предсказываютъ разложеніе націй. Все было мертво въ странѣ, кромѣ желанія жить. Энтузіазмъ къ отечеству и свободѣ поддерживалъ ее. Оставленное всѣми, отечество не оставляло само себя. Для спасенія ему нужны были только двѣ вещи: время и диктатура. Время?—Геройство Дюмуре дало его. Диктатура?—Ее взялъ Дантонъ отъ имени парижской коммуны. Весь промежутокъ отъ 10 августа до 20 сентября былъ правленіемъ Дантона. Господствуя въ коммунѣ, волю которой онъ направлялъ и возбуждалъ, онъ являлся въ совѣтѣ министровъ, облеченный въ то всемогущество, какое почерпалъ въ ратушѣ. Онъ говорилъ тамъ тономъ Маріа, который въ своихъ товарищахъ хотѣлъ имѣть только орудія. Философъ Роланъ, финансистъ Клавьеръ, геометръ Манжъ, дипломатъ Лебрень, военный человѣкъ Серванъ не обладали ни талантомъ, ни порывомъ, ни даже дурными сторонами того кризиса, въ который повергло ихъ честолюбіе. Дантонъ былъ единственнымъ государственнымъ человѣкомъ среди исполнительной власти. Онъ былъ также ея единственнымъ ораторомъ. Ни одинъ изъ этихъ людей пера, составившихъ въ канцеляріяхъ или бюро, не умѣлъ говорить выразительнымъ языкомъ страсти. Дантонъ изучилъ этотъ языкъ въ своемъ продолжительномъ навыкѣ къ мятежамъ и смутамъ. Народъ зналъ его голосъ. Дантонъ возбуждалъ и умиралъ уличную толпу однимъ своимъ движеніемъ. Собраніе онъ попиралъ ногами. Тамъ Дантонъ говорилъ не столько языкомъ министра, сколько голосомъ всемогущаго посредника, который то покровительствуетъ, то бранитъ. Совѣты Дантона были

приказаніями. Опираясь на свою популярность, онъ передавалъ въ громовыхъ, неясныхъ, короткихъ словахъ свои плебисциты у рѣшетки собранія и спѣшилъ снова обратиться къ своимъ таинственнымъ совѣщаніямъ и къ интригамъ своихъ агентовъ или удалиться въ секретные комитеты коммуны. Подъ вліяніемъ сознанія его превосходства пробуждалось удивленіе. Мѣткость ума Дантона, энергія его патріотизма, сила его совѣтовъ, волканъ его души поставили партію отъ него въ зависимость. Дантонъ держалъ въ рукахъ всѣ нити и игралъ ими, то открывая, то закрывая руку. Онъ не удостоивалъ скрывать свое презрѣніе къ Ролану. Глазъ и рука Дантона принимали участіе въ администраціи всѣхъ его товарищей. Онъ управлялъ войной, финансами, внутренними дѣлами, велъ глухіе переговоры съ чужеземцами. Роланъ ропталъ про себя и жаловался женѣ на дерзость Дантона и на его претензію захватить себѣ всѣ отрасли власти. Униженный превосходствомъ своего товарища, устрешенный его стремленіями, онъ видѣлъ, что результатъ событій 10 августа ускользалъ изъ рукъ его партіи, и что взявъ себѣ пособника въ лицѣ Дантона жирондисты сами себѣ дали властелина. Роланъ все-таки подчинился, надѣясь подняться при будущемъ собраніи. Въ ожиданіи этого онъ ограничился чисто административными подробностями управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и утѣшался, дѣлая своими интимными повѣренными Бриссо, Гаде и Верньо.

15.

Между тѣмъ Дантонъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы къ запугиванію Ролана прибавить еще другой могучій рычагъ—могущество соблазна. Онъ старался понравиться его женѣ, вліяніе которой на Ролана ему было извѣстно. Г-жа Роланъ видѣла участіе Дантона въ исполнительной власти съ тѣмъ тонкимъ инстинктивнымъ отвращеніемъ, какое свойственно женщинамъ. Этотъ трибунъ, безъ граціи, безъ нравственности и безъ принциповъ, былъ по ея мнѣнію унижительною уступкою жирондистовъ страху. „Какой позоръ“, говорила г-жа Роланъ своимъ довѣреннымъ лицамъ, „какой позоръ, что совѣтъ оскверненъ присутствіемъ этого Дантона, репутація котораго такъ дурна!“—„Чего же вы хотите“, отвѣчалъ ей Бриссо, „силу надо брать вездѣ, гдѣ она найдется.“—„Было бы легче“, возражала г-жа Роланъ, „вовсе не облекать властью подобныхъ людей, чѣмъ препятствовать имъ употребить ее во зло“.

Г-жа Роланъ мечтала о такомъ совѣтѣ министровъ, который былъ бы составленъ изъ твердыхъ, умѣренныхъ, неподкупныхъ республиканцевъ,—о какихъ она читала у Плутарха. Но вмѣсто античныхъ добродѣтелей и генія она видѣла честную, но робкую уклончивость Монжа, который, при каждомъ взглядѣ Дантона, боялся, что тотъ на него донесетъ подозрительной коммуны,—Сервана, равнодушнаго ко всему, что выходило изъ предѣловъ вѣдѣнія военнаго министерства,—посредственнаго Лебрена, наконецъ, буйнаго и безнравственнаго Дантона. Между тѣмъ, г-жа Роланъ почти каждый день принимала у себя молодого министра, при началѣ его министерской дѣятельности,—то нѣсколько ранѣе времени совѣта, которое Дантонъ нарочно опережалъ, чтобы успѣть переговорить съ ней,—то на интимныхъ обѣдахъ, гдѣ къ ней собирались немногочисленные собесѣдники для разговора объ общественныхъ дѣлахъ. Дантонъ

привелъ съ собою Камилла Демулена и Фабра д'Эглантина. Сужденія Дантона дышали патріотизмомъ, преданностью, ревностнымъ желаніемъ согласія съ своими товарищами. Его слова, звукъ голоса, выраженіе искренняго и, такъ-сказать, яснаго энтузіазма ввели на минуту въ иллюзію г-жу Роланъ; она уже была готова обвинить молву въ клеветѣ и увидѣть въ этомъ человѣкѣ дикія добродѣтели свободы. Но, смотря на фигуру Дантона, она упрекала себя за свою снисходительность. Мысль о человѣкѣ, преданномъ добру, она не могла соединить съ этимъ лицомъ. „Я никогда не видала“, говорила она, „ничего, столь полно характеризующаго увлеченіе животными страстями и самую необузданную смѣлость, полу-прикрытыя наружною откровенностью, веселостью и добродушіемъ. Мое воображеніе любить давать какую-нибудь роль извѣстнымъ мнѣ лицамъ: оно постоянно рисовало мнѣ Дантона съ кинжаломъ въ рукѣ, возбуждающаго голосомъ и движеніями толпу убійць, болѣе робкихъ или менѣ свирѣпыхъ, чѣмъ онъ самъ; или—довольнаго своими злодѣянiami, указывающаго, жестами Сарданапала, на циническія наслажденія, среди которыхъ его душа отдыхаетъ отъ преступленія“.

Едва достигшій власти во время катастрофы 10 августа, Дантонъ оставилъ свою прежнюю роль агитатора и выказалъ себя стоящимъ на высотѣ кризиса. Щедростью онъ привлекъ къ себѣ различныя второстепенныя честолюбія, алчныя до золота и вліянія,—такія, которыхъ онъ долго встрѣчалъ въ клубахъ. Дантонъ составилъ себѣ партію изъ всѣхъ, жаждущихъ фортуны. Самъ продажный, онъ зналъ могущество подкупа. Безъ всякаго стыда, онъ этимъ путемъ доставалъ себѣ средства. Онъ организовалъ подкупъ среди патріотовъ. Не довольствуясь суммой въ 100 милліоновъ франковъ секретнаго фонда, назначеннаго на другой день послѣ 10 августа каждому министерству, онъ захватилъ себѣ въ безотчетное распоряженіе четвертую часть двухъ милліоновъ, назначенныхъ на секретныя издержки: эти деньги собраніе дало исполнительной власти для того, чтобы дѣйствовать на иностранныя кабинеты и чтобы готовить въ извѣстномъ направленіи общественное настроеніе. Дантонъ даже заставилъ Лебрена и Сервана передать ему часть фондовъ, причисленныхъ къ ихъ министерствамъ. На счетъ этихъ фондовъ онъ отправилъ къ арміямъ комиссаровъ, избранныхъ среди членовъ коммуны, наиболѣе продавшихся его интересамъ. Общественная казна обращалась на содержаніе проконсуловъ Дантона.

16.

Соперничество изъ-за власти, начавшееся въ ночь съ 9 на 10 августа, между умирающимъ собраніемъ и коммуной, продолжалось проявляясь съ часу на часъ съ болѣющимъ ожесточеніемъ. Собраніе, единственная законная власть и единственный, оставшійся еще нетронутымъ обломокъ конституціи, старалось привести народъ, послѣ кризиса, къ чувству законности и уваженія къ конституціонной власти представителей націи. Собраніе хотѣло управлять посредствомъ законовъ. Генеральный совѣтъ коммуны, порожденіе возстанія и насильственнаго захвата, хотѣлъ упрочить въ своемъ лицѣ право возстанія, привлечь къ себѣ всю исполнительную власть, а національное представительство употреблять только для приданія формы декретовъ безусловнымъ распоряженіямъ

коммуны. Борьба эта проявлялась въ каждомъ засѣданіи. Комиссары коммуны сообщили ей желаніе собранію. Нѣсколько энергическихъ голосовъ противились захвату власти. Голоса другихъ членовъ, частью запуганныхъ, частью сообщниковъ, доказывали настоятельную необходимость предложеннаго декрета. Дѣло кончалось уклончивою угодливостью вождѣ коммуны или какою-нибудь двусмысленною мѣрою, которая скрывала фактическое порабощеніе подъ кажушимся соглашеніемъ. Жирондисты трепетали, но повиновались. Боясь показаться побѣжденными, они дѣлались сообщниками.

Такъ, коммуна потребовала повелительнымъ тономъ учрежденія военнаго суда, который судилъ бы сокращеннымъ порядкомъ враговъ народа и сообщниковъ двора. Бриссо и его друзья страшились вложить въ руки народа подобное орудіе тираніи. Они нѣсколько дней сопротивлялись этому желанію. Они составили прокламацію, чтобы напомнить народу о принципахъ правосудія, человѣколюбія, безпристрастія, о гарантіяхъ жизни гражданъ передъ судами. Шудье и Тюріо, хотя и якобинцы, однакожъ энергически противились учрежденію такого трибунала мести. „Я поклоняюсь революціи“, вскричалъ Тюріо, „но объявляю, что если революція не можетъ восторжествовать иначе, какъ посредствомъ преступленія, то я скорѣе допущу ея погибель, чѣмъ опозорю себя для ея спасенія“. Тюріо обладалъ въ своей совѣсти чутвемъ истиннаго спасенія революцій. Преступленіе составляетъ политику убійцъ. Истинный геній всегда невиненъ, потому что онъ состоитъ въ высшемъ пониманіи.

Коммуна настанвала и грозила. „Граждане!“ сказалъ одинъ изъ ораторовъ у рѣшетки собранія, „народъ усталъ ожидать мщенія. Смотрите, чтобы онъ самъ себя не оказалъ правосудія! Возвѣщаю вамъ, что сегодня въ полночь зазвучитъ набатъ, загремитъ генераль-маршъ! Мы хотимъ, чтобы было избрано по одному гражданину отъ каждаго отдѣла для образованія уголовнаго трибунала, и чтобы этотъ трибуналъ засѣдалъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, чтобы месть разразилась тамъ же, гдѣ сплетало свои ковы преступленіе! Я требую, чтобы Людовикъ XVI и Марія-Антуанета, столь алчныя къ крови народа, насытились, увидѣвъ какъ потечетъ кровь ихъ безчестныхъ приверженцевъ!“ — „Если, не позже какъ черезъ три часа, суды, которыхъ мы требуемъ, не будутъ въ состояніи дѣйствовать“, прибавилъ другой ораторъ, „то великія несчастія обрушатся на ваши головы!“ Черезъ нѣсколько минутъ, Геро де-Сешелль, отъ имени чрезвычайной комиссіи, отвѣчалъ на это требованіе чтеніемъ декрета, которымъ учреждался трибуналъ, обязанный судить преступленія 10 августа. Президентомъ этого трибунала былъ назначенъ Робеспьеръ. Но онъ отказался, частью, быть можетъ, изъ ужаса къ крови, частью изъ презрѣнія къ такой должности, которая недостаточно соответствовала высотѣ его предчувствій.

Національная гвардія, ненавистная однимъ, подозрительная другимъ, была преобразована въ популярномъ духѣ: она получила названіе „вооруженныхъ отдѣловъ“. Къ каждой ротѣ этихъ отдѣловъ присоединялось неограниченное число рабочихъ и пролетаріевъ, вооруженныхъ пиками; это была преторіанская

стража коммуны, содержащая ею и вполне находившаяся въ ея рукахъ, съ обязанностью наблюдать за гражданами отдѣловъ.

Не довольствуясь учрежденіемъ уголовного трибунала, коммуна потребовала въ засѣданіи 25 августа, чтобы „узники были перевезены изъ Орлеана въ Парижъ, для казни, какая заслужена ихъ преступленіями“. Брестскіе федераты, вооруженные, сопровождали въ этотъ день комиссаровъ коммуны. Одинъ изъ нихъ угрожалъ собранію местию народа, если ему не будетъ принесена въ жертву кровь плѣнниковъ. Въ собраніи предсѣдательствовалъ Лакруа, другъ Робеспьера и Дантона, фанатикъ-якобинецъ, но депутатъ неустрашимый: „Взоры всей Франціи“, отвѣчалъ онъ съ негодованіемъ комиссарамъ коммуны, „устремлены на національное собраніе. Мы будемъ достойны ея. Угрозы не произведутъ на насъ иного дѣйствія, кромѣ рѣшимости умереть на своемъ постѣ. Намъ не принадлежитъ право измѣнять конституцію. Обратитесь со своими требованіями къ національному конвенту: только онъ будетъ въ правѣ измѣнить организацію высшаго Орлеанскаго военнаго суда. Мы исполнили нашъ долгъ. Если наша смерть составляетъ послѣднее доказательство, необходимое, чтобы васъ убѣдить, то народъ, которымъ вы намъ угрожаете, можетъ располагать нашею жизнью. Депутаты, которые не боялись смерти, когда приверженцы деспотизма угрожали народу,—депутаты, раздѣлявшіе съ народомъ всѣ опасности, какимъ онъ подвергался, сумѣютъ умереть на своемъ постѣ. Идите, скажите это тѣмъ, кто васъ послалъ!“ Такое великодушное сопротивленіе Лакруа, друга и повѣреннаго Дантона, заставляетъ предполагать, что этотъ министръ еще и самъ противился наущеніямъ Марата и его партіи, которые побуждали его къ сентябрьскимъ преступленіямъ. Такимъ образомъ, черезъ 14 дней послѣ торжества, сообщая достигнутое надъ трономъ, собраніе было доведено до того, что обратилось къ коммуниѣ и къ народу съ обвиненіемъ въ убійствѣ. На слѣдующій день оно издало декретъ о заточеніи всѣхъ тѣхъ священниковъ, которые вовсе отказались или отступились отъ присяги гражданской конституціи духовенства.

18.

Взятіе Лонгви прервало на нѣкоторое время борьбу между собраніемъ и коммуной и замѣнило эту борьбу соперничествомъ въ жертвахъ на избавленіе отечества отъ опасности. Жирондисты, якобинцы, кордельеры наперерывъ подавали голоса за чрезвычайный наборъ войскъ, за вооруженіе и снаряженіе войскъ, за доставку пушекъ,—сообразно требованію обстоятельствъ. Противъ коменданта Лонгви раздался общій крикъ негодованія. Верньо предложилъ декретъ о смертной казни каждому гражданину осажденнаго города, кто только заговоритъ о сдачѣ. Люкнеръ былъ замѣненъ въ Мецской арміи Келлерманомъ.

Келлерманъ, страстно преданный войнѣ и свободѣ, составилъ свое служебное положеніе въ семилѣтней войнѣ. Еще въ молодости, онъ въ Германіи научился опытности у старыхъ полководцевъ и пользовался уроками Фридриха. Революція застала Келлермана полковникомъ и возвела его въ достоинство генерала. Находясь при арміи Люкнера, онъ приобрѣлъ себѣ уваженіе войскъ. Колѣбаніе главнокомандующаго принести присягу націи сдѣлало послѣдняго подозрительнымъ. Его смѣстили. Келлерманъ отказался командовать арміею

Люкнера, своего друга и бывшего начальника, если старому маршалу не возвратят санъ генералиссимуса. Собраніе, тронутое такимъ великодушіемъ, и убежденное въ невинности и ничтожествѣ Люкнера, дѣйствительно возвратило послѣднему его званіе и послало старика въ Шалонъ наслаждаться этимъ чисто почетнымъ титуломъ, а между тѣмъ организовать батальоны волонтеровъ, которые шли изъ всѣхъ департаментовъ въ армію.

Пока Дантонъ старался вдохнуть въ правительство силу своими крутыми распоряженіями, Робеспьеръ, который менѣе Дантона имѣлъ вѣсъ въ совѣтѣ коммуны и не такъ высоко былъ поднятъ событіемъ, въ которомъ не участвовалъ, опять сталъ возвышать голосъ постѣ сраженія, какъ-бы стараясь объяснить его смыслъ и значеніе народу. „Французская нація“, писалъ онъ, „дошла до такого пункта общественныхъ бѣдствій, когда у націи, какъ и у частныхъ лицъ, остается только одна обязанность—заботиться о своемъ собственномъ существованіи. Она поднялась, какъ въ 89 году, но съ бѣльшимъ порядкомъ, съ бѣльшимъ величіемъ, чѣмъ тогда, она выказала и болѣе хладнокровія въ своей державной власти, для обезпеченія себѣ спасенія и счастья. Въ 89 году народу помогала часть аристократіи, въ 92 году нація для своего спасенія должна разсчитывать только сама на себя“. Затѣмъ, изложивъ событія 10 августа, онъ слѣдующимъ образомъ выразилъ свое мнѣніе о послѣдствіяхъ этого дня: „собраніе отрѣшило отъ власти короля, но тутъ оно выказало недостаточную смѣлости: оно должно было провозгласить не отрѣшеніе только короля, а его низложеніе. Собраніе обязано было смѣло покончить съ этимъ вопросомъ, рѣшеніе котораго готовить намъ трудности и медленность. вмѣсто того, оно говоритъ намъ о назначеніи воспитателя королевскому принцу. Французы! подумайте о той крови, которая лилась! Припомните о тѣхъ чудесахъ разума и храбрости, которыя поставили васъ выше всѣхъ народовъ на свѣтѣ; вспомните о тѣхъ безсмертныхъ принципахъ, которые вы имѣли смѣлость и славу провозгласить первыми вокругъ троновъ, чтобы пробудить человѣчество изъ мрака и рабства! Какое же отношеніе между этимъ высокимъ назначеніемъ и выборомъ воспитателя для сына тирана!“

„Но лучшая изъ революцій, какія украшали человѣчество, уже въ ходу! Она одна только имѣетъ цѣль, достойную человѣка,—цѣль основать политическія общества на божественныхъ принципахъ равенства, правосудія и разума! Какое другое дѣло могло бы вдохнуть въ народъ такое высокое, терпѣливое мужество и породить чудеса геройства, равныя тому, что исторія намъ разсказываетъ о древности? Потрясеніе, которое низвергло тронъ, колеблетъ уже всѣ троны! Французы, будьте бодры и стойки: нужно, чтобы или короли пали или пали французы! Сломайте же послѣднія кольца въ опутывающей васъ цѣпи королевскаго сана. Вы обязаны предъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ самими собою дать себѣ возможно лучшую конституцію. Призовите въ конвентъ только людей чистыхъ отъ всякихъ интригъ и подлостей, которыя считаются добродѣтелью лишь у придворныхъ! Съ этихъ поръ вы въ войнѣ со всѣми вашими притѣснителями. Вы не найдете мира ни въ чемъ другомъ, кромѣ побѣды и кары!“ Это было воззваніе къ выборамъ, которые приближались.

Что касается до Петіона, который сдѣлался предметомъ платоническаго поклоненія комиссаровъ новой коммуны и получилъ отъ нихъ названіе Отца отечества, то онъ время отъ времени показывался у рѣшетки собранія, чтобы оправдывать снисходительнымъ тономъ произвольныя дѣйствія этого инсurreкціоннаго учрежденія. Счастливая улыбка, которая всегда покоилась на его губахъ, худо скрывала горечь, какую ему приходилось глотать въ мѣріи. Онъ былъ заложникомъ народа въ ратушѣ. Настоящимъ мѣромъ былъ, между тѣмъ, Дантонъ. Дантонъ, безпрестанно присутствуя при разсужденіяхъ муниципальнаго учрежденія, пренебрегалъ законодательнымъ собраніемъ для коммуны, съ которою вступалъ въ соглашеніе о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ; онъ былъ ея исполнительною властью.

Чтобы дать ей направленіе, единство, тайну,—необходимыя для собранія, состоящаго изъ людей дѣйствія, и чтобы давать перевѣсъ въ общемъ засѣданіи рѣшеніямъ, условленнымъ между властелиномъ и его довѣренными людьми, Дантонъ, по соглашенію съ Маратомъ, раздѣлилъ муниципальный совѣтъ на отдѣльные комитеты. Эти комитеты разсуждали и дѣйствовали одиноко. Они были типомъ тѣхъ, которые позже сосредоточили правительственную власть въ конвентѣ. Верховный комитетъ назывался комитетомъ общественнаго наблюденія. Состоя изъ небольшого числа людей, постепенно избранныхъ и „очищенныхъ“ по вкусу Марата и Дантона, онъ заставлялъ преклоняться предъ собою всѣ другіе комитеты. Этотъ комитетъ присвоилъ себѣ всѣ власти, опережалъ всѣ декреты собранія, вызывалъ къ себѣ гражданъ, арестовывалъ ихъ, наполнялъ тюрьмы,—онъ отправлялъ обязанность общей полиціи по всей странѣ, дисциплинировалъ и упрочилъ въ своемъ лицѣ возстаніе; онъ былъ непрерывнымъ заговоромъ, образцомъ того тиранскаго учрежденія, какимъ сдѣлался потомъ комитетъ общаго блага. Дантонъ, опираясь въ одно и то же время на свою легальную власть, какъ министра юстиціи въ исполнительномъ совѣтѣ, и на свою популярную силу въ наблюдательномъ комитетѣ коммуны, сообщалъ революціонную силу своимъ министерскимъ приказаніямъ, а инсurreкціи давалъ силу закона. Это было консульство Катилины. Ничто не могло ему противиться. Когда этотъ человѣкъ задумывалъ преступленіе, то оно становилось актомъ правительственной власти. Если самъ онъ и не замышлялъ того, то все-таки допускалъ преступленіямъ подготавливаться кругомъ себя во мракѣ. Онъ умышленно возобновлялъ членовъ комитета, чтобы въ минуту выполненія въ совѣсти хотя одного кого-нибудь изъ этихъ людей не пробудилось большей дозы смущенія и колебанія, чѣмъ у него самого. Съ 29 августа онъ проронилъ предъ національнымъ собраніемъ нѣсколько знаменательныхъ симптомовъ своей мысли.

Это было въ ночномъ засѣданіи. Собраніе, потрясенное отголоскомъ извѣстій съ границы, старалось прискрывать одну мѣру за другою, чтобы поставить свою преданность отечеству въ уровень съ величиною опасности. Одни предложенія слѣдовали за другими. Верньо, Гаде, Бриссо, Жансонне, Ласурсъ, Шам-

бонъ, Дюко топтали ногою въ трибуну, стараясь приобрести больше защитниковъ отечества.

Подавались голоса о наборѣ людей, о доставкѣ лошадей и оружія, о реквизиціяхъ. Дантонъ вошелъ въ залу во главѣ своихъ товарищей и вступилъ на трибуну съ видомъ чловѣка, въ умѣ котораго готово рѣшеніе. При его появленіи воцарилось выжидательное молчаніе.

„Исполнительная власть“, сказалъ онъ, „возлагаетъ на меня сообщить національному собранію о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ для спасенія отечества. Я приведу основанія къ этимъ мѣрамъ, какъ министръ народа, какъ министръ революціонный. Непріятель угрожаетъ королевству, но онъ не взялъ Лонгви. Наши неудачи превеличиваютъ. Но все-таки и опасности наши велики. Нужно, чтобы собраніе показало себя достойнымъ націи. Только путемъ потрясенія мы низвергли деспотизмъ, только путемъ же великаго національнаго потрясенія мы заставимъ отступить деспотовъ! До сихъ поръ мы видѣли только лицемѣрную войну Лафайета; теперь намъ нужно вести войну болѣе страшную. Пора возбудить народъ, чтобы онъ всею массою бросился на враговъ! До настоящей минуты запирали выходы изъ столицы и хорошо дѣлали: важно было схватить измѣнниковъ; но хотя бы пришлось ихъ арестовать цѣлыя тридцать тысячъ, они все-таки должны быть арестованы завтра же, и пусть завтра же въ Парижѣ будутъ открыты сношенія съ цѣлой Франціей! Мы требуемъ отъ васъ полномочія производить домовые обыски. Что сказала бы Франція, если бы Парижъ, оцѣпенѣлый, неподвижный, ожидалъ прибытія враговъ? Французскій народъ хотѣлъ быть свободнымъ, онъ имъ будетъ“.

Министръ умолкнулъ,—собраніе изумлено; декретъ принять. Дантонъ выходитъ и устремляется въ генеральный совѣтъ коммуны, подготовленный его агентами къ повиновенію. Онъ требуетъ, чтобы совѣтъ, не расходясь, постановилъ принять необходимыя мѣры для національнаго переворота, отвѣтственность за который исполнительная власть беретъ на себя: „При громѣ барабановъ, которые раздадутся завтра, всѣ граждане должны войти въ свои дома. Бѣда экипажей будетъ прервана на два часа. Отдѣлы, трибуналы, клубы будутъ приглашены не имѣть засѣданій изъ опасенія отвлечь общественное вниманіе отъ потребностей настоящей минуты. Вечеромъ дома будутъ иллюминированы. Избранные отдѣлами комиссары, въ сопровожденіи общественной силы, во имя закона, проникнуть во всѣ жилища гражданъ. Каждый гражданинъ заявить и выдать свое оружіе. Если онъ подозрителенъ, то будетъ сдѣланъ обыскъ, если же гражданинъ солжетъ, то будетъ арестованъ. Каждое лицо, найденное въ чужомъ, не своемъ жилищѣ, будетъ объявлено подозрительнымъ и посажено въ тюрьму. Пустые дома или тѣ, которыя не отопрутъ, будутъ запечатаны. Главнокомандующій Сантерръ потребуетъ къ себѣ вооруженные отдѣлы. Онъ сформируетъ второй кордонъ стражи вокругъ парижскихъ стѣнъ, чтобы арестовать всякаго, кто попытался бы бѣжать. Сады, лѣса, окрестныя гульбища, будутъ вскопаны. Вооруженныя лодки будутъ слѣдить на двухъ оконечностяхъ Парижа за теченіемъ рѣки, чтобы запретить всякіе пути къ бѣгству врагамъ націи“.

Когда эти мѣры были приняты, Дантонъ удаляется въ наблюдательный

комитетъ коммуны и отдаѣтъ своимъ сообщникамъ послѣднія приказанія. Въ обновленномъ комитетѣ председательствовалъ Маратъ. Маратъ не былъ комиссаромъ ни одного отдѣла, но генеральный совѣтъ оказалъ ему исключительную милость, позволивъ присутствовать въ засѣданіяхъ по праву патріотизма, и даже голосовалъ ему въ своихъ стѣнахъ почетную трибуну, чтобы отдавать отчетъ народу о преніяхъ. Другими членами были: Пани, шуринъ Сантерра,—Лепентръ, Сержанъ, президенты отдѣла,—Дюленъ, Ланфанъ, Лефоръ, Журдель, Дефоржъ, Гермеръ, Леклеркъ и Дюфоръ,—люди достойные быть товарищами Марата и исполнителями велѣній Дантона. Секретарь-актуаріусъ Мегэ,—прокуроръ коммуны Манюэль,—его помощникъ Вильо-Варренъ,—Колло д'Эрбуа, Фабръ д'Эглантинъ, Таллиенъ, секретарь генеральнаго совѣта,—президентъ Гюгененъ,—Эберъ и нѣкоторые другіе изъ числа вождей коммуны,—одобряли или опровергали или только допускали рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, знали о немъ. Неопровержимые акты и бумаги доказываютъ, что для этого народнаго сотрясенія, предсказаннаго и допущеннаго, если только не вызваннаго самимъ Дантономъ, все было придумано и приготовлено заранѣе,—палачи, жертвы и даже могилы.

Совѣщанія этого собранія были покрыты тайною. Извѣстно только, что Дантонъ, сдѣлавъ горизонтальный жестъ, сказалъ строгимъ, неровнымъ голосомъ: „надобно задать страху роялистамъ“. Въ послѣдствіи онъ самъ свидѣтельствовалъ противъ себя, въ своемъ знаменитомъ отвѣтѣ, брошенномъ конвенту на слова жирондистовъ, которые обвиняли Дантона за событія 2 сентября: „я смотрѣлъ прямо въ глаза своему преступленію и совершилъ его“.

21.

До полуночи Мальяръ, одинъ изъ вождей шакъ 6 октября, получилъ предупрежденіе, чтобы собрать свой отрядъ убійцъ для предстоящей экспедиціи, время и жертвы которой будутъ ему указаны позже. Ему была обѣщана для людей высокая плата, по столько-то за убійство. Мальяру поручено было держать наготовѣ телѣги, необходимыя для своза труповъ.

Наконецъ, два агента наблюдательнаго комитета явились 28 августа, въ 6 часовъ утра, къ могильщику приходской церкви Saint-Jacques du Haut-Pas, велѣли ему взять заступъ и слѣдовать за собою. Достигнувъ площади каменоломень, которыя простираются за заставою Сентъ-Жакъ (нѣкоторыя изъ этихъ каменоломень служили катакомбами при недавнемъ перемѣщеніи парижскихъ кладбищъ)—два незнакомца развернули карту и ознакомились съ мѣстностью этого поля смерти. По знакамъ, начертаннымъ на землѣ и воспроизведеннымъ на картѣ, они опредѣлили площадь этихъ запертыхъ подземелій. Они сами обозначили, оборотною стороною заступа, кругообразную линію въ 6 футовъ діаметромъ, гдѣ могильщикъ долженъ былъ копать, чтобы найти отверстіе колодца, который опускался въ эти пропасти. Незнакомцы вручили могильщику нужную сумму для уплаты его рабочимъ. Они велѣли ему наблюсти, чтобы дѣло было кончено на четвертый день, и удалились, взявъ обѣщаніе молчать.

Молчаніе только въ половину, однакожъ, прикрыло эти гнусныя приготовленія. Глухой шумъ, обходившій тюрьмы, заставилъ жертвы предчувствовать

ударъ. Тюремщики и сторожа получили и передали, по принадлежности, неясныя предувѣдомленія.

Дантонъ, жестокий вообще, способный къ состраданію въ отдѣльныхъ случаяхъ, уступая настояніямъ дружбы и движеніямъ собственного сердца, велѣлъ наканунѣ выпустить нѣсколькихъ плѣнниковъ, въ судьбѣ которыхъ его успѣли заинтересовать. Приказывая совершать преступленія не по свирѣпости своей натуры, а по жестокости цѣлой системы, онъ казался счастливымъ, укрывая жертвы самъ отъ себя. Де-Маргери, высшій офицеръ конституціонной стражи короля,—знаменитый грамматикъ, аббатъ Ломонъ,—нѣсколько бѣдныхъ священниковъ христіанскихъ школъ, когда-то занимавшіеся воспитаніемъ Дантона, ему были одолжены жизнью. Марать, по приказанію министра, велѣлъ освободить этихъ узниковъ. Нѣкоторое число изъ нихъ онъ самъ поставилъ внѣ предѣловъ задуманнаго удара. Сердце человѣка никогда не бываетъ столь непоколебимо, какъ его разумъ. Дружба Манюэля спасла Бомарше автора комедіи „Фигаро“, этого пролога революціи, начатой смѣхомъ, а конченной топоромъ. Манюэль самъ пошелъ въ тюрьму des Carmes и поставилъ стражу у дверей жилища четырехъ дряхлыхъ монаховъ этого дома, которымъ было дозволено кончить тамъ свои дни. Эти старцы одни только и остались въ живыхъ. Они вовсе не были извѣстны Манюэлю, но кровь ихъ была признана бесполезной, и ихъ освободили.

Аббатъ Берардье, принципаль колегіи Людовика Великаго, при которомъ учились Робеспьеръ и Камиллъ Демуленъ, получилъ въ самый день рѣзни, отъ неизвѣстнаго лица, охранный листъ. Эти приготовленія, предувѣженія, исключенія доказываютъ предумышленность. Камиллъ,—повѣренный всѣхъ душевныхъ движеній Дантона, не могъ не знать о существованіи плана организованной рѣзни. Невозможно также, чтобы Сантерръ, главнокомандующій національными гвардейцами, бездѣйствіе которыхъ было необходимо въ продолженіе трехъ дней, для совершенія столькихъ убійствъ—невозможно, чтобы онъ не получилъ отъ Дантона намека о событіяхъ. Но если Сантерръ получилъ предувѣдомленіе, то и Петіонъ не могъ оставаться въ полномъ невѣдѣніи: начальникъ гражданскихъ войскъ зависѣлъ отъ парижскаго мэра. Полуслова, двусмысленныя признанія, знаки соглашенія между заговорщиками, которые заставляютъ, разсуждаютъ, дѣйствуютъ почти открыто одни предъ другими, въ совѣтъ изъ 180 членовъ,—не могли ускользнуть отъ Петіона.

22.

Рапорты муниципальной полиціи, приносимые въ мэрію съ часу на часъ, не молчали объ обстоятельствахъ, людяхъ, оружіи, какіе имѣлись наготовѣ для приготовляемаго событія. Какимъ образомъ то, что было извѣстно въ тюрьмахъ, могло оставаться неизвѣстнымъ въ ратушѣ? По совершеніи дѣла, всѣ были омыты кровью. Послѣ одновременной подготовки внезапнаго и неодолимаго порыва народнаго гнѣва, хотѣли ограничить преступленіе возможно меньшимъ числомъ исполнителей. Исторія не знаетъ такой снисходительности. Мысль рѣзни принадлежитъ Марату, принятіе такой мысли и отвѣтственность за нее—Дантону, выполненіе—наблюдательному совѣту, сообщничество—лежитъ на нѣсколькихъ лицахъ, трусливая терпимость преступленія—почти на всѣхъ. Наи-

болѣ смѣлые, сознавая свое безсиліе удержать рѣзню, притворились, что не знаютъ о ней, чтобы не пришлось ни одобрять ее, ни предупреждать. Они удалились, выражая горестъ, и умолкли. Для національной гвардіи, для собранія, для генеральнаго совѣта коммуны,—преступленіе это называлось потворствомъ. Пока оно совершалось, старались на него не смотрѣть. Громко проклиная его начали только потомъ. Въ душѣ Марата эта жажда крови была крайнимъ цѣлебнымъ свойствомъ для одряхлѣвшаго общества, которое онъ хотѣлъ умертвить, чтобы потомъ возсоздать сообразно своимъ мечтаніямъ; въ умѣ Дантона это былъ политическій переворотъ. Дантонъ обсудилъ свое преступленіе прежде, чѣмъ приказалъ совершить его. Для Дантона было столь же легко помѣшать дѣлу, какъ и позволить ему совершиться. Онъ скрывалъ отъ себя самого свирѣпость задуманныхъ событій. „Мы будемъ не убивать“, говорилъ онъ на послѣднихъ разсужденіяхъ въ наблюдательномъ совѣтѣ, „мы будемъ судить; ни одинъ невинный не погибнетъ“. Дантонъ хотѣлъ трехъ вещей: во-первыхъ, встряхнуть народъ и въ такой степени замѣшать его въ дѣло революціи, чтобы отступитъ онъ уже не могъ и бросился бы къ границамъ, обогранный кровью роялистовъ, не имѣя другой надежды, кромѣ побѣды или смерти; во-вторыхъ, внести ужасъ въ сердца роялистовъ, аристократовъ и духовенства; наконецъ, въ-третьихъ, запугать жирондистовъ, начинавшихъ уже роптать на тираннію коммуны, и показать этимъ слабымъ людямъ, что если они не сдѣлаются орудіями народа, то легко могутъ сдѣлаться его жертвами.

Дантона въ особенности побуждала къ убійствамъ болѣ личная и менѣе теоретическая причина: его характеръ. Дантонъ имѣлъ репутацію человека энергическаго, онъ гордился ею. Онъ хотѣлъ выказать свою энергію въ такой степени, чтобы изумить и друзей своихъ и враговъ. Преступленіе было въ глазахъ Дантона гениальностью. Онъ презиралъ тѣхъ, которые останавливались предъ чѣмъ-нибудь, даже предъ убійствомъ массами. Дантонъ восхищался самъ собою за свое презрѣніе къ упрекамъ совѣсти. Онъ счелъ за лучшее быть феноменомъ революціоннаго увлеченія. Въ злодѣяніяхъ Дантона было своего рода тщеславіе. Онъ думалъ, что его дѣло, оправданное хорошими намѣреніями и отдаленностью, утратитъ вполнѣдствіи свой настоящій характеръ,—что имя Дантона вырастетъ, когда оно будетъ видѣться въ перспективѣ, и что самъ онъ сдѣлается колоссомъ революціи. Дантонъ ошибался. Чѣмъ больше политическія преступленія удаляются отъ страстей, подъ вліяніемъ которыхъ совершены, тѣмъ болѣе они принижаются и блѣднѣютъ въ глазахъ потомства. Исторія составляетъ совѣсть человѣчества; голосъ этой совѣсти послужитъ осужденіемъ Дантону. Говорили, что онъ спасъ отечество и революцію этими убійствами и что наши побѣды служатъ имъ оправданіемъ. Но говоря такъ, обманываются, какъ обманывался и Дантонъ. Народъ, котораго нужно опьянить кровью, чтобы побудить его защищать отечество, былъ бы народомъ злодѣевъ, а не героевъ. Геройство составляетъ противоположность убійству. Что же касается до революціи, то ея обаяніе заключалось въ ея справедливости и нравственности. Эта рѣзня должна была опозорить революцію въ глазахъ Европы. Правда, что Европа испустила крикъ ужаса, но ужасъ не значить уваженіе. Тому дѣлу не оказываютъ услуги, которое позорять.

XXV.

Парижъ лишень сношеній съ вѣншимъ міромъ.—Домовые обыски.—Заподозрѣнные въ тюрьмахъ.—Дантонъ готовится къ событію.—Робеспьеръ предоставляетъ революціи идти своимъ порядкомъ.—Сенъ-Жюсть и Робеспьеръ. — 2 сентября.—Убіиства въ тюрьмахъ.—Швейцарцы.—Баронъ Редингъ.—Королевскіе тѣлохранители.—Монморенъ.—Де-Сомбрель и его дочь.—Казоттъ и его дочь.—Тьерри.—Де-Малье, де-Роганъ-Шабо.—Молодой Монсабръ.—Аббатъ Сикаръ.—Арльскій архіепископъ.—Принцесса Ламбаль.—Негръ Делормъ.

1.

Лишь только Дантонъ вышелъ изъ секретнаго комитета коммуны, какъ городъ, послѣ предварительнаго барабаннаго боя, вдругъ затихъ, точно вымершій. Парижъ сдѣлался похожъ на такой городъ, въ которомъ какая-нибудь нечаянная катастрофа разсыяла всѣхъ жителей. Хотя яркое лѣтнее солнце озаряло верхушки деревьевъ Тюльери, Люксембурга, Елисейскихъ Полей и бульваровъ, но гулянья, площади, улицы были совершенно пусты. Замолкъ глухой гулъ экипажей,—гулъ, возвѣщающій жизнь и выражающій собою какъ-бы ропотъ людскихъ волнъ. Слышенъ былъ только стукъ дверей и оконъ, быстро захопываемыхъ жителями; можно было подумать, что ожидается приближеніе общественнаго врага. Шайки людей, вооруженныхъ пиками, патрули федератовъ, марсельскіе и брестскіе отряды обходили медленными шагами различные кварталы. Сантерръ, со своимъ штабомъ, состоявшимъ изъ 48 адъютантовъ, посланныхъ отдѣлами, объѣзжалъ караулы верхомъ. Заставы были заперты и оберегались марсельцами. Въ заставъ, по распоряженію отдѣловъ, образована была вторая ограда изъ часовыхъ.

Между селеніями и Парижемъ было прервано всякое сообщеніе; цѣлый безмолвный городъ былъ похожъ на плѣнника, котораго крѣпко держать, а между тѣмъ обыскиваютъ и связываютъ. Рѣчныя воды были подвергнуты такому же плѣну, какъ и земля. Флотиліи изъ лодокъ, наполненныхъ вооруженными людьми, непрерывно плавали среди Сены, перехватывая всякое сообщеніе между двумя берегами. Паралеты набережныхъ, арки мостовъ, крыши купальныхъ или прачешныхъ заведеній на рѣкѣ были покрыты караульными. Отъ времени до времени ружейный выстрѣлъ съ этихъ возвышенныхъ пунктовъ застигалъ бѣглецовъ, искавшихъ убѣжища даже въ устьяхъ водосточныхъ трубъ. Нѣкоторые портовые рабочіе были, такимъ образомъ, убиты, когда выходили изъ лодокъ или когда хотѣли туда войти. Прозвучалъ часъ, и каж-

дый шагъ въ городѣ сдѣлался преступленіемъ. Отряды людей съ пиками оставляли всѣхъ, кто замѣшался благодаря случаю, неблагоразумію, какой-нибудь жизненной потребности. Когда улицы, подобнымъ образомъ, опустѣли,—во внутренности домовъ господствовали ожиданіе и ужасъ. Никто не зналъ, самъ про себя, невиннымъ-ли или преступнымъ окажется онъ въ глазахъ посѣтителей, и не будетъ ли оторванъ отъ своего очага, отъ жены, отъ дѣтей.

Найденное въ домахъ, но незаявленное оружіе было поводомъ къ обвиненію; заявленное—служило лишнимъ подкрѣпленіемъ подозрительности. Какой бы ни было знакъ роялизма: мундиръ королевскаго тѣлохранителя, печать, пуговица съ королевскимъ гербомъ, портретъ, корреспонденція съ другомъ или родственникомъ-эмигрантомъ, гостепрѣмство иностранцу, для пребыванія котораго въ домѣ не было представлено удовлетворительнаго объясненія,—все это могло сдѣлаться причиною смерти. Доносъ врага, сосѣда, слуги заставлялъ блѣднѣть. Каждый для себя, для своихъ гостей, для предметовъ, которые хотѣлось скрыть отъ розыска,—старался подыскать потемки, лазейки, убѣжища, укромные уголки, которые обманули бы взоръ посѣтителей. Люди спускались въ погреба, влѣзали на крыши, ползали въ печныхъ трубахъ, продавливали стѣны, устраивали въ нихъ ниши, прикрытыя шкапами или картинами, раскалывали полъ, пробирались туда между брусьями и паркетомъ, завидовали судьбѣ пресмыкающихся.

При ударѣ молотка комиссаровъ въ дверь дома, у обитателей занималось дыханіе. Эти комиссары входили, въ сопровожденіи людей изъ отдѣловъ, съ обнаженными саблями въ рукахъ; большинство изъ нихъ были рабочіе, знавшіе всякіе способы, посредствомъ которыхъ можно сдѣлать сообщниками укрывательства стѣны, мебель, дерево, постели, матрацы, камень. Слесаря, снабженные своими инструментами, вскрывали замки, взламывали двери, изслѣдовали полы, обнаруживали всѣ хитрости, какія могли быть придуманы нѣжностью, гостепрѣмствомъ, страхомъ.

Пять тысячъ заподозрѣнныхъ были вырваны изъ своихъ домовъ или убѣжищъ въ продолженіе короткой ночи. Ихъ пооткрывали даже въ постеляхъ больныхъ, въ госпиталяхъ, куда они укрывались, раздѣлая ложе умирающихъ и мертвыхъ. Злоба убійцы Дантона была изобрѣтательнѣе страха. Арестовали даже трехъ братьевъ Самсонъ, парижскихъ палачей, виновныхъ въ томъ, что оказывали въ свое время механическія услуги королевскимъ приговорамъ.

Ускользнули лишь немногіе роялисты. Парижъ былъ очищенъ отъ всѣхъ тѣхъ, которые не могли убѣжать изъ его стѣнъ съ 10 августа.

2.

Назавтра днемъ мѣрія, отдѣлы, старинныя тюрьмы Парижа и монастыри, обращенные въ тюрьмы, наполнились узниками. Ихъ допрашивали сокращеннымъ порядкомъ. Половину изъ нихъ выпустили,—а именно жертвъ ошибки, скорости, мрака, или тѣхъ, которыхъ требовали ихъ отдѣлы. Остальные были распределены, какъ попало, въ тюрьмахъ аббатства Сень-Жерменъ, Консьержери, Шателэ, Лафоретъ, Люксембургъ, и въ древнихъ монастыряхъ Бернардиновъ, Сень-Фирменъ, des Carmes, Бисетръ и Сальпетриеръ двѣ главные клоаки Парижа, потѣснили ряды своего населенія, чтобы принять узниковъ.

Три дня, послѣдовавшіе за этою ночью, были употреблены комиссарами отдѣловъ на разборъ плѣнниковъ. Молва объ участи, которая имъ готовилась распространялась далеко. Уже толковали объ ихъ смерти. Отдѣлъ Пуассоньеръ осудилъ ихъ массою на убійство. Отдѣлъ des Thermes требовалъ, чтобы ихъ казнили безъ всякаго особаго суда, кромѣ той опасности, какой подвергалось отечество влѣдствіе ихъ существованія. „Надо очистить тюрьмы и, отправляясь на границы страны, не оставлять позади себя измѣнниковъ!“ Таковъ былъ крикъ, пущенный въ ходъ въ массахъ народа Маратомъ и Дантономъ. Народу нужно, чтобы его гнѣвъ былъ приводимъ въ систему, и чтобы кто-нибудь другой освоивалъ народъ съ собственнымъ его преступленіемъ.

3.

Таково было положеніе, занятое Дантономъ наканунѣ сентябрьскихъ преступленій.

Что же касается до Робеспьера, то роль его въ эти дни была такая же, какую онъ бралъ на себя во время всѣхъ кризисовъ, въ вопросѣ о войнѣ, 20 іюня, 10 августа. Онъ не дѣйствовалъ, а только порицалъ; онъ представлялъ событію идти своимъ чередомъ, и, какъ только оно совершилось, принималъ его, какъ шагъ революціи впередъ, послѣ котораго отступать назадъ было уже нельзя; Робеспьеръ не хотѣлъ уступать другимъ первенство въ популярности надъ собою, онъ умылъ себѣ руки пролитою кровью и предоставилъ ей течь. Но уровень значенія Робеспьера, уступавшій значенію Дантона и Марата въ совѣтѣ коммуны, не давалъ еще ему тогда силы воспрепятствовать чему бы то ни было. Онъ, вмѣстѣ съ Петіономъ, находился въ тѣни. Эти люди, подобно жирондистамъ, не ошибались относительно проектовъ Марата и Дантона; но, безсильные предупредить эти проекты, они показывали видъ, что не знаютъ ихъ. Фактъ, недавно открытый исторіи довѣреннымъ лицомъ Робеспьера и Сень-Жюста, пережившимъ эти мрачныя времена, доказываетъ справедливость такихъ предположеній объ отношеніи Робеспьера къ убійствамъ сентябрьскихъ дней.

4.

Въ это время, Робеспьеръ и молодой Сень-Жюсть,—одинъ уже знаменитый, другой еще безвѣстный, жили въ такихъ близкихъ, фамиллярныхъ отношеніяхъ, какія часто соединяютъ учителя съ ученикомъ. Сень-Жюсть, замѣшанный въ современное движеніе, слѣдилъ и даже опережалъ взоромъ кризисы революціи съ холоднымъ безстрастіемъ логики, которая дѣлаетъ сердце сухимъ, какъ система, и жестокимъ, какъ отвлеченный выводъ. Въ глазахъ Сень-Жюста политика была борьбою на смерть, а побѣжденные—жертвами. 2 сентября, въ 11 часовъ вечера, Робеспьеръ и Сень-Жюсть вмѣстѣ вышли изъ клуба якобинцевъ, утомленные тѣломъ и духомъ отъ пережитаго дня, вполне посвященнаго шуму разсужденій, и усиленнаго еще такою ужасною ночью.

Сень-Жюсть жилъ въ маленькой комнатѣ меблированного отеля, въ улицѣ св. Анны, недалеко отъ дома столяра Дюплэ, жилища Робеспьера. Разговаривая о событіяхъ минувшаго дня и о тѣхъ, какими грозилъ завтрашній, оба друга

подошли къ дверямъ дома Сень-Жюста. Робеспьеръ, углубленный въ свои мысли, и продолжая разговоръ, дошелъ до самой комнаты молодого человѣка. Сень-Жюстъ бросилъ свое платье на стулъ и расположился лечь спать. „Что ты дѣлаешь?“ сказалъ ему Робеспьеръ. „Ложусь спать“, отвѣчалъ Сень-Жюстъ. „Какъ! ты можешь помышлять о снѣ въ подобную ночь!“ возразилъ Робеспьеръ, „ты слышишь набатъ; развѣ ты не знаешь, что эта ночь, быть можетъ, сдѣлается послѣднею для тысячъ намъ подобныхъ, которые будутъ еще людьми въ ту минуту, когда ты засыпаешь, а ко времени твоего пробужденія сдѣлаются уже трупами?“ — „Увы!“ отвѣчалъ Сень-Жюстъ, „я знаю, что, быть-можетъ, въ эту ночь произойдетъ рѣзня, и оплакиваю это; я хотѣлъ бы быть достаточно могучимъ, чтобы умѣрить судорожныя потрясенія общества, которое бьется между свободою и смертью, но что я такое? да и кромѣ того тѣ, которыхъ будутъ убивать въ эту ночь, не друзья нашихъ идей! Прощай“. И онъ заснулъ.

На развѣтѣ слѣдующаго дня Сень-Жюстъ, проснувшись, увидалъ Робеспьера, который прохаживался порывистыми шагами по комнатѣ и, отъ времени до времени, прислонялся лбомъ къ оконнымъ стекламъ, смотря на дневной свѣтъ и слушаая уличный шумъ. Сень-Жюстъ, удивленный, что видитъ своего друга въ такую раннюю пору и на томъ же мѣстѣ, спросилъ Робеспьера: „что тебя привело сюда сегодня такъ рано?“ — „Что меня привело?“ отвѣчалъ тотъ, „такъ ты думаешь, что я уже возвратился?“ — „Какъ ты не уходилъ спать?“ сказалъ Сень-Жюстъ. — „Спать!“ возразилъ Робеспьеръ, „спать! въ то время, когда сотни убійцъ рѣзали тысячи жертвъ, и когда кровь, чистая или нечистая, текла какъ вода, въ сточныя трубы! О, нѣтъ“, продолжалъ онъ мрачнымъ голосомъ и съ сарданическою улыбкою на губахъ, „нѣтъ, я не ложился, я бодрствовалъ, какъ угрызеніе совѣсти или какъ само преступленіе: да, я имѣлъ слабость не спать, но Дантонъ, онъ спалъ“.

5.

Несчастныя извѣстія съ границъ, патріотическія вербовки на козлахъ, воздвигнутыхъ на главныхъ перекресткахъ Парижа, прогулки волонтеровъ подъ звукъ барабана, съ пригѣвами „Марсельезы“ и „*Ça ira*“; черное знамя, зловѣщій знакъ войны, развернутое на ратушѣ и на башняхъ кафедральнаго собора; листки Марата, Эбера, писанные кровью; журналы-афиши, заставлявшіе говорить стѣнамъ, подобные чьимъ-то безыменнымъ возгласамъ и группировавшіе около себя народъ, который слушаая чтеніе ихъ собирался шумными толпами; набатъ, который звуча на башняхъ ускорялъ біеніе пульса громаднаго города; наконецъ, пушка—знакъ тревоги—гремящая ежечасно: все было разсчитано, чтобы возбудить въ городѣ лихорадочное волненіе. Планъ рѣзни былъ начертанъ, подобно плану сраженія. Даже случайности въ немъ были предусмотрѣны и условлены.

6.

Въ воскресенье 2 сентября, въ три часа пополудни, когда народъ встаетъ изъ-за стола и загромождаетъ улицы, чтобы побродить вечеромъ въ день отдыха,

былъ поданъ сигналъ по одной изъ тѣхъ случайностей, которыя рождаются сами собою.

Пять экипажей, наполненные каждый шестью священниками, были отправлены изъ магазиновъ ратуши въ тюрьму аббатства, черезъ Новый мостъ и улицу Бюси, мѣста шумныя и непристойныя. При третьемъ выстрѣлѣ изъ пушки, означавшемъ тревогу, эти экипажи отправились въ путь. Ихъ сопровождалъ слабый конвой авиньонцевъ и марсельцевъ, вооруженныхъ саблями и пиками. Дверцы каретъ были отворены, чтобы толпа замѣтила во внутренности ихъ ненавистные для себя костюмы. Толпы дѣтей, женщинъ и мужчинъ слѣдовали за экипажами, оскорбляя священниковъ. Люди, составлявшіе конвой, присоединялись къ обидамъ, угрозамъ и оскорбленіямъ черни. „Смотрите!“ говорили они толпѣ, указывая на плѣнниковъ концами своихъ сабель, „вотъ сообщники пруссаковъ! вотъ люди, которые васъ зарѣжутъ, если вы имъ оставите жизнь, чтобы измѣнить вамъ!“

Волненіе, увеличиваясь съ каждымъ шагомъ по улицѣ Дофина, встрѣтило препятствіе въ другой толпѣ, загромождавшей перекрестокъ Бюси, гдѣ муниципальныя должностныя лица принимали вербовку на открытомъ воздухѣ. Экипажи останавливаются. Какой-то человѣкъ проталкивается сквозь конвой, который предупредительно предъ нимъ разступается; этотъ человѣкъ входитъ на наружную подножку перваго экипажа, два раза вонзаетъ клинокъ своей сабли въ тѣло одного изъ священниковъ, вынимаетъ изъ тѣла клинокъ, дымящійся кровью, и показываетъ его народу совѣтъ окровавленнымъ. Народъ испускаетъ крикъ ужаса и удаляется: „Это пугаетъ васъ, трусы!“ говоритъ убійца съ презрительной улыбкой. „Надо васъ освоить со смертію“. При этихъ словахъ, снова погружая остріе своей сабли въ глубину экипажа, онъ продолжаетъ разить. У одного изъ священниковъ пробито плечо, у другого сдѣланъ рубецъ на тѣлѣ, у третьяго отрублена рука, когда онъ хотѣлъ ею прикрыть себѣ лицо. Аббатъ Сикаръ, милосердый попечитель глухонѣмыхъ, охраняется тѣлами своихъ раненыхъ товарищей. Экипажи медленно двигаются впередъ. Убійца переходитъ отъ одной кареты къ другой и, держась одной рукой за створъ дверецъ, другой поражаетъ на-удачу всѣхъ тѣхъ, кого можетъ достать своимъ оружіемъ. Авиньонскіе убійцы, смѣшавшіеся съ конвоемъ, соперничаютъ съ нимъ въ убійствахъ и вонзаютъ свои штыки внутрь экипажей. Острія пикъ, направленные противъ дверецъ, угрожаютъ тѣмъ изъ священниковъ, которые хотѣли было броситься на улицу. Медленное движеніе длиннаго ряда этихъ экипажей,—оставляемый ими слѣдъ крови, вопли, отчаянныя тѣлодвиженія священниковъ, бѣшенный ревъ палачей, взрывы хохота и рукоплесканій черни—возвѣщаютъ издали узникамъ аббатства о приближеніи конвоя. Нетерпѣніе убійцъ не могло дождаться прибытія жертвъ на мѣсто казни: они убивали несчастныхъ на ходу.

Процессія останавливается на площади, у воротъ аббатства. Солдаты конвоя вытаскиваютъ за ноги восемь труповъ изъ экипажей. Священники, ускользнувшіе отъ сабельныхъ ударовъ или только раненые, устремляются въ тюрьму. Изъ нихъ схватываютъ четверыхъ сквозь ряды караульныхъ солдатъ. Несчастныхъ убиваютъ на порогѣ. Нѣкоторые, находя, что отворять дверь слишкомъ долго,

перелѣзають въ окно комитета отдѣла, у котораго въ эту минуту происходило засѣданіе въ тюрьмѣ. Эти граждане, чуждые убійству, укрываютъ жертвы отъ ярости убійцъ, посадивъ ихъ между собою. Журналистъ Паризо и королевскій интендантъ Лашапелъ обязаны были своимъ спасеніемъ присутствію духа и благородной лжи членовъ этого комитета.

7.

Между тѣмъ, плѣнники, скученные въ аббатствѣ, слушали у своихъ дверей эту прелюдію рѣзни. Съ утра угрюмый видъ и полуслова ихъ стражей предсказали несчастнымъ зловѣщій вечеръ. По приказанію коммуны, въ этотъ день во всѣхъ тюрьмахъ часъ обѣда былъ назначенъ ранѣе. Заключенные спрашивали другъ друга, какая могла быть причина этой переменъ въ обычаяхъ внутренняго распорядка ихъ жизни. Было-ли это перемѣщеніе? Или отъѣздъ въ ссылку за море? Одни надѣялись, другіе трепетали, всѣ волновались. Изъ рѣшетчатыхъ оконъ башенки, которая выходитъ на улицу Св. Маргариты, нѣкоторые изъ узниковъ увидали, наконецъ, экипажи и услышали вопли: они распространили тревогу въ тюрьмѣ. Разнеслась молва, что дорогою перерѣзали всѣхъ священниковъ. Шумъ громадной толпы, которая наполняла дворъ и тѣснилась на площади и въ улицахъ, сосѣднихъ съ аббатствомъ, достигъ ушей заключенныхъ чрезъ окна и отдушники. Грохотъ экипажей, топотъ лошадей, бряцаніе сабель, смутные голоса, замолкавшіе на минуту, чтобы чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени разразиться продолжительнымъ крикомъ: „да здравствуетъ нація!“ оставляли плѣнниковъ на нѣкоторое время въ неизвѣстности, какая была цѣль этого шума: зарѣзать ли ихъ хотѣла толпа или защитить. Внутреннія калитки были за ними заперты. Узникамъ было отдано приказаніе войти каждому въ свою камеру какъ-бы для переключки.

8.

Зрѣлище, которое отъ нихъ скрывали, было слѣдующее. Послѣдняя темница, выходившая во дворъ, была превращена въ трибуналъ. Вокругъ обширнаго стола, покрытаго бумагою, чернильницами, тюремными росписями арестантовъ, стаканами, бутылками, пистолетами, саблями и трубками, сидѣли на скамьяхъ двѣнадцать судей мрачнаго вида, съ атлетическими плечами, — типъ людей труда, разврата и крови. Костюмъ ихъ былъ такой, который употребляется среди трудолюбивыхъ классовъ народа: шерстяные колпаки на головѣ, камзолы, окованные желѣзомъ башмаки, холщевые фартуки, какіе бывають у мясниковъ. Нѣкоторые изъ судей сняли свои камзолы. Засученные до локтей рукава ихъ рубашекъ выказывали мускулистыя руки и кожу, татуированную слѣдами различныхъ ремеслъ. Двое или трое, болѣе худощаваго тѣлосложенія, съ болѣе бѣлыми руками, съ болѣе разумнымъ выраженіемъ лица, обнаруживали въ себѣ людей мысли, умышленно замѣшавшихся въ число людей дѣла, чтобы управлять послѣдними. Человѣкъ въ сѣромъ платьѣ, съ саблею на боку, съ перомъ въ рукѣ, съ неподвижнымъ, какъ бы окаменѣлымъ лицомъ, сидѣлъ въ центрѣ стола и предсѣдательствовалъ въ этомъ трибуналѣ. Это былъ приставъ Мальяръ, кумиръ собраній предмѣстья Сень-Марсо, — одинъ изъ тѣхъ людей,

которые бывают порождены осадкомъ народныхъ массъ и за которыми сами массы слѣдуютъ потому, что опередить ихъ не могутъ. Соперникъ Журдана, пріятель Теруанъ, герой октябрьскихъ дней, 20 іюня и 10 августа, Мальяръ самъ себя возвелъ въ званіе палача при народѣ. Онъ любилъ кровь, носилъ отрубленные головы, вонзалъ на остріе сабли сердца, вынутыя изъ убитыхъ, увѣчилъ трупы. Распутныя женщины и свирѣпыя дѣти, которыя слѣдятъ за агоніею смерти послѣ рѣзни, превозносили Мальяра потому, что онъ подобными зрѣлищами тѣшилъ ихъ взоръ. Онъ, наконецъ, составилъ себѣ популярность, благодаря ужасу, какой внушало его имя. Теперь Мальяръ уже вносилъ нѣкоторую сдержанность въ свое мнѣніе, ставилъ нѣкоторые предѣлы убійству. Собственными руками онъ уже болѣе не казнилъ, онъ предоставлялъ это своимъ помощникамъ. Казалось, онъ совѣтовался со своею совѣстью прежде, чѣмъ предать жертвы на бойню.

Таковъ былъ Мальяръ. Онъ возвратился изъ Carmes, гдѣ организовалъ рѣзню. Но не простой случай привелъ его въ аббатство въ тотъ именно часъ, когда прибылъ послѣдній конвой, и притомъ съ тюремнымъ спискомъ въ рукѣ. Наканунѣ онъ получилъ интимныя сообщенія отъ Марата чрезъ посредство членовъ наблюдательнаго комитета. Дантонъ велѣлъ принести списки въ этотъ комитетъ; тамъ „очистили“ листы съ именами арестантовъ: тутъ Мальяру обозначили, кого нужно было отпустить, кого осудить. Судъ былъ переданъ трибуналу, который долженъ былъ образоваться на мѣстахъ. Произволомъ народа въ этомъ трибуналѣ замѣнялся законъ. Читали по списку имена; пріятники шли за узникомъ, имя котораго было произнесено. Мальяръ его допрашивалъ, потомъ спрашивалъ взглядомъ мнѣніе своихъ товарищей. Если подсудимаго слѣдовало оправдать, Мальяръ говорилъ: „освободить этого чело-вѣка“. Если же онъ былъ осужденъ, то голосъ судьи произносилъ: „въ тюрьму Лафорсъ!“ При этихъ словахъ наружная дверь отворялась; узникъ, увлеченный за порогъ, падалъ при выходѣ.

9.

Рѣзня началась съ швейцарцевъ. Ихъ было въ аббатствѣ 150 чело-вѣкъ, офицеровъ и солдатъ. Мальяръ велѣлъ ихъ привести къ калиткѣ и судить всей массою. „Вы убивали народъ 10 августа“, говоритъ онъ имъ, „народъ требуетъ мести. Вы будете отправлены въ Лафорсъ“.—„Пощадите! Поощадите!“ кричатъ солдаты, падая на колѣни.—„Дѣло идетъ не о смерти“, отвѣчаетъ имъ Мальяръ, „а только о томъ, чтобы перевезти васъ въ другую тюрьму. Быть можетъ, въ другомъ мѣстѣ вамъ и окажутъ пощаду“. Но швейцарцы уже слышали крики, которые требовали ихъ смерти. „Зачѣмъ насъ обманывать?“ говорятъ они, „мы хорошо знаемъ, что отъ сюда больше нигде не выйдемъ, какъ только на смерть!“ При этихъ словахъ, марселецъ и мальчикъ-мясникъ полуютворяютъ дверь, и, указывая пальцемъ на швейцарцевъ, говорятъ: „Ну, ну, рѣшайте же! Скорѣй! Народъ теряетъ терпѣніе!“ Швейцарцы отступаютъ, какъ стадо при видѣ бойни, и всюю массою тѣснятся въ глубинѣ камеры, карабкаясь другъ на друга и испуская жалобные вопли. „Надо это кончить“, говоритъ одинъ изъ судей. „Ну, кто выйдетъ первый?“—„Хо-

рошо, пусть же это буду я“, восклицает молодой унтеръ-офицеръ высокаго роста, со спокойнымъ лицомъ, съ воинственной осанкой. „Покажите мнѣ дверь. Куда надо идти?“

Дверь открывается. Онъ бросаетъ свою шляпу назадъ, прощаясь со своими товарищами, и переступаетъ порогъ. Красота и рѣшимость швейцарца приводятъ убійцъ въ оцѣпенѣніе. Они отдаляются цѣлой шеренгой. Убійцы подпускаютъ жертву до самой середины двора. Но, вскорѣ оправаясь отъ изумленія, они приближаются и образуютъ кругъ изъ сабель, пикъ и штыковъ, направленныхъ противъ несчастнаго. Онъ дѣлаетъ два шага назадъ, спокойно обводитъ взоромъ убійцъ, скрещиваетъ руки на груди, остается съ минуту неподвижнымъ, какъ-бы ожидая удара,—потомъ, видя, что все готово, бросается самъ головою впередъ на штыки и падаетъ, проколотый тысячею ударовъ. Смерть его влечетъ за собою и смерть его 150 товарищей. Они падаютъ одинъ за другимъ на мостовую, какъ заколотый скотъ. Тѣлѣги не успѣваютъ убирать тѣла: ихъ складываютъ въ груды по обѣ стороны двора, чтобы очистить мѣсто тѣмъ, которые должны умереть. Баронъ Редингъ умеръ послѣднимъ. Этотъ молодой офицеръ, своею возвышенною осанкою и мужественнымъ выраженіемъ лица отличался даже среди расы сыновъ горъ, гдѣ природа даетъ всему большіе и лучшіе размѣры.

Редингъ былъ раненъ въ Тюльери. Плечо и бедро у него были раздроблены пулями. Съ поля битвы его перенесли въ аббатство. Онъ былъ брошенъ на койку въ темномъ углу капеллы; малѣйшее движеніе тревожило его раздробленные члены и вырывало стоны у страдальца.

Женщина, которая его любила, испросила у тюремныхъ комиссаровъ цѣною золота позволеніе ходить за нимъ. Переодѣвшись больничной сидѣлкой, она проводила цѣлые дни подлѣ постели Рединга. Хотя она и была узнаваема нѣкоторыми изъ присутствующихъ, но всѣ эти люди показывали видъ, что обманулись ея переодѣваньемъ. Они уважали тайну, которая скрывала горячую любовь подъ видомъ преданости. Больше не оставалось швейцарцевъ для убійства. На минуту во дворѣ молчаніе смѣнило стукъ сабельныхъ ударовъ и паденія тѣлъ на мостовую. Убійцы пили. Редингъ считалъ себя забытымъ или оставленнымъ въ живыхъ. Товарищи по комнатѣ тихо поздравляли больного. Но жертвы сосчитаны на улицѣ; число ихъ не соответствуетъ числу арестантовъ: недостаетъ одного швейцарца. Вспоминаютъ о раненомъ. Трое убійцъ, съ саблями въ рукахъ, предшествуемые привратникомъ съ факеломъ, входятъ въ капеллу и спрашиваютъ Рединга. Любовница его, которая о немъ заботилась, лишается чувствъ при этомъ спросѣ. Редингъ закидываетъ своихъ палачей убитъ его въ постели, чтобы избѣгнуть мученья переноски послѣ всѣхъ страданій, какія онъ уже вынесъ. Убійцы отказываютъ въ этомъ несчастному съ жестокими насмѣшками. Одинъ изъ нихъ беретъ его на руки, взваливаетъ себя на плечи, ногами впередъ, голова опрокинута назадъ. Раненый невольно испускаетъ вопли. Изъ жестокости-ли или изъ состраданія одинъ изъ убійцъ перерѣзываетъ клинкомъ своей сабли висящую шею Рединга. Крики несчастнаго заглушены его кровью. Его приносятъ къ подножію лѣстницы уже мертвымъ. Трупъ его бросаютъ убійцамъ.

10.

Тѣ нѣкоторое время отдыхали. Наступала ночь. Факелы освѣщали дворъ. Сидя по колѣно въ крови, эти наемщики преступленія ѣли и пили, какъ рабочіе, по окончаніи своего дѣла. Дѣло было только пріостановлено. Коммуна, официально увѣдомленная объ убійствахъ, послала Манюэля, Бильо-Варенна и другихъ комиссаровъ въ тюрьмы, чтобы снять съ себя, по крайней мѣрѣ, наружную отвѣтственность за преступленія и представить доказательство хотя нѣкотораго сопротивленія этимъ убійствамъ. Рѣчи этихъ ораторовъ, устрешенныхъ положеніемъ, занятымъ убійцами, и обгареннымъ кровью оружіемъ, походили болѣе на лести, чѣмъ на упреки. Въ нихъ слышались угодливость и страхъ. Народъ истолковалъ эти слова въ смыслѣ одобренія. Нѣкоторые рѣчи были даже поздравленіями и вызовомъ къ новымъ убійствамъ. „Доблестные граждане“, сказалъ Бильо-Вареннъ во дворѣ аббатства, „вы умерщвляли великихъ преступниковъ; муниципалитетъ не знаетъ, какъ отблагодарить васъ. Безъ сомнѣнія, останки этихъ злодѣевъ, принадлежать тѣмъ, которые насъ отъ нихъ избавили. Не думая васъ вознаграждать, я уполномоченъ предложить каждому изъ васъ по 24 ливра, которые будутъ вамъ уплачены немедленно“.

Пока Бильо-Вареннъ говорилъ подобнымъ образомъ, рѣзня, прекращенная на нѣсколько минутъ, возобновилась на его глазахъ. Бывшій начальникъ жандармовъ Рюльеръ, уже проколотый пятью ударами пикъ, ограбленный и брошенный замертво, бѣгалъ по двору голый и окровавленный, выставивъ руки впередъ, ища ощупью стѣну, падалъ снова и опять поднимался въ предсмертной агоніи. Эта бѣготня безъ исхода длилась десять минутъ!

Послѣ швейцарцевъ судили массою всѣхъ королевскихъ тѣлохранителей, заключенныхъ въ аббатствѣ. Преступленіемъ ихъ была вѣрность выказанная 10 августа. Это были побѣжденные. Ограничились только спросомъ ихъ именъ. Ихъ выводили одного за другимъ, и рѣзня несчастныхъ продолжалась долго; народъ, ярость котораго казалось была изощрена виномъ, водкою, смѣшанною съ порохомъ, видомъ и запахомъ крови, длилъ казнь, какъ бы боясь сократить такое зрѣлище. Цѣлой ночи едва было достаточно, чтобы зарѣзать узниковъ и ограбить ихъ.

Аббатъ Сикаръ и два другіе священника, вбѣжавшіе, какъ и онъ, въ маленькую комнату, рядомъ съ комитетомъ, видѣли и слышали всѣ сцены этой ночи. Только старая, расщелившаяся дверь отдѣляла ихъ отъ ужасовъ рѣзни. Они различали шумъ шаговъ, удары саблей по головамъ, паденіе тѣлъ, вопли палачей, рукоплесканія черни, даже голоса покинутыхъ ими друзей и свирѣпыя пляски женщинъ и дѣтей, при свѣтѣ факеловъ и съ пѣніемъ „Карманьолы“, вокругъ труповъ. Депутаціи убійцъ ежеминутно являлись требовать вина у комитета, который его имъ раздавалъ. Жены приносили пищу своимъ мужьямъ на разсвѣтѣ, чтобы поддержать ихъ силы, говорили онѣ, въ такой грубой работѣ: для этихъ поденщиковъ смерти, доведенныхъ до скотства бѣдностью, невѣжествомъ и голодомъ, убивать значило зарабатывать себѣ хлѣбъ!

Въ продолженіе этого пира посланные коммуною телѣги очистили дворы отъ кучъ труповъ, которые ихъ загромождали. Воды было недостаточно, чтобы

отмыть кровь. Ноги скользили въ ней. Убийцы,—прежде, чѣмъ опять приняться за работу,—разостлали соломенную подстилку въ одной части двора. Они pokrыли эту подстилку платьями жертвъ. Убийцы рѣшили между собою убивать новыя жертвы не иначе, какъ на этой подстилкѣ изъ соломы и шерсти, чтобы кровь, впитавшись въ платя, не могла распространяться по мостовой. Они разставили скамейки вокругъ этой арены убійствъ, чтобы съ наступленіемъ свѣта женщины и мужчины, интересующіеся агоніею жертвъ, могли сидя спокойно, присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. Вокругъ площадки убійцы поставили часовыхъ, съ обязанностию стеречь ее. Дѣйствительно, съ разсвѣтомъ эти скамьи привлекли зрителей—женщинъ и мужчинъ изъ квартала аббатства, а убійства заслужили рукоплесканія! Въ это время, Мальяръ и судьи пировали у привратника. Докурив свои трубки, они, безъ всякихъ угрызений совѣсти, заснули на своихъ судейскихъ скамьяхъ, собираясь съ силами для завтрашней работы.

11.

Одни только узники не спали. Находясь подъ крѣпкою стражею въ своихъ тюрьмахъ или залахъ—стоя и сидя на краю своихъ постелей, они слушали. Всякій шумъ для ихъ ушей имѣлъ значеніе жизни или смерти. Рѣшетчатое окно башенки аббатства, откуда видѣлась съ одной стороны улица Св. Маргариты, съ другой—часть двора, служило обсерваторіей, куда наиболѣе смѣлые изъ плѣнниковъ входили поочередно, чтобы увѣдомить другихъ о происшедшемъ за стѣнами. По безмолвію послѣднихъ часовъ ночи они заключили, что народъ насытился убійствами. Нѣкоторые задремали отъ утомленія. Другіе проводили время въ молитвѣ, въ письменномъ изложеніи своей защиты, въ приготовленіи писемъ къ женамъ, въ составленіи завѣщаній.

На разсвѣтъ два священника, аббатъ Ланфанъ, королевскій проповѣдникъ, и аббатъ Растиньякъ, религіозный писатель, запертые вмѣстѣ въ аббатствѣ, собрали узниковъ въ капеллу. Тамъ, съ высоты трибуны, они приготовили ихъ къ смерти. Оба эти священника были близки къ 80-лѣтнему возрасту. Ихъ сѣдые волосы, лица, поблѣднѣвшія отъ дряхлости, изможденные отъ бодрствованія, возвышенныя приближеніемъ мученическаго конца, сообщали движеніямъ и словамъ старцевъ торжественность, нераздѣльную съ сознаніемъ приближающейся вѣчности. Старцы показали молодымъ плѣнникамъ ангелами ихъ предсмертной агоніи. Всѣ пали на колѣни. Этотъ лучъ религіи на аренѣ крови указалъ имъ присутствіе Провидѣнія даже у самой казни. Одни изъ несчастныхъ были этимъ подкрѣплены, другіе утѣшены, всѣ—приведены въ умленіе. Лишь только оба священника распростерли руки на своихъ товарищей, какъ были вызваны, чтобы подать въ одно и то же время и примѣръ и урокъ мученичества. Сложивъ руки, сосредоточивъ мысли, поднявъ глаза къ небу, они были проколоты тысячею сабельныхъ ударовъ и пали, не переставая молиться.

Но самоотверженіе этихъ двухъ старцевъ не уничтожило ужаса ожиданія у другихъ плѣнниковъ. Натура въ нихъ отъ того не менѣе боролась противъ смерти. Они обсуждали между собою, въ какомъ положеніи нужно было встрѣтить или бравировать удары, чтобы сдѣлать смерть болѣе скорою и менѣе

замѣтною. Одни хотѣли протянуть подъ саблю голову, чтобы она пала съ одного удара; другіе предлагали раскрыть грудь и держать руки за спиной, чтобы желѣзо разило прямо въ грудь, не отклоняясь; иные думали бороться съ палачами до конца, обхватывать пики, отстранять сабли, опрокидывать убійцъ и превратить казнь въ сраженіе, чтобы умереть среди порыва храбрости, среди веселья мести. Не довольствуясь этою теоріею казни, заключенные, подобно гладиаторамъ, изучали самую казнь въ позахъ тѣхъ, которые умирали до нихъ; они, такъ сказать, репетировали смерть. Смотри изъ высокаго слуховаго окна, они замѣтили, что тѣ, которые вытягивали руки впередъ, движеніемъ, естественнымъ для человѣка, угрожаемаго спереди,—умирали какъ бы два раза вмѣсто одного, потому что были проколоты насквозь прежде дѣйствительной смерти. Напротивъ, тѣ, которые скрестивъ руки на груди шли прямо на остріе, тѣ падали подъ ударами, болѣе мѣткими, и уже не поднимались болѣе. Заключенные всей массою рѣшились умереть этимъ послѣднимъ способомъ.

12.

Нѣкоторые предпочли сами выбрать себѣ смерть и признали болѣе удобнымъ опередить ее, чѣмъ выжидать. Они разбивали себѣ головы о желѣзные засовы, обѣ остроконечные углы известняка. Они вонзали себѣ въ сердце худо заостренные ножи, утаенные ими отъ поисковъ тюремщиковъ. Полковникъ конституціонной стражи короля де-Шантерень, поразилъ себя тремя ударами кинжала и упалъ съ восклицаніемъ: „Боже мой, я иду къ тебѣ!“

Бывшій министръ Людовика XVI, Монморень, былъ приведенъ къ допросу въ собраніи за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Бриссо, Гаде, Верньо, Жансонне, его враги, злоупотребляли побѣдой 10 августа противъ этого государственнаго человѣка, который уже удалился отъ дѣлъ и котораго ихъ вражда казалось должна бы была забыть. Между тѣмъ, они продолжили и усѣяли засадами допросъ Монморена, чтобы поставить себѣ въ заслугу его осужденіе. Монморена бросили въ аббатство; сынъ министра, почти дитя, одинъ утѣшалъ тамъ отца. Запертый въ одной залѣ съ д'Аффри, Тьерри, Сомбрелемъ, губернаторомъ дома Инвалидовъ, дочерью Сомбреля и Бомарше, который все еще смѣялся, даже находясь за желѣзными засовами, Монморень спокойно перенесъ свою неволю, въ тихихъ разговорахъ съ этими старыми друзьями. Освобожденіе д'Аффри и Бомарше, которыхъ Манкюэль разыскалъ наканунѣ, съ г-жами Сень-Брисъ и де-Турзель, подавало и ему надежду на близкое избавленіе. Навать 2 сентября, смятеніе во дворахъ, вопли жертвъ, увозъ сына Монморена, вырваннаго поутру изъ его объятій, все это вдругъ повергло бывшаго министра въ уныніе, заступившее мѣсто прежней увѣренности. Его отчаяніе превратилось въ ярость. Онъ призывалъ своихъ враговъ, чтобы повергнуть ихъ на землю. Съ растрепанными волосами, съ воспламененными глазами, съ поднятыми кулаками, Монморень бѣгалъ по комнатѣ, разражаясь проклятіями разбойникамъ. Мускулы министра, напряженные отъ гнѣва, сообщали ему такую силу, при помощи которой онъ потрясалъ желѣзныя рѣшетки своей тюрьмы. Голыми руками онъ разломалъ дубовый столъ, доски котораго были въ два дюйма толщиною. Надо было обмануть Монморена, чтобы заставить его переступить дверь тюрьмы. Онъ

явился предъ трибуналомъ горделивый, съ ироническою ухмылкою на губахъ. „Президент“, сказалъ онъ Мальяру, „если вамъ нравится такъ называться, — надѣюсь, что вы велите мнѣ привезти экипажъ, для переѣзда въ Лафорсъ, чтобы избѣгнуть оскорбленій вашихъ убійцъ“. Мальяръ сдѣлалъ знакъ согласія. Монморенъ присѣлъ на минуту въ комнатѣ и видѣлъ, какъ судили нѣсколькихъ заключенныхъ. „Экипажъ, который долженъ васъ отвезти по назначенію, прибылъ“, сказалъ ему, наконецъ, президентъ. Въ ту же минуту, ворота двора отворились. Монморенъ бросился къ выходу. Онъ былъ пригвожденъ къ стѣнѣ тридцатью пиками и умеръ, думая, что стремится къ свободѣ.

Въ рукахъ Монморена была росписка въ сто тысячъ ливровъ, уплаченныхъ Дантону, по приказанію короля, въ вознагражденіе за адвокатскіе труды въ Шатлэ. Въ дѣйствительности это была плата за подкупъ, тайно потребованная и принятая отъ двора молодымъ демагогомъ. Монморенъ, за нѣсколько времени до 20 іюня, тревожился тѣмъ, что сталъ хранителемъ секрета, который долженъ былъ казаться Дантону опаснымъ открытіемъ, постоянно угрожавшимъ его популярности. Бывшій министръ отыскалъ своего друга Лафайета, ввѣрилъ ему эту тайну и потребовалъ совѣта. „Вамъ нужно принять одно изъ двухъ рѣшеній“, отвѣчалъ Лафайетъ, „или увѣдомить Дантона, что вы опубликуете его сдѣлку, если онъ не выполнитъ ея условій, благопріятныхъ для короля, или вручивъ ему росписку, подѣйствовать на него посредствомъ признательности и великодушія, лишивъ себя всякихъ доказательствъ противъ него“. Монморенъ не послѣдовалъ ни тому, ни другому изъ этихъ совѣтовъ. Онъ ограничился извѣщеніемъ Дантона, что сжегъ его росписку, но подлинной росписки съ подписью Дантона ему не возвратилъ. Дантонъ могъ думать, что это доказательство еще существуетъ и что во всякомъ случаѣ Монморенъ всегда будетъ опаснымъ свидѣтелемъ для его репутаціи. Напрасно спрашивали для Монморена освобожденіе, котораго добились для другихъ. Онъ погибъ. Никто не знаетъ, была ли эта смерть дѣломъ забывчивости или благоразумія со стороны тѣхъ, имя которыхъ хранилось въ его памяти, а подпись въ его бумагахъ.

Послѣ Монморена явился Сомбрель, губернаторъ дома Инвалидовъ. Дочь его, арестованная вмѣстѣ съ отцомъ, получила свободный выходъ. Она отказалась покинуть тюрьму, въ которой привязывала ее любовь къ отцу. Она тамъ помѣщалась въ комнатѣ, назначенной для женщинъ, вмѣстѣ съ г-жами де-Турзель, де-Сентъ-Брисъ и дочерью Казотта. Съ самаго начала рѣзни она находилась у дверей трибунала, стерегла появленіе своего отца, охраняемая состраданіемъ стражей и привратниковъ. Сомбрель показался; онъ осужденъ; дверь отворяется; штыки сверкаютъ; дочь старика бросается туда, обвиняетъ шею отца, прикрываетъ его своимъ тѣломъ, закликаетъ убійцъ пощадить ея отца или поразить и ее тѣмъ же ударомъ. Движенія молодой дѣвушки, самый ея полъ, ея юность, растрепанные волосы, красота, еще усиленная душевнымъ потрясеніемъ, величіе самоотверженія, ея пламенные мольбы, — все это приводитъ въ умиленіе убійцъ. Въ толпѣ раздается крикъ пощады, пики опускаются; дочери даруютъ жизнь ея отца, но ужасной цѣной: отъ нея требуютъ, чтобы въ знакъ отреченія отъ аристократіи она омочила губы въ стаканъ, наполненный кровью аристократовъ. Дѣвица Сомбрель неустрашимо

схватываетъ стаканъ, подносить его ко рту и пьетъ за здоровье своего отца. Это движеніе ее спасаетъ. Радость ея раздѣляется другими; слезы убійцы смѣшиваются съ ея слезами. Въ самой глубинѣ преступленія встрѣчаются такіе сюрпризы природы. Въ сердцѣ человѣческомъ существуютъ неизвѣданныя пропасти. Изверги, съ окровавленными руками, торжественно уносятъ Сомбреля съ дочерью въ ихъ жилище и клянутся защищать ихъ отъ враговъ.

Дочь Казотта также оспаривала и отстояла было своего отца. Казоттъ былъ старецъ около 75 лѣтъ. Высокій ростъ, длинныя сѣдые волосы, пламенный взглядъ, сверкавшій изъ-подъ бѣлыхъ бровей, суровая красота и восторженная фizioномія сообщали ему какъ бы пророческое величіе. Онъ обладалъ краснорѣчіемъ и безуміемъ прорицателей. Въ сочиненіяхъ его сказывалось недержанное воображеніе; набожность Казотта доходила до экстаза, жизнь его была полна добра; въ революціи онъ видѣлъ испытаніе огнемъ, чрезъ которое Богу угодно было провести сыновъ вѣка, чтобы отдѣлить избранныхъ и прославить ихъ мученичествомъ. Казоттъ самъ предлагалъ свою кровь. Онъ нетерпѣливо дожидался самопожертвованія. Дочь Казотта добровольно послѣдовала за нимъ въ тюрьму. Предвидя рѣзню, она искала и нашла покровителей въ марсельцахъ, которые стерегли плѣнниковъ. Трогательная юность, дочерняя набожность, милая фамильярность молодой дѣвушки смягчили этихъ грубыхъ людей. Они ей обѣщали сохранить ея отца. Они сдержали слово. Казоттъ, допрошенный судомъ, отвѣчалъ, какъ можетъ отвѣчать человѣкъ, который упорно хочетъ умереть. „Жена! дѣти!“ восклицалъ онъ, „не плачьте! Не забывайте меня! помните, въ особенности, о Богѣ! Я хочу умереть какъ жилъ: вѣрнымъ Богу и своему королю!“ Дочь Казотта, не видя возможности помѣшать ему броситься навстрѣчу смерти, устремилась на смерть вмѣстѣ съ нимъ.

13.

Сострадательные марсельцы послѣдовали за нею во дворъ; они отстраняли сабли и пикі, поднятыя на нее. Они требовали пощады этимъ двумъ существамъ, неразлучнымъ другъ съ другомъ. Они провели взятую подъ свою охрану дѣвушку черезъ лужу крови. Они передали ей отца и отвели ихъ въ безопасное мѣсто.

Эта пощада была для Казотта только отсрочкой. Схваченный снова нѣсколько дней спустя, онъ былъ заключенъ отдѣльно отъ дочери, чтобы отдѣлаться отъ состраданія. То, чего не посмѣли сдѣлать убійцы, совершили судьи: Казоттъ погибъ.

Послѣ него умеръ Тьерри, первый камердинеръ короля. „Признательность“, сказалъ онъ Мальяру, „не имѣетъ политическихъ мнѣній; моею обязанностью была вѣрность моему господину“. Проколотый пикой, которая вошла въ его грудь и вышла между плечами, онъ оперся одною рукою на стѣну, а другою поднималъ еще шляпу и сдѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы крикнуть: „да здравствуетъ король!“

Малье, Роганъ-Шабо, генераль-лейтенантъ Витгенштейнъ, Роменвиле, второй командиръ національной гвардіи 10 августа,—мировые судьи Бобъ и Боскильонъ — пали послѣ него. Тутъ были примѣры и раскаянія, и поспѣш-

ности, и смѣшенія именъ. Видѣли, какъ посторонніе люди входили во дворъ, переворачивали трупы, смывали губкою кровь, покрывавшую ихъ лица, узнавали убитыхъ и уходили встревоженные или обрадованные, что ошиблись или что удовлетворили своей мести. Вечеромъ на второй день на улицѣ и во дворахъ послышались крики съ требованіемъ пощады тѣмъ, которые еще оставались. Забытые заключенники опять оживились надеждою. Нѣкоторые изъ нихъ собираютъ то, что у нихъ было самого драгоцѣннаго, и приготовляются уходить. Выстрѣлы внутри тюрьмы и вопли внѣ ея заставляютъ ихъ отступить въ глубину пустыхъ залъ. Это было убійство молодого Монсабрэ.

Монсабрэ, едва достигшій 18 лѣтъ, принадлежалъ, по своему происхожденію, къ самымъ высшимъ дворянскимъ фамиліямъ. Очаровательная наружность, грація возраста, кротость характера, возбуждали къ молодому человѣку въ арміи любовь и уваженіе. Герцогъ де-Бриссакъ назначилъ его своимъ адъютантомъ. Де-Бриссакъ, послѣ смерти Людовика XV, сердечно привязался къ г-жѣ Дюбарри, еще молодой и прекрасной собою женщиной. Сдѣлавшись по любви куртизаномъ этой изгнанной фаворитки, онъ жилъ съ нею въ павильонѣ Люсьеннѣ, въ лѣсу Марли, подаренномъ королемъ его любовницей. Г-жа Дюбарри ласкала Монсабрэ съ тою материнскою нѣжностью, которая не смѣетъ сама себя сознаться въ свойствахъ своего чувства. Монсабрэ, легко раненый 10 августа скрылся въ Люсьеннѣ. Секретная комната замка, въ которой онъ ожидалъ своего излеченія, была извѣстна только г-жѣ Дюбарри и ея женщинамъ. Она сама перевязывала рану молодого воина. Одуэнъ, членъ коммуны, потребовалъ у генеральнаго совѣта отрядъ изъ 200 федератовъ, чтобы очистить окрестности Парижа отъ аристократовъ, какіе ускользнули послѣ сраженія, и открылъ Монсабрэ въ павильонѣ Люсьеннѣ. Ни золото, ни слезы, ни мольбы Дюбарри не могли смягчить Одуэна. Онъ увезъ молодого адъютанта на носилкахъ и и бросилъ его въ аббатство. При шумѣ рѣзни, Монсабрэ, лежавшій въ ризницѣ капеллы, соскользнулъ со своей постели, и добравшись, по стволу трубы, до вершины зданія, прицѣпился къ крѣпкой желѣзной рѣшеткѣ, которая перехватывала трубу. Оттуда, два дня и двѣ ночи, безъ пищи, онъ слушалъ шумъ убійствъ, надѣясь ускользнуть, благодаря своему терпѣнію. Но списокъ показывалъ, что одной жертвы не достаетъ. Вспомнили о раненомъ. Напрасно искали его. Тюремщикъ капеллы привычный къ хитростямъ арестантовъ, велѣлъ выстрѣлить изъ ружья снизу въ стволъ трубы. Одна пуля задела Монсабрэ и раздробила ему кулакъ. Онъ имѣлъ силу не упасть и молчать. Отъ него уже хотѣли отказаться. Привратникъ принесъ соломы и зажегъ ее въ очагѣ. Раненый задыхался отъ дыма. Онъ упалъ на солому въ огонь. Несчастнаго вынесли на улицу изувѣченнаго, обожженнаго, безъ чувствъ, почти мертвого. Тамъ его положили среди крови и предъ нимъ разсуждали, какою смертію ему умереть. Несчастный молодой человѣкъ, придя въ себя, оставался около четверти часа на ложѣ изъ труповъ, ожидая, пока убійцы найдутъ и зарядятъ огнестрѣльное оружіе. Наконецъ, они сжалились надъ мученьями этого ребенка и dokonчили его пятью выстрѣлами изъ пистолета, сдѣланными одновременно ему въ грудь.

Въ аббатствѣ оставался только одинъ заключенный. Это былъ де-Сенъ-Маркъ, кавалерійскій полковникъ. Убійцы условились между собою продлить его стра-

данія, чтобы всё могли имѣть свою долю въ его мученьяхъ и смерти. Они медленно провели его сквозь рядъ сабель, удары которыхъ старались наносить не слишкомъ сильно, чтобы неслишкомъ скоро покончить несчастнаго. Потомъ убійцы прокололи его пикой, которая прошла сквозь тѣло. Въ такомъ видѣ они заставили несчастнаго идти ползкомъ на колѣняхъ, передразнивая и осмѣивая судорожныя движенія, вырываемыя у страдальца такими муками. Когда онъ уже не въ силахъ былъ больше держаться, убійцы изрубили ему руки, лицо, члены сабельными ударами и наконецъ прострѣлили шестью пулями въ голову. Вотъ какіе люди скрываются подъ внѣшностью цивилизаціи, покрытой кажущимися роскошью и свѣтомъ. Пероны встрѣчаются на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ, отъ трона до балагана; это люди, по наружности утонченные, а въ душѣ звѣри. Вкусъ крови составляетъ первый и послѣдній развратъ человѣка.

Среди этихъ ужасовъ все-таки возбуждаютъ удивленіе нѣсколько необыснимыхъ или утѣшительныхъ поступковъ. Сострадателность Мальяра, повидимому, искала невинныхъ такъ же тщательно, какъ его жажда мести искала виновныхъ. Мальяръ далъ ускользнуть всѣмъ, кто только доставлялъ ему предлогъ къ спасенію. Считалъ ли онъ убійство тягостною обязанностью, отъ которой отдыхалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ помилованія, или, скорѣе, гордость Мальяра находила для себя наслажденіе въ произвольномъ распредѣленіи смерти и жизни: только онъ расточалъ и то и другое. Мальяръ даже подвергалъ опасности свою собственную голову, чтобы оспаривать жертвы у палачей. Во дворѣ часто поднимался ропотъ на его скупость въ убійствахъ. Слышались уже обвиненія въ измѣнѣ. Нѣсколько разъ убійцы врывались, съ саблями въ рукахъ, въ дверь судейскаго помѣщенія и грозили перерѣзать весь судъ. Граждане, чужіе жертвамъ, посвятили себя спасенію людей, которыхъ знали только по имени. Часовой мастеръ Монно осмѣлился отстоять аббата Сикара и отстоялъ его во имя бѣдствій народа, на облегченіе которыхъ посвятилъ свою жизнь учредитель института глухонѣмыхъ. Депутатіи отъ отдѣловъ попытались проникнуть въ тюрьму, чтобы вытребовать нѣкоторыхъ гражданъ. Ихъ отогнали прочь. Постъ національной гвардіи занималъ галерею, которая вела съ площади аббатства во дворъ. Этотъ постъ имѣлъ приказаніе выпускать туда людей, но обратно не выпускать никого. Казалось, этотъ караулъ былъ поставленъ тамъ, чтобы покровительствовать убійствамъ. Одинъ изъ депутатовъ осмѣлился переступить на эту галерею. „Развѣ тебѣ надобна жизнь?“ сказали ему убійцы. Этого депутата отвели къ Мальяру. Мальяръ велѣлъ ему отдать двухъ узниковъ, которыхъ тотъ требовалъ. Депутатъ снова прошелъ черезъ дворъ со своими арестантами. Факелы освѣщали груды труповъ и море крови. Убійцы, усѣвшись на этихъ останкахъ, какъ жнецы на снопахъ, отдыхали, спокойно курили, ѣли, пили. „Хочешь ли видѣть сердце аристократа?“ сказали ему эти мясники, „вотъ оно! смотри!“ Сказавъ эти слова, одинъ изъ нихъ разсѣкаетъ туловище еще теплаго трупа, вырываетъ сердце, выжимаетъ изъ него кровь въ стаканъ и пьетъ ее предъ глазами Биссона; потомъ, поднеся ему стаканъ, онъ заставлятъ омочить туда губы и только этой цѣной пропускаетъ плѣнниковъ. Сами убійцы нѣсколько разъ покидали свое кровавое дѣло и умывали

Робеспьеръ.

себѣ руки и ноги, чтобы идти доставить въ семейства людей, оправданныхъ трибуналомъ. Эти люди отказались отъ всякаго вознагражденія. „Нація намъ платить за то, чтобы убивать“, говорили они, „а не за то, чтобы спасать“. Возвративъ отца дочери, сына матери, они вытирали слезы умиленія и отправлялись возобновлять убійства. Никогда еще рѣзня не имѣла болѣе предписаннаго, обязательнаго вида. Въ теченіе этихъ дней убійство сдѣлалось въ Парижѣ новымъ, лишнимъ ремесломъ.

14.

Пока телѣги, по распоряженію агентовъ наблюдательнаго комитета, вывозили изъ аббатства кровь и трупы,—тридцать убійцъ стерегли съ утра двери тюрьмы des Carmes, въ улицѣ Вожираръ, ожидая сигнала. Тюрьма des Carmes была стариннымъ монастыремъ; это было огромное зданіе, прорѣзанное колокольнями, съ цѣрковью на сторонѣ, окруженное дворами, садами, обширнымъ пространствомъ земли. Это зданіе обратили въ тюрьму для священниковъ, осужденныхъ на заточеніе. Жандармы и національная гвардія занимали тамъ караулы. Эти караулы умышленно были ослаблены съ утра. Убійцы около шести часовъ вечера вломились въ ворота и заперли ихъ за собою. Люди, которые начали убійства, не представляли ничего, напоминавшаго народъ, ни по костюму, ни по языку, ни по оружію. Это были люди молодые, хорошо одѣтые, снабженные пистолетами и охотничьими ружьями. Во главѣ убійцъ шелъ Сера, молодой послѣдователь Марата и Дантона. Въ его отрядѣ можно было узнать нѣсколько изступленныхъ лицъ, которыхъ видали обыкновенно на трибунахъ клуба кордельеровъ. Это были преторіанцы главныхъ агитаторовъ; ихъ прозвали,—въ видѣ намека на монастырь, гдѣ происходили засѣданія, красными братьями Дантона. Эти люди носили красную шапку, платокъ, жилетъ, поясъ, все красное: то была многозначительная эмблема, которая имѣла цѣлью пріучить глаза и мысль къ цвѣту крови. Вожаки рѣзни боялись, чтобы вліяніе духовенства на простой народъ не заставило убійцъ отказаться отъ такихъ убійствъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и святотатствомъ. Они набрали въ школахъ, въ мѣстахъ разврата и въ клубахъ добровольныхъ палачей, которые стояли выше подобной совѣстливости и которыхъ ненависть побуждала самихъ къ убійству священниковъ. Выстрѣлы изъ ружей въ монастыряхъ и садахъ по нѣсколькимъ старцамъ, которые тамъ прогуливались, были сигналомъ къ рѣзнѣ. Отъ монастыря до монастыря, отъ кельи до кельи, отъ дерева до дерева, бѣглецы падали раненые и мертвые подъ пулями. Трупы тѣхъ, которые пали подъ выстрѣлами,—убійцы сбрасывали съ лѣстницъ, бросали изъ оконъ.

Гнусныя орды людей въ лохмотьяхъ—женщинъ, дѣтей, привлеченныхъ изъ нищенскихъ кварталовъ гуломъ перестрѣлки, тѣснились у воротъ. Отъ времени до времени ихъ раскрывали, чтобы пропустить телѣги, запряженные превосходными лошадьми, взятыми изъ королевскихъ конюшенъ. Эти телѣги медленно раздвигали толпу, оставляя за собою долгій кровавый слѣдъ. На этихъ странствующихъ грудахъ труповъ сидѣли женщины, дѣти, топтавшіе ногами отъ радости, смѣясь и показывая прохожимъ обрывки человѣческаго мяса. Кровь

отбрызгивалась на ихъ платьяхъ, на ихъ лицахъ, на ихъ хлѣбѣ. Багровыя уста ихъ, завывая Марсельезу, позорили геройскую пѣснь, приобщая ее къ убійству. Испитой народъ, слѣдовавшій за колесами телѣги, повторялъ хоромъ припѣвы и плясалъ вокругъ этихъ повозокъ, какъ бы вокругъ триумфальныхъ остатковъ низвергнутыхъ аристократіи и духовенства. Малочисленность убійцъ, большое число жертвъ, громадность зданія, пространство сада, стѣны, деревья, молодая растительность,—все это скрывало отъ пуль священниковъ, которые бѣгали туда и сюда, спасаясь отъ смерти, и замедляло казнь. Наступившая ночь прикрыла ихъ своей тѣнью. Палачи образовали цѣпь вокругъ сада, какъ при охотѣ за краснымъ звѣремъ. Приближаясь шагъ за шагомъ къ зданіямъ, они вынуждали сабельными ударами всѣхъ лицъ изъ духовенства столпиться въ церкви. Тамъ они ихъ заперли. Пока это побоище происходило внѣ зданія, повальный обыскъ въ самомъ домѣ также загналъ въ церковь тѣхъ священниковъ, которые ускользнули отъ первыхъ выстрѣловъ. Убійцы сами несли на рукахъ раненыхъ священниковъ, которые не могли ходить. Разъ попавъ въ эти стѣны, жертвы, вызываемыя одна по одной, были увлекаемы въ маленькую дверь, которая выходила въ садъ, и на лѣстницѣ ихъ убивали.

Арльскій архіепископъ Дюло, самый старый и самый уважаемый изъ этихъ мучениковъ, показывалъ всѣмъ имъ примѣръ своимъ поведеніемъ и ободрялъ своими словами. Епископы Бове и Сентскій,—двое братьевъ изъ дома Ларош-фуко,—связанные не столько узами крови, сколько связью сердечною, обнимали другъ друга и радовались, что умеруть вмѣстѣ. Всѣ молились, столпившись на хорахъ вокругъ алтаря. Тѣ, которые были вызваны, получали отъ своихъ братьевъ поцѣлуй мира и отходную молитву. Арльскій архіепископъ былъ избранъ одною изъ первыхъ жертвъ. „Такъ это ты“, сказалъ ему одинъ изъ марсельцевъ, „ты велѣлъ пролить кровь патріотовъ въ Арлѣ?“—„Я!“ отвѣчалъ архіепископъ, „я никому не сдѣлалъ зла въ своей жизни!“ При этихъ словахъ архіепископъ получаетъ ударъ саблею по лицу, но остается на ногахъ и сохраняетъ свое безстрастіе. Потомъ онъ получаетъ второй ударъ, который покрываетъ глаза старца кровавымъ покрываломъ. При третьемъ ударѣ онъ падаетъ, придерживаясь лѣвой рукой, но не произнесъ ни одного стона. Марсеlecъ прокалываетъ старца пикой, древко которой ломается отъ силы удара. Убійца топчетъ ногами тѣло архіепископа, срываетъ съ трупа крестъ и показываетъ его своимъ товарищамъ, какъ трофей.

Епископъ Бове до послѣдней минуты распростертъ у алтаря; потомъ онъ идетъ къ дверямъ съ такимъ спокойствіемъ и величіемъ, какъ будто бы присутствовалъ на священной церемоніи. Молодые священники проводили его до порога, гдѣ онъ ихъ благословилъ. Затѣмъ былъ умерщвленъ духовникъ короля, Эберъ, утѣшавшій Людовика XVI въ ночь 10 августа. Съ каждой минутой ряды присутствующихъ на хорахъ рѣдѣли. Оставалось только нѣсколько священниковъ, сидѣвшихъ или колѣнопреклоненныхъ на ступеняхъ алтаря. Вскорѣ тамъ былъ уже только одинъ.

Епископъ Сентскій, у котораго въ саду было переломлено бедро, лежалъ на матрацѣ въ средней части капеллы. Караульные жандармы окружали его ложе и закрывали епископа отъ постороннихъ глазъ. Лучше вооруженные, чѣмъ

палачи, и болѣе ихъ многочисленныя, они могли бы защитить то, что взялись охранять. Они присутствовали при убійствахъ съ оружіемъ въ рукахъ. Они предали Сентекаго епископа, какъ и другихъ. „Я не отказываюсь умереть съ моимъ братомъ“, отвѣчалъ епископъ, когда его позвали, „но у меня переломлено бедро, я не могу держаться на ногахъ, пособите мнѣ идти, и я съ радостью пойду на смерть“. Двое убійцъ поддерживали епископа на ходу, обвивъ руками его тѣло. Онъ упалъ, произнося имъ благодарность. Это былъ послѣдній. Было восемь часовъ. Убійства продолжались четыре часа.

15.

На телѣгахъ увезли 190 труповъ. Убійцы разошлись и устремились въ другія тюрьмы. Кровь не утоляетъ жажды кровопійцы, а только раздражаетъ ее.

Кровь лилась уже въ девяти парижскихъ тюрьмахъ. Послѣ аббатства, тюрьма Лафорсъ заключала въ себѣ узниковъ, наиболѣе предназначенныхъ народомъ къ истребленію. Туда бросили мужчинъ и женщинъ изъ придворныхъ, арестованныхъ 10-го августа. Въ то самое время, когда Мальяръ учреждалъ свой трибуналъ въ аббатствѣ,—два члена совѣта коммуны, Эберъ и Люлье, сами присвоили себѣ званіе верховныхъ судей въ тюрьмѣ Лафорсъ. Тамъ были тѣ же признаки предумышленности убійствъ, такое же нашествіе шайки изъ 60 палачей, та же кажущаяся дисциплина въ убійствахъ, тѣ же формы допроса и суда, тѣ же старанія выдавливать кровь изъ убитыхъ, какъ изъ губки, тѣ же телѣги съ горами труповъ, такое же изувѣченіе убитыхъ, та же игра съ отрубленными головами, такое же скотское равнодушіе палачей, которые ѣли, пили, плясали, топотали ногами на изрубленныхъ членахъ жертвъ; тѣ же факелы, освѣщавшіе во мракѣ ночи такія же сатурналии и отражавшіеся въ озерѣ крови; наконецъ, такое же безпристрастіе представителей общественной силы, которые присутствовали при убійствахъ и соглашались на нихъ.

Въ два дня 160 головъ скатились подъ саблями и подъ ногами убійцъ. Эберъ и Люлье спасли изъ нихъ десять человекъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ королевы. Какая была цѣна ихъ спасенія? На виду она не пересчитывалась въ рукахъ судей. Но мечъ, безжалостно обрушившійся на людей темныхъ и бѣдныхъ, пощадилъ болѣе извѣстныхъ и богатыхъ. Кровь выторговывали каплю по каплѣ. За милосердіе нужно было заплатить.

Одна только изъ этихъ жертвъ, избавленная отъ смерти по мысли судей, не могла избѣгнуть казни. Эберъ и Люлье хотѣли ее спасти. Одно восклицаніе погубило ее. Жертва пала между трибуналомъ и улицею. Это была принцесса Ламбаль. Молодая вдова сына герцога Пентьеврекаго по рожденію принадлежала къ Савойя-Кариньянскому дому. Красота физическая, а также душевныя достоинства принцессы доставили ей страстную привязанность Маріи-Антуанеты.

Чистая привязанность принцессы Ламбаль къ королевѣ ни въ чемъ не соотвѣтствовала гнуснымъ подозрѣніямъ народа, кромѣ геройской преданности несчастіямъ подруги. Чѣмъ болѣе падала королева, тѣмъ болѣе принцесса привязывалась къ ней именно среди ея униженія. Раздѣлять бѣдствія друга

казалось ей своего рода наслаждениѣмъ. Петіонъ позволилъ принцессѣ слѣдовать за ея царственной подругой въ Тамплъ. Коммуна, болѣе неумолимая, велѣла вырвать ее изъ объятій королевы и бросить въ тюрьму Лафоретъ. Свекоръ принцессы Ламбаль, герцогъ Пентьеврекій, обожалъ ее, какъ собственную дочь.

16.

Герцогъ жилъ уединенно въ замкѣ Бизи въ Нормандіи. Народная любовь служила тамъ охраною его старости. Онъ зналъ о заточеніи своей невѣстки и объ опасностяхъ, какія угрожали тюрьмамъ. Онъ издалека заботился о ея жизни. Тайный агентъ Пентьеврекаго дома, снабженный суммою въ 100,000 эку, отправился, по приказанію принца, въ Парижъ и купилъ у одного изъ главныхъ агентоѡ коммуны спасеніе принцессы Ламбаль. Другіе низшіе агенты, слуги или приближенные Пентьеврекаго дома, разсѣялись по Парижу и имѣли отъ герцога порученіе свести дружбу съ опасными людьми, которые бродили около тюремъ, вкрасться въ ихъ довѣренность, шпионить за преступленіемъ и предупредить его, соблазнивъ жадность убійцъ. Всѣ эти мѣры, центромъ которыхъ былъ Тулузскій отель, дворецъ герцога, были успѣшны. Въ коммунѣ, среди судей, среди палачей за принцессой наблюдали зоркіе глаза.

Она явилась предъ трибуналомъ одна изъ послѣднихъ. Ее пощадилъ въ теченіе дня и ночи 2-го сентября, какъ бы для того, чтобы дать народу время насытиться кровью прежде, чѣмъ отнять у него эту добычу. Запертая наединѣ съ одной изъ своихъ женщинъ, г-жей де-Наварръ, въ верхней камерѣ тюрьмы, она слышала оттуда, въ теченіе сорока часовъ, шумъ народа, удары убійцъ, стоны умирающихъ. Голоса, произносившіе имя принцессы, доходили до ея ушей. Больная, лежащая на постели, переходя отъ судорогъ ужаса къ апатичной дремотѣ, внезапно пробуждаясь отъ сновидѣній, однакожъ менѣе ужасныхъ, чѣмъ отголоски рѣзни подъ ея окномъ, принцесса была постоянно безъ чувствъ.

Въ четыре часа два національные гвардейца вошли въ комнату принцессы и съ притворною грубостью приказали ей вставать и слѣдовать за ними въ аббатство. Принцесса съ трудомъ могла приподниматься на своемъ ложѣ и опираться на локотъ; она умоляла своихъ защитниковъ оставить ее тамъ, гдѣ была, такъ какъ, по ея словамъ, она столько же была готова умереть тутъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ. Одинъ изъ этихъ людей наклонился къ постели принцессы и сказалъ ей на ухо, что нужно повиноваться и что отъ этого зависитъ ея спасеніе. Она попросила удалиться тѣхъ людей, которые были въ ея комнатѣ, поспѣшно одѣлась и сошла по лѣстницѣ, поддерживаемая національнымъ гвардейцемъ, который повидимому былъ заинтересованъ въ ея спасеніи.

Эберъ и Люлье ожидали ее. При видѣ этихъ злобѣщихъ фигуръ, этого парада преступленія, палачей съ окровавленными руками, полуоткрывавшихъ двери двора, гдѣ слышалось паденіе убитыхъ жертвъ, — молодая женщина лишилась чувствъ и упала на руки своей горничной. Медленно пришла она въ себя. Послѣ краткаго допроса судьи сказали ей: „поклонитесь въ любви

къ равенству и свободѣ, въ ненависти къ королямъ и королевамъ“.—„Я охотно принесу первую клятву“, отвѣчала она, „но что касается ненависти къ королю и королевѣ, то я не могу въ ней поклясться потому, что ея нѣтъ въ моемъ сердцѣ“. Одинъ изъ судей наклонился къ ней: „поклонитесь во всемъ, чего отъ васъ требуютъ“, сказалъ онъ ей съ многозначительнымъ выраженіемъ, „если не покланяетесь, вы погибли“. Принцесса опустила голову и сомкнула губы. „Ну, ступайте“, сказали ей присутствующіе, „а когда будете на улицѣ, кричите: да здравствуетъ нація!“ Одинъ изъ жокавовъ убійць, по имени Трюшонъ, по прозванію Николай Большой, поддерживаетъ принцессу съ одной стороны, одинъ изъ ея провожатыхъ поддерживаетъ ее съ другой. Переступивъ черезъ порогъ, она отступаетъ назадъ при видѣ груды изувѣченныхъ труповъ. Забывъ спасительное восклицаніе, которое ей было предписано произнести, она вскричала: „Боже, какой ужасъ!“ Трюшонъ закрылъ ей ротъ рукою и велѣлъ перешагнуть черезъ трупы. Убійцы, обезоруженные ея ангельскою наружностью, остановились предъ такой красотой. Среди изумленія и безмолвія принцесса прошла уже больше половины улицы, когда парикмахерскій ученикъ, по имени Шарло, опьяненный виномъ и рѣзней, хотеть, для варварской шутки, снять остріемъ свое пики шапку, покрывающую волосы Ламбаль; пики, дурно направленная пьяной рукою, царапаетъ лобъ принцессы, кровь брызжетъ и покрываетъ ея лицо.

17.

При видѣ крови, убійцы думаютъ, что жертва имъ досталась по праву, и бросаются на нее. Злодѣй, по имени Гризонъ, повергаетъ несчастную къ своимъ ногамъ ударомъ полѣна. Удары сабель и пикъ сыплются на нее. Шарло схватываетъ принцессу за волосы и отрубаетъ ей голову. Другіе срываютъ одежду съ трупа, позорятъ и обезображиваютъ его. Въ продолженіе этихъ неистовствъ, Шарло, Гризонъ, Маменъ, Роди,—исторія будетъ вѣчнымъ позорнымъ столбомъ для этихъ безчестныхъ именъ,—несутъ голову принцессы Ламбаль въ сосѣдній кабакъ, кладутъ ее тамъ на прилавокъ, между стаканами и бутылками, и заставляютъ присутствующихъ пить съ ними за ея смерть.

Потомъ кровопійцы, постоянно увеличиваясь въ числѣ, идутъ къ воротамъ Тампля, чтобы поразить взоръ Маріи-Антуанеты видомъ багровой головы ея подруги. Комиссары коммуны, которые были на стражѣ въ Тамплѣ вмѣстѣ съ депутаціей собранія, узнавъ о приближеніи этой толпы, встрѣтили ее съ почтительностью и съ просьбами смягчиться. Толпа ограничилась требованіемъ пронести голову королевичины сообщницы передъ окнами королевской семьи. Комиссары на это согласились. Пока эта процессія проходила по саду, подъ башнею, въ которой обитали плѣнники, начальникъ караула пригласилъ короля представиться народу. Король повиновался. Другой комиссаръ, болѣе человѣколюбивый, бросился между королемъ и окномъ, въ которомъ былъ воздвигнутъ ужасный трофей. Несмотря на то, король замѣтилъ голову и узналъ ее. Королева, которую толпа призывала громкими криками, не знала, какое зрѣлище ей приготовлено, и бросилась къ окну. Король удержалъ ее въ своихъ объятіяхъ и увелъ въ глубину комнатъ. Но отъ королевы скрыли только

видѣ казни ея подруги; она узнала въ тотъ же вечеръ всѣ подробности этого ужаснаго событія и признала ненависть къ себѣ народа въ его ожесточеніи противъ всего того, что любила.

18.

Толпа опять двинулась по парижскимъ улицамъ и остановилась предъ окнами Пале-Рояля, чтобы показать герцогу Орлеанскому голову его невѣстки, не въ видѣ угрозы, а какъ нѣчто должное. Герцогъ сидѣлъ за столомъ со своею новою фавориткою, г-жею де-Бюффонъ, и съ нѣсколькими обычными компаньонами своихъ удовольствій. Онъ не посмѣлъ отказать въ выраженіи почтенія предъ преступленіемъ, которое ему посвящали убійцы во имя народа. Онъ всталъ, явился на балконъ и нѣсколько минутъ безмолвно смотрѣлъ на окровавленную голову, которую подняли предъ нимъ. Г-жа Бюффонъ замѣтила ее. „Боже“, вскричала она, складывая руки и опрокидываясь назадъ, „вотъ такъ скоро понесутъ по улицамъ и мою голову!“ Герцогъ заперъ окно и старался успокоить свою подругу. „Бѣдная женщина!“ сказалъ онъ, говоря о принцессѣ, „еслибы она мнѣ вѣрила, то голова ея не была бы тамъ.“ Потомъ онъ сѣлъ и до конца обѣда оставался безмолвнымъ и угрюмымъ. Враги герцога обвиняли его въ томъ, что онъ самъ указалъ на эту голову убійцамъ и требовалъ представить ее себѣ, чтобы насытить свое мщеніе и успокоить свою жадность. Герцогъ въ подругѣ королевы будто бы видѣлъ своего врага и, благодаря смерти Ламбаль, наслѣдовалъ вдовій капиталъ, который причитался изъ имѣній герцога Пентьеврскаго вдовѣ его зятя. Эти нареканія падаютъ предъ истиной. Жизнь этой женщины была безразлична для честолюбія герцога, смерть ея ничего не прибавляла къ его богатству. Въ моментъ убійства принцессы, герцогъ и герцогиня Орлеанскіе были юридически раздѣлены въ имущественномъ отношеніи. Вдовій капиталъ Ламбаль не увеличивалъ въ будущемъ имѣнія герцогини Орлеанской болѣе, какъ не незначительную ренту въ 30,000 франковъ въ годъ. Такая цѣна крови стояла ниже убійства и даже была неприлична убійцѣ. На герцога Орлеанскаго зводили всѣ преступленія, которымъ затруднялись найти причину: печальное наказаніе его дурной репутаціи. Руку герцога часто находили въ народныхъ заблужденіяхъ, думали ее найти и въ этомъ преступленіи: ее тамъ не было.

19.

Когда наступила ночь, какой-то незнакомецъ, печально слѣдившій за процессіею отъ одного ея роздыха до другого, купилъ у убійцъ на вѣсъ золота голову принцессы, еще украшенную ея длинными волосами. Онъ очистилъ ее отъ крови и грязи, которыя марали ея лицо, положилъ голову въ свинцовую шкатулку и передалъ ее слугамъ герцога Пентьеврскаго, чтобы по крайней мѣрѣ эта часть трупa принцессы была погребена въ фамильномъ склепѣ. Герцогъ Пентьеврскій съ тоскою ожидалъ извѣстій, которыя народная молва уже принесла въ его замокъ Бизи. Принимая дорогіе останки, дочь старика, супруга герцога Орлеанскаго и ея слуги напрасно старались такъ настроить свою фізіономію, чтобы скрыть отъ старца, что они знаютъ о событіи. Гер-

погъ въ ихъ глазахъ прочиталъ свое несчастіе. Онъ поднялъ руки къ небу: „Великій Боже!“ вскричалъ онъ, „къ чему же служить молодость, красота, все нѣжныя качества женщины, если они не могли ей снискать милость у народа? Что же такое народъ?“ Старикъ не вставалъ болѣе со своего скорбнаго одра. Похоронное служеніе было совершенно въ его комнатѣ, обтянутой чернымъ. „Мнѣ кажется, я все еще слышу ее“, говорилъ герцогъ въ своихъ послѣднихъ разговорахъ съ дочерью, „кажется, я все еще вижу, какъ она сидитъ у окна, въ этомъ маленькомъ кабинетѣ. Помнишь-ли, дочь моя, какъ усидчиво она тутъ работала въ пользу бѣдныхъ съ утра до вечера за рукодѣльями? Я много лѣтъ провелъ съ ней; никогда не замѣчалъ я въ ея душѣ ни одной мысли, которая была бы не за королеву, не за меня и не за несчастныхъ: и этого-то ангела они разорвали на куски! Ахъ, я чувствую, что мысль объ этомъ роетъ мнѣ могилу!“ Герцогъ сошелъ въ могилу, не утѣшившись ни на минуту.

20.

Тюрьмы Шателэ и Консержери, куда запирали подсудимыхъ въ проступкахъ или гражданскихъ преступленіяхъ, и куда, по неудовлетворительности другихъ тюремъ, заключили роялистовъ и швейцарцевъ, также должны были принять на слѣдующій день посѣщеніе избивателей тюремъ аббатства и Лафорсъ. Коммуна озаботилась выпустить оттуда до 200 заключенныхъ за долги и за незначительные проступки. Она оставила подверженными рѣзнѣ только тѣ жертвы, которыя были виновны въ ея глазахъ и заранѣе обрекались всѣмъ случайностямъ этихъ дней. Убіиства здѣсь начались утромъ 3-го сентября.

Трибуналь, учрежденный, чтобы судить преступленія 10 августа, заставлялъ во дворцѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста казни. Нетерпѣливые убійцы не выжидали его правосудія, по ихъ мнѣнію, слишкомъ медленнаго. Смерть опережала судъ, и шки судили виновныхъ цѣлыми массами. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, 80 труповъ покрыли дворъ дворца. Въ это время трибуналь все еще судилъ. Майоръ Бахманъ, второй командиръ швейцарцевъ 10-го августа, призванъ къ судьямъ. Убійцы встрѣчаютъ его на лѣстницѣ, которая ведетъ изъ тюрьмы въ судилище. Они еще его не трогаютъ, уважая въ немъ жертву закона. Осужденный на смерть въ пять минутъ, Бахманъ садится на телѣжку, которая должна его отвезти на мѣсто казни. Стоя, высоко поднявъ голову, съ яснымъ взоромъ, гордо сжавъ губы, воинственно закутавшись въ свой красный мундирный плащъ, какъ солдатъ, отдыхающій на bivуакѣ, онъ и предъ лицомъ смерти сохраняетъ достоинство командира. Онъ бросаетъ презрительный взглядъ на кровожадную толпу, которая волнуется у колесъ телѣжки, требуя его головы. Телѣжка медленно катится черезъ дворъ, гдѣ народъ убиваетъ соотечественниковъ и друзей Бахмана. Онъ печалится только о нихъ. Тѣ изъ солдатъ Бахмана, которые еще ждутъ своей очереди умирать, почтительно склоняются при проѣздѣ своего начальника, какъ бы признавая его своимъ командиромъ до самой смерти. Палачъ, который схватываетъ Бахмана, служить ему охраною противъ убійцъ. Они щадятъ его

только подъ условіемъ эшафота. Это послѣднее боевое поле Бахмана. Онъ гордо вступаетъ туда и умираетъ солдатомъ.

220 труповъ въ большомъ Шателэ, 289—въ Консьержери были разорваны усердными „работниками“. Убійцы, не слишкомъ многочисленные для такого множества работы, освободили заключенныхъ за воровство подъ условіемъ присоединиться къ нимъ. Эти люди, выкупая себѣ жизнь преступленіемъ, приносили въ жертву своихъ товарищей по заточенію. Больше половины узниковъ погибло подъ ударами другой половины. Молодой гербовщикъ изъ улицы Сентъ-Авуа, посаженный за какую-то маловажную вину и обладавшій значительнымъ ростомъ и силой, получилъ подобнымъ образомъ свободу подъ условіемъ пособлять убійцамъ. Инстинктивная любовь къ жизни заставила его принять ее и такой цѣной. Колеблясь, нанесъ онъ нѣсколько дурно направленныхъ ударовъ. Но при видѣ крови онъ пришелъ въ себя и, бросивъ съ отвращеніемъ орудіе убійства, вложенное въ его руку, вскричалъ: „нѣтъ, нѣтъ, лучше быть жертвой, чѣмъ палачомъ! Лучше я соглашусь принять смерть отъ руки злодѣевъ, какъ вы, чѣмъ причинять ее невиннымъ и безоружнымъ существамъ. Разите меня!“ Онъ падаетъ и добровольно оmyваетъ свою кровью ту кровь, которую пролилъ самъ.

Д'Эпремилль, узанный и покровительствуемый національнымъ гвардейцемъ изъ Бордо, былъ единственнымъ арестантомъ, который ускользнулъ отъ рѣзни въ Шателэ. Онъ бѣжалъ, держа въ рукѣ окровавленную саблю, въ одеждѣ убійцы. Ночь, безпорядокъ, пьянство заставили смѣшать бѣглеца съ его убійцами. Онъ до самыхъ лодыжекъ погружалъ ноги въ красную грязь этой бойни. Достигнувъ фонтана Мобюэ, онъ больше часа отмывалъ свою обувь и платье, чтобы не поразить ужасомъ людей, у которыхъ намѣревался просить убѣжища.

Въ этой тюрьмѣ также предварили казнь нѣсколькихъ обвиненныхъ или осужденныхъ уже на смерть за обыкновенныя преступления. Въ томъ числѣ былъ аббатъ Берди, обвинявшійся въ убійствѣ своего собственнаго брата. Одаренный необыкновеннымъ ростомъ и дикой энергіей, онъ цѣлые полчаса боролся противъ своихъ палачей и задушилъ двухъ изъ нихъ подъ своими колѣнами.

Молодая дѣвушка удивительной красоты, извѣстная подъ именемъ „прекрасной цвѣточницы“, обвиненная въ нанесеніи раны, въ припадкѣ ревности, своему любовнику, унтеръ-офицеру французской гвардіи, должна была судиться черезъ нѣсколько дней. Убійцы, между которыми находились мстители за ея жертву и подстрекатели, подученные соперницей дѣвушки, опередили дѣло палача. Теруанъ де-Мерикуръ сообщила этой казни свою изобрѣтательность. Несчастную привязали голую къ столбу, раздвинули ей ноги, пригвоздили подошвы къ землѣ; тѣло жертвы жгли пучками зажженной соломы. Отрубили саблею грудные соски несчастной; раскалили лезвія пикъ, которыя ей втыкали въ тѣло. Наконецъ, несчастную посадили на эти раскаленные острія; вопли ея, переносясь черезъ Сену, поражали ужасомъ обитателей противоположнаго берега. Полсотни женщинъ, освобожденныхъ изъ Консьержери убійцами, пособляли совершать эту казнь и въ звѣрствѣ превзошли мужчинъ.

575 труповъ изъ Шателэ и Консьержери были нагромождены горами на мосту биржи. Ночью, толпы дѣтей, которыя въ теченіи трехъ дней уже свыклись съ рѣзней и которымъ мертвыя тѣла сдѣлались игрушками,—зажгли плашки по краямъ этихъ грудъ труповъ и танцовали Карманьолу. Марсельеза, распѣваемая хоромъ болѣе зрѣлыми голосами, раздавалась въ тѣ же часы у дверей всѣхъ тюремъ. Отражательные фонари, плашки, смолистые факелы—смѣшивали свой блѣдный свѣтъ со свѣтомъ луны, освѣщавшей груды тѣлъ, разрубленные туловища, отрубленные головы, лужи крови. Въ ту же самую ночь Ганрію, плутъ и шпіонъ при короляхъ, убійца и палачъ при народѣ, съ шайкой отъ 20 до 30 человѣкъ, распоряжался рѣзней 92 священниковъ, въ семинаріи Сентъ-Фирменъ, и самъ былъ тамъ палачомъ. Свита Ганрію, преслѣдую священниковъ по коридорамъ и кельямъ, выбрасывала ихъ живыми изъ оконъ на рѣшетку, состоявшую изъ пикъ, вертеловъ и штыковъ, которые прокалывали несчастныхъ при паденіи. Женщины, которымъ убійцы оставляли это удовольствіе, доканчивали несчастныхъ ударами полѣвъ и тащили убитыхъ въ ручьи. То же самое было и въ монастырѣ Бернардиновъ.

Но уже въ Парижѣ недоставало жертвъ для жажды крови, разгоряченной 92 часами убійствъ. Тюрьмы были пусты. Ганрію и исполнители этихъ убійствъ—числомъ болѣе 200 человѣкъ—подкрѣпленные еще злодѣями, которыхъ набрали въ тюрьмахъ, отправились въ Висетръ съ семью пушками, какія было позволено имъ коммуною безнаказанно увезти.

Висетръ, обширный клоакъ, куда стекала грязь цѣлой страны, очищая населеніе отъ безумцевъ, нищихъ и неисправимыхъ преступниковъ, содержалъ въ себѣ 3500 заключенныхъ. Ихъ кровь лишена была всякаго политическаго цвѣта, но, чистая или нечистая, это была все-таки еще кровь. Убійцы выломали двери тюрьмы Висетръ, разбили пушечными выстрѣлами стѣны темницъ, вырвали оттуда заключенныхъ и сдѣлали изъ нихъ бойню, которая длилась пять дней и пять ночей. Вода, желѣзо и огонь служили къ истребленію обитателей тюрьмы. Одни были утоплены или утонули въ подземельяхъ, гдѣ искали убѣжища, другіе изрублены саблями, остальные разстрѣляны во дворѣ. Виновные и невинные, больные и здоровые, бродяги и нищіе, всѣ, неисключая даже безумныхъ, которымъ этотъ домъ служилъ пріютомъ, были перерѣзаны безъ различія. Экономъ, раздаватели милостыни, привратники, писцы правленія попали въ общую рѣзню. Напрасно коммуна посылала комиссаровъ, напрасно самъ Петіонъ явился уговаривать убійцъ. Они едва прервали свою работу, чтобы выслушать увѣщанія мэра. Словамъ, не подкрѣпляемымъ силою, народъ оказываетъ только уваженіе безъ повиновенія. Убійцы остановились только тогда, когда въ тюрьмѣ сдѣлалось пусто. На слѣдующій день та же шайка, около 250 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, пиками, топорами, палицами, вторгается въ больницу Сальпетриеръ, которая служила и тюрьмой и богадѣльней. Здѣсь находились только потерянные женщины; это было мѣсто исправленія для старухъ, мѣсто леченія для молодыхъ, мѣсто убѣжища для тѣхъ, возрастъ которыхъ еще граничилъ съ дѣтствомъ. Перерѣзавъ 35 самыхъ старыхъ женщинъ, убійцы врываются въ спальни другихъ, заставляютъ ихъ удовлетворить своей скотскою страсти, убиваютъ тѣхъ, которыя противятся, и торжественно уводятъ съ собою

молодыхъ дѣвушекъ отъ 10 до 12 лѣтъ, составляющихъ гнусную добычу разврата, поднятую въ крови.

21.

Пока эти неистовства тревожили Парижъ, собраніе напрасно посылало комиссаровъ, чтобы увѣщевать народъ у дверей тюремъ. Убійцы даже не прерывали свою работу, чтобы выслушивать эти официальные увѣщанія. Слова правосудія и человеколюбія не находятъ отголоска въ сердцахъ скотовъ, опьяненныхъ виномъ и кровью. Напрасно министръ внутреннихъ дѣлъ, Роланъ, скорбя о своемъ безсиліи, писалъ Сантерру, чтобы тотъ употребилъ силу для охраненія безопасности тюремъ; Сантерръ только на третій день явился потребовать у генеральнаго совѣта коммуны полномочія удержать злодѣевъ, которые сдѣлались уже опасными и тѣмъ, кто ихъ напустилъ на своихъ враговъ. Убійцы нагло являлись къ муниципалитету съ требованіемъ платы за убійства. Талліенъ и его товарищи не посмѣли отказать имъ въ платѣ за работу этихъ дней и внесли въ списки парижской коммуны эту плату, едва прикрытую прозрачными заглавьями и предлогами. Сантерру съ его отрядами, прибывшимъ послѣ дѣла, стоило большого труда прогнать обратно въ логовища эти орды, раздраженные рѣзней. Эти люди, питаемые преступленіями въ теченіе семи дней, упоенные виномъ, въ которое примѣшивался порошокъ, опьянѣвшіе отъ пара крови, дошли до изступленія, граничившаго съ безуміемъ, которое дѣлало ихъ неспособными къ покою. Ихъ охватила лихорадка истребленія. Они годились только на убійства. Какъ только дѣла у нихъ стало мало, то многіе изъ нихъ обратили свою ярость противъ себя самихъ. Нѣкоторые, возвратясь къ себѣ, изливались въ проклятіяхъ противъ неблагодарности коммуны, которая оцѣнила ихъ труды только по 40 су въ день. Не приходилось и по одному су на каждую жертву при такой сходной цѣнѣ на убійства. Другіе, мучимые угрызениями совѣсти, видѣли предъ собою только багровыя лица, окровавленные члены, дымящіеся внутренности тѣхъ, кого они зарѣзали. Ихъ поразили припадки безумія или странной тоски, которая въ нѣсколько дней доводила ихъ до могилы. Иные, наконецъ, заклеянные ужасомъ сосѣдей и ненавистью близкихъ, удалились изъ своего квартала, поступили въ батальоны волонтеровъ или, ненасытные преступленіями, присоединились къ шайкамъ убійцъ, которыя отправились продолжать парижскія неистовства въ Орлеанъ, Ліонъ, Мо, Реймсъ, Версали. Въ числѣ этихъ были Шарло, Гризонтъ, Мамень, ткачъ Роди, Гавріо, мальчикъ мясника Аллеръ и негръ, по имени Делормъ, привезенный въ Парижъ Фурнье—американцемъ. Этотъ черный, неутомимый въ убійствѣ, умертвилъ одинъ болѣе 200 узниковъ въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей рѣзни, безъ всякаго другого отдыха, кромѣ короткихъ оргій, во время которыхъ онъ въ винѣ закалялъ свои силы. Рубашка негра, сбитая къ поясу, показывала обнаженное туловище; отвратительныя черты лица, черная кожа, покраснѣвшая отъ пятенъ крови, взрывы дикаго хохота, отъ которыхъ при каждомъ сильномъ ударѣ ротъ негра раскрывался и выказывались его зубы,—все это дѣлало изъ него эмблему убійства и мстителя за свое племя. Одна кровь, въ лицѣ негра, искореняла другую; преступное истребленіе наказывало европейца за его посягательства

на Африку. Этотъ черный, котораго можно было встрѣтить, съ отрубленной головой въ рукѣ, при всѣхъ народныхъ потрясеніяхъ, какія происходили при революціи, быть арестованъ, два года спустя, въ дни мѣсяца преріаля, когда несть на концѣ пики голову депутата Феро, и наконецъ—погибъ казнью, которую самъ столько разъ совершалъ. Какъ только его сентябрскіе сообщники, бѣжавшіе къ арміямъ, въ батальоны волонтеровъ, были тамъ указаны товарищамъ по службѣ, то батальоны прогнали ихъ съ омерзеніемъ. Солдаты не могли жить рядомъ съ убійцами. Знамя патріотизма должно было остаться незапятнаннымъ кровью гражданъ. Геройство не желало имѣть ничего общаго съ преступленіемъ.

22.

Таковы были сентябрскіе дни. Рвы Кламара, катакомбы заставы Сенъ-Жакъ только и знали число жертвъ. Одни исчисляли его въ десять тысячъ, другіе—сводили къ двумъ или тремъ тысячамъ. Но преступленіе заключается не въ числѣ, оно въ самомъ фактѣ убійствъ. Варварская теорія хотѣла ихъ оправдать. Теоріи, возмущающія совѣсть,—не что иное, какъ парадоксы ума, которые заставляютъ служить уклоненіямъ сердца. Люди хотятъ возвыситься, ставя себя, въ такъ-называемыхъ государственныхъ разсчетахъ, выше нравственныхъ стѣсеній и сердечнаго умиленія. Считаютъ себя тогда стоящими выше человѣка. Это ошибка, тогда-то именно и становятся ниже его. Все, что отнимаетъ у человѣка часть его впечатлительности, отнимаетъ у него и часть истиннаго величія. Все, что отрицаетъ въ человѣкѣ его истинную совѣсть, уменьшаетъ и часть его свѣта. Свѣтъ человѣка находится въ его умѣ, но особенно въ совѣсти. Системы бываютъ обманчивы. Одно только чувство непогрѣшимо, какъ природа. Оспаривать преступность сентябрскихъ дней—значитъ отрицать несомнѣнность чувства въ человѣчествѣ. Это значитъ отрицать природу, которая есть не что иное, какъ нравственность въ инстинктивномъ сознаніи. Въ человѣкѣ нѣтъ ничего болѣе великаго, какъ человѣчность. Убивать не болѣе можетъ быть позволено правительству, какъ и частному лицу. Масса жертвъ не измѣняетъ характера убійства. Если капля крови оскверняетъ руки простого убійцы, то потоки крови не дѣлаютъ невинными Дантоновъ! Большой объемъ злодѣйства не превращаетъ его въ добродѣтель. Пирамиды труповъ поднимаются высоко, это правда, но высоко только для людскихъ проклятій.

23.

Безъ сомнѣнія, не слѣдуетъ разсчитывать жизнь тѣхъ людей, которыми оплачивается дѣло правое и святое,—и народы, которые идутъ въ крови, не пятнаютъ себя этимъ, если направляются къ пріобрѣтенію себѣ правъ, къ справедливости и къ свободѣ міра. Но это относится до крови, пролитой на поляхъ битвъ, а не до крови побѣжденныхъ, которыхъ рѣжутъ хладнокровно и систематически. Революціи, какъ и правительства, обладаютъ двумя законными способами для своего выполненія и для защиты: судить по закону и сражаться. Когда они просто умерщвляютъ, то внушаютъ ужасъ своимъ друзь-

ямъ и подають основательный поводъ къ нареканіямъ враговъ. Состраданіе міра удаляется отъ окровавленныхъ дѣлъ. Революція, которая осталась бы непоколебимо чистою, покорила бы цѣлый міръ своимъ идеямъ. Люди, которые совѣтуютъ слѣдовать сентябрьскимъ примѣрамъ и выставляютъ рѣзною элементомъ патріотизма, заранѣе губятъ дѣло народовъ, заставляя относиться къ нему съ отвращеніемъ; съ подобными взглядами возможны только потемки, обрывы и паденія. Варооломеевская ночь ослабила католицизмъ болѣе, чѣмъ могла бы сдѣлать это кровь милліона католиковъ. Сентябрьскіе дни были Варооломеевскою ночью свободы. Макиавель, быть можетъ, посовѣтовалъ бы имъ, Фенелонъ бы проклялъ ихъ. Въ добродѣтели Фенелона заключается болѣе здоровой политики, чѣмъ во всѣхъ изреченіяхъ Макиавеля. Великіе государственные люди революцій дѣлаются иногда ихъ мучениками, но палачами—никогда.

XXVI.

Неистовства.—Убійство герцога Ларошфуко въ Жизорѣ.—Убійства въ Орлеанѣ, Лионѣ, Мо, Реймѣ, Версали.—Мэръ Ришо.—Дантонъ принимаетъ на себя отвѣтственность, за сентябрскіе дни.

1.

Франція содрогалась отъ ужаса. Совѣтъ парижской коммуны хвастался своимъ преступленіемъ: онъ осмѣлился составить адресъ къ департаментамъ, ставя имъ сентябрскія убійства, примѣромъ для подражанія. Похвальба преступленіемъ—нѣчто большее, чѣмъ самое преступленіе; это значитъ хладнокровно раздѣлять отвѣтственность за преступленіе, не имѣя оправданія въ той страсти, которая его объясняетъ. Примѣръ безнаказанности парижскихъ убійствъ громко говорилъ самъ за себя провинціямъ. Это безмолвное ободреніе было услышано. Ларошфуко, наиболѣе популярный изъ аристократовъ послѣ Лафайета, сдѣлался ненавистенъ толпѣ. Въ качествѣ президента парижскаго департаментскаго управленія, онъ 20 іюня требовалъ отрѣшенія Петіона. Это послужило приговоромъ ему самому. Удалившись послѣ 10 августа на купанья Форжъ со своею матерью, герцогинею д'Эвильи, и съ молодой женою, онъ получилъ тамъ отъ коммуны извѣщеніе о своемъ арестѣ, принесенное однимъ изъ проконсуловъ ратуши. Комиссаръ, самъ утраченный своимъ порученіемъ, совѣтовалъ герцогу не полагаться на свою невинность и бѣжать въ Англію. Ларошфуко отказался. Онъ отправился въ Парижъ съ матерью, женою и комиссаромъ коммуны. Батальонъ національной гвардіи изъ Финистера и отрядъ парижскихъ убійцъ ожидали герцога въ Жизорѣ. Они требовали его головы. Мэръ и національная гвардія Жизора напрасно употребляли всѣ усилія для его охраны. Пока экипажъ въ которомъ были женщины, ѣхалъ впередъ, рядъ членовъ муниципалитета и національныхъ гвардейцевъ конвоировалъ плѣнника за городъ по боковымъ улицамъ. Напрасное благоразуміе! При выѣздѣ изъ воротъ, замѣшательство между экипажами загромодило дорогу, и рядъ защитниковъ прорвался. Убійца, поднявъ съ мостовой булыжникъ, бросилъ его въ голову герцога и распростеръ послѣдняго замертво подъ ногами народа, которому тотъ посвятилъ свою жизнь. Къ матери и къ женѣ, которые считали герцога уже спасеннымъ, принесли только его трупъ. Это убійство одного изъ первыхъ правозвѣстниковъ свободы и философіи, отозвалось во всей Европѣ, какъ святотатство. Ни одно преступленіе не отняло болѣе популярности у революціи. Она казалась отцеубійцей, убивая этого отца народа. Великій ораторъ Боркъ и его друзья въ англійскомъ парламентѣ стыдились братства съ палачами Ларошфуко и свое поклоненіе революціи замѣнили проклятіями.

2.

Въ Орлеанѣ національная гвардія, обезоруженная мэромъ, допустила безнаказанно сдѣлать насиліе тюрьмамъ, разграбить дома главныхъ негоціантовъ, зарѣзать восемь или десять человѣкъ и наконецъ сжечь медленнымъ огнемъ на жаровнѣ, разведенной на площади, двухъ прикащиковъ изъ сахарнаго завода, попытавшихся отстаивать отъ грабежа домъ своего хозяина. Въ Ліонѣ извѣстіе о парижскихъ дняхъ возбудило въ народѣ свирѣпое соревнованіе. Двѣ тысячи человѣкъ, женщинъ и дѣтей, составлявшія накупъ среди нечистотъ этого огромнаго собранія кочующихъ рабочихъ, отправились, несмотря на сопротивленіе мэра Вите и начальника города, Эмберъ Коломецъ, въ крѣпость Pierre Encise. Они выломали двери и умертвили 21 офицера полка короля польскаго, которые тамъ были заключены. Оттуда убійцы перешли въ гражданскія тюрьмы, перерѣзали безъ разбора всѣхъ, кого тамъ нашли, а обезображенные члены своихъ жертвъ привозили къ деревьямъ гулянья Белькуръ,

Ронсенъ, командиръ одного изъ парижскихъ батальоновъ, составленнаго изъ побѣдителей 10 августа и изъ нѣсколькихъ сентябрьскихъ убійцъ, переходилъ Мо, направляясь къ границѣ. По прибытіи, онъ бранитъ мэра за то, что тотъ еще не послѣдовалъ примѣру парижской коммуны. Съ саблею въ рукѣ, онъ пробѣгаетъ по улицамъ города, набираетъ нѣсколько злодѣевъ въ подозрительныхъ мѣстахъ, напускаетъ ихъ на тюрьму и ободряетъ убійцъ въ ихъ работѣ голосомъ и движеніями. „Мои люди—разбойники“, отвѣчалъ Ронсенъ тѣмъ, кто его упрекалъ въ злодѣйствахъ его шайки, „но развѣ изъ честныхъ людей были составлены легіоны, которые выполняли злодѣйства Марія?“

Другой батальонъ, набранный въ разныхъ логовищахъ Парижа, проходилъ черезъ Реймсъ, направляясь къ границамъ, подъ начальствомъ генерала Дюгу. Агитаторъ, по имени Армонвилль, является предъ этимъ батальономъ въ ту самую минуту, когда генералъ дѣлалъ смотръ. Напрасно командиръ хочетъ удержатъ солдатъ. Армонвилль говоритъ имъ рѣчь, сманиваетъ изъ нихъ съ полсотни человѣкъ, увлекаетъ къ поступленію въ народное общество, раздаетъ оружіе, указываетъ дома, назначаетъ жертвы и ободряетъ убійство. Двое изъ правителей зарѣзаны на лѣстницѣ ратуши. Головами ихъ играютъ, какъ шарами. Всѣхъ священниковъ, какіе нашлись въ городѣ, бросаютъ на костеръ, разведенный на соборной паперти. Два дня убійцы разжигаютъ этотъ костеръ, бросая на него новыя жертвы, чтобы не угасалъ огонь. Племянника одного изъ священниковъ они заставляютъ принести собственными руками дрова, чтобы сжечь тѣло его дяди. Отрубаютъ руки и ноги нѣкоему Монрозье, человѣку, совершенно чужому въ городѣ и непричастному ни къ какимъ политическимъ мнѣніямъ. Изувѣченнаго такимъ образомъ, его несутъ къ дверямъ его дома, чтобы несчастный непустилъ дыханіе на глазахъ отца и жены.

Злодѣи играютъ агонію, сознаніемъ, упреками совѣсти тѣхъ, кого убиваютъ. Одинъ изъ священниковъ, объятый пламенемъ, подавленный горемъ, проситъ позволенія принести присягу націи. Его вынимаютъ изъ огня. Прокуроръ коммуны, Купле, сообщникъ этой комедіи, является и принимаетъ присягу. „Теперь, когда ты лишній разъ солгалъ“, говорятъ несчастному палачи, „сту-

пай въ огонь вмѣстѣ съ другими“. И они бросаютъ священника опять на костеръ. Эти сжигатели людей кончаютъ схваткой между собою. Ткачъ, по имени Лоранъ, изготовляетъ списокъ лицъ, предназначенныхъ къ казни. Онъ вписываетъ туда своего сосѣда, купца, преступленіе котораго состояло въ отказѣ давать свой товаръ въ кредитъ Лорану. Купецъ, самъ тайный агентъ Армонвилля, увѣдомленъ о приготовляемой ему засадѣ. Онъ приноситъ жалобу своему патрону. Армонвилль вычеркиваетъ изъ списка имя купца и вписываетъ, вмѣсто него, самого обвинителя. Въ ту самую минуту, когда Лоранъ назначаетъ своего врага на костеръ, его самого схватываютъ и бросаютъ въ пламя при взрывахъ хохота его сообщниковъ. Нечистая кровь Лорана загасила костеръ. Страхъ въ Реймѣ отличался такою угодливостью, и имя Армонвилля такъ запугало общественное сознаніе, что черезъ нѣсколько дней городъ избралъ этого злодѣя своимъ представителемъ въ конвентъ.

3.

Рука истребителей не могла миновать тюрьмы высшаго національнаго суда въ Орлеанѣ. Въ этой тюрьмѣ находились 62 человѣка, обвиненныхъ въ оскорбленіи націи. Наиболѣе памятнымъ народу были старый герцогъ де-Бриссакъ, командиръ королевской стражи, и де-Лессаръ, министръ, осужденный жирондистами. Епископы, судьи, генералы, обвиненные администраціей или войсками,—журналисты партіи двора,—наконецъ, 27 офицеровъ полка Камбрези, обвиненные въ желаніи захватить цитадель Перпиньяна, чтобы предать ее испанцамъ,—томились уже болѣе года въ этихъ темницахъ.

Легкомысленность обвиненій, неимѣніе доказательствъ, отдаленность свидѣтелей, прерывали судъ или уничтожали его возможность. Предубѣжденіе, которое судить безъ доказательствъ и осуждаетъ то, что ненавидитъ, приходило въ нетерпѣніе отъ такой медленности. Коммуна, Маратъ, Дантонъ, которые хотѣли покончить съ начатымъ дѣломъ, признавали эти жертвы совершенно готовыми для убійства. Законодательное собраніе, стыдась убійствъ 2 сентября, которыя были совершены на его глазахъ и за которыя оно несло отвѣтственность, хотѣло вырвать 62 человѣка заключенныхъ отъ сокращеннаго суда коммуны. Но маратисты распространили въ народѣ молву, что орлеанскія тюрьмы превратились въ мѣсто наслажденій и въ очагъ заговоровъ, благодаря золоту герцога де-Бриссака, и что по знаку эмигрантовъ двери этихъ тюремъ раскроются, и у націи отнята будетъ ея месть. Говорили о близкомъ похищеніи узниковъ. По одному этому слуху, 200 марсельцевъ и отрядъ федератовъ и убійцъ, подъ начальствомъ поляка Лазуцкаго, отправляются въ Орлеанъ, по секретному приказанію вожаковъ коммуны. По прибытіи въ Лонжюмо, они пишутъ собранію, что отправились въ дорогу съ цѣлью привезти въ Парижъ заключенныхъ. Встревоженное собраніе, по предложенію Верньо и Бриссо, издаетъ декретъ, запрещающій этимъ федератамъ произвольно распоряжаться какъ обвиняемыми такъ и виновными, подлежащими единственно карѣ законовъ. Лазуцкій и его приверженцы притворно повинуются декрету. Они отвѣчаютъ, что отправились въ Орлеанъ для охраненія плѣнниковъ, которыхъ замышляется похитить. Верньо и его друзья понимаютъ этотъ языкъ, но при-

творяются, что удовлетворились такимъ полупослушаніемъ; но въ томъ же за-
сѣданіи они издають второй декретъ, уполномочивающій министровъ послать
въ Орлеанъ 1,800 человекъ, чтобы предупредить всякую попытку похищенія.
Начальство надъ этимъ отрядомъ было вѣрено Фурнье—американцу. По при-
бытіи съ такой силой въ Лонжюмо, Фурнье присоединяетъ къ себѣ марсель-
цевъ и вступаетъ въ Орлеанъ.

Его уже опередилъ Леонаръ Бурдонъ. Посланный парижской коммуной съ
порученіемъ, цѣль котораго подозрѣвалась, Леонаръ Бурдонъ, Орлеанскій граж-
данинъ, но другъ Марата, умѣлъ нейтрализовать національную гвардію Орлеана,
подъ предлогомъ предупрежденія борьбы между парижскимъ отрядомъ и орлеан-
скимъ муниципалитетомъ. Національная гвардія, численностью въ 6,000 чело-
вѣкъ, преданная закону, отправилась съ пушками къ тюрьмамъ, чтобы защи-
щать ихъ двери. Вступили въ переговоры. Было условлено, что узники оста-
нутся неприкосновенными и будутъ переданы національной гвардіей конвоемъ
для препровожденія въ Парижъ.

4.

Семь телѣжекъ, изъ которыхъ въ каждой было по восьми плѣнниковъ въ
цѣпяхъ, отправились въ дорогу 4 сентября въ шесть часовъ утра. Фурнье
шелъ во главѣ конвоя. Ожерелья креста св. Людовика, креста Цинцин-
ната и другія военныя украшенія, отнятыя у плѣнниковъ, висѣли на груди
его лошади.

Собраніе, узнавъ объ орлеанскихъ событіяхъ, постановило, чрезъ посред-
ство Верньо, что колонна не вступитъ въ Парижъ. Комиссары, посланные
въ Этампъ, чтобы остановить Фурнье, были запуганы Леонаромъ Бурдономъ.
Декретъ былъ растоптанъ ногами; двинулись на Версаль. Между тѣмъ, палачи
2 сентября ожидали весь кортежъ въ Арпажонѣ. Эти люди присоединились
къ конвою и въ одно время съ нимъ прибыли къ воротамъ Версаля. Версаль-
скій мэръ, Ришо, предупрежденный объ опасности, принялъ всѣ мѣры, тре-
буемыя благоразуміемъ и человѣколюбіемъ. Фурнье и Лазуикъ, съ двумя ты-
сячами человекъ и съ пушками, обладали достаточною силою, чтобы преду-
предить попытку. Но все казалось ими нарочно подготовленнымъ такъ,
чтобы предать охраняемое, вмѣсто того, чтобы его защищать. Пушки и кавалерія
конвоя слѣдовали на значительномъ разстояніи впереди экипажей. Сла-
бая преграда насилію, шеренга въ пять человекъ, шла съ правой и съ лѣвой
стороны дороги. Мэръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ муниципальных совѣт-
никовъ и нѣсколькихъ офицеровъ національной гвардіи, одинъ только своимъ
присутствіемъ и словами оказывалъ вліяніе на убійцъ. Хотя былъ воскрес-
ный день, когда народъ расходится, преданный праздности, но улицы города
были пустыни. Шайка убійцъ, которая сторожила добычу, считала въ себѣ
не болѣе 40 или 50 человекъ. Они подпустили телѣжку къ самой рѣшеткѣ сада,
который ведетъ въ звѣринецъ. Тамъ приготавлился роздыхъ въ эту ночь. Какъ
только Фурнье, пушки и кавалерія конвоя прошли рѣшетку, она за ними
затворилась. Фурнье, частію быть можетъ по дѣйствительному удивленію, ча-
стію притворяясь жертвою насилія, былъ опрокинутъ съ лошади людьми изъ

народа и слабо боролся, чтобы заставить отворить рѣшетку, которая его отдѣляла отъ главной части отряда и отъ плѣнниковъ. Лазуцкій съ арьергардомъ не сдѣлалъ никакого усилія, чтобы приблизиться къ побѣду. Убійцы, овладѣвъ экипажами, бросились на связанныхъ плѣнниковъ, которые у нихъ ни къмъ болѣе не оспаривались. Напрасно мэръ Ришо устремился между убійцами и ихъ добычей; напрасно, самъ войдя на первую телѣжку и отводя руками сабли и пики, онъ прикрывалъ своимъ тѣломъ двѣ первыя жертвы. Убійцы опрокинули его на трупы этихъ послѣднихъ, кровь которыхъ обрызгала мэра,— и снесли его, лишившагося чувствъ отъ потрясенія, въ сосѣдній домъ, а сами безъ помѣхи докончили, въ продолженіе болѣе часа, эту хладнокровную бойню, которую цѣлый запуганный городъ и двѣ тысячи вооруженныхъ людей допустили совершить среди бѣлаго дня.

Неустрашимый Ришо, оставленный одинъ, придя въ себя, вырвался изъ рукъ тѣхъ, которые хотѣли его задержать, ускользнулъ изъ того дома, куда его перевезли, вернулся къ экипажамъ, упалъ на колѣни предъ убійцами, цѣплялся за ихъ окровавленные руки, упрекалъ, что они позорятъ революцію и городъ, гдѣ она восторжествовала надъ деспотизмомъ, предлагалъ собственную жизнь, чтобы искупить жизнь послѣдней изъ жертвъ. Словамъ мэра удивляются, но самого его устраниаютъ. Едва семи или восьми плѣнникамъ, которые бросились изъ телѣжекъ среди смятенія рѣзни и нашли покровительство въ сострадательныхъ зрителяхъ, удалось ускользнуть и скрыться въ сосѣднихъ домахъ. Всѣ остальные падаютъ. 47 труповъ, со связанными еще руками и ногами, покрываютъ улицу, служа доказательствомъ варварства и низости убійцъ. Груда туловищъ и изрубленныхъ въ куски членовъ возвышается среди перекрестка „Quatre-Bornes“. Убійцы носятъ отрубленные головы на острияхъ пикъ, взятыхъ изъ рѣшетокъ Версальскаго дворца. Въ числѣ этихъ головъ можно было узнать голову герцога де-Бриссака, по бѣлымъ волосамъ, запачканнымъ кровью и обернутымъ вокругъ рѣшетки, отломленной съ дверей жилища его королей. Двое изъ убійцъ, Фолио, церковный староста Медона, и Гюртванъ, лѣсной сторожъ въ Веррьерѣ, носили, изъ одной кофейной въ другую, одинъ—окровавленное сердце, вырванное изъ груди герцога де-Бриссака, другой—непристойный кусокъ мяса, вырѣзанный изъ трупа министра де-Лессара. Молодая женщина, на нѣсколькихъ мѣсяцахъ беременности, увидавъ выставленный убійцами этотъ кусокъ мяса, упала при такомъ зрѣлищѣ навзничъ, разбила себѣ голову и умерла на мѣстѣ отъ ужаса. Дѣти разрывали на улицѣ человѣческіе члены и бросали ихъ испуганнымъ собакамъ. Какая-то женщина взяла за волосы одну изъ этихъ головъ, снесла въ собраніе избирателей и положила на бюро президента. Кто не рукоплескалъ этому, тотъ молчалъ. Молчаніе было знакомъ мужества.

Прошло больше часа послѣ того, какъ убійства совершились и мертвые покинуты были среди крови, какъ вдругъ зрители, смотрѣвшіе издали на эти останки, увидѣли, что трупы двигаются отъ какого-то легкаго сотрясенія. Окровавленные руки поднялись, потомъ показалась лысая голова, потомъ обнаженное туловище старца выпрямилось на вершинѣ груди труповъ. Это былъ одинъ изъ узниковъ, не совсѣмъ убитый и теперь очнувшійся отъ обморока

или взятый убійцами за мертвого и скрывшійся подъ трупами отъ ударовъ, которые должны были его покончить. Несчастный старался высвободиться изъ кучи обезображенныхъ тѣлъ, въ которую былъ погруженъ до пояса; сидя въ этой грудѣ, онъ боязливо высматривалъ, въ какую сторону лучше обратиться, чтобы найти убійщице. Безмолвные свидѣтели этого неожиданнаго возврата къ жизни показывали уже старику знаки сочувствія и состраданія. Онъ казался спасеннымъ; но одинъ изъ убійцъ, случайно возвратившись, замѣтилъ старца и, подойдя къ нему съ поднятой саблей, вскрикнулъ: „А! ты проснулся! погоди, ты у меня заснешь подольше!“ Съ этими словами злодѣй разсѣкъ несчастному голову саблею и уложилъ его снова на ложе смерти.

5.

Оттуда убійцы направились къ двумъ Версальскимъ тюрьмамъ и, несмотря на отчаянныя усилія Ришо, умертвили десять узниковъ; остальные обязаны были своимъ спасеніемъ неустрашимости, краснорѣчію и почтенной хитрости этого благороднаго человѣка. Въ теченіе двухъ дней онъ безпрестанно сообщалъ исполнительной власти объ опасностяхъ, угрожавшихъ жизни версальскихъ узниковъ и требовалъ присылки изъ Парижа военной силы. Президентъ версальскаго суда, Алькье, два раза отправлялся къ Дантону, приглашая его, какъ министра юстиціи, позаботиться о безопасности тюремъ. Въ первый разъ Дантонъ уклонился отъ свиданія, во второй—разсердился на такую настойчивость, которая волновала его угрызеніями совѣсти или сознаніемъ своего безсилія. Смотри на Алькье многозначительнымъ взоромъ, который хотѣлъ быть понятымъ безъ словъ, Дантонъ сказалъ ему грубымъ и нетерпѣливымъ голосомъ: „Господинъ Алькье, эти люди очень преступны, очень преступны! Возвратитесь къ своимъ занятіямъ и не вмѣшивайтесь въ это дѣло! Если бы я могъ отвѣчать вамъ иначе, то неужели вы не понимаете, что я бы уже это сдѣлалъ?“ Алькье удалился встревоженный. Онъ понималъ.

Эти слова, вырвавшіяся у Дантона подъ вліяніемъ нетерпѣнія, служатъ комментариемъ къ тѣмъ, которыя онъ произнесъ 2-го сентября въ національномъ собраніи: „Отечество спасено; набатъ, который звучитъ, вовсе не составляетъ сигнала къ тревогѣ; это знакъ нападенія на враговъ отечества! Чтобы ихъ побѣдить, чтобы ихъ ниспровергнуть, что нужно?... Смѣлость, еще смѣлость, и постоянная смѣлость!“ Дантонъ окончательно возстановилъ истинное значеніе, придаваемое имъ этимъ словамъ, въ самый вечеръ версальскихъ убійствъ. Убійцы де-Бриссака и де-Лессара, съ наступленіемъ ночи, отправились въ Парижъ и толпились подъ окнами министра юстиціи, требуя оружія, чтобы устремиться къ границамъ. Дантонъ всталъ изъ-за стола и показался на балконѣ. „Васъ благодарить не министръ юстиціи, а министръ революціи“, сказалъ онъ имъ. Никогда еще гонитель не признавалъ съ большею наглостью орудіи своего гоненія. Дантонъ нарушалъ законы, которые обязанъ былъ защищать; онъ одобрялъ ту кровь, за которую долженъ былъ мстить, — былъ министромъ не свободы, а смерти. Сентябрь былъ преступленіемъ нѣсколькихъ отдѣльных лицъ, а не преступленіемъ самой свободы.

XXVII.

Армія.—Дюмурье держится въ Аргоннѣ.—Келлерманъ.—Миранда.—Лагерь въ Сенть-Менегу.—Позиція Келлермана.—Герцогъ Шартрскій.—Его личность.—Вальми.—Побѣда.—Отступленіе прусской арміи.—Бездѣйствіе.—Настойчивость Дюмурье.—Онъ усмиряетъ ропотъ своихъ войскъ.—Республика признана въ лагеряхъ.

1.

Пока междувластіе отъ королевства до республики предавало, подобнымъ образомъ, Парижъ сателлитамъ Дантона,—для Франціи, всѣ границы которой были открыты, спасеніе представляли только Аргонскій лѣсъ и талантъ Дюмурье.

Мы оставили 2-го сентября этого генерала запертымъ, съ шестнадцатую тысячами человѣкъ, въ лагерѣ Гранпре и занимающимъ, со слабыми отрядами, промежуточные дефилеи между Седаномъ и Сенть-Менегу, чрезъ которые герцогъ Брауншвейгскій могъ сдѣлать попытку разорвать его линію и сломить его позицію. Пользуясь каждымъ часомъ медленности непріятеля, онъ велѣлъ звонить въ набатъ во всѣхъ селеніяхъ, которыя покрываютъ оба склона Аргонскаго лѣса, старался возбудить въ жителяхъ энтузіазмъ къ отечеству, распорядился испортить мосты и дороги, по которымъ непріятель долженъ былъ наступать, и рубить деревья, чтобы загородить всѣ самые малые проходы. Но взятіе Лонгви и Вердена, сношенія мѣстныхъ дворянъ съ эмигрантами, ненависть къ революціи и несоразмѣрная масса арміи союзниковъ—все это заставляло защиту падать духомъ. Дюмурье, предоставленный самому себѣ, могъ рассчитывать только на свои полки. Батальоны волонтеровъ, которые медленно прибывали изъ Парижа и департаментовъ и организовались въ Шалонѣ, приносили съ собою лишь неопытность, панику и отсутствіе дисциплины. Дюмурье больше боялся, чѣмъ желалъ подобныхъ помощниковъ. Единственною его надеждою было соединеніе съ арміею, которую преемникъ Люкнера, Келлерманъ, велъ къ нему изъ Меца. Если-бы это соединеніе могло совершиться позади Аргонскаго лѣса прежде, чѣмъ войска герцога Брауншвейгскаго овладѣли бы этою природною стѣною, то Келлерманъ и Дюмурье, соединивъ свои силы, могли противопоставить массу въ 45,000 бойцевъ 90 тысячной арміи союзниковъ и съ нѣкоторою надеждою рисковать судьбою Франціи въ сраженіи.

Келлерманъ, способный понять такую великую мысль и помочь ея выполненію, безъ всякой зависти содѣйствовалъ намѣренію Дюмурье; онъ довольствовался тою долею славы, какая ему приходилась, лишь бы было спасено

отечество. Онъ подвигался по косвенной линіи изъ Меца къ окончности Аргонасаго лѣса, увѣдомля Дюмуре о каждомъ шагѣ, сдѣланномъ въ этомъ направленіи. Но высшее пониманіе, озарявшее этихъ двухъ генераловъ, оставалось недоступнымъ для массы офицеровъ и войскъ; въ самомъ лагерѣ Дюмуре видѣли въ его неподвижности лишь роковое упорство сдѣлать попытку невозможнаго; предсказывали навѣрное плѣнь арміи Дюмуре обширными корпусами герцога Брауншвейгскаго, который окружить и подавить французовъ. Съѣстные припасы были рѣдки и дурнаго качества. Самъ генералъ ѣлъ черныи солдатскій хлѣбъ. Овощи, но безъ мяса,—ливо и ни капли вина. Болѣзни, вслѣдствіе истощенія, подрывали войска. Глухой ропотъ ожесточалъ умы. Министры, депутаты, самъ Люкнеръ, подъ вліяніемъ писемъ изъ лагеря, безпрерывно писали Дюмуре, чтобы онъ оставилъ свою опасную позицію и удалился въ Шалонъ. Друзья Дюмуре предостерегали его, что дальнѣйшее упорство съ его стороны повлечетъ за собой отрѣшеніе генерала и быть можетъ даже обвинительный декретъ противъ него.

2.

Собственные офицеры Дюмуре однажды утромъ, насильно проложили себѣ путь въ его палатку и, сообщивъ генералу о настроеніи арміи, представляли ему о необходимости отступать. Дюмуре, выказавъ силу воли, сурово встрѣтилъ эти замѣчанія: „Когда я васъ призову въ военный совѣтъ“, сказалъ онъ, „тогда выслушаю ваши мнѣнія, но въ настоящую минуту я совѣтуюсь только съ самимъ собою. Я одинъ уполномоченъ вести войну, я одинъ отвѣчаю за все. Возвратитесь на свои посты и думайте только о томъ, какъ лучше содѣйствовать предначертаніямъ вашего вожда“. Увѣренность полководца вдохнула довѣріе въ его помощниковъ. Геній имѣетъ свои тайны, уважаемыя даже тогда, когда ихъ не знаютъ.

Небольшія схватки, всегда счастливыя, между авангардомъ пруссаковъ, которые подступали наконецъ къ лѣсу, и аванпостами Дюмуре, возвратили войскамъ терпѣніе: ружейные выстрѣлы и наступательный шагъ составляютъ музыку лагерей. Мячинскій, Штенгель, Миранда повсюду отражали пруссаковъ. Мячинскій и Штенгель—избранники Дюмуре, извѣстны. Миранда былъ ему недавно присланъ Петіономъ. Генералъ вздумалъ съ первыхъ же дней испытать Миранду: онъ остался имъ доволенъ.

Миранда, принимавшій послѣдствіи большое участіе и въ усѣхахъ и въ неудачахъ Дюмуре, былъ однимъ изъ тѣхъ авантюристовъ, у которыхъ нѣтъ другого отечества, кромѣ лагеря, и которые предлагаютъ свою руку и таланты всакому дѣлу, какое имъ кажется наиболѣе достойнымъ ихъ крови. Миранда посвятилъ себя дѣлу революцій во всемъ мірѣ. Родившійся въ Перу, хорошаго происхожденія, богатый, вліятельный человекъ въ испанской Америкѣ, онъ еще въ молодости пытался освободить свое отечество отъ ига Испаніи. Вѣжавъ въ Европу съ частью своихъ богатствъ, онъ странствовалъ отъ одной націи къ другой, изучая языки, законодательство, военное искусство, и ища повсюду враговъ Испаніи и союзниковъ свободы. Французская революція показала Мирандѣ удобной ареной для его идей. Онъ устремился къ ней.

Имѣя связи съ жирондистами, которые до тѣхъ поръ были самыми передовыми изъ демократовъ, онъ получилъ отъ нихъ, чрезъ посредство Петіона и Сервана, степень генерала во французской арміи. Онъ горѣлъ желаніемъ составить себѣ имя въ войнѣ за независимость Франціи, чтобы отголосокъ такой репутаціи, достигнувъ Америки, приготовилъ ему въ отечествѣ популярность, славу и значеніе Лафайета. Съ перваго же дня своего прибытія въ лагерь, Миранда выказалъ храбрость авантюриста, благодаря которой иностранецъ легко осваивается въ арміи. Другой иностранецъ, молодой Макдональдъ, родомъ изъ воинственной шотландской фамиліи, переселившейся во Францію со времени революціи въ своемъ отечествѣ, былъ адъютантомъ Дюмуре. Въ лагерь Гранпре, подъ руководствомъ своего вождя, онъ видѣлъ, какъ спасаютъ отечество. Позже при Наполеонѣ онъ узналъ, какъ его прославляютъ; сдѣлавшись маршаломъ Франціи въ концѣ своей жизни, онъ былъ героемъ уже при первомъ ея шагѣ.

3.

Занимая эту позицію, Дюмуре ослаблялъ 90,000 армію, которую король прусскій и герцогъ Брауншвейгскій группировали у подошвы Аргоннъ. Онъ пользовался временемъ, этимъ драгоценнымъ элементомъ успѣха въ противодѣйствіи непріятельскому нашествію. Онъ былъ спокоенъ за свой фронтъ, защищаемый лѣсомъ на разстояніи пяти миль и непроходимыми оврагами,—спокоенъ за свой правый флангъ, прикрытый корпусами Диллона и вскорѣ подкрѣпленный 20,000 отрядомъ Келлермана; спокоенъ за лѣвое крыло, огражденное отъ всякой нечаянности отрядами, поставленными въ четырехъ Аргонскихъ дефилеяхъ,—корпусомъ Мячинскаго, который служилъ прикрытіемъ съ боку у Седана, и арміею Модскаго лагеря, которую велъ къ Дюмуре форсированнымъ маршемъ его другъ, молодой, отважный Бернонвилль: случай испортилъ все.

Утомленный физически и душевно, Дюмуре забылъ лично обозрѣть находившійся очень близко отъ него дефилей Croix-aux-Bois, который ему описывали непроходимымъ для войскъ, особенно для кавалеріи и артиллеріи. Дюмуре велѣлъ, однакожъ, занять этотъ дефилей полку драгунъ, двумъ батальонамъ волонтеровъ съ двумя пушками, подъ начальствомъ полковника. Но вслѣдствіе перемѣщенія войскъ, по которому полкъ драгунъ и два батальона изъ Croix-aux-Bois были призваны въ лагерь Гранпре прежде, чѣмъ Арденнскій батальонъ, который долженъ былъ ихъ замѣнить, прибылъ на мѣсто,—дефилей оставался нѣкоторое время открытымъ непріятелю. Многочисленные шпіоны-волонтеры, которыхъ эмигранты имѣли въ Аргонскихъ деревняхъ, успѣли указать эту ошибку австрійскому генералу Клерфету. Послѣдній немедленно отрядилъ восемь тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ молодого принца де-Линя, въ дефилей и овладѣлъ имъ. Нѣсколько часовъ спустя, Дюмуре, узнавъ объ этой неудачѣ, даетъ генералу Шазо двѣ бригады, шесть эскадроновъ своихъ лучшихъ войскъ, четыре артиллерійскія орудія, кромѣ батальонныхъ пушекъ, и приказываетъ атаковать дефилей въ штыки и отнять его во что бы то ни стало. Нетерпѣливый генералъ посылаетъ каждый часъ къ Шазо своихъ адъю-

тантовъ, чтобы ускорить его маршъ и принести какія-нибудь извѣстія. Въ этой неизвѣстности проходятъ 24 часа. Наконецъ 14 числа Дюмуре слышитъ пушечные выстрѣлы на своемъ лѣвомъ флангѣ. По удаляющемуся гулу онъ заключаетъ, что имперскія войска отступаютъ и что Шазо углубляется въ лѣсъ. Вечеромъ полученная отъ Шазо записка извѣщаетъ, что онъ взялъ приступомъ австрійскіе окопы, защищаемые непріятелемъ съ отчаяннымъ мужествомъ, что 800 труповъ покрываютъ дефилей и что самъ принцъ де-Линь заплатилъ жизнью за свою минутную побѣду.

Но только-что эта записка была прочитана въ лагерѣ Гранпре и Дюмуре успокоился относительно своей безопасности, какъ Клерфетъ, горя желаніемъ отомстить за смерть принца де-Линя и сдѣлать рѣшительный натискъ на прикрытіе французской арміи, устремляетъ всѣ свои колонны на дефилей, овладѣваетъ высотами, громитъ колонну Шазо съ фронта и съ обоихъ фланговъ, отнимаетъ у нея пушки, заставляетъ Шазо спуститься изъ лѣса въ равнину, отрѣзываетъ ему сообщеніе съ лагеремъ Гранпре и отбрасываетъ его, бѣгущаго въ разстройство, на Вузье. Въ ту же минуту корпусъ эмигрантовъ атакуютъ генерала Дюбуке въ дефилей „Chêne Populeux“. Французы противъ французовъ, мужество равное. Одни сражаются, чтобы спасти отечество, другіе — чтобы приобрѣсти его обратно. Дюбуке подавленъ, очищаетъ проходъ и удаляется на Шалонъ. Эти два несчастія поражаютъ Дюмуре одновременно. Шазо и Дюбуке, повидимому, пролагаютъ путь и ему. Голосъ цѣлой арміи указываетъ Дюмуре убѣжищемъ Шалонъ. Клерфетъ во главѣ двадцати тысячъ человѣкъ, шелъ отрѣзать ему сообщеніе съ Шалономъ. Герцогъ Брауншвейгскій, съ 70,000 пруссаковъ, заперъ Дюмуре съ трехъ другихъ сторонъ въ лагерѣ Гранпре. Различные отряды, блуждавшіе безъ возможности возврата, сократили армію въ Гранпре до 15,000 бойцовъ. Умереть съ голоду въ этихъ окопахъ, положить оружіе или дать себя бесполезно перебить на обойденной уже позиціи, — таковы были три единственныя вѣроятности, представлявшіяся уму генерала. Шалонская дорога, еще открытая позади его, должна была загордиться послѣ двухъ маршей Клерфета. Для Дюмуре оставался только одинъ день, чтобы броситься туда и занять этотъ городъ. Повидимому, необходимость указываетъ ему планъ кампаніи; но этотъ планъ состоитъ въ отступленіи. Отступить предъ непріятелемъ, побѣдившимъ въ двухъ отдѣльных битвахъ, значить склонять судьбу Франціи предъ иностранцами. Отвага Дантона перешла въ характеръ и въ тактику Дюмуре. Онъ немедленно задумываетъ планъ еще смѣлѣе Аргонскаго. Онъ становится глухъ къ боязливымъ совѣтамъ военного искусства. Онъ слушаетъ только энтузіазмъ, замѣняющій генію военную тактику. Дюмуре запирается со своими адъютантами и вождями корпусовъ. Онъ даетъ каждому приказанія, которыя должны измѣнить направленіе генераловъ и корпусовъ арміи, сообразуя ихъ со своимъ новымъ рѣшеніемъ:

Келлерману — приказаніе продолжать свой маршъ и направиться на Сентъ-Менегу, маленькій городъ на оконечности Аргонскаго лѣса, въ окраинахъ волнообразной мѣстности, между Арденнами и Шампанью;

Берновиллю — приказаніе выступить изъ Ретеля, обогнуть рѣку Энну, избѣ-

гая приближаться къ Аргонну, чтобы предохранить свои фланги отъ атаки Клерфета;

Диллону—приказаніе защищать до смерти два Аргонскіе дефілея, которые удерживаютъ еще пруссаковъ въ нѣкоторомъ разстояніи направо отъ Гранпре и двинуть легкія войска по ту сторону лѣса, обогнувъ его оконечность черезъ Пассаванъ, чтобы взять съ этой стороны въ распахъ на ходу герцога Брауншвейгскаго и ранѣе быть въ сообщеніи съ авангардомъ Келлермана;

Шазо—приказаніе возвратиться въ Отри;

Генералу Спарру, командующему въ Шалонѣ,—приказаніе сформировать лагерь впереди Шалона со всѣми вооруженными батальонами, которые къ нему прибывали изъ внутренности страны; это резервъ, который Дюмуре подготовлялъ себѣ на случай неудачи въ сраженіи.

Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ располагаетъ свои собственныя войска для маневра, который хочетъ выполнить въ теченіе ночи. Дюмуре направляетъ на высоты, прикрывающія лѣвую сторону Гранпре со стороны дефілея Croix-aux-Bois, гдѣ тревожитъ его Клерфетъ, шесть батальоновъ и шесть эскадроновъ, съ шестью пушками, для наблюденія за нечаянной атакой австрійцевъ. Съ наступленіемъ ночи онъ безмолвно провозитъ свой артиллерійскій паркъ по двумъ мостамъ черезъ Энну и направляетъ его на высоты Отри. Никакое замѣтное движеніе въ его корпусѣ или аванпостахъ, не обнаруживаетъ непріятелю намѣренія французской арміи отступить.

Принцъ Гогенлоэ вечеромъ проситъ свиданія съ Дюмуре, чтобы судить о состояніи французской арміи; Дюмуре соглашается. Онъ замѣняетъ себя на этой конференціи генераломъ Дювалемъ, преклонный возрастъ котораго, сѣдые волосы, высокій ростъ, воинственная и величественная осанка производятъ внушительное впечатлѣніе на австрійскаго генерала. Дюваль выказываетъ увѣренность человѣка, находящагося въ полной безопасности. Онъ объявляетъ принцу, что Верновилль на слѣдующій день прибудетъ съ 18,000 человѣкъ и что Келлерманъ идетъ съ 30,000 бойцевъ. Разочаровавшись въ своихъ попыткахъ переговоровъ при видѣ положенія, которое занялъ Дюваль, австрійскій генералъ удаляется, убѣжденный, что Дюмуре выждетъ сраженіе въ своемъ лагерѣ.

4.

Въ полночь Дюмуре выѣзжаетъ верхомъ изъ замка Гранпре, въ которомъ жилъ, и является въ свой лагерь, среди самой глубокой темноты. Въ лагерѣ все спало. Онъ запрещаетъ стучать въ барабаны, трубить въ трубы. Онъ велитъ передавать отъ человѣка къ человѣку, вполголоса, приказаніе убирать палатки и становиться подъ ружье. Темнота и смятеніе замедляютъ формированіе колоннъ. Но до перваго луча разсвѣта армія уже выступила; войска проходятъ двумя колоннами по мостамъ Сенюкъ и Граншанъ и строятся въ боевомъ порядкѣ на высотахъ Отри. Прикрытый теперь Энною, Дюмуре смотритъ, слѣдуетъ ли за нимъ непріятель. Но таинственность, которою обложено было движеніе Дюмуре, разстроила планы герцога Брауншвейгскаго и Клерфета. Армія ломаетъ за собою мосты, пускается далѣе въ дорогу и располагается лагеремъ въ Доммартенѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Гранпре. Два раза въ

теченіе ночи Дюмуре поднимала внезапная паника въ войскѣ, порожденная измѣною или страхомъ: Дюмуре два раза садился на лошадь, летѣлъ на шумъ, показывался войскамъ, увѣщевалъ ихъ, успокоивалъ, возстановлялъ порядокъ, велѣлъ развести большіе огни, при свѣтѣ которыхъ солдаты узнаютъ другъ друга и собираются; Дюмуре вдохновляетъ всѣхъ своимъ довѣріемъ и неустрашимостью. На слѣдующій день онъ разгоняетъ, чрезъ генерала Дюваля, тучу прусскихъ гусаръ. Эти гусары, въ теченіе ночи, настигли и разбили корпусъ генерала Шазо, который считалъ себя атакованнымъ всею непріятельскою арміею. Вѣглецы, устремившись по всѣмъ направленіямъ, распространили до самаго Реймса слухъ о полномъ пораженіи французской арміи. Генераль велѣлъ своей кавалеріи изловить нѣкоторыхъ изъ этихъ виновниковъ паники, снять съ нихъ форменную одежду, велѣлъ выбрать имъ волосы и брови и выслать изъ лагеря, объявивъ ихъ недостойными сражаться за отечество. Покаравъ трусость посредствомъ презрѣнія и своею карою напомнивъ уроки, которые давалъ Цезарь своимъ легіонамъ, Дюмуре опять выступилъ въ путь и 17 числа достигъ своего лагеря въ Сентъ-Менегу.

5.

Лагерь въ Сентъ-Менегу, который, благодаря таланту Дюмуре, сдѣлался подводнымъ камнемъ для коалиціи, казалось былъ предназначенъ самою природою служить цитаделю горсти солдатъ-патріотовъ противъ безчисленной и побѣдоносной арміи. Это плоская возвышенность, пространствомъ около квадратной мили; спереди возвышенности, со стороны, обращенной къ непріятелю,—простирается глухая, узкая и глубокая долина, похожая на ровъ около вала; по обоимъ бокамъ эта возвышенность охраняется справа—руслomъ Эны, слѣва—прудами и болотами, недоступными для артиллеріи. Задняя сторона этого лагеря обезпечена болотистыми рукавами рѣчки Овъ. По другую сторону этихъ тинныхъ водъ и этихъ границъ возвышается массивное ущелье, которое можетъ служить опорнымъ пунктомъ второму лагерю. Генераль назначалъ этотъ второй лагерь для Келлермана. Дрова, вода, фуражъ, мука, соленое мясо, водка, военные припасы, привезенные въ изобиліи по двумъ дорогамъ: изъ Реймса и изъ Шалона, пока онѣ были свободны,—все это сообщало спокойствіе генералу, веселость солдатамъ. Дюмуре изучилъ эту позицію въ часы досуга въ лагерѣ Гранпре. Онъ здѣсь расположился, руководствуясь своимъ мѣткимъ глазомъ—ромъ,—глазомъ—ромъ такого человѣка, который чувствуетъ подъ собою твердую почву и стремится къ успѣху безъ колебанія. Одинъ изъ батальоновъ былъ поставленъ на утесѣ въ замкѣ Сентъ-Томасъ, который замыкалъ и прикрывалъ его правый флангъ; три батальона и полкъ кавалеріи—расположены въ Вьень-ле-Шато; батареи разставлены передъ фронтомъ лагеря, прорѣзывая небольшую долину; авангардъ сталъ на высотахъ, которая господствуютъ надъ ручейкомъ „la Tourbe“, по другую сторону долинки; нѣсколько постовъ разбросано по дорогѣ въ Шалонъ, чтобы возможно дольше поддерживать сообщеніе съ этимъ городомъ, его арсеналомъ и мѣстомъ пополненія рекрутами. Когда эти распоряженія были сдѣланы и главная квартира установлена въ центрѣ арміи, въ Сентъ-Менегу,—Дюмуре, тревожась молвою о своемъ мнимомъ пораженіи, рас-

пространною бѣглецами изъ Гранпре до самаго Парижа,—вздумалъ написать собранію: „я былъ вынужденъ“, писать онъ президенту, „оставить лагерь Гранпре. Отступленіе совершилось, когда по арміи распространился паническій страхъ. 10,000 человѣкъ бѣжали предъ 1,500 прусскихъ гусаровъ. Все поправлено. Я отвѣчаю за все“.

Пока Дюмуре, такимъ образомъ, овладѣлъ послѣднимъ боевымъ полемъ, какое еще оставалось у Франціи, и на немъ заранѣе располагалъ мѣсто, гдѣ Келлерманъ и Берновилль должны были соединиться съ главными силами, чтобы побѣдить или пасть вмѣстѣ съ нимъ, судьба еще разъ обманула опытность генерала и какъ бы играла, продѣлывая дурныя шутки съ его военнымъ талантомъ. По полученіи извѣстія объ отступленіи изъ Гранпре, Келлерманъ считалъ Дюмуре разбитымъ и боялся, при приближеніи къ краю Аргонна, попасть въ средину прусскихъ массъ, которыя, какъ онъ предполагалъ, находятся по ту сторону дефиля, и потому отступилъ до Витри. Курьеры Дюмуре, съ часу на часъ, призывали его обратно. Келлерманъ наступалъ снова, но съ медленностью человѣка, который боится засады на каждомъ шагѣ. Онъ не обладалъ секретомъ удачи Дюмуре. Повинуясь, онъ колебался. Съ другой стороны, другъ и повѣренный Дюмуре, Берновилль, наступавшій отъ Ретеля къ Гранпре съ вспомогательною арміею Модскаго лагеря, встрѣтилъ бѣглецовъ изъ корпуса Шазо. Упавъ духомъ отъ ихъ разсказовъ о полномъ пораженіи генерала, Берновилль отправился съ нѣсколькими всадниками на холмъ, съ котораго было видно Аргонскій лѣсъ и обнаженные бугорки, простирающіеся отъ Гранпре до Сентъ-Менегу.

Это было утромъ 17-го числа, въ то время, когда армія Дюмуре тянулась отъ Доммартена на Сентъ-Менегу. При видѣ колонны войскъ, которая извивалась въ долину, но мундиры и знамена которой нельзя было различить за разстояніемъ и за туманомъ, Берновилль не сомнѣвался, что это прусская армія, идущая преслѣдовать французовъ. Онъ перемѣнилъ дорогу, удвоилъ шагъ и направился къ Шалону, чтобы соединиться со своимъ генераломъ. Узнавъ въ Шалонѣ чрезъ адъютанта о своей ошибкѣ, Берновилль далъ только 12 часовъ отдыха своимъ утомленнымъ войскамъ и 19-го числа прибылъ съ девятью тысячами закаленныхъ въ войнѣ людей, которыхъ привелъ издалека на поле сраженія. Дюмуре думалъ, что побѣда къ нему возвратится, когда увидалъ этихъ храбрыхъ солдатъ, которыхъ называлъ своими дѣтьми и которые его называли отцомъ. Онъ отправился верхомъ навстрѣчу Берновиллю. Еще вдаль, какъ только колонна его завидѣла, офицеры, унтеръ-офицеры, солдаты, забывая усталость, размахивая шляпами, вздыбными на концы сабель и штыковъ, приветствовали своего главнаго вожда нескончаемыми восклицаніями. Дюмуре сдѣлалъ имъ смотръ. Онъ зналъ всѣхъ офицеровъ по имени, всѣхъ солдатъ въ лицо. Эти батальоны и эскадроны, которые онъ терпѣливо сформировалъ, дисциплинировалъ, приучилъ къ огню въ продолженіе бездѣйствія Люкнера въ сѣверной арміи, прошли предъ Дюмуре покрытые пылью отъ долговременнаго похода, на исхудалыхъ лошадяхъ, въ разорванныхъ мундирахъ, въ истоптанныхъ башмакахъ, но съ блестящимъ и полнымъ вооруженіемъ, какъ въ день парада.

Когда офицеры штаба назначили каждому корпусу его позицію, и когда оружіе было сложено въ связки предъ фронтомъ палатокъ, солдаты, сбѣшившіе увидеть своего генерала больше, чѣмъ приниматься за свой супъ, шумно окружили Дюмуре; одни изъ нихъ ласково трепали руками шею лошади генерала, другіе цѣловали его сапоги; тѣ фамиллярно брали генерала за руку, пожимая ее, какъ руку возвращеннаго друга, другіе спрашивали, скоро ли онъ поведетъ ихъ въ бой, всѣ вообще выказывали къ нему и во взорахъ и въ фізіономіяхъ такую дружескую привязанность, которую любимый солдатами вождь можетъ обратить, когда захочетъ, въ геройство. Дюмуре—самъ старый солдатъ—хорошо зналъ солдатское сердце и не только не сдерживалъ, но поощрялъ взглядомъ, улыбкой, движеніями эту военную фамиллярность, которая бываетъ вовсе не въ ущербъ уваженію и даже усиливаетъ преданность войскъ. Дюмуре благодарилъ войска, ободрялъ ихъ и ловко бросилъ имъ нѣсколько короткихъ, солдатскихъ выраженій, которыя, переходя отъ челоуѣка къ челоуѣку и отъ группы къ группѣ, стали обращаться въ лагерѣ, какъ лозунгъ веселья, и оживили бивуакъ батальоновъ. Солдаты лагеря Гранпре, свидѣтели выраженій привязанности, какую солдаты Модскаго лагеря выказывали генералу, почувствовали, что и въ нихъ самихъ увеличивается довѣріе, которое Дюмуре только что начиналъ себѣ пріобрѣтать. Военная вѣтшность, искренность, позы, жесты, слова Дюмуре оказывали на войска такое вліяніе, что два лагеря, ревнуя другъ съ другомъ изъ-за предпочтенія своего вожды, стали, черезъ нѣсколько дней, соперничать, кто больше заслуживалъ названія его дѣтей. Дюмуре искренно относился къ своимъ солдатамъ; солдаты питали нѣжную привязанность къ своему вождю. Ихъ энтузіазмъ былъ для него необходимою; Дюмуре воспламенялъ его однимъ взглядомъ. Онъ управлялъ солдатами, не какъ машинами, но какъ людьми.

6.

Дюмуре не успѣлъ еще слѣзть съ лошади, какъ два довѣренныя офицера изъ его штаба, Вестерманъ и Тувено, явились къ генералу съ извѣщеніемъ, что прусская армія всей массой перешла вершину Аргонна и развернулася на холмахъ „la Ligne“, по другую сторону ручья „la Tourbe“, прямо передъ нимъ. Въ ту же минуту адъютантъ Дюмуре, молодой Макдональдъ, посланный за день передъ тѣмъ на дорогу въ Витри, прискакалъ въ галопъ и привезъ счастливую новость о приближеніи столь давно ожидаемаго Келлермана. Этотъ генераль, съ 20,000 Мецской арміей и съ нѣсколькими тысячами волонтеровъ изъ Лотарингіи, находился уже только въ двухъ часахъ разстоянія. Такимъ образомъ, судьба революціи и судьба Дюмуре, помогая одна другой, привели,—въ назначенный часъ, въ назначенное мѣсто, съ двухъ концовъ Франціи и изъ глубины Германіи, какъ тѣ силы, которыя должны были напасть на страну, такъ и тѣ, которыя должны были защищать ее. Циркуль и игла не могли бы регулировать время и минуту соединенія армій точнѣе, чѣмъ это сдѣлали предусмотрительный геній и неутомимое терпѣніе Дюмуре. Это было какъ бы свиданіемъ четырехъ армій по мановенію одного челоуѣка. Дюмуре немедленно собралъ свои отдѣльные отряды и приготовился къ борьбѣ, сосре-

доточивъ всѣ свои разсѣянные силы. Генераль Дюбуке, стоявшій въ Аргонскомъ дефилеѣ, называемомъ „Cèhne-Populeux“ и отрѣзанный отъ главной арміи просьбой Клерфета въ „Croix-aux-Bois“, удалился со своими тремя тысячами человекъ въ Шалонъ. Дюбуке, прибывъ въ этотъ городъ, гдѣ онъ думалъ, какъ и Верновилль, соединиться съ Дюмуре, нашелъ тамъ только десять батальоновъ федератовъ и волонтеровъ, прибывшихъ изъ Парижа. Эти батальоны, при полученіи извѣстія объ отступленіи арміи, возмутились противъ своихъ вождей, отрубили головы нѣкоторымъ изъ офицеровъ, увлекли другихъ, ограбили магазины арміи, сорвали съ начальниковъ линейныхъ войскъ знаки ихъ ранга, умертвили одного полковника, который хотѣлъ защитить свои эполеты, и наконецъ расформировались и беспорядочными толпами направились по парижской дорогѣ, провозглашая повсюду, что Дюмуре измѣнилъ, и требуя его головы. Это были тѣ батальоны, которые на своемъ пути оставили кровавые слѣды въ городахъ Мо, Суассонъ, Реймсѣ.

Дюмуре боялся для своей арміи соприкосновенія и заразительнаго дѣйствія подобныхъ шаекъ. Онъ сѣялъ мятежъ повсюду, гдѣ набирались. Настоящіе солдаты ихъ презирали. Герои перекрестковъ, отсталые въ арміи, рьяные въ мятежѣ,—эти люди были трусливы въ сраженіи. Дюбуке получилъ приказаніе дать безпрепятственно сбѣжать этимъ подонкамъ народа, удержавъ изъ нихъ только небольшое число молодыхъ и храбрыхъ людей, которыхъ истинный патріотическій энтузіазмъ побудилъ поступить въ волонтеры. Дюбуке долженъ былъ собрать такихъ людей въ резервъ подъ Шалономъ, организовать ихъ, вооружить, пріучить къ бою и держать подъ руками, но внѣ стана Дюмуре.

Генераль Штенгель, опустошивъ край между Аргонномъ и Сентъ-Менегу, чтобы довести до голода пруссаковъ, отступилъ по ту сторону ручья „la Tourbe“, и съ авангардомъ всталъ на бугоркахъ Лиронъ, предъ холмами „la Lune“, гдѣ расположился герцогъ Брауншвейгскій. Лагерь Дампьерра, отдѣленный отъ лагеря Дюмуре рукавами и топиями рѣки Овъ, былъ назначенъ Келлерману.

Но, потому ли, что послѣдній ошибся мѣстомъ, которое было ему назначено для лагеря, или хотѣлъ выразить свою независимость въ самомъ содѣйствіи, какое оказывалъ своему товарищу, только Келлерманъ миновалъ лагерь Дампьерра и помѣстилъ всю свою армію, палатки, экипажи, артиллерию на высотахъ Вальми, впереди лагеря Дампьерра,halbъ отъ Сентъ-Менегу. Линія расположенія арміи Келлермана, болѣе приближенная къ непріятелю своею лѣвою оконечностью, соприкасалась правою оконечностью съ линією Дюмуре и, такимъ образомъ, образовала съ главною армією входящій уголъ, въ который непріятель не могъ бросить свои колонны для атаки, не будучи разгромленъ разомъ съ обоихъ фланговъ артиллерією двухъ французскихъ корпусовъ. Дюмуре, тотчасъ замѣтивъ, что Келлерманъ, слишкомъ изолированный и слишкомъ втянутый на плоскую возвышенность Вальми, могъ быть обойденъ прусскими массами, послалъ генерала Шазо, съ восемью батальонами и восемью эскадронами, чтобы расположиться позади высоты Жизокуръ и предоставить себя въ распоряженіе Келлермана. Онъ приказалъ генералу Штен-

гелю и Берновиллю развернуться съ 26-ю батальонами направо отъ Вальми, гдѣ мѣткій взглядъ Дюмуре заранѣе усматривалъ исходный пунктъ атаки герцога Брауншвейгскаго. Изолированность Келлермана была, такимъ образомъ, исправлена, и Вальми справа и слѣва соединенъ съ главной арміей. Планъ Дюмуре, нѣсколько измѣненный къ лучшему, благодаря отвагѣ его товарища, былъ выполненъ. Этотъ планъ раскрывался съ перваго взгляда и для человѣка военнаго и для человѣка искуснаго только въ политикѣ. 45,000 человѣкъ бросили вызовъ 90,000 арміи союзниковъ.

7.

Правый флангъ и тылъ французской арміи были прикрыты Аргонномъ, недоступнымъ непріятелю и защищаемымъ своими оврагами и лѣсами. Центръ, унизанный батареями и естественными препятствіями, былъ неодолимъ. Лѣвое крыло, отдѣленное на откосѣ, одно только выдавалось, какъ бы вызывая на сраженіе; но всѣ корпуса, надежно подкрѣпляемые массою армій, могли обойти вокругъ нея подъ прикрытіемъ Овы и бугорковъ Лирона, какъ по прикрытой дорогѣ. Армія стояла фронтомъ къ Шампани. Позади себя она еще имѣла свободную дорогу на Шалонъ и Лотарингію. Сѣстные припасы, подкрѣпленія, аммуниція были ей обезпечены въ краю, богатомъ хлѣбомъ и фуражемъ. Стоя въ этой позиціи, столь искусно и терпѣливо придуманной, Дюмуре отвѣчалъ на обѣ гипотезы кампаніи союзниковъ и ставилъ въ тупикъ разстроенный или одряхлѣвшій талантъ герцога Брауншвейгскаго.

„Или пруссаки захотятъ сражаться“, говорилъ Дюмуре, „или захотятъ идти на Парижъ. Если хотятъ сражаться, то найдутъ французскую армію въ лагерѣ, обнесенномъ окопами для сраженія. Чтобы напасть на центръ, они должны перейти Ову, Турбъ и Бюнна, подъ огнемъ моихъ редутовъ, и подставить свой флангъ Келлерману, который раздавитъ ихъ атакующія колѣсны между своими батальонами, сошедшими съ Вальми, и батареями моего корпуса. Если пруссаки вздумаютъ пренебречь французской арміей, отрѣзать ее отъ Парижа, направившись на Шалонъ, то армія переимѣнитъ фронтъ и послѣдуетъ за ними, увеличиваясь въ числѣ по дорогѣ къ Парижу. Подкрѣпленія изъ рейнской и сѣверной армій, которыя уже двигаются, разбѣянные батальоны волонтеровъ, которые я соберу и проведу чрезъ возставшія провинціи, доведутъ число сражающихся до 60 или 70,000. Пруссакъ, отрѣзанный отъ своего операціоннаго базиса,—вынужденные опустошать безплодную Шампань, чтобы существовать,—проходя по непріятельской странѣ, въ краю, наполненномъ засадами, будутъ колебаться въ наступленіи и съ каждымъ шагомъ ослабѣвать. Каждый шагъ дастъ мнѣ новыя силы. Я достигну пруссаковъ подъ Парижемъ. Наступательная армія, поставленная между столицей съ 600,000 населеніемъ, которое запретъ городскія ворота, и національною арміею, которая заградитъ возвращеніе непріятелю, можетъ считаться уничтоженною. Франція будетъ спасена въ сердцѣ страны, вмѣсто того, чтобы быть спасенною на границахъ, но все равно: она будетъ спасена“.

8.

Такъ разсуждалъ Дюмуре, когда первые пушечные выстрѣлы пруссаковъ, раздавшіеся у подошвы высотъ Вальми, возвѣстили ему, что герцогъ Брауншвейгскій понялъ опасность наступать, имѣя позади себя французскую армію, и напалъ на Келлермана.

Однакожъ, не герцогъ Брауншвейгскій предписалъ атаку, а король прусскій. Нетерпѣливо желавшій славы, наскучивъ медлительностью своего генералиссимуса, стыдяся колебанія своего знамени предъ горстью французскихъ патріотовъ, подстрекаемый настояніями эмигрантовъ, которые ему указывали Парижъ, какъ могилу революціи, а армію Дюмуре называли шайкою мятежныхъ солдатъ, все значеніе которой придавалъ лишь герцогъ Брауншвейгскій, дѣйствуя ощупью, — подъ вліяніемъ всего этого король принудилъ герцога дѣйствовать. Прусская армія, которую генералиссимусъ хотѣлъ медленно развернуть отъ Реймса къ Аргонну, параллельно съ французской арміей, получила приказаніе обрушиться массою на позиціи Келлермана. 19-го числа она пошла на Сомъ-Турбъ и провела тамъ ночь подъ ружьемъ. Въ главной квартирѣ короля прусскаго распространился слухъ, что французы замыслили отступление на Шалонъ и что движенія, замѣчавшіеся въ ихъ линіи, имѣли цѣлью только замаскировать это попятное движеніе. Король выразилъ негодованіе на такой планъ кампаніи, который все-таки давалъ ускользнуть французамъ. Онъ думалъ захватить върасплохъ армію Дюмуре, среди неудобнаго для нея положенія, когда она снимается съ лагеря. Герцогъ Брауншвейгскій, военный авторитетъ котораго начиналъ страдать отъ малаго успѣха его предыдущихъ операцій, напрасно старался, чрезъ генерала Келера, умѣрить пылъ короля. Атака была рѣшена.

20-го числа, въ шесть часовъ утра, герцогъ, предводительствуя прусскимъ авангардомъ, направился на Сомъ-Бюннъ, въ намѣреніи опередить Келлермана и отрѣзать ему отступление по большой Шалонской дорогѣ. Густой осенній туманъ разстилался по равнинѣ, среди влажныхъ ущелій, гдѣ текутъ три рѣки, среди глубокихъ овраговъ, раздѣлявшихъ обѣ арміи; надъ этимъ океаномъ тумана оставались освѣщенными только вершины бугровъ и гребни холмовъ. Этотъ туманъ, позволявшій глазу различать разстояніе только на нѣсколько шаговъ, совершенно закрывалъ движенія армій одной отъ другой. Неожиданное столкновеніе кавалеріи двухъ авангардовъ одно только открыло французамъ движенія пруссаковъ. Послѣ быстрой схватки и нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, французскій авангардъ отступилъ на Вальми и увѣдомилъ Келлермана о приближеніи непріятеля. Герцогъ Брауншвейгскій продолжалъ свое движеніе, достигъ большой Шалонской дороги, перешелъ ее и постепенно развернулъ всю армію по ту и по другую сторону этой дороги. Въ семь часовъ туманъ внезапно разсѣялся и показалъ обоимъ генераламъ ихъ взаимное положеніе.

9.

Армія Келлермана была стромождена всею массою на плоской возвышенности и сзади мельницы Вальми. Эта рискованная позиція выдавалась мысомъ

среди линий прусскихъ штыковъ. Генераль Шазо еще не прибылъ со своими 26 батальонами, чтобы прикрыть лѣвый флангъ Келлермана. Генераль Левенеръ, который долженъ былъ прикрывать правое крыло и соединить его съ армію Дюмурье, подвигался нерѣшительно и медленно, боясь привлечь своимъ слабымъ корпусомъ всю громаду прусскихъ массъ, которыя онъ видѣлъ предъ собою въ боевомъ порядкѣ. Генераль Валансъ, командовавшій кавалерією Келлермана, развернулъ на одной линіи съ полкомъ карабинеровъ нѣсколько эскадроновъ драгунъ и четыре батальона гренадеровъ, между Жизокуръ и Вальми, маскируя такимъ образомъ весь промежутокъ, который Келлерманъ не могъ прикрыть и гдѣ этого генерала ожидали. Линіи Келлермана формировались въ центрѣ, на высотахъ. Его многочисленная артиллерія унизала пушками доступъ къ мельницѣ Вальми, служившей центромъ и ключемъ позиціи. Почти обхваченный полукруговыми, постоянно увеличивающимися линіями непріятеля, затрудненный, на этой узкой возвышенности, своими 22,000 людей, своими лошадьми, экипажами и пушками, Келлерманъ не могъ развернуть всѣ линіи своей арміи. Наступавшая схватка болѣе походила на приступъ къ бреші, защищаемой массою осажденныхъ, чѣмъ на поле битвы, приготовленное для эволюцій двухъ армій.

Съ вершины горнаго плато Келлерманъ видѣлъ, какъ постепенно выходила изъ бѣлаго утренняго тумана, сверкая на солнцѣ, многочисленная прусская кавалерія. Она тянулась по эскадронно, обогнувъ пригорокъ Жизокуръ, и угрожала обхватить Келлермана какъ бы сѣтью, если бы онъ былъ сломленъ въ своей позиціи. Батальоны пѣхоты, равнымъ образомъ, окружали Вальмійское плато. Около десяти часовъ герцогъ Брауншвейгскій выстроилъ всю свою армію въ двѣ линіи и составилъ планъ предстоявшаго дня; отъ центра отдѣлился и приблизился къ склонамъ Жизокуръ и „la Lune“ авангардъ, состоявшій изъ пѣхоты, кавалеріи и трехъ батарей. Герцогъ, верхомъ на лошади, окруженный группою офицеровъ, направлялъ самъ это движеніе. Армія вновь сформировала свою линію. Новыя войска пополнили пустоту, какую этотъ выдѣленный корпусъ оставилъ въ центрѣ. Въ зрительную трубу можно было различить, какъ самъ король, въ генеральскомъ мундирѣ, верхомъ на боевомъ конѣ, формировалъ назади для атаки двѣ сильныя колонны, одушевляя ихъ жестами и шпагой.

10.

Такова была панорама палатокъ, штыковъ, лошадей, пушекъ, штаба офицеровъ, которая развертывалась вдали на бѣловатыхъ буграхъ и въ крутыхъ оврагахъ Шампани 20-го сентября, среди дня. Въ тотъ же часъ конвентъ, открывъ засѣданія, рѣшалъ вопросъ о монархіи или республикѣ. Какъ вѣдь, такъ и внутри страны судьба Франціи и свободы была поставлена на карту.

Наружный видъ армій, казалось, заранѣе опредѣлялъ исходъ сраженія противъ французовъ. Со стороны пруссаковъ 90,000 бойцовъ всякаго оружія; тактика,—наслѣдство великаго Фридриха, жившая еще въ лицѣ его помощниковъ, дисциплина, которая превращала батальоны въ воинскіе машины и, уничтожая въ солдатѣ всякую личную волю, прилаживала его къ мысли и голосу его офицеровъ; пѣхота, внутренняя связь которой дѣлала ее плотной и

непроницаемую, подобно желѣзной стѣнѣ; кавалерія, посаженная на превосходныхъ фризскихъ и мекленбургскихъ лошадей, послушаніе которыхъ подъ рукою, умѣренная пылкость и неустрашимое хладнокровіе не пугались ни шума, ни огня артиллеріи, ни блеска бѣлаго оружія; офицеры, съ дѣтства приученные къ военному дѣлу,—рожденные, такъ сказать, въ мундирѣ,—знающіе свои войска и знакомые имъ, оказывающіе на своихъ солдатъ двойное вліяніе—знатности и команды; вспомогательные, отборные полки австрійской арміи, недавно прибывшіе съ береговъ Дуная, гдѣ они закалялись въ борьбѣ противъ турокъ; французское эмигрировавшее дворянство, считавшее въ своихъ рядахъ всѣ крупныя имена монархіи,—дворянство, изъ числа котораго каждый солдатъ сражался за свое собственное дѣло, мстилъ за свою обиду, спасалъ своего короля, отыскивалъ свое отечество концомъ своего штыка или остриемъ своей сабли; прусскіе генералы, воспитанники воинственнаго короля, которымъ нужно было поддержать превосходство своей репутаціи въ Европѣ; генералиссимусъ, котораго Германія провозглашала своимъ Агамемнономъ и котораго геній Фридриха покрывалъ обаяніемъ непобѣдимости; наконецъ, храбрый король, обожаемый своимъ народомъ, дорогой войскамъ, мститель за дѣло всѣхъ королей, сопровождаемый на поле сраженія представителями всѣхъ дворовъ и пополняющій недостатокъ военной опытности личною неустрашимостью, которая заставляла его забывать о своемъ высокомъ рангѣ, чтобы помнить только о чести: вотъ прусская армія.

11.

Во французскомъ лагерѣ численная неравномѣрность съ непріятелями, одинъ противъ двухъ; полки, сокращенные на триста или четыреста человѣкъ,—вслѣдствіе законовъ 1790 года, которые уничтожали наемъ охотниковъ за деньги,—лишенные своихъ лучшихъ офицеровъ, какъ вслѣдствіе эмиграціи, которая увлекла больше половины изъ нихъ на непріятельскую землю, такъ и внезапнаго учрежденія ста батальоновъ волонтеровъ, во главѣ которыхъ стояли офицеры, оставшіеся во Франціи, въ качествѣ военныхъ наставниковъ; далѣе, эти батальоны и полки, безъ сословнаго духа, смотрѣвшіе одинъ на другого съ завистью или съ презрѣніемъ; въ одной и той же арміи двоякое настроеніе,—духъ дисциплины въ старыхъ кадрахъ, духъ неповиновенія въ новыхъ батальонахъ; прежніе офицеры, подозрительные солдатамъ,—солдаты, которыхъ боялись ихъ офицеры; кавалерія, на худыхъ лошадяхъ и дурно экипированная; пѣхота, обученная и надежная въ полкахъ, неопытная и слабая въ батальонахъ; запоздавшее жалованье, уплачиваемое упавшими въ цѣнѣ ассигнаціями; неудовлетворительное оружіе; разнородные мундиры, изношенные, разорванные, часто въ лохмотьяхъ; недостатокъ обуви у многихъ солдатъ, которые замѣняли подложку своихъ башмаковъ клочками сѣна, которое обвязывалось около ногъ веревками; самые корпуса, прибывшіе изъ разныхъ армій, изъ различныхъ провинцій, неизвѣстные одни другимъ, едва знающіе имена генераловъ, въ бригады которыхъ были зачислены; эти генералы, или все люди молодые и отважные, перешедшіе прямо отъ повиновенія къ командѣ, или старики и рутинеры, которые не въ состояніи были приладить свои методическія при-

вычки къ трудностямъ безнадежныхъ войнъ; наконецъ, во главѣ этой нестройной арміи главнокомандующій, человѣкъ 53 лѣтъ, новичекъ въ войнѣ, въ которомъ всѣ имѣли право сомнѣваться, не выполнѣ пользующійся довѣріемъ своихъ войскъ, въ соперничествѣ со своимъ главнымъ помощникомъ, въ борьбѣ со своимъ собственнымъ правительствомъ; человѣкъ, котораго смѣлый и обдуманный планъ не былъ понятъ никѣмъ, и который не имѣлъ еще ни заслуги въ своемъ прошломъ, ни имени побѣды на своей шпагѣ, чтобы заставить другихъ простить порученную ему команду: вотъ французы при Вальми. Но энтузіазмъ къ отечеству и къ революціи бился въ сердцахъ этой арміи, и геній войны вдохновлялъ душу Дюмуре.

12.

Безпокоясь за позицію Келлермана, Дюмуре, который былъ на лошади уже съ разсвѣта, осмотрѣлъ свое войско, выстроилъ эшелонами свои корпуса между Сентъ-Менегу и Жизкурюмъ, и галопировалъ къ Вальми, чтобы лучше судить самому о намѣреніяхъ герцога Брауншвейгскаго и о томъ пунктѣ, на которомъ пруссаки могли сосредоточить свои усилія. Онъ тамъ нашелъ Келлермана, раздававшего послѣднія приказанія генераламъ, которые, на правомъ и на лѣвомъ флангахъ, должны были принять на себя отвѣтственность за этотъ день. Одинъ изъ нихъ былъ генералъ Валансъ, другой — герцогъ Шартрскій.

Валансъ, приверженный къ Орлеанскому дому, былъ женатъ на дочери г-жи Жанлисъ. Выбранный въ генеральные штаты депутатомъ отъ дворянства, онъ служилъ своимъ образомъ мыслей дѣлу свободы. Съ наступленіемъ войны, онъ служилъ ей своею кровью. Валансъ сначала былъ полковникомъ драгунъ; молодой, дѣятельный, граціозный, какъ аристократъ, патріотъ, какъ должно истинному гражданину, храбрый, какъ солдатъ, онъ съ отвагой завѣдывалъ кавалеріею и командовалъ авангардомъ Люкнера при Күтрэ. Военный глазомѣръ Валанса, его ученость, самоувѣренный умъ, дѣлали его способнымъ быть главнокомандующимъ надъ корпусомъ арміи. Ему можно было вѣрить спасеніе позиции.

Герцогъ Шартрскій былъ старшій сынъ герцога Орлеанскаго. Рожденный въ самой колыбели свободы, вскормленный своимъ отцомъ на патріотизмѣ, онъ не могъ выбирать между политическими мнѣніями. Воспитаніе герцога сдѣлало, вмѣсто него, этотъ выборъ. Онъ жаждалъ революціи, хотя и не въ Пале-Роялѣ, очагѣ домашнихъ безпорядковъ и политическихъ плановъ его отца. Отрочество герцога, чистое и окруженное занятіями, протекало среди уединенія „Belle-Chasse“ и Пасси, гдѣ г-жа Жанлисъ управляла воспитаніемъ принцевъ орлеанскаго дома. Никогда женщина такъ хорошо не соединяла въ себѣ интригу съ добродѣтелью и не умѣла пріобщить положеніе, болѣе двусмысленное, къ большей строгости нравственныхъ правилъ. Ненавистная матери, фаворитка отца, менторъ дѣтей, она была въ одно и то же время и демократкою и подругою принца: ея воспитанники вышли съ уроковъ г-жи Жанлисъ слѣпленными изъ двойной глины — они были и принцами и гражданами. Она очертила ихъ натуру по своему образцу. Она сообщила имъ много познаній, много принциповъ, много разчета. Кромѣ того, она заставила проскользнуть въ ихъ

Герцогъ Шартрскій.

натуру ловкость въ сношеніяхъ съ людьми и умѣнье прилаживаться къ обстоятельствамъ, всегда обнаруживающія слѣды руки ловкой женщины на характерахъ, къ которымъ она прикасалась. У герцога Шартрекаго не было юности. Воспитаніе уничтожало этотъ возрастъ въ ученикахъ г-жи Жанлисъ. Велѣдствіе размышленія, изученія и постоянного обдумыванія мыслей и поступковъ, естественность замѣнялась въ нихъ принужденностью, а инстинкты — хотѣніемъ. Воспитательница сформировала людей, но людей сдержанныхъ. Въ 17 лѣтъ отъ роду молодой принцъ обладалъ зрѣлостью долгой жизни. Будучи полковникомъ въ 1791 г., онъ уже заслужилъ два гражданскіе вѣнка отъ города Вандома, гдѣ стоялъ гарнизонъ, — за спасеніе, съ опасностью собственной жизни, двухъ священниковъ среди мятежа и одного гражданина, утопавшаго въ рѣкѣ. Постоянно присутствуя въ засѣданіяхъ учредительнаго собранія, присоединенный отцомъ къ клубу якобинцевъ, принцъ былъ съ трибуны свидѣтелемъ волненій въ народныхъ собраніяхъ. Онъ казался самъ увлеченнымъ страстями, которыя изучалъ, — но обуздывалъ свои кажущіяся увлеченія. Онъ всегда настолько находился среди волненій дня, чтобы быть національнымъ, и настолько былъ внѣ ихъ, чтобы не испортить своей будущности. На долю семейства герцога выпала лучшая доля его патріотизма. Онъ питалъ къ семьѣ поклоненіе и даже преданность. При полученіи извѣстія объ уничтоженіи права старшинства, герцогъ бросился въ объятія своихъ братьевъ: „благодѣтельный законъ“, сказалъ принцъ, „онъ позволяетъ братьямъ любить другъ друга безъ зависти. Впрочемъ этотъ законъ предписываетъ мнѣ только то, что моимъ сердцемъ уже раньше признано. Вы всѣ знали это, природа уже давно установила между нами этотъ законъ.“ Къ счастью, война увлекла герцога въ лагерь, гдѣ вся кровь, пролитая революціею, осталась чистою. Отецъ герцога просилъ, чтобы юноша служилъ подъ начальствомъ его друга, генерала Бирона. Принцъ отличился своею твердостью въ первыхъ военныхъ рекогносцировкахъ полу-кампаніи Люкнера въ Бельгіи. Назначенный бригаднымъ генераломъ 23 лѣтъ отъ роду, по праву старшинства, въ арміи, гдѣ старые полковники почти всѣ эмигрировали, принцъ послѣдовалъ за Люкнеромъ въ Мецъ. Призванный Серваномъ къ начальству надъ Страсбургомъ, онъ отвѣчалъ: „я слишкомъ молодъ, чтобы запереться въ крѣпости. Прошу оставленія въ дѣйствующей арміи“. Преемникъ Люкнера, Келлерманъ, предвидя значеніе молодого человѣка, ввѣрилъ ему бригаду изъ 12 батальоновъ пѣхоты и 12 эскадроновъ кавалеріи.

13.

Герцогъ Шартреткій поставилъ себя со старыми солдатами, какъ принцъ, съ новыми — какъ патріотъ, со всѣми вообще — какъ товарищъ. Неустрашимость герцога была чисто разсудочною. Она не увлекала его, онъ руководилъ ею. Она ему оставляла ясность взгляда и хладнокровіе команды. Онъ шелъ въ огонь, не сбѣша и не замедля шагъ. Пылъ герцога происходилъ не изъ порыва, но изъ воли. Послѣдняя у него была обдуманною, какъ расчетъ, и серьезною, какъ обязанность. Герцогъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, держалъ себя съ достоинствомъ. Высокій лобъ, голубые глаза, овальное лицо,

придававшее величественность, но нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, толстый подбородокъ—напоминали въ немъ Бурбона и наводили на мысль о тронѣ. Обходительность, почтительность къ старшимъ, скромные манеры, ротъ съ немного отвисшими углами, хитрый взглядъ, ласковая улыбка, граціозныя движенія, легкость слова,—напоминали, что герцогъ—сынъ угодника толпы и наводили на мысль о народѣ. Фамильярность герцога,—военная съ офицерами, солдатская съ солдатами, патріотическая съ гражданами, заставляла прощать его санъ. Но, подъ наружностью солдата, вышедшаго изъ народа, въ глубинѣ взгляда герцога виднѣлась какая-то задняя мысль, которая показывала въ немъ принца крови. Онъ отдавался всѣмъ событіямъ революціи съ полнымъ, но ловкимъ увлеченіемъ сложившагося ума. Можно бы сказать, что онъ заранѣе зналъ, какъ обстоятельства ломаютъ тѣхъ, кто имъ противится, зналъ также, что революціи, подобно волнамъ, часто возвращаютъ людей туда, откуда взяли. Хорошо выполнять то, что указывали обстоятельства, полагаясь въ остальномъ на будущее и на свой санъ,—вотъ въ чемъ заключалась вся политика герцога. Макиавель не могъ бы лучше придумать путь, чѣмъ это сдѣлала сама натура молодого человѣка. Звѣзда герцога всегда освѣщала только на нѣсколько шаговъ предъ нимъ. Онъ не требовалъ отъ нея ни больше свѣта, ни больше блеска. Честолюбіе герцога ограничивалось умѣньемъ ждать. Его провидѣніемъ было время: принцу суждено было исчезнуть среди великихъ потрясеній отечества, пережить кризисы, провести утомленные уже партіи, удовлетворить и замирить революціи. При всей отвагѣ герцога, при его возвышенномъ энтузіазмѣ къ отечеству, — люди съ божьей видѣли въ перспективѣ тронъ, воздвигнутый на развалинахъ республики и ея же руками. Это предчувствіе, обыкновенно предшествующее высокой судьбѣ и великому имени, казалось, издавѣка уже открывало арміи, что изъ всѣхъ людей, какіе волновались тогда среди революціи, этотъ могъ быть въ послѣдствіи самымъ полезнымъ или самымъ роковымъ человѣкомъ для свободы.

Дюмурье, который видѣлъ молодого герцога Шартрекаго въ арміи Люкнера и внимательно наблюдалъ за нимъ при этомъ случаѣ, былъ пораженъ его хладнокровіемъ и прозорливостью въ дѣйствіи, понималъ присутствіе силы въ этомъ юношѣ и рѣшился привязать его къ себѣ.

14.

Пруссакіи покрывали гребни высотъ „la Lune“ и начинали спускаться съ нихъ въ боевомъ порядкѣ. Старые солдаты великаго Фридриха, медленные и разбѣренные въ движеніяхъ, не выказывали никакой стремительности и не предоставляли ничего случаю. Ихъ батальоны шли какъ бы вылитые изъ одного куска и видѣлись въ геометрическихъ линіяхъ и прямыхъ углахъ, точно бастионы. Казалось, они колебались подступить близко къ непріятелю, котораго вдвое превосходили числомъ и тактикою, но дерзости или отчаянія котораго все-таки боялись.

Съ своей стороны, французы не безъ нѣкотораго волненія смотрѣли на эту громадную, до тѣхъ поръ непобѣдимую армію, которая безмолвно выдвигала колоннами свою первую линію и развертывала оба крыла, чтобы грянуть на центръ французовъ и отрѣзать имъ всякое отступленіе какъ къ Шалону,

такъ и къ Дюмуре. Солдаты оставались неподвижными въ своихъ позиціяхъ, боясь невѣрнымъ движеніемъ обнажить узкое поле сраженія, гдѣ они могли защищаться, но гдѣ маневрировать не смѣли. Спустившись по косогору съ холма „la Lune“, пруссаки остановились. Роты ихъ саперовъ выровняли мѣстность въ широкія платформы, а артиллерія, выйдя чрезъ батальоны, которые разступились, понесла въ галопъ передъ фронтъ колонны 48 орудій, раздѣленныхъ на четыре батареи, — три изъ пушекъ и одну изъ гаубицъ. Другая батарея такой же силы, взявшая во флангъ французскіе ряды, оставалась еще скрытою подъ туманомъ, направо отъ пруссаковъ, и сотрясеніемъ своихъ залповъ не замедлила разорвать одѣвавшій ее туманъ. Огонь начался разомъ и съ фронта и съ фланга.

При этомъ огнѣ, артиллерія Келлермана двигается и занимаетъ мѣсто впереди пѣхоты. Больше 20,000 ядеръ, разбѣженныхъ въ теченіе двухъ часовъ 120 артиллерійскими орудіями, взрываютъ землю двухъ противоположныхъ холмовъ, какъ будто бы обѣ артиллеріи хотѣли сдѣлать брешь въ горахъ. Густой дымъ отъ пороха и пыль, поднимающаяся отъ столкновенія ядеръ, которыя крошили землю, — разстилались по бокамъ двухъ холмовъ и, загоняясь вѣтромъ въ ущелье, мѣшали артиллеристамъ вѣрно цѣлиться и часто сбивали выстрѣлы. Сражались какъ бы изъ глубины двухъ облаковъ и стрѣляли больше по слуху, чѣмъ по глазомѣру. Пруссакъ, болѣе открытые, чѣмъ французы, падали въ большемъ числѣ около пушекъ. Огонь ихъ затихалъ. Келлерманъ, сторожившій за малѣйшимъ признакомъ колебанія непріятеля, замѣчаетъ нѣкоторое смятеніе въ его движеніяхъ. Онъ устремляется верхомъ во главѣ колонны, чтобы овладѣть пушками. Новая батарея, замаскированная неровностью почвы, разражается передъ фронтомъ колонны. Лошадь Келлермана, грудь которой разорвана выстрѣломъ гаубицы, опрокидывается подъ нимъ и издыхаетъ. Адъютантъ его, полковникъ Лормье, пораженъ на смерть. Голова колонны, громимая разомъ съ трехъ сторонъ, падаетъ, колеблется, отступаетъ въ безпорядкѣ. Келлерманъ, освободившійся изъ-подъ лошади и увлеченный своими солдатами, возвращается взять себѣ другую лошадь. Пруссакъ, замѣтившіе паденіе генерала и отступленіе его войска, удваиваютъ огонь. Дождь гранатъ, вѣрнѣе направленныхъ, громитъ артиллерійскій паркъ французовъ. Двѣ фуры разбиваются среди рядовъ. Бомбы, оси телѣжъ, лошадиные члены, разбрасываясь по всѣмъ направленіямъ, уносятъ цѣлые ряды французскихъ солдатъ; возики телѣжекъ, удаляясь въ галопъ отъ мѣста взрыва, со своими фурами, распространяютъ смятеніе и сообщаютъ стремленіе къ бѣгству батальонамъ первой линіи. Артиллерія, лишенная своихъ запасовъ, слабѣетъ и прекращаетъ огонь.

Герцогъ Шартрскій, который самъ около трехъ часовъ, съ ружьемъ въ рукѣ, выдерживалъ градъ ядеръ и картечи прусской артиллеріи на самомъ рѣшительномъ постѣ, у мельницы Вальми, замѣчаетъ опасное положеніе своего начальника. Онъ во всю прыть устремляется къ второму ряду солдатъ, увлекаетъ резервъ конной артиллеріи, направляетъ ее въ галопъ къ мельничной площадкѣ, прикрываетъ безпорядокъ центра, собираетъ фуры, возвращаетъ ихъ артиллеристамъ, поддерживаетъ огонь, изумляетъ непріятеля и останавливаетъ его порывъ.

Но герцогъ Брауншвейгскій не хочетъ давать французамъ времени укрѣпиться. Онъ формируетъ три колонны для атаки, поддерживаемыя двумя флангами. Эти колонны подвигаются, несмотря на огонь французскихъ батарей, и готовы поглотить своею массою мельницу Вальми, гдѣ герцогъ Шартрскій ихъ ожидаетъ, не колеблясь. Келлерманъ, который только что возстановилъ порядокъ въ своихъ рядахъ, формируетъ свою армію въ колонны по батальонамъ, сходить съ лошади, бросаетъ ее узду вѣстовому, велитъ отвести животное за ряды, показывая солдатамъ этимъ отчаяннымъ поступкомъ, что ему нѣтъ выбора между побѣдою и смертью. Армія понимаетъ генерала. „Товарищи“, восклицаетъ Келлерманъ голосомъ, трепещущимъ отъ энтузіазма, стараясь говорить съ разстановкою, чтобы слова его долетали дальше въ ряды солдатъ, — „вотъ удобная минута для побѣды. Подпустимъ непріятеля, не дѣлая ни одного выстрѣла, и ударимъ въ тыки!“ Сказавъ эти слова, онъ поднимаетъ свою шляпу, украшенную трехцвѣтнымъ султаномъ, и размахиваетъ ею, надѣвъ ее на остріе сабли. „Да здравствуетъ нація!“ кричитъ онъ еще болѣе громкимъ голосомъ, „побѣдимъ для нея!“

Это восклицаніе генерала, переходя изъ устъ въ уста, начиная отъ ближайшихъ батальоновъ, обходитъ по всей линіи; повторяемое тѣми, которые произнесли его первые, — усиленное другими, только что присоединившимися къ общему крику, оно образуетъ необъятный возгласъ, подобный голосу отечества, которое само одушевляетъ своихъ первыхъ защитниковъ. Это восклицаніе цѣлой арміи, продолжающееся больше четверти часа и разносимое перекатами отъ одного холма къ другому, въ промежутки между громомъ пушекъ, успокоиваетъ армію ея собственнымъ голосомъ и заставляетъ задуматься герцога Брауншвейгскаго. У подобныхъ людей должны быть страшныя руки. Французскіе солдаты, добровольно подражая знаменательному движенію своего генерала, поднимаютъ свои шляпы и каски на концахъ своихъ штыковъ и машутъ ими въ воздухѣ, какъ бы привѣтствуя побѣду. „Она наша!“ говоритъ Келлерманъ и устремляется бѣглымъ шагомъ навстрѣчу прусскимъ колоннамъ, распорядившись удвоить залпы артиллеріи. При видѣ этой арміи, которая какъ бы сама собою колыхнулась впередъ, подъ картечью 80 орудій, — прусскія колонны колеблются, останавливаются, приходятъ на минуту въ безпорядокъ. Келлерманъ все наступаетъ. Герцогъ Шартрскій, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, несетъ со своей кавалеріей вслѣдъ за пушками. Герцогъ Брауншвейгскій, съ дальновидностью стараго солдата и съ тою экономіею крови, которая характеризуетъ истинныхъ полководцевъ, тотчасъ видитъ, что его атака должна осѣчься предъ подобнымъ энтузіазмомъ. Онъ хладнокровно формируетъ передніе ряды своихъ колоннъ, велитъ трубить отбой и медленно, не будучи преслѣдуемъ, занимаетъ свои прежнія позиціи.

15.

Батареи умолкли съ той и съ другой стороны. Между двумя арміями опять установилось свободное пространство. Битва, какъ бы по безмолвному соглашенію, была прервана до четырехъ часовъ вечера. Въ это время король прусскій, въ негодованіи на колебаніе и безсиліе своей арміи, образовалъ

самъ, изъ отборныхъ частей пѣхоты и кавалеріи, три страшныя колонны для атаки и, пробѣжая верхомъ вдоль фронта своихъ солдатъ, горько упрекали ихъ за посрамленіе знамени монархіи. Колонны двигаются по голосу своего государя. Король, окруженный герцогомъ Брауншвейгскимъ и главными генералами, идетъ самъ въ первыхъ рядахъ, открыто подвергаясь огню французовъ, который сильно разбѣдилъ штабъ короля. Неустрашимый, какъ истинный потомокъ Фридриха, онъ командовалъ войскомъ, какъ король, ревнивый къ чести своей націи, и подвергался опасности, какъ солдатъ, который считаетъ свою жизнь за ничто, въ виду побѣды. Все было бесполезно. Прусскія колонны, подавленные, прежде достиженія высотъ Вальми, 24 артиллерійскими орудіями, составившими батарею на вершинѣ мельницы, отступили при наступленіи ночи, оставляя на своей дорогѣ только борозды французскихъ ядеръ, кровавый слѣдъ и 800 труповъ. Келлерманъ провелъ ночь на Вальмійскомъ плато, среди раненыхъ и убитыхъ, съ полнымъ основаніемъ считая эту десятичасовую канонаду побѣдою. Онъ въ первый разъ далъ услышать арміи военный гулъ и испыталъ французскій патріотизмъ въ огнѣ 120 пушекъ. Численность и расположение войскъ не позволяли большаго. Не быть побѣжденною, для французской арміи значило побѣдить. Келлерманъ такъ живо чувствовалъ это, что впослѣдствіи хотѣлъ соединить свое имя съ именемъ Вальми и, послѣ долгой жизни и блестящихъ побѣдъ, отказалъ въ завѣщаніи свое сердце деревнѣ этого имени, желая, чтобы самая благородная часть его самого покоилась на аренѣ самой дорогой славы генерала, подлѣ товарищей его перваго сраженія.

Пока французская армія сражалась и торжествовала при Вальми, конвентъ, какъ мы видѣли, устанавливалъ въ Парижѣ республику. Курьеръ, который везъ въ армію извѣстіе о провозглашеніи республики, и другой курьеръ, который везъ въ Парижъ извѣстіе о неудачѣ союзниковъ, встрѣтились въ окрестностяхъ Шалона. Такимъ образомъ, побѣда и свобода встрѣтились, какъ бы предсказывая Франціи, что счастье останется ей вѣрнымъ, пока она сама будетъ вѣрна дѣлу народа и принципамъ революціи.

16.

Дюмуре вернулся въ свой лагерь при гулѣ послѣднихъ пушечныхъ выстрѣловъ Келлермана. Поздравляя себя съ успѣхомъ дня, который укрѣплялъ духъ арміи и дѣлалъ первое столкновеніе отечества съ врагами роковымъ для послѣднихъ. Дюмуре былъ слишкомъ дальновиденъ, чтобы не замѣтить ошибки Келлермана и смѣлости его позиціи. Герцогъ Брауншвейгскій былъ и на слѣдующій день тѣмъ же, чѣмъ наканунѣ, а кромѣ того—растянулъ свое правое крыло по другую сторону Жизокура и отрѣзывалъ дорогу въ Шалонъ. Французская армія, хотя и побѣдоносная, была, такимъ образомъ, заключена въ своихъ позиціяхъ. Ей не оставалось другого свободного сообщенія съ Парижемъ, кромѣ непрямой дороги чрезъ Витри. Второй день могъ повести пруссаковъ на Келлермана, и они уничтожили бы его слишкомъ выдающійся корпусъ. Дюмуре рано утромъ 21 числа отправился въ лагерь своего товарища и приказалъ ему перейти рѣку Овъ, отступивъ въ Дампьерскій лагерь, который и прежде былъ ему назначенъ. Эта позиція, менѣе блестящая, но болѣе

надежная, возвращала французской арміи внутреннюю связь и прочность. Келлерманъ понялъ это и повиновался безъ ропота. Никакая атака пруссаковъ не была возможна противъ 50,000 человекъ, прикрытыхъ бастионами и природными рвами и подкрѣпляемыхъ многочисленной артиллеріей. Одно только время должно было съ этихъ поръ стать за или противъ той или другой арміи.

Пруссаки потеряли столько времени, что больше терять имъ уже было нельзя. Дурное время года уже застигало пруссаковъ и одна только зима должна была заставить ихъ отступить. Герцогу Брауншвейгскому предстояло принять только три рѣшенія, но принять ихъ нужно было немедленно: или идти на Парижъ по Шалонской дорогѣ, которою онъ завладѣлъ; или атаковать и побѣдить Дюмуре въ его боевой позиціи; или, наконецъ, перейти обратно Аргонны, занять хорошія зимнія квартиры въ плодородной части завоеванной территоріи, угрожать Франціи въ теченіе шести мѣсяцевъ, утомлять ее безпокойствомъ, а весною возобновить наступательное движеніе.

Герцогъ не избралъ ни одного изъ этихъ трехъ рѣшеній. Онъ потерялъ десять невозвратимыхъ дней, наблюдая за французскою арміею и истощая бесплодную землю, которую занималъ. Пора дождей и лихорадокъ застала его среди этого колебанія. Дожди размыли Аргоннскія дороги, по которымъ ему подвозились припасы изъ Вердена. Солдаты герцога, лишенные убѣжища и съѣстныхъ припасовъ, разбѣгались по полямъ, по фруктовымъ садамъ, по виноградникамъ, чтобы утолить голодъ зеленымъ виноградомъ, который эти жители сѣвера срывали впервые. Ихъ желудокъ, разслабленный отъ дурной пищи, сдѣлался воспримчивъ къ внутреннимъ болѣзнямъ, которые отнимаютъ у солдатъ силу и духъ. Зараза быстро распространилась по лагерю и сильно разрѣжала ряды солдатъ. Дороги были покрыты телѣжками, которые везли больныхъ прусскихъ солдатъ въ госпитали Лонгви и Вердена.

Однакожъ, положеніе Дюмуре не казалось отъ этого болѣе успокоительнымъ для тѣхъ людей, которые не обладали секретомъ его мысли. Запертый со стороны епископствъ принцемъ Гогенлоэ, онъ былъ отрѣзанъ и со стороны Парижа королемъ прусскимъ. Пруссаки были только въ шести миляхъ отъ Шалона, эмигранты—еще ближе. Уланы, легкая кавалерія пруссаковъ, занимались мародерствомъ до самыхъ воротъ Реймса. Между столицею и Шалономъ, ни одной позиціи, ни одной арміи. Парижъ боялся увидѣть себя открытымъ непріятелю. Зловѣщіе слухи, усиленные недоброжелательствомъ и страхомъ, каждую минуту возвѣщали встревоженнымъ парижанамъ о приближеніи короля прусскаго; журналы вопили объ измѣнѣ. Правительство, военный министръ, самъ Дантонъ посылали курьера за курьеромъ къ Дюмуре съ приказаніями высвободить армію во что бы то ни стало и идти на прикрытіе Марны. Келлерманъ, офицеръ неустрашимый, но слишкомъ впечатлительный и ропшущій, поколебленный настроеніемъ Парижа, угрожалъ выйти изъ лагеря и покинуть своего товарища за его упорство. Дюмуре, то оказывая на него вліяніе своимъ авторитетомъ, то увлекая его своимъ талантомъ,—переходилъ отъ угрозъ къ просьбамъ, чтобы удержать Келлермана, и со дня на день, благодаря своему терпѣнію, одерживалъ верхъ. Могучее, но изолированное убѣжденіе одно только могло поддержать Дюмуре противъ всѣхъ. Такъ какъ

Шалонская дорога была перехвачена, то подвозъ запасовъ изъ внутренности страны замедлялся. Солдаты иногда по три дня оставались безъ хлѣба. Генерала осаждали ропотомъ, который Дюмуре обращалъ въ шутку: „Взгляните на пруссаков“, говорилъ онъ, „не больше ли они достойны жалости, чѣмъ вы? Они ѣдятъ издохшихъ лошадей, а у васъ есть мука. Дѣлайте хлѣбныя лепешки, свобода имъ послужить приправою“.

Въ другое время онъ грозилъ отнять мундиръ и оружіе у тѣхъ, которые жаловались, что не имѣютъ хлѣба, и выгнать ихъ изъ лагеря, какъ трусовъ, недостойныхъ выносить лишения за отечество. Восемь батальоновъ федератовъ, недавно прибывшіе изъ Шалонскаго лагеря и еще упоенные мятежемъ и убійствами, были наиболѣе страшны для субординаціи въ лагерѣ. Они громко говорили, что прежніе офицеры—измѣнники, и что нужно очистить армію отъ генераловъ, какъ очистили Парижъ отъ аристократовъ. Дюмуре велѣлъ этимъ батальонамъ расположиться поодоль, поставилъ позади ихъ нѣсколько эскадроновъ, а во флангъ двѣ пушки; потомъ приказалъ имъ встать въ боевой порядокъ, подъ предлогомъ смотра, и прибылъ къ ихъ линіи, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ и сопровождаемый конвоемъ изъ сотни гусаръ. „Эй, вы“, сказалъ онъ имъ, „я не хочу называть васъ ни гражданами, ни солдатами, видите передъ собою эту артиллерію, позади себя эту кавалерію? Вы опозорены преступленіями. Я не терплю здѣсь ни убійцъ, ни палачей. Я знаю, что среди васъ есть злодѣи, которымъ поручено склонять васъ къ преступленію. Изгоните ихъ сами или укажите мнѣ. Я возлагаю на васъ отвѣтственность за ихъ поведеніе“. Батальоны трепетали и послѣ этого усвоили себѣ настроеніе всей арміи.

Старинная честь соединялась въ лагерѣ съ патриотизмомъ. Дюмуре поддерживалъ ее между своими войсками. Фамиліарный со своими солдатами, онъ проводилъ ночи у ихъ огней, ѣлъ и пилъ съ солдатами, объяснялъ имъ свою позицію, позицію пруссаковъ, предсказывалъ близкое пораженіе непріятелей и внушалъ человѣку за человѣкомъ довѣріе и терпѣніе, въ которыхъ нуждался, чтобы спасти всѣхъ. Каждый вечеръ приносилъ ему изъ Парижа угрозу смѣщенія. Онъ отвѣчалъ министрамъ вызовомъ: „Я буду держать свою отставку въ секретѣ“, писалъ онъ, „до того дня, когда увижу бѣгство непріятелей. Тогда я ее покажу моимъ солдатамъ и явлюсь въ Парижъ принять наказаніе за то, что спасъ отечество вопреки его волѣ“.

17.

Три комиссара конвента,—Сильери, Карра и Пріеръ прибыли 24-го сентября въ лагерь, чтобы заставить признать тамъ республику. Дюмуре не поколебался. Хотя онъ былъ монархистомъ, но чутче ему подсказывало, что вопросъ минуты заключается не въ правительствѣ, а въ отечествѣ. Притомъ, Дюмуре обладалъ честолюбіемъ, громаднымъ, какъ гений, безпредѣльнымъ, какъ будущее. Республика, волнуемая внутри, угрожаемая извнѣ, не могла быть непріятною побѣдоносному солдату, стоявшему во главѣ арміи, которая его обожала. Съ уничтоженіемъ королевскаго сана, самымъ высшимъ лицомъ для націи становился ея генералиссимусъ. Комиссары имѣли также порученіе

отвести армию за Марну. Дюмуре попросил у них шесть дней отсрочки. Онъ получилъ ее. На седьмой день, при восходѣ солнца, французскіе ведеты увидѣли, что холмы лагера „la Ligne“ обнажились и опустѣли, а колонны герцога Брауншвейгскаго медленно потянулись между буграми Шампани по направлению къ Гранире. Судьба оправдала настойчивость. Геній утомилъ численность. Дюмуре торжествовалъ. Франція была спасена.

При этомъ извѣстіи, на всѣхъ постахъ французской арміи раздался общій крикъ „да здравствуетъ нація!“ Комиссары, генералы, Бернонвилль, Миранда, самъ Келлерманъ,—бросились въ объятія Дюмуре и признали превосходство его взглядовъ и всемогущество его воли. Солдаты провозглашали его Фабіемъ отечества. Но это прозваніе, принятое Дюмуре на время, худо отвѣчало пылкости его натуры: онъ мечталъ уже занять въ дѣлахъ внѣшнихъ роль Аннибала, болѣе сообразную съ его дѣятельнымъ характеромъ и съ настойчивостью его генія. Роль Цезаря впоследствии могла его также соблазнять въ дѣлахъ внутреннихъ. Этимъ честолюбіемъ Дюмуре только и объясняется безнаказанное отступленіе пруссаковъ чрезъ непріятельскую страну, чрезъ дефилеи, которые легко было обратить въ Кавдинское ущелье, и подъ пушками 50,000 французовъ, передъ которыми сократившаяся по численности и упавшая духомъ армія герцога Брауншвейгскаго должна была совершить фланговое движеніе.